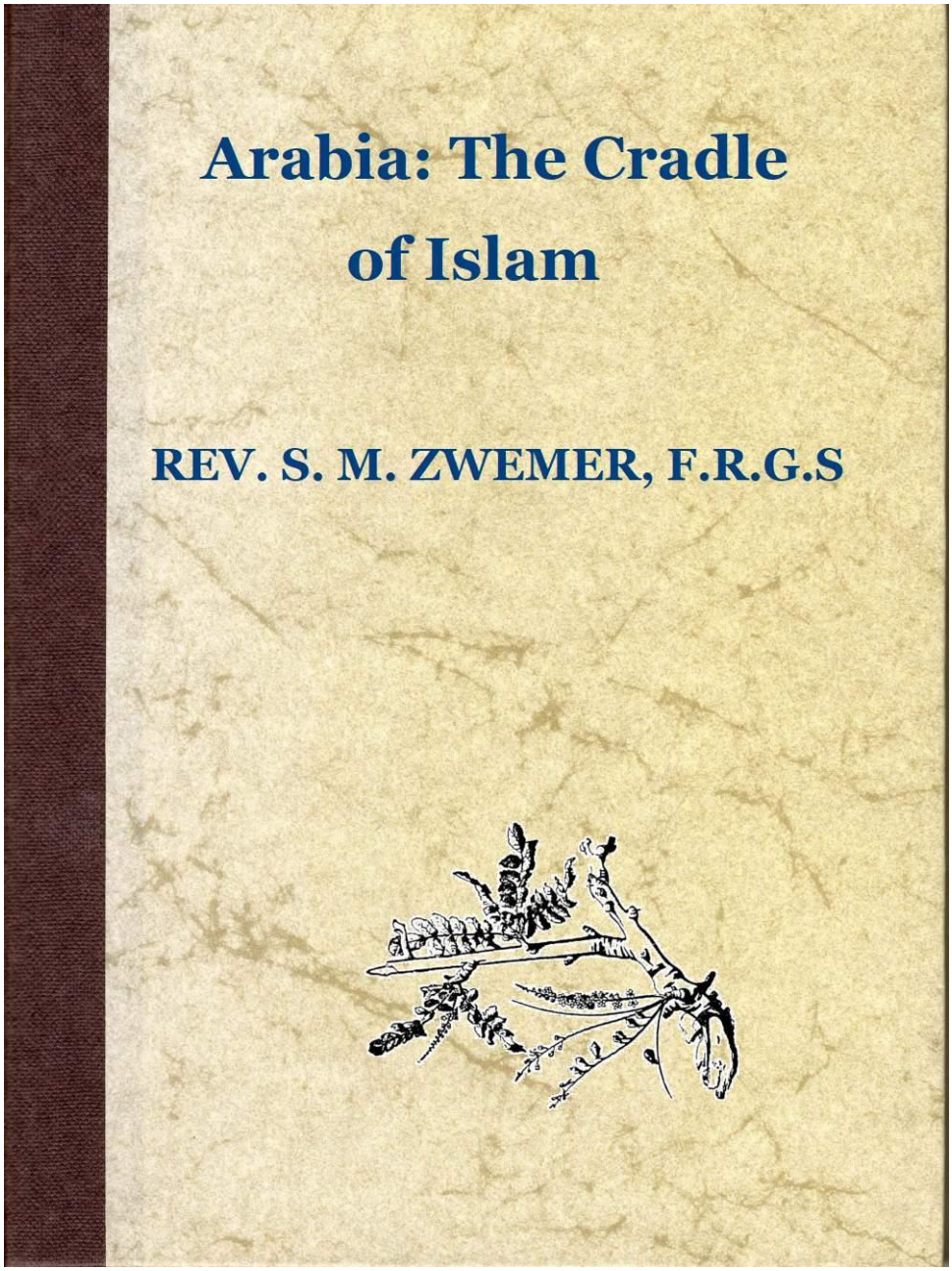
Аравия: колыбель ислама. Исследования по географии, населению и политике полуострова с описанием ислама и миссионерской деятельности

Сэмюэл Маринус Звемер



Электронная книга проекта «Гутенберг» Аравия: колыбель ислама

Эта электронная книга предназначена для бесплатного использования в любой точке США и большинства других стран мира практически без каких-либо ограничений. Вы можете копировать, передавать или повторно использовать ее в соответствии с условиями лицензии проекта «Гутенберг», прилагаемой к этой электронной книге или доступной онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы не проживаете в США, перед использованием этой электронной книги вам необходимо ознакомиться с законодательством страны, в которой вы проживаете.

Название: Аравия: колыбель ислама

Автор: Сэмюэл Маринус Звемер

Автор введения и т. д.: Джеймс С. Деннис

Дата выпуска: 1 декабря 2020 г. [электронная книга № 63928]
Последнее обновление: 18 октября 2024 г.

Язык: английский

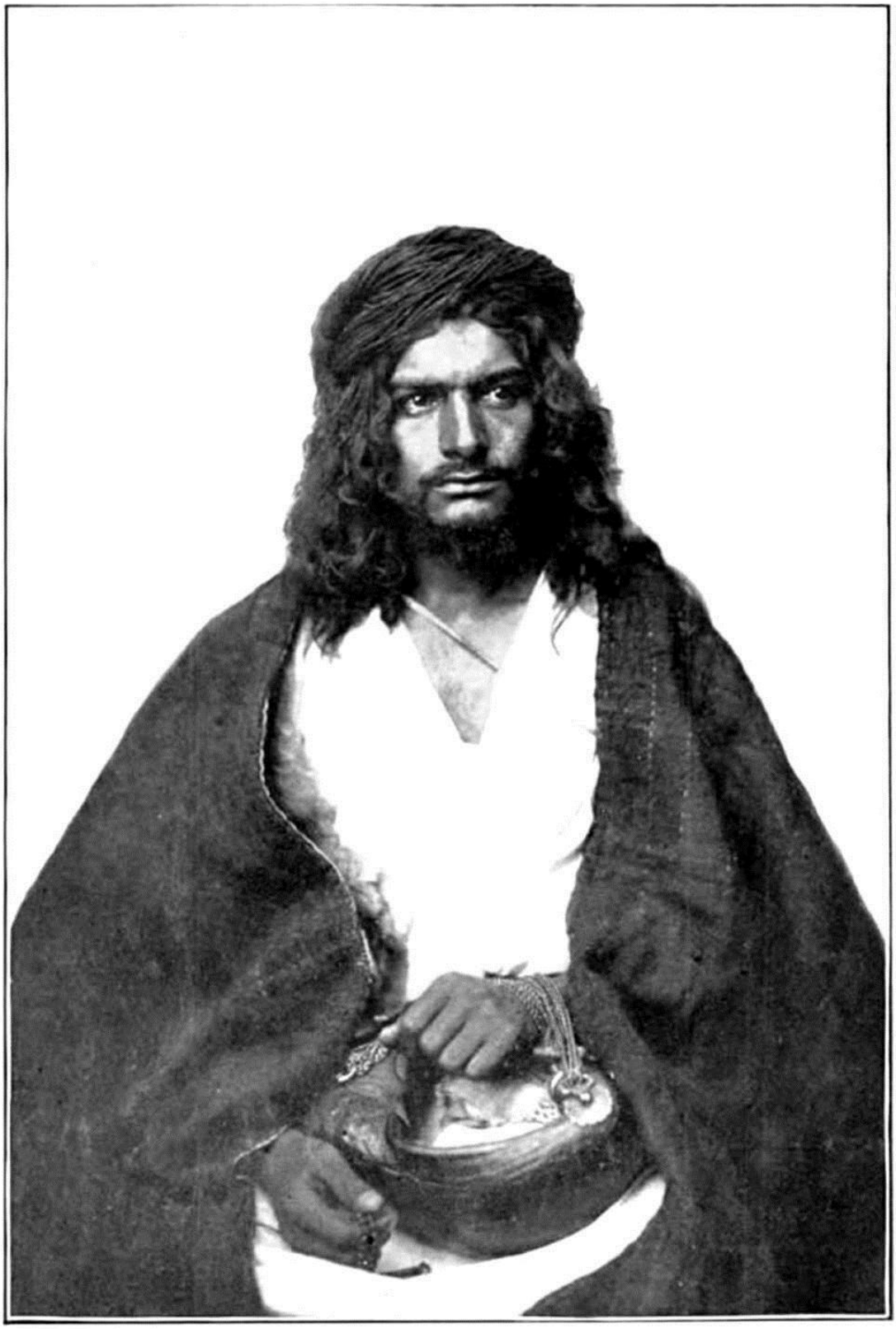
Благодарности: Произведено Майклом Цесильски, Лесом Галлоуэем и командой онлайн-корректоров https://www.pgdp.net (Этот файл был создан на основе изображений, любезно предоставленных The Internet Archive)

*** НАЧАЛО ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ПРОЕКТА ГУТЕНБЕРГ «АРАВИЯ: КОЛЫБЕЛЬ ИСЛАМА» ***

Примечания транскрибатора

Очевидные типографские ошибки были исправлены без указания. Вариации в переносах и ударениях были стандартизированы, но все остальные орфография и пунктуация остались без изменений.

Структура некоторых таблиц была изменена для улучшения читаемости в пределах ширины страницы.



ТИПИЧНЫЙ АРАБ ИЗ ЙЕМЕНА

Аравия: колыбель ислама

Исследования по географии, населению и политике полуострова с описанием ислама и миссионерской деятельности.

РЕВ. С. М. ЗВЕМЕР, Ф.Р.Г.С.

ВСТУПЛЕНИЕ РЕВ. ДЖЕЙМСА С. ДЕННИСА, Д.Д.

ЭДИНБУРГ И ЛОНДОН
Олифант Андерсон и Феррье
1900

Напечатано
THE CAXTON PRESS
171-173 Макдугал-стрит
Нью-Йорк, США

ПОСВЯЩАЕТСЯ

ПОСВЯЩАЕТСЯ «Студенческим волонтерам» Америки В ПАМЯТЬ О ДВУХ АМЕРИКАНСКИХ ВОЛОНТЕРАХ, ПОЖЕРТВОВАВШИХ СВОИМИ ЖИЗНЯМИ ЗА АРАВИЮ

ПИТЕРА ДЖ. ЗВЕМЕРА И ДЖОРДЖА Э. СТОУНА

И Иисус сказал ему: «Сегодня спасение пришло в этот дом, ибо и он сын Авраамов. Ибо Сын Человеческий пришел взыскать и спасти погибшее» (Лука, 19:9–10).

Вступительная заметка

Автор этой поучительной книги является прямым последователем пионеров миссионерского движения в мусульманском мире. Он следует за Раймондом Луллем, Генри Мартином, Ионом Китом-Фалконером и епископом Френчем и вместе со своим другом и товарищем, преподобным Джеймсом Кантином, сейчас стоит в блестящем ряду преемников, завершив десятилетие терпеливого и мужественного служения на этом одиноком форпосте на берегу Персидского залива. Другие последовали их стопам, , и в настоящее время Аравийская

миссия, приемная дочь Реформатской церкви в Америке, представляет собой сплоченную и решительную группу мужчин и женщин у ворот Аравии, ожидающих воли Божьей и нацеленных прежде всего на выполнение в духе послушания Учителю возложенного на них долга.

Эти десять лет тихого, неуклонного служения были полны молитв, наблюдений, изучения и тоскливого обзора великой задачи, в то же время была использована каждая возможность, чтобы закрепиться, установить стандарт, преодолеть предрассудки, посеять семя и завоевать душу. Плоды этих разумных и добросовестных усилий по пониманию ситуации и планированию кампании представлены нам в этом ценном исследовании «Аравия, колыбель ислама». Это миссионерский вклад в наше знание о мире. Автор полностью знаком с литературой по своей теме. Он владеет английским, немецким, французским и голландским языками. Менее доступные арабские авторы легко доступны для него, и он привносит в свое ясное, прямолинейное повествование местный колорит и аромат из этих таинственных садов специй, а также неоспоримые свидетельства оригинальных средневековых источников. Этнологическая, географическая, археологическая, коммерческая и политическая информация, содержащаяся в описательных главах, дает нам ценное и удобочитаемое резюме фактов в очень полезной форме, которое, несомненно, пробудит интеллектуальный интерес к одной из величайших религиозных и международных проблем нашего времени.

Его исследование ислама проводится с миссионерской точки зрения, но это не обязательно означает, что оно несправедливо, не соответствует исторической действительности или лишено научной проницательности. Чисто научное и академическое изучение этнической религии — это один из способов подхода к ней. Таким образом, ее можно классифицировать, маркировать и поместить на полку в историческом музее мировых религий, и результат будет иметь ценность, которую никто не будет оспаривать. Однако это не единственный и даже не самый полезный способ изучения, оценки и вынесения окончательного суждения о религиозной системе. Такое исследование должно быть сравнительным, оно должно иметь некий стандарт ценности; оно не должно отбрасывать признанные критерии совершенства; оно должно использовать определенные меры способностей и силы; оно должно проводиться в свете практической этики и быть в гармонии с великими фундаментальными законами религиозного опыта и духовного прогресса, которые до сих пор контролировали процессы возрождения человеческого развития.

Миссионер, формируя свое окончательное суждение, неизбежно сравнивает религию, которую он изучает, с религией, которую он проповедует. Ему не нужно делать это в духе недоброжелательности, горечи или оскорблений. Напротив, он может делать это с высшим желанием раскрыть заблуждение и прояснить истину, данную ему Великим Учителем. Он может с великодушием и сочувствием учитывать влияние местной среды, он может с историческим духом проследить естественную эволюцию религиозной системы, он может отдать должное каждому достойному элементу и каждой приятной характеристике в ней, он может с уважением относиться к ее символам, а также с милосердием и вниманием к лидерам и наставникам, которых почитает народ; но его собственное суждение может оставаться непреклонным, его собственная верность непоколебимой, и он может считать своим долгом изложить в простой, прямой и энергичной прозе свой необратимый вердикт о том, что христианство является истинным, а ислам, буддизм и индуизм — нет.

Он стоит на своем; он не боится этой проблемы. Его Учитель — единственный верховный и непогрешимый судья, который может вынести безошибочный вердикт относительно истинности любой религии. Он осмелился свидетельствовать об истине, которой научил его

его Учитель. Пусть никто не ставит под сомнение ценность его вклада в сравнительное изучение религий.

Дух, в котором наш автор пишет об исламе, отличается справедливостью, трезвостью и разборчивостью, и все же нет никаких сомнений в вердикте того, кто говорит с авторитетом, основанным на исключительных возможностях наблюдения, тщательном изучении литературных источников и моральных результатов, а также несомненной честности намерений.

Не будет лишним отметить искреннее и открытое удовлетворение, с которым автор относится к расширению британской власти на протяжении всего аравийского побережья. Его восхищение и восторг могут полностью понять только те, кто жил на Востоке и испытал на себе гнет мусульманского правления и его полную безнадежность как инструмента прогресса.

Дайте этой книге возможность проявить себя, и она расширит наш кругозор, обогатит наши знания и углубит наш интерес к темам, которые никогда не утратят своего значения для вдумчивых людей.

Джеймс С. Деннис.

Предисловие

Есть признаки того, что Аравия не всегда будет пребывать в своем долгом патриархальном сне и что у арабов есть будущее. Политика, цивилизация и миссии начали затрагивать окраины полуострова, и, похоже, что вскоре появится еще одна земля — или, по крайней мере, ее часть — которая добавится к «бремени белого человека». История творится в Персидском заливе, и Йемен не будет вечно оставаться заманчивой добычей, нетронутой. Духовным бременем Аравии является мусульманская религия, и именно в ее колыбели мы можем лучше всего увидеть плоды ислама. Мы постарались проследить духовную и физическую географию Аравии, показав, как ислам вырос из более раннего иудаизма, сабеизма и христианства.

Цель этой книги — привлечь внимание к Аравии и необходимости миссионерской работы среди арабов. Литературы об Аравии, арабах и исламе не мало, но большинство книг об Аравии устарели или недоступны для обычного читателя; некоторые из лучших книг уже не издаются. Единственное современное произведение на английском языке, дающее общее представление о всем полуострове, — это несколько юношеская книга Байарда Тейлора «*Путешествия по Аравии*». На немецком языке есть научный сборник Альбрехта Цема «*Arabie und die Araber, seit hundert* jahren», который в целом точен, но довольно скучен для чтения и не содержит ни иллюстраций, ни карт. С миссионерской точки зрения нет книг об Аравии, кроме биографий Кита-Фалконера, епископа Френча и Камиля Абдул-Мессии.

Этот факт, а также друзья автора побудили их совместно обратиться с просьбой о написании книги об этом «забытом полуострове», его народе, религии и миссиях. Мы писали с миссионерской точки зрения , поэтому книга имеет определенные особенности, предназначенные специально для тех, кто интересуется миссионерской деятельностью. Но

эта деятельность занимает сейчас настолько важное место в современном мышлении, что ни один студент, изучающий светскую историю, не может позволить себе оставаться в неведении о ее движениях.

Некоторые главы в значительной степени основаны на книгах других путешественников, но если кто-то возражает против использования кавычек, мы хотели бы напомнить, что в произведениях Эмерсона, по некоторым данным, содержится три тысячи триста девяносто три цитаты от восьмисот шестидесяти восьми человек! Материал для книги был собран за девять лет проживания в Аравии. В основном он был приведен в нынешний вид в Бахрейне летом 1899 года, в условиях многочисленных внешних обязанностей и отвлекающих факторов.

Я хотел бы выразить особую благодарность г-ну У. А. Бьюкенену из Лондона, который выступил с инициативой подготовки этого тома, а также моему другу г-ну Д. Л. Пирсону, который великодушно взял на себя весь надзор за его публикацией.

Система написания арабских имен в тексте в целом соответствует системе Королевского географического общества. Вкратце, эта система состоит из трех правил: (1) слова, которые стали привычными в результате длительного использования, остаются без изменений; (2) гласные произносятся как в итальянском языке, а согласные — как в английском; (3) лишние буквы не пишутся, а все написанные буквы произносятся.

Мы отправляем эти главы по назначению и надеемся, что особенно последние из них тронут сердца студентов-добровольцев, отправляющихся в зарубежные миссии, которым они посвящены; мы также молимся о том, чтобы число тех, кто любит арабов и трудится для их просвещения и искупления, увеличилось.

С. М. Звемер.

Бахрейн, Аравия.

Содержание

СТРАНИЦА

I

Забытый полуостров 17

Аравия — центр мусульманского мира — Ее границы — Побережье — Физические характеристики — Климат — Водоснабжение — Геология — Вади — Горы — Пустыни.

II

Географическое деление Аравии 25

Природные районы — Провинции — Политическая география — Важная флора и фауна — Население.

III

Святая земля Аравии — Мекка 30

Ее границы — Священность — Европейские путешественники — Джидда — Ее бомбардировка — Паломничество — Мекка — Ее расположение — Водоснабжение — Губернатор — Кааба — Черный камень — Земзем — Обязанность паломничества — Паломники — День жертвоприношения — Сертификат — Характер мекканцев — Временные браки — Суеверия — Мишкаш — Школы Мекки — Учебный курс.

IV

Святая земля Аравии — Медина 45

Таиф — Языческие идолы — Дорога в Медину — Святость Медины — Мечеть пророка — Был ли Мухаммед похоронен там? — пять могил — Молитва за Фатиму — Жизнь за счет паломников — Характер людей — Янбо — Значение Мекки для ислама.

V

Аден и путешествие по внутренним районам 53

Ворота в Аравию Феликс — Аден — Его древняя история — Укрепления — Резервуары — Подразделения — Население — Путешествие вглубь страны — Вахат — растительность Йемена — Турецкая таможня — шторм в ущелье — Таиз — История книг.

VI

Йемен: Швейцария Аравии 62

Евреи Йемена — Из Таиза в Ибб и Йерим — Красота пейзажей — Климат — Следы Али — Дамар — Сана — Торговля и производство — Рода — От Саны до побережья — Террасы Йемена — Сук-эль-Хамис — Менаха — Баджил — Ходейда.

VII

Неисследованные регионы Хадрамаута 72

Путешествия фон Вреде — Халеви — Путешествия мистера и миссис Бент — Макалла — Торговля ладаном — Замки и дворцы — Шибам — Шер и его правитель — Хадрамаут и Индийский архипелаг.

VIII

Маскат и прибрежные земли Омана 78

Границы — Население — Правительство — Маскат — Жара — Крепости — Город — Сады — Торговля — Побережье Омана — Пиратское побережье — Батина — Сиб, Барка, Сохар — От Маската до Рас-эль-Хада — Сур — Исследование Картера — Племена махра и гара — Ладан.

IX

Страна верблюдов 88

«Мать верблюда» — Значение верблюда для Аравии — Традиции о его создании — Виды — Дромадер — Иллюстрация дизайна — Продукты верблюда — Характеристики — Внутренние районы Омана — Главные власти — Плодородие

— Караванные пути — Путешествие Питера Звемера — Джебель-Ахдар.

X

Жемчужные острова Персидского залива 97

Древняя история Бахрейна — Происхождение названия — Население — Менама — Пресные источники — Жемчужные промыслы — Суеверия, связанные с жемчугом — Стоимость и экспорт — Методы погружения — Лодки — Оборудование — Опасности для водолазов — Перламутр — Другие виды производства — Руины в Али — Климат — Политическая история — Английская защита.

XI

Восточный порог Аравии 110

Провинция Хасса — Катар — Маршрут вглубь страны — Оджейр — Путешествие в Хофхуф — Два проклятия сельского хозяйства — Столица Хассы — План города — Его производство — Любопытные монеты — Правительство Хассы — Катиф — Его нездоровые условия.

XII

Страна рек и финиковые пальмы 119

Колыбель человечества — Границы Месопотамии — Тигр и Евфрат — Луга — Пальмы — Их красота — Плодородие — Полезность — Разновидности фиников — Ценность — Другие продукты — Население — Провинции и округа — Правительство.

XIII

Города и деревни Турецкой Аравии 128

Кувейт — Фао — Абу-Хассиб — Бусра — Речное судоходство — Путешествие — Курна — Гробница Эзры — Амара — Гробница цирюльника — Арка Ктесифона — Багдад в прошлом и настоящем — Население — Торговля — Келексы.

XIV

Путешествие по Евфрату 136

Путешествие в Хилла — Маршрут — Кербела — Вниз по Евфрату — Дивании — Солдат-охранник — Арабы-амфибии — Самава — Я Али, Я Хасан! — Насария — Ур — Конец нашего путешествия — Будущее Месопотамии.

XV

Внутренние районы — известные и неизвестные 143

Что оно включает — Четыре его части — (1) «Пустая четверть» — Незнание этой части Аравии — (2) Неджран — Долина Дауасир и другие вади — Путешествия Халеви — Афладж — Римская экспедиция в Неджран —(3) Неджд — его границы — зефиры Неджда — почва — растительность — животные — страус — лошадь — главные власти этой части Аравии — население Неджда — характер правления — связи с Месопотамией — главные города — Хаил — Риад —(4) Джебель-Шаммар — Бедуинские племена — Разделение — Характер и обычаи — Грабежи — Всеобщая бедность.

XVI

«Время невежества» 158

Почему так называется — Золотой век литературы — Влияние христианства и

иудаизма — Племенное устройство общества — Торговля — Ладан — Иностранные вторжения — Политические волнения — Положение женщин — Убийство девочек — Завеса — Права женщин — Выбор брачного партнера — Полигамия и полиандрия — Два вида брака — Повысил ли ислам положение женщин?—Письменность в «времена невежества» — Поэзия — Мнение Мухаммеда о поэтах — Религии — Сабеизм — Пантеон в Мекке — Джинны — Тотемизм — Татуировки — Имена идолов — Аллах — Упадок идолопоклонства — Ханифы.

XVII

Ислам в колыбели — Бог мусульман 169

Различные точки зрения — Карлайл — Хью Бротон — Заимствованные элементы ислама — Бог ислама — Портрет Палгрейва — Атрибуты Бога — Что Бог не является — Анализ ислама — Заимствованные элементы ислама.

XVIII

Пророк и его книга 179

Пророк ислама — Рождение Мухаммеда — Его окружение — Факторы, которые помогли сформировать его личность — Политический, религиозный и семейный факторы — Хадиджа — Внешность, ум и характер Мухаммеда — Его нарушение закона — Его чувственность — Его убийства — Походы — Мухаммед, каким он стал благодаря традиции — Его слава, благосклонность и власть как посредника — Как мусульмане относятся к Корану— Его характер по мнению доктора Поста, Гете и Нёльдеке — Его названия — Содержание — Происхождение — Рецензия — Его достоинства — Его недостатки — Его упущения.

XIX

Вахабитские правители и реформаторы 191

История прошлого века — Вахабиты — Характер учения — Проповедник и меч — Захват Мекки и Медины — Кербела — Мухаммед Али — Поход в Хиджаз — Гали — Турецкая жестокость — Английская экспедиция — Мир — Династия вахабитов — Абдулла бин Рашид — Возвышение королевства Неджд — Характер правления — Хейл завоевывает Рияд.

XX

Правители Омана 202

Правители Омана — Сейид Саид — Фейсул бин Турки — Повстанцы захватывают Маскат — Арабские войны — Европейская дипломатия.

XXI

История турок в Аравии 206

Хиджаз — шерифы Мекки — Османа-паша — угрозы его убийства — турецкие войска в Асире — потери — завоевание Йемена — турецкое правление — восстания — восстание 1892 года — Багдад, Бусра и Хасса — налоги — турки и бедуины — армия — характер правления.

XXII

Британское влияние в Аравии 218

Британские владения — Аден — Сокотра — Перим — острова Курия-Мурия — Бахрейн — Ее военно-морское превосходство — В Персидском заливе —

Немецкие свидетельства — Исследование побережья — Телеграф и почта — Рабский торговля — Торговля — Британская Индия S. N. Co.—Торговля в Персидском заливе — Рупия — Торговля Адена — Наземная железная дорога — Договоры с племенами — Лига перемирия — Англия в Омане — Аден — Макалла — Метод «защиты» — Британские консулы и агенты.

XXIII

Современная политика в Аравии 233

Хиджаз — Будущее Йемена — Франция в Омане — Россия в Персидском заливе — Долина Тигра и Евфрата — Великое королевство — Провидение Божье в истории.

XXIV

Арабский язык 238

Широкое распространение — его характер — мнение Ренана — семитская семья — их первоначальная родина — две теории — таблица групп — влияние Корана на арабский язык — арабский язык Корана не является чистым — происхождение алфавита — куфический шрифт — каллиграфия как искусство — сложность и красота арабской речи — ее чистота — литература — сложность произношения — грамматика — свидетельство Кита Фалконера.

XXV

Литература арабов 251

Разделение литературы — Семь стихотворений — Коран — Аль-Харири — Ее красота и разнообразие — Арабская поэзия в целом — Влияние арабского и других языков — Влияние английского языка на арабский — Арабская Библия и христианская литература.

XXVI

Араб 258

Происхождение племен — Две теории — Йеменская и маадитская — Караванные пути — Бедуины и горожане — Классификация Кларка — Генеалогии — Названия племен — Характер арабов — Влияние соседей — Их физическое строение — Их аристократия — Нетерпимость — Речь — Клятвы— Грабежи — Привилегия убежища — Щедрость — Кровная месть — Детство — Беседы у камина — Брак среди бедуинов — Положение женщин — Четыре свидетеля — Доути — Буркхардт — Леди Энн Блант — Хургронджe — Пренебрежение к женщинам — Виды жилищ — Палатки и дома — Одежда — Основные продукты питания — Кофе, табак и саранча.

XXVII

Арабские искусства и науки 274

Музыка арабов — Военные песнопения — Музыкальные инструменты — Песни — Касиды в Йемене — Песнопения Мекки — Наука *Атар* и *Васм* — Слежение за верблюдами — Племенные знаки — Медицинские знания арабов — Болезни — Лекарства — Рецепт — Панацея Корана — Доктор медицины из Мекки — Амулеты — Суеверия.

XXVIII

Звездопоклонники Месопотамии 285

Где они живут — Их своеобразная религия — Их язык — Литература —

Молитвенное собрание поклонников звезд — Странные обряды — Догмы — Гностические идеи — Священство — Крещения — Вавилонское происхождение.

XXIX

Раннее христианство в Аравии 300

Пятидесятница — Путешествие Павла — Арабы и римляне — Христианские племена Севера — Мавия — Указ Наамана — Христианство в Йемене — Характер восточного христианства — Коллиридианцы из Арабии ( ) — Феофил — Обращенные Неджрана — Мученики — Абраха, царь Йемена — Поход на Мекку — Поражение — Конец раннего христианства — Записи на скалах.

XXX

Зарождение современных арабских миссий 314

Раймонд Лулль — Генри Мартин — Почему мусульманский мир был заброшен — Проповедь Клавдия Бьюкенена — Сирийские миссии — Доктор Ван Дейк — Его перевод Библии — Генри Мартин, пионер — Его арабский помощник — Посещение Маската — Его арабская версия — Энтони Н. Гроувс — доктор Джон Уилсон из Бомбея — Библейское общество — Открытие дверей — Путешествия генерал-майора Хейга — Открытая Аравия — Доктор и миссис Харпур и С. М. S.— Призыв к молитве — Оккупация Багдада — Нынешняя работа « » — Миссионерские путешествия к евреям — Уильям Летаби в Кераке — Миссия в Северной Африке среди кочевников — Сэмюэл Ван Тассел — Христианский миссионерский альянс — Призыв Маккея из Уганды — Ответ.

XXXI

Ион Кит Фалконер и миссия в Адене 331

Характер Кита Фальконера — Образование — В Кембридже — Миссионерская работа — Его «эксцентричность» — Лейпциг и Ассиут — Как он оказался в Аравии — Его первый визит — Планы по внутренним районам — Его второе путешествие в Аден — Жилище — Болезнь — Смерть — Влияние его жизни — Миссия в Шейх-Османе.

XXXII

Епископ Френч, ветеран-миссионер в Маскате 344

«Самый выдающийся из всех миссионеров Церкви Англии» — Ответ на призыв Маккея — Его характер — Его письма из Маската — Его планы по внутренним районам — Смерть — Могила.

XXXIII

Американская аравийская миссия 353

Ее происхождение — Группа студентов — Первый план — Представление церкви — Организация — Миссионерский гимн — Джеймс Кантин — Сирия — Каир — Аден — Камиль — Исследовательские путешествия в Персидский залив и Сану — Бусра — Доктор К. Э. Риггс — Смерть Камиля — Противодействие со стороны правительства — Администрация на родине — Оккупация Бахрейна — Направления работы — Маскат — Путешествие по Йемену — Передача миссии реформатской церкви — Проблемы в Маскате и Бусре — Доктор Уоррал — Путешествия по Оману — Продажа Священного Писания — Первые плоды — Подкрепление.

XXXIV

В память 367

Питер Джон Звемер — Джордж Э. Стоун.

XXXV

Проблемы арабского поля 374

Общая проблема миссий среди мусульман — Арабская проблема — Какая часть Аравии доступна — Турецкая Аравия — Ее доступность — Ограничения — Доступность независимой Аравии — Климат — Мусульманский фанатизм — Английское влияние — Неграмотность — Бедуины—Нынешняя миссионерская сила —Ее полная неадекватность —Методы работы —Медицинские миссии — Школы —Работа для женщин —Распространение книг —Проповедь —Спорные вопросы —Каким должен быть ее характер —Отношение мусульман —Судьба обращенных —Бездумные и вдумчивые мусульмане —Библия как динамит — Подходящие люди для этой работы.

XXXVI

Перспективы миссионерской работы среди мусульман 391

Два взгляда на работу среди мусульман — христианский фатализм — результаты в мусульманских странах — Индия — Персия — Константинополь — Суматра и Ява — другие признаки прогресса—Значение преследований — Характер обращенных — Божье обещание победы над исламом — Христос или Мухаммед — Миссионерские обещания Ветхого Завета — Скала сыновства Иисуса — Особые обещания для Аравии — Агарь и Измаил — Молитва Авраама — Знак завета с Измаилом — Третье откровение Божьей любви—Сыновья Измаила — Кедар и Небаиот — Обещания « » — Себа и Шеба — Духовные границы Аравии — Стихотворение Да Коста — Вера, подобная вере Авраама — О, если бы Измаил мог жить перед Тобой.

ПРИЛОЖЕНИЕ I — Хронологическая таблица 409

ПРИЛОЖЕНИЕ II — Племена Северной Аравии 413

ПРИЛОЖЕНИЕ III — Каат и кофейная культура в Аравии 414

ПРИЛОЖЕНИЕ IV — Арабская библиография 416

УКАЗАТЕЛЬ 427

Список иллюстраций

СТРАНИЦА

Типичный араб из Йемена *Фронтиспис*

Вид на Мекку и Священную мечеть *Напротив* 17

Предполагаемая могила Евы в Джидде

Мусульманские паломники в Мекке *Напротив* 30

Священный колодец Земзем в Мекке

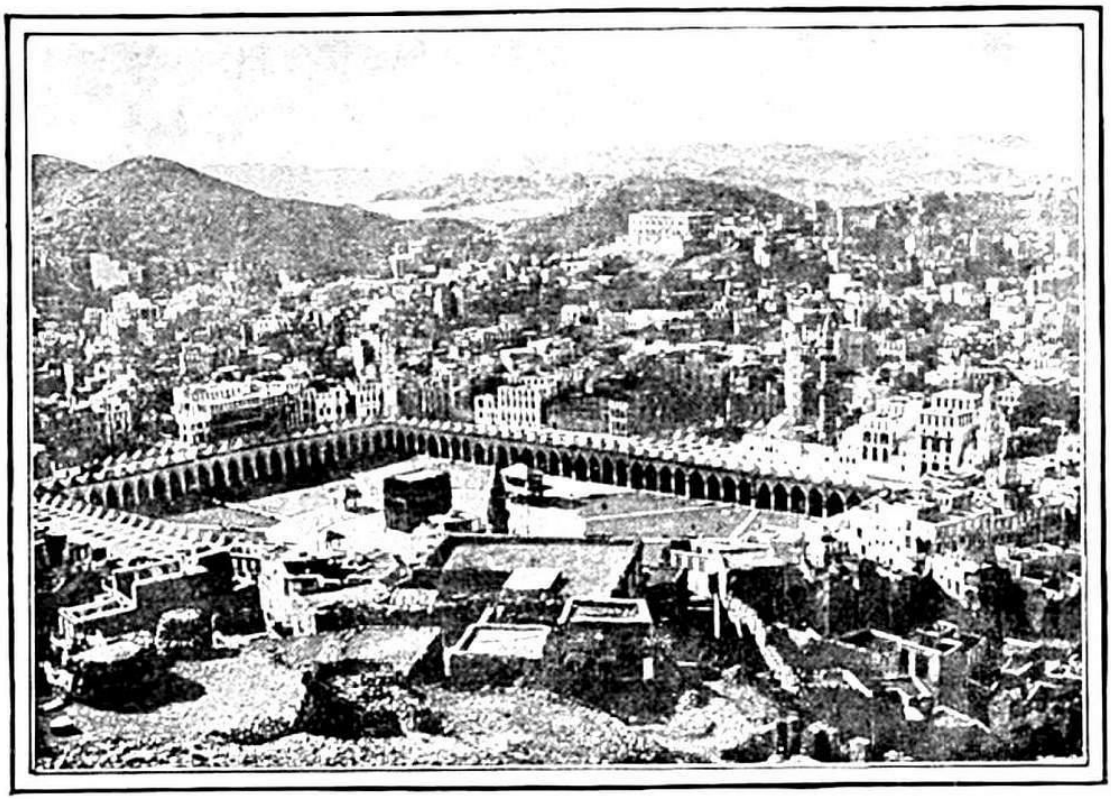
Паломники вокруг Каабы в Священной *Стр.* 34

мечети в Мекке
Мекканский сертификат — паспорт в рай *Лицевая сторона* 40
Христианские монеты, используемые мекканскими женщинами в качестве амулетов 43
Женщина из Мекки *Лицо* 44
Женщина из Мекки в свадебном костюме
Путешествие по Южной Аравии *Напротив* 56
Мемориальная церковь Кита Фалконера в Адене
Арабский компас 71
Замок в Хадрамауте 77
Гавань и замок в Маскате *Лицом к лицу* 80
Готов к верблюжьей прогулке по пустыне
Ветка ладанового дерева 87
Тенооф с востока 95
Деревня Менама, острова Бахрейн *Лицо* 100
Лодка в гавани Бахрейна
Финиковая роща возле Бусры *Напротив* 122
Финики, растущие на финиковой пальме
Могила Эзры на реке Тигр *Лицевая сторона* 132
Руины арки Ктесифона недалеко от Багдада
Общественный хан в Турецкой Аравии *Напротив* 140
Арабские паломники на борту речного парохода
Четыре флага, правящие Аравией 217
Куфические символы 243
Современный арабский алфавит *Напротив* 244
Обычное арабское письмо без гласных
Арабский язык могреби Северной Аравии 245
Персидский стиль письма 246
Титульный лист арабской христианской газеты 257
Сбивание масла в бедуинском лагере *Напротив* 266
Племенные знаки арабов 279
Манаитский курсив 287
Отрывок из священной книги мандеев 299
Факсимильная копия арабского миссионерского гимна 358
Старый миссионерский дом в Бусре *Напротив* 360
Кухня старого миссионерского дома, Бусра

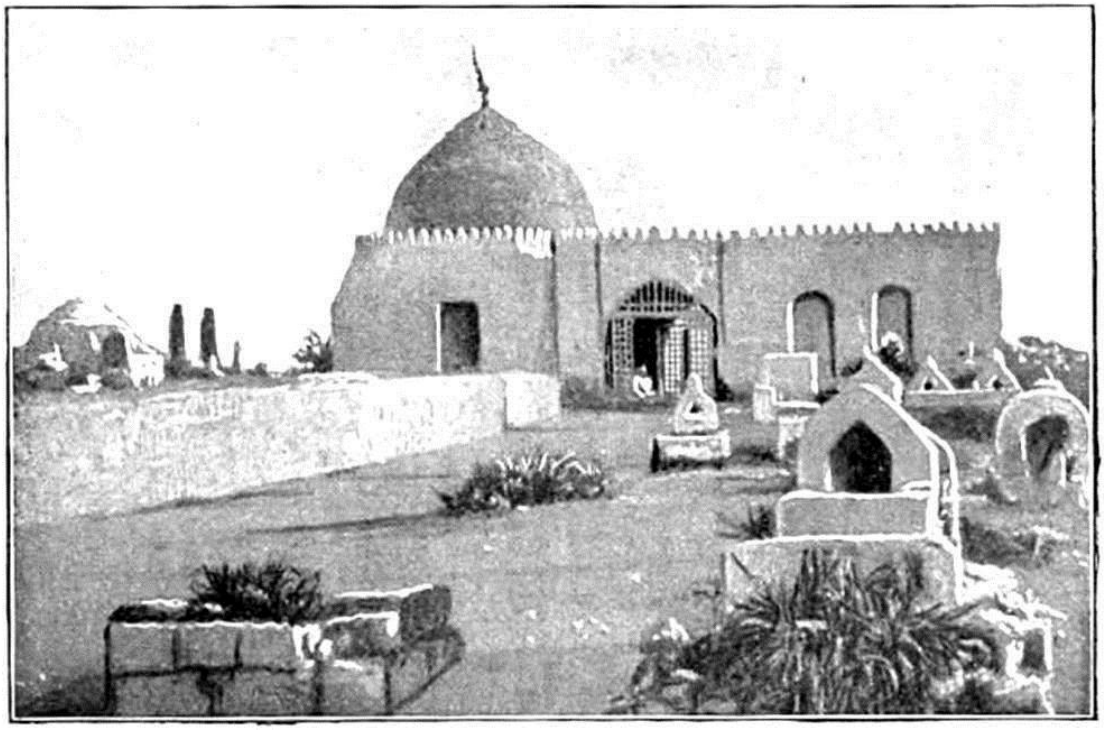
Четыре миссионера-мученика Аравии *Стр.* 368
Магазин Библии в Бусре *Напротив* 384
Интерьер магазина для местных жителей
Спасенные рабы-мальчики в Маскате *Напротив* 400
Арабский миссионерский дом в Маскате

Карты и схемы

Древняя карта Аравии Птолемея *Напротив* 25
План мечети Пророка в Мекке, составленный Али-беем *Напротив* 36
План интерьера худжры в Медине 49
Карта островов Бахрейн 98
Карта Персидского залива, составленная Нейбуром *Напротив* 110
План Хофхуфа, составленный Палгрейвом 113
Схемы миссионерской работы в Аравии 380, 381
Современная карта Аравии *Конец книги.*



ВИД МЕККИ И СВЯЩЕННОЙ МЕЧЕТИ



ПРЕДПОЛАГАЕМАЯ ГРОБНИЦА ЕВЫ В ДЖИДДЕ

I
ЗАБЫТЫЙ ПОЛУОСТРОВ

«Пересеченный песчаными пустынями и обширными горными хребтами, он с одной стороны представляет собой лишь пустыню в ее самом страшном виде, а с другой — украшен всеми красотами самых плодородных регионов. Благодаря своему расположению он одновременно обладает всеми преимуществами жаркого и умеренного климата. Здесь в равной степени произрастают уникальные растения из самых отдаленных друг от друга регионов. То, что греческие и латинские авторы упоминают об Аравии, доказывает их незнание почти всего, что касается арабов. Предрассудки, связанные с неудобствами и опасностями путешествий по Аравии, до сих пор держат современных людей в таком же неведении». — *М. Нибур* (1792).

То, чем Иерусалим и Палестина являются для христианского мира, Мекка и Аравия являются для мусульманского мира, и даже гораздо больше. Эта земля не только является колыбелью их религии и местом рождения их пророка, святыней, к которой на протяжении веков тяготели молитвы и паломничества, но и, согласно всеобщей мусульманской традиции, первоначальным домом Адама после грехопадения и домом всех древних патриархов. Согласно легенде, когда первая пара людей была изгнана из райского сада, Адам приземлился на горе в Цейлоне, а Ева — в Джидде, на западном побережье Аравии. После ста лет скитаний они встретились недалеко от Мекки, и здесь Аллах построил для них скинию на месте нынешней Каабы. В ее фундамент он вложил знаменитый камень, когда-то белее снега, но со временем почерневший от грехов паломников! В доказательство этих

утверждений путешественникам показывают Черный камень в Мекке и гробницу Евы недалеко от Джидды. Другая общепринятая традиция гласит, что Мекка стоит на месте, расположенном точно под троном Бога на небесах.

Не говоря уже об этих диких преданиях, которые мусульманские историки трезво излагают как факты, Аравия является землей, представляющей постоянный интерес для географов и историков.

Со времен Нибура многие отважные путешественники исследовали побережья и проникли вглубь материка, но его утверждение о том, что мы не знаем истинного характера этого обширного полуострова, по-прежнему верно в отношении южных и юго-восточных районов. Ни один путешественник еще не пересек северную границу Хадрамаута и не исследовал пустыню Дахна, также называемую Роба-эль-Хали, или «пустое жилище». Обширная территория между полуостровом Катар и горами Омана также практически не отмечена на лучших картах. По сути, единственная заслуживающая внимания карта этой части полуострова — карта Птолемея, воспроизведенная Шпренгером в его «Alte Geographie Arabiens».

Аравия имеет четко очерченные границы везде, кроме севера. На востоке находятся воды Персидского залива, пролива Ормуз и Оманского залива. Все южное побережье омывается Индийским океаном, который доходит до Баб-эль-Мандеб, «Ворот слез», откуда Красное море и залив Акаба образуют западную границу. Неопределенная северная пустыня, местами представляющая собой море песка, завершает изоляцию, которая привела арабов к тому, что они сами называют полуостров своим «островом» (Jezirat-el-Arab). Фактически северная граница, вероятно, никогда не будет точно определена. Так называемую «Сирийскую пустыню», простирающуюся примерно до 35-й параллели, лучше рассматривать как Аравийскую пустыню, поскольку по своим физическим и этническим особенностям она гораздо больше похожа на южную часть полуострова, чем на окружающие регионы Сирии и Месопотамии. Багдад ( ) по сути является аравийским городом и для арабов севера является такой же частью полуострова, как Аден для арабов юго-запада. Настоящей, хотя и изменчивой, северной границей Аравии является предел кочевых лагерей, но для удобства и практических целей границу можно провести от Средиземного моря вдоль 33-й параллели до Бусры.

Таким образом, побережье Аравии простирается от Суэца до дельты Евфрата общей протяженностью почти 4000 миль. На этом побережье относительно мало островов и заливов, за исключением Персидского залива. Побережье Красного моря окаймлено обширными коралловыми рифами, опасными для судоходства, но от Адена до Маската побережье возвышенное и скалистое, с несколькими хорошими гаванями. Восточная Аравия имеет низкую, плоскую береговую линию, состоящую из коралловых скал с редкими вулканическими мысами. Фарсан, у побережья Техамы, известный как центр арабских работорговых дау; Перим, где английские батареи контролируют вход в Красное море; группа островов Курия-Мурия в Индийском океане; и архипелаг Бахрейн в Персидском заливе — единственные важные острова. Сокотра, хотя и заселена арабским населением и исторически является арабской, географически обычно относится к Африке. Однако этот остров находится под управлением индийского правительства и, будучи когда-то христианским, теперь полностью мусульманский.

Наибольшая длина полуострова составляет около 1000 миль, средняя ширина — 600 миль, а площадь — чуть более 1 000 000 квадратных миль. Таким образом, он более чем в четыре

раза превосходит по размеру Францию и превосходит по площади восточную часть Соединенных Штатов за рекой Миссисипи.

До недавнего времени Аравия в целом считалась обширной песчаной пустыней. Недавние исследования доказали, что это представление совершенно неверно, и большая часть региона, все еще считающаяся пустыней, пока не исследована. Палгрейв в своей книге «Центральная Аравия» дает отличное резюме физических характеристик всего полуострова, как он его видел. Со времени его исследования Хадрамаут был частично исследован, и результаты подтверждают его утверждения: «Общий тип Аравии — это центральное плато, окруженное кольцом пустыни, песчаной на юге, западе и востоке и каменистой на севере. Этот внешний круг, в свою очередь, окружен линией гор, в основном невысоких и бесплодных, но достигающих в Йемене и Омане значительной высоты, ширины и плодородия; за ними узкая полоса побережья граничит с морем. Площадь центрального плато составляет чуть менее половины всего полуострова, а его границы в значительной степени зависят, а зачастую и полностью определяются изгибами и впадинами Нефуда (песчаной пустыни). Если к этим центральным высокогорьям или *Неджуду*, принимая это слово в его широком смысле, мы добавим все плодородные участки, принадлежащие внешним кругам, то обнаружим, что Аравия содержит около двух третей возделываемых или, по крайней мере, пригодных для возделывания земель, а оставшаяся треть — это невосстановимая пустыня, главным образом на юге».

Из этого описания очевидно, что наименее привлекательной частью страны является побережье. Возможно, именно по этой причине Аравия подвергалась столь суровой оценке в отношении климата и почвы и была столь пренебрегаема теми, кто знал о ней только от капитанов, которые причаливали к ее побережью в Красном море и Персидском заливе. Нет ничего более удивительного, чем проехать через бесплодные пепельные ворота Адена, подняться по горным перевалам и оказаться в удивительно плодородном и восхитительном климате Йемена. Аравия, как и арабы, имеет суровый, мрачный внешний вид, но теплое, гостеприимное сердце.

От плато Неджд, средняя высота которого составляет около 3000 футов над уровнем моря, начинается постепенный подъем на юг к высокогорьям Йемена и Омана, где есть горные вершины высотой до 8000 и 10 000 футов. Такое разнообразие рельефа приводит к равному разнообразию климата. Преобладают условия сильной жары и засухи, а зона максимальной жары в июле, обозначенная на карте « », охватывает почти весь полуостров. На побережье жара более изнурительна из-за влаги, испаряющейся из огромных безвыходных бассейнов. В течение части лета разница между показаниями влажного и сухого термометров практически отсутствует. В июне, июле и августе 1897 года средние максимальные температуры в Бусре составляли 100°, 103,5 °F и 102 °F, а минимальные — 84 °F, 86,5 °F и 84 °F. Неджд имеет здоровый климат, в то время как в Йемене и Омане на высокогорьях даже в июле ртутный столбик редко поднимается выше 85 °F. В июле 1892 года я за один день прошел путь от температуры в тени 110 °F на побережье в Ходейде до 55 °F в Менкахе ( ) в горах. В Сане три месяца в году бывают заморозки, а Джебель-Тобейк на северо-западе Аравии всю зиму покрыт снегом. Фактически, вся северная Аравия имеет зимний сезон с холодными дождями и периодическими заморозками.

Геология полуострова отличается подлинной арабской простотой. По словам Доути, она состоит из фундамента из плутонических (магматических) пород, на которых лежат песчаники, а над ними — известняки. Путешествуя из Моаба в Синай, мы пересекаем слои в обратном порядке, в то время как в котловине залива Акаба три слоя расположены в обычном порядке, хотя и снова покрыты гранитом гор. Окаменелости встречаются очень

редко, но коралловые образования распространены по всему побережью. Вулканические образования и лава (называемая арабами «харрат») часто вскрываются, как, например, в районе Медины и Хайбара. При движении по прямому маршруту от Красного моря (Джидда) к Бусре мы сначала встречаем гранит и трапповую породу, покрытую в Харрат-эль-Кисхубе лавой, а далее, в Вади-Геррире и Джебель-Шеаре, базальтом; в Нефуд-эль-Касим (Борейда) начинаются песчаники, которые продолжаются до известнякового региона Джебель-Товейк. Оттуда до Евфрата все покрыто гравием и песком.

В Аравии нет рек, и ни один из ее горных ручьев (некоторые из которых являются многолетними) не достигает побережья. По крайней мере, они не доходят до него по суше, поскольку хорошо известно, что многие источники пресной воды, обнаруженные на архипелаге Бахрейн, берут свое начало в высокогорьях Аравии. В Маскате вода также всегда в изобилии течет к морю на глубине от десяти до тридцати футов под дном вади; это обеспечивает отличную колодезную воду. Фактически, весь регион Хаса полон подземных водотоков и вечных источников. В Йемене в сезон дождей часто встречаются прибрежные ручьи, которые часто внезапно наполняются до переполнения, сметая все на своем пути. Их называют *сайл*, и они хорошо иллюстрируют притчу Христа о наводнении, которое разрушило дом, построенный на песке.

Великие вади Аравии являются ее характерной чертой, прославленной со времен Иова, араба. Эти вади, часто полные до краев зимой и черные от мороза, но полностью высохшие во время летней жары, никогда не подозревали бы, что могут дать питание даже травинке. Они обычно сухие в течение девяти-десяти месяцев в году, в течение которых вода добывается из колодцев, пробуренных в русле вади. Вади Сирхан протекает в юго-восточном направлении от высокогорья Хауран до района Джауф на окраине великого Нефуда; он питается меньшим вади эр-Раджел. Вади Дауасир, который принимает потоки Неджрана, стекает со всего Асира и южного высокогорья Хиджаза на север к Бахр Салуме, небольшому озеру, единственному известному на всем полуострове. Афтан — еще одна важная вади, протекающая от границ Неджда до Персидского залива. Это русло вади на некоторых картах обозначено как река, впадающая в Персидский залив, по-видимому, двумя устьями. Сегодня она не существует. Самым важным водотоком в Аравии является знаменитый Вади эр-Рума, исследованный лишь частично, который течет из Хиджаза через полуостров почти 800 миль в северо-западном направлении к Евфрату. Если бы здесь было больше осадков, этот вади достиг бы Шат-эль-Араба и объединил бы ныне разрозненную систему водотоков Месопотамии и северной Аравии.[1] По понятным причинам караванные пути Аравии обычно следуют по течению вади.

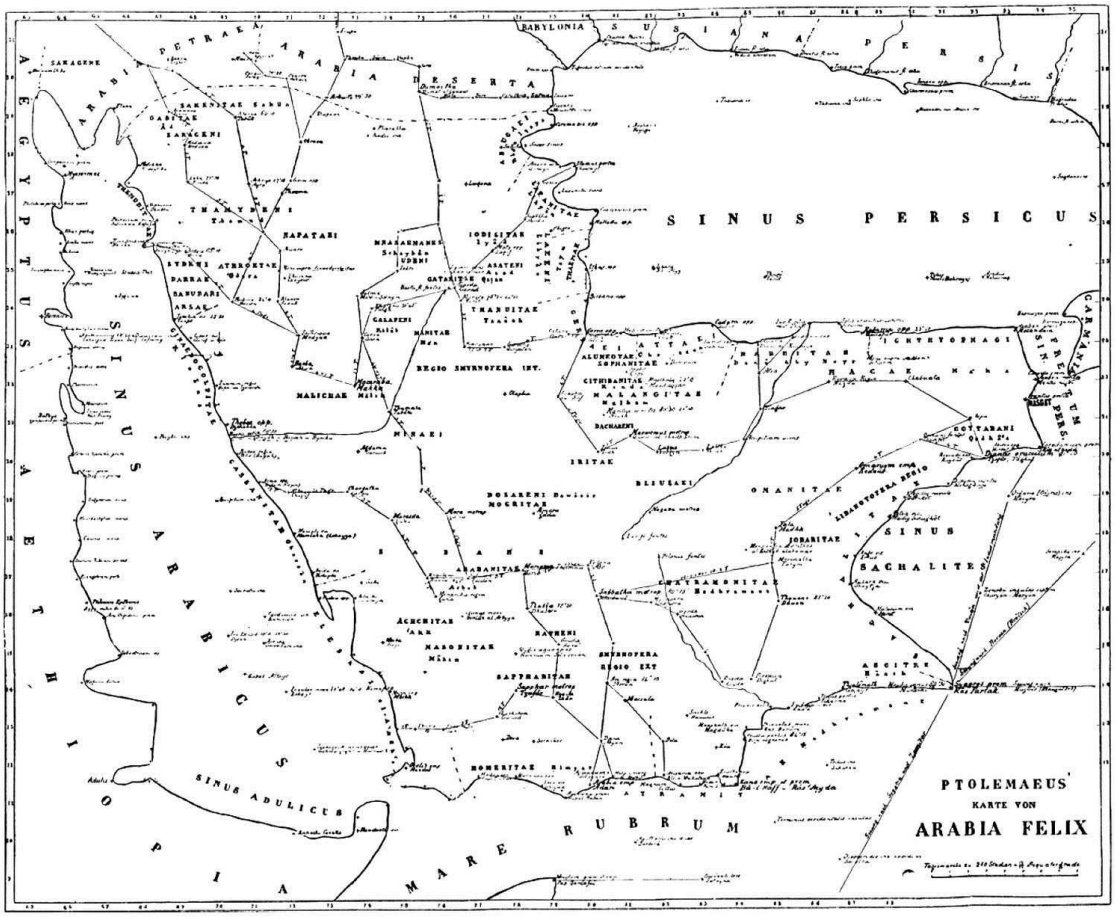
Аравия также является страной гор и высокогорий. Наиболее четко развитой системой является обширный хребет, огибающий Красное море на расстоянии от одного до трех дней пути от побережья. К югу от Мекки есть вершины высотой более 8000 футов; а дальше хребет расширяется, образуя Йеменское нагорье, уголок полуострова, достойный своего старого названия «Arabia Felix». Горы вдоль южного побережья более нерегулярны и разрозненны, пока не расширяются во второй раз между Рас-эль-Хадом и Рас-Муссендумом, образуя высокогорье Омана. Вдоль побережья залива нет гор, за исключением редких вулканических холмов, таких как Джебель-Дохан в Бахрейне и Джебель-Санам недалеко от Зобейра.

Неджд пересекают несколько горных хребтов, из которых наиболее известен Джебель-Шаммар, простирающийся почти с востока на запад на высоте около 6000 футов. Джебель-Менакиб, Джебель-Аред, Джебель-Товейк и Джебель-Атал — другие хребты к югу от Джебель-Шаммара, также простирающиеся в аналогичном направлении на юго-запад и

северо-восток. Полуостров Синай представляет собой скалистое известняковое плато, пересеченное изрезанными ущельями и достигающее наибольшей высоты на юге, в районе собственно Синая.

Помимо вади и гор, Аравия характеризуется в основном уже упомянутыми так называемыми *Харрат* или вулканическими следами. Эти черные, мрачные, бесплодные регионы занимают гораздо большую площадь на севере Аравии, чем обычно предполагается. Самый большой из них — *Харрат Хайбар*, к северу от Медины, старого центра евреев во времена Мухаммеда. Его длина составляет более 100 миль, а ширина в некоторых местах — 30 миль. Это пустыня из лавы и лавовых камней с множеством потухших кратеров, скалистая и усыпанная грубыми блоками базальта и других магматических пород. В некоторых местах лавовые пласты достигают глубины 600 футов. Признаки вулканической деятельности все еще наблюдаются в Хайбаре: дым, выходящий из трещин, и пар с вершины Джебель-Этнан. В 1256 году нашей эры в Медине наблюдалось извержение вулкана[2], а горячие и серные источники Хаса и Хадрамаут, по-видимому, свидетельствуют о современной вулканической деятельности.

Песчаные участки так называемых аравийских пустынь арабы сами называют *нефуд* (осушенные, истощенные, израсходованные), и это название используется на большинстве карт. Общие физические особенности этой «пустыни» — это равнина, покрытая низкорослыми ароматными кустарниками многих видов, но их ценность как пастбищ очень неодинакова: некоторые из них отлично подходят для верблюдов и овец, другие абсолютно бесполезны. Некоторые нефуды после ранних дождей изобилуют травами и цветущими растениями, и тогда пустыня «цветет, как роза». Другие не получают дождей и остаются бесплодными в течение всего года; они покрыты длинными полосами песка, нанесенного ветром и нагроможденного волнами на подветренной стороне скал и кустов.[3] Палгрейв утверждает, что некоторые пески нефудов достигают глубины 600 футов. Они преобладают в обширной неисследованной области к югу от Неджда и к северу от Хадрамаута, включая так называемую «Великую Аравийскую пустыню». Абсолютная бесплодность является доминирующей чертой этой местности, в то время как северные нефуды являются пастбищами для тысяч лошадей и овец.



Птолемейская карта Аравии Фели

II
ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ДЕЛЕНИЕ АРАВИИ

Деление Аравии на провинции всегда в большей степени соответствовало физической географии, чем политическим границам. Самым ранним и в некотором смысле наиболее правильным делением полуострова было деление греческих и римских писателей на *Аравию Десерта* и *Аравию Феликс*. Последнее название, возможно, было лишь ошибочным переводом *El-Yemen* — земли «справа», то есть к югу от Мекки, поскольку восточные народы обращены лицом к востоку. Это контрастирует с Сирией, которая на арабском языке называется «Эс-Шам» или земля «слева» от Мекки. Третье деление, *Аравия Петра*, или «Каменная Аравия», впервые появляется у Птолемея и применяется к району Синая. Он ограничивает Аравию Десерту крайней северной пустыней, поэтому его карта всего полуострова носит название Аравия Феликс. Великий географ предвосхитил все современные карты Аравии, назвав регионы в соответствии с племенами, которые их населяют; это гораздо более разумный метод, чем рисование искусственных линий вокруг природных объектов и присвоение им названий, подходящих картографу.

Арабские географы ничего не знают об этом тройном делении на песчаную, каменистую и счастливую земли. Они делят Остров арабов (Jezirat-el-Arab) на пять провинций.[4] Первая

называется *Эль-Йемен* и включает Хадрамаут, Мехра, Оман, Шехр и Неджран. Вторая *Эль-Хиджаз*, на западном побережье, названная так потому, что она является барьером между Техамой и Неджем; она почти соответствует нашему Хиджазу, за исключением его южной части . Третья — *Техама*, вдоль побережья, между Йеменом и Хиджазом. Четвертая — *Неджд*, термин, который широко применяется ко всем внутренним плоскогорьям. Пятая называется *Йемама* или *Аруд*, потому что она простирается на всю «широкую» территорию между Йеменом (Оманом) и Неджем. Важно различать это арабское деление и то, которое сейчас почти повсеместно принято на картах Запада; когда это различие не проводилось, возникала большая путаница.

Современное деление полуострова на семь провинций: Хиджаз, Йемен, Хадрамаут, Оман, Хаса, Ирак и Неджд, соответствует политической географии и служит всем практическим целям, хотя и не является строго точным. Хиджаз, Святая земля Аравии, включает священные города Мекку и Медину. Йемен ограничен линией плодородия на севере и востоке, так что включает важный регион Асир. Хадрамаут не имеет четко определенных границ и простирается на север до неизвестного региона Дахна. Оман — это полуостров между южным побережьем Персидского залива и Индийским океаном, а Хаса охватывает весь прибрежный район к северу от полуострова Эль-Катар (на некоторых картах называется Эль-Бахрейн). Ирак-Араби или Ирак — это северная речная страна, политически соответствующая тому, что называется «Турецкая Аравия».

Что касается нынешнего распределения политической власти в Аравии, то здесь достаточно отметить, что полуостров Синай и 200 миль побережья к югу от залива Акаба принадлежат Египту; Хиджаз, Йемен и Хаса номинально являются турецкими провинциями, но их политические границы меняются и являются неопределенными. Нынешний шейх Мекки порой диктует условия Высокой Порте, в то время как бедуинские племена даже в Хиджазе не признают ни султана, ни шейха и грабят караваны паломников, прибывающих в святые города, если не получают большую выкупную сумму. В Йемене арабы никогда не переставали страдать под гнетом турок с тех пор, как он был возложен на их плечи после захвата Саны в 1873 году. Восстание 1892 года было почти революцией, и в этом году (1899) весь Йемен снова поднялся на оружие. Очень показательно, что в нынешнем восстании некоторые арабы использовали английский флаг, чтобы заручиться симпатией.

В Хасе реальная власть Турции существует только в трех или четырех городах, в то время как все бедуины и многие сельские жители не платят дань, не подчиняются и не любят Даулу. Только Ирак фактически принадлежит Турции и приносит ей большие доходы. Но даже здесь часто происходят арабские восстания. Однако номинально Турция владеет самой красивой провинцией на юге, религиозными центрами на западе и плодородным северо-востоком Аравии, что составляет пятую часть общей площади полуострова.

Остальная часть Аравии независима от Турции. Мелкие правители, называющие себя султанами, эмирами или имамами, на протяжении веков делили землю между собой. Султанат Оман и великое королевство Неджд — единственные важные правительства, но первый из них утратил свою славу, когда его центр власти и влияния был перенесен в Занзибар. Неджд в самом широком смысле сегодня управляется Абд-эль-Азизом бин Митаабом, племянником покойного Мохаммеда бин Рашида, короля Ричарда Аравийского, который завоевал трон, убив семнадцать возможных претендентов. Территория этого правителя граничит на юге с Эр-Риядом и страной ваххабитов. На севере его влияние простирается за пределы Нефуда, вплоть до оазисов Каф и Иттери в Вади Сирхан (38° в. д., 31° с. ш.) к востоку от Мертвого моря. Жители этих оазисов признают Абд-эль-Азиза своим сюзереном и платят ему ежегодную дань в размере четырех фунтов (20 долларов) за каждую

деревню. Население промежуточного района Джахф также признает его власть, которая простирается на запад до Теймы. Он также контролирует новый паломнический маршрут с северо-востока, который ранее проходил через Эль-Макату ( ) и Эр-Рияд, но теперь затрагивает Хаил, столицу Неджда. Движение ваххабитов рухнуло, и их политическая власть была сломлена, хотя их влияние распространилось на самые дальние пределы Аравии.

Единственной иностранной державой, доминирующей в Аравии, помимо Турции, является Англия. Аден стал британским владением в 1838 году, и с тех пор британское влияние распространилось на район протяженностью 200 миль и шириной 40 миль с населением 130 000 человек. Остров Перим в проливе Баб-эль-Мандеб, острова Курия-Мурия на южном побережье и Сокотра также принадлежат Англии. Все независимые племена на побережье от Адена до Маската и от Маската до Бахрейна заключили эксклюзивные договоры с Великобританией, получают субсидии в виде ежегодных выплат или подарков и находятся под «защитой». Маскат и Бахрейн в особом смысле являются защищенными государствами, поскольку Англия проводит политику исключительного господства в Персидском заливе. У нее повсюду есть агентства или консульства; почтовая система Персидского залива является британской; рупия вытеснила пиастр с рынка, и поскольку 98 % торговли находится в руках англичан, Персидский залив может еще стать английским озером.

В Аравии нет железных дорог, но их место занимают регулярные караванные пути во всех направлениях. Турецкая телеграфная служба существует между Меккой и Джиддой в Хиджазе; между Саной, Ходейдой и Таизом в Йемене; и вдоль Тигра и Евфрата между Багдадом и Бусрой, соединяясь в Фао (в дельте) с подводным кабелем до Бушира и Индии.

О фауне и флоре Аравии мы здесь не будем говорить подробно. Наиболее характерными растениями являются финиковые пальмы, которых арабские крестьяне насчитывают более 100 сортов и которые дают основной продукт питания. Кофе, ароматические и лекарственные растения, камеди и бальзамы на протяжении веков поставляются на рынки всего мира. Йемен отличается тропической роскошью, а в Неджде растет дерево *rama*, которое достигает пятнадцати футов в высоту и дает самый чистый уголь в мире.

Среди диких животных раньше были львы и пантеры, но сейчас они чрезвычайно редки. Также встречаются волки, дикие кабаны, шакалы, газели, лисы, обезьяны, дикие коровы (или белые антилопы), козероги, рогатые змеи, кобры, дрофы, канюки и ястребы. Страусы все еще обитают в юго-западной Аравии, но не являются распространенными ( ). Основными домашними животными являются ослы, мулы, овцы, козы, но прежде всего и превосходящие всех верблюды и лошади.

Точная численность населения на территории, где не проводится перепись населения и где женщины и девочки никогда не учитываются, конечно же, неизвестна. Османское правительство дает завышенные оценки по своим арабским провинциям, а путешественники высказывают различные предположения. Некоторые современные авторитетные источники, не включая Ирак, оценивают общую численность населения Аравии в 5 000 000 человек. А. Х. Кин, член Королевского географического общества, дает следующую оценку:[5]

Турецкая Аравия

Хиджаз,	3 500 000
Йемен,	2 500 000

Независимая Аравия

Оман,	1 500 000

Шаммар, Бахрейн и др.	3 500 000
	11 000 000

Альбрехт Зем в своей книге «Аравия за сто лет» приходит к почти такому же результату:

Йемен и Асир,	2 252 000
Хадрамаут,	1 550 000
Оман и Маскат,	1 350 000
Бахрейн Катиф, Неджд,	2 350 000
Хиджаз, Анаэзе, Касим и Джебель-Шаммар,	3 250 000
	10 752 000

Но, несомненно, обе эти оценки, сделанные турецкими властями, слишком завышены, особенно в отношении Хиджаза и Йемена. По самым скромным подсчетам, население всего полуострова в его наибольшей протяженности составляет 8 000 000 человек. Истинное число жителей останется неизвестным до тех пор, пока дальнейшие исследования не раскроют реальный характер юго-восточной Аравии и пока северный Хадрамаут не раскроет свои секреты. В этом, как и в других отношениях, верны слова Ливингстона: «Конец географического подвига — это начало миссионерского предприятия».

III
СВЯЩЕННАЯ ЗЕМЛЯ АРАВИИ — МЕККА

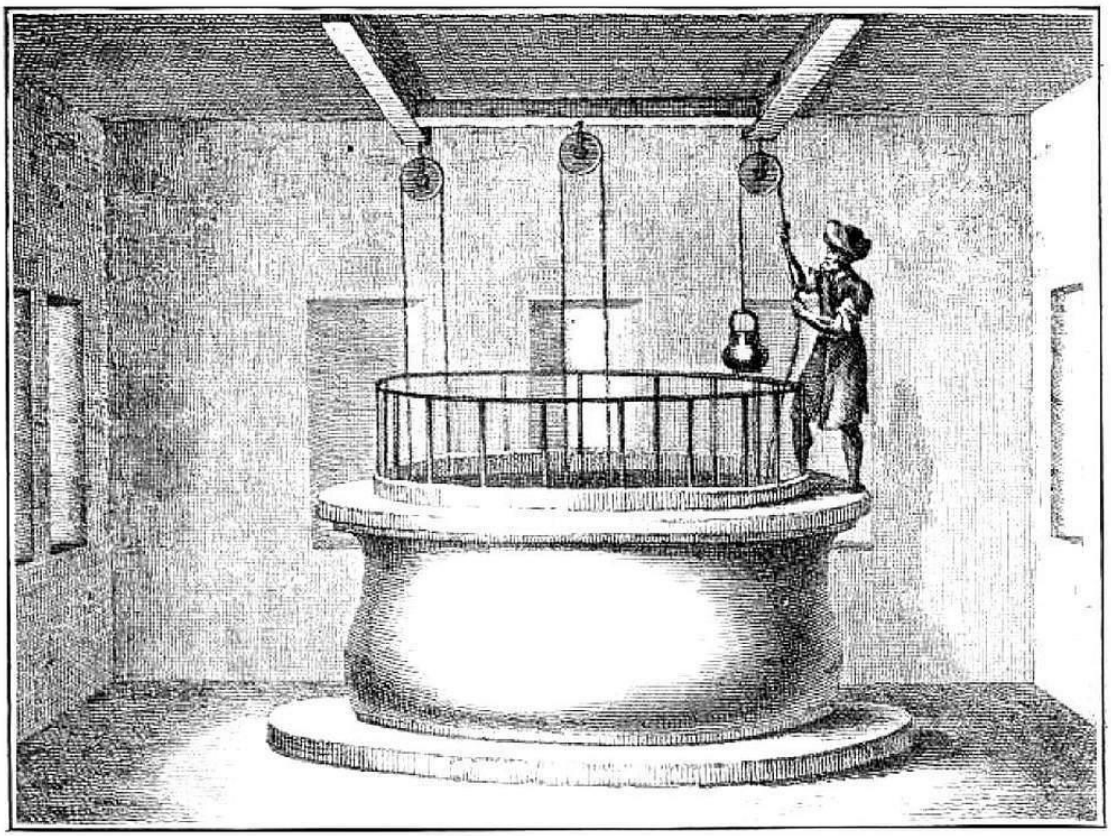
«Восточный мир движется медленно — *eppur si muove*. Полвека назад пароходы впервые начали курсировать в Джидду: теперь мы слышим о проекте железной дороги от этого порта до Мекки, акционерами которой являются все мусульмане. И пример Иерусалима вселяет в нас надежду, что задолго до конца века поездка в Мекку не будет более сложной, чем поездка в Хеврон». — *Бертон* (1855).

«Наш караван верблюдов медленно проезжал мимо них, но когда ловкий мекканский купец услышал, что незнакомец, едущий с верблюдоводами, является насарани, он воскликнул: «Ахс! Насарани в этих краях!» И с ужасной невежливостью, свойственной их ревнивой религии, добавил: «Уллах проклянет его отца!» и уставился на меня лицом, достойным Корана». — *Доути* (1888)

В Коране закреплено и многими традициями подтверждено правило, что священная территория, окружающая место рождения и могилу пророка, не должна оскверняться посещениями неверных. «О верующие! Нечисты только те, кто присоединяется к другим богам вместе с Богом! Пусть же они после этого года не приближаются к Священной мечети» (Сура IX, 27). Мухаммед, как сообщается, сказал о Мекке: «Какой ты великолепный город! Если бы я не был изгнан из тебя своим племенем, я бы не жил нигде, кроме тебя. Не человек, а Бог сделал Мекку священной. Мой народ всегда будет в безопасности в этом мире и в следующем, пока он уважает Мекку» (Мишкат, книга XL, гл. XV).

Священные границы Мекки и Медины не только закрывают доступ всем неверующим, но и предъявляют особые требования «чистоты и святости» (в мусульманском понимании) со стороны истинных верующих. Согласно традиции, в пределах *Харамейна* запрещено носить оружие и сражаться. Его

МУСУЛЬМАНСКИЕ ПАЛОМНИКИ В МЕККЕ



СВЯЩЕННЫЙ КОЛОДЕЦ ЗЕМЗЕМ В МЕККЕ

трава и колючки не должны быть срезаны, а дичь не должна быть потревожена. Некоторые правоведы считают, что эти правила не распространяются на Медину, но другие считают место захоронения пророка столь же священным, как и место его рождения. Границы этой священной территории довольно неопределенны. Абдул-Хак говорит, что когда во время перестройки Каабы Авраам, друг Бога, поместил черный камень, его восточная, западная, северная и южная стороны стали светящимися, и везде, где распространялся свет, стали границами священного города! Эти границы теперь отмечены каменными столбами, за исключением дороги Джидда-Джайрана, где существует некоторый спор относительно точной границы.

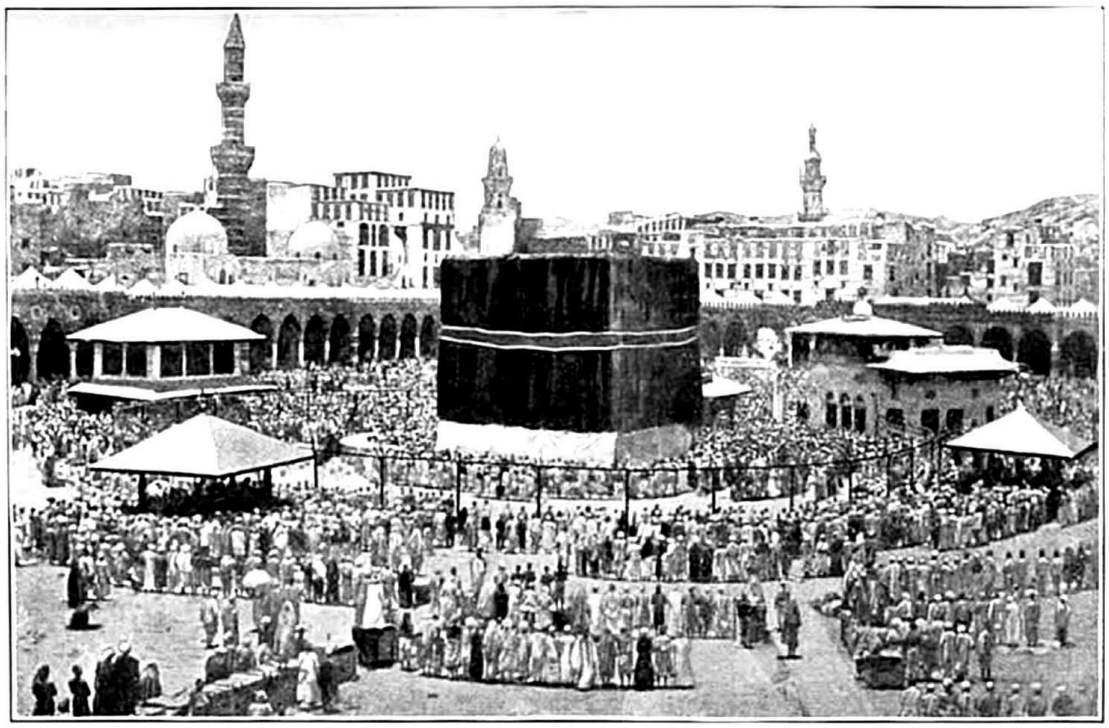
Священная территория Медины имеет диаметр от десяти до двенадцати миль, от Джебель-Аира до Саоора. За пределами этих двух центров вся провинция Хиджаз юридически доступна для неверных, но вековой фанатизм практически сделал всю область вокруг Мекки и Медины запретной территорией для всех, кроме мусульман. В Джидде христиане терпимы из-за необходимости, но если бы муллы Мекки поступили по-своему, ни один франкский купец или консул не прожил бы там и дня.

Несмотря на эти правила, запрещающие «неверным» присутствовать на ежегодном паломничестве и видеть священные места мусульманского мира, более двадцати путешественников отважились на опасное нарушение и избежали преследования фанатиков, чтобы рассказать о своих приключениях[6]. Другие, даже в последние годы, погибли при попытке это сделать ( ). Доути [7] рассказывает о христианине, который был жестоко убит турецкими солдатами, когда его обнаружили в пределах Медины летом 1878 года. Бертон однажды едва избежал убийства, потому что его заподозрили в неверии.

Джидда, гавань Мекки, находится на расстоянии около шестидесяти пяти миль от священного города и, следовательно, является главным портом высадки и посадки паломников. С моря она выглядит довольно красиво и внушительно: дома белые, трех-четырехэтажные, окруженные стеной и окруженные полудюжиной ленивых ветряных мельниц голландского образца! Однако его улицы узкие и невыразимо грязные, так что иллюзия восточной картины исчезает, как только вы ступаете на берег. Санитарные условия в этом порту самые плохие из возможных; повсюду зловоние, водоснабжение ненадежное и плохое, а после дождя всегда вспыхивает лихорадка. Население не превышает 20 000 человек, представляющих все мусульманские народы под небом, Галилея «верующих». Его коммерческое значение, которое когда-то было значительным, полностью снизилось. Открытие Суэцкого канала и прямая торговля морскими пароходами нанесли смертельный удар по обширной прибрежной торговле как Джидды, так и других портов Красного моря. Жители Джидды, как и жители Мекки, живут за счет обдирания паломников, и когда движение интенсивное, а паломники богатые, они становятся достаточно богатыми, чтобы поехать в Мекку и открыть там более крупное заведение того же рода. Есть владельцы гостиниц, барабанщики, гиды, менялы, ростовщики, работорговцы и даже более худшие персонажи, связанные с ежегодным перемещением караванов *хаджи* (паломников) с побережья вглубь страны. В 1893 году число паломников, прибывших в Джидду по морю, составило 92 625 человек. В 1880 году г-н Блант собрал интересные статистические данные об общем числе паломников, посетивших Мекку[8], и его исследования показывают, что караваны, следующие по суше, становятся все меньше.

Прежде чем паломникам разрешается войти в гавань Джидды, они вынуждены пройти десятидневный карантин в Камаране, на острове на западном побережье Аравии; это первое бедствие. В Джидде они остаются всего на несколько дней, а затем, найдя своего *мутаввафа,* или официального гида, отправляются в Мекку. Дорога в Эль-Хад ( ) бесплодна и крайне неинтересна. На полпути к Мекке находится Эль-Хад, где дорога разделяется: одна ветвь ведет в Таиф, единственное плодородное место в этой пустынной провинции, а другая — в Мекку, древнее название которой было Бакка.

Если бы мы поверили хотя бы половине того, что говорят мусульманские писатели в похвалу Мекке, то этот Святой город оказался бы настоящим раем наслаждений, центром обучения и образцом земного жилища. Но факты показывают, что все обстоит совсем иначе. Расположение города неудачное. Он лежит в жаркой песчаной долине, абсолютно лишенной зелени и окруженной скалистыми бесплодными холмами, на которых нет ни деревьев, ни даже кустарников. Долина шириной около 300 футов и длиной 4000 футов наклоняется к югу. Кааба или Бейт Аллах расположена в ложбине долины, и все улицы наклоняются к ней, так что она почти со всех сторон окружена домами и стенами и стоит, как бы в яме театра. Дома построены из темного камня и, как правило, высокие, чтобы в ограниченном пространстве можно было разместить как можно больше паломников. Улицы почти все немощеные, и летом песок и пыль так же неприятны, как и черная грязь в сезон дождей. Как ни странно, хотя сам город и даже Кааба не раз страдали от разрушительных наводнений, обрушивавшихся на узкую долину, Мекка плохо обеспечена водой. Здесь мало цистерн для сбора дождевой воды, а вода из колодцев солоноватая. Знаменитый колодец Земзем имеет обилие воды, но она непригодна для питья.[9] Лучшая вода доставляется по акведуку из окрестностей Арафата, расположенного в шести или семи милях, и продается по высокой цене водохозяйственным трестом, который ежегодно наполняет казну Шерефа



ПАломники вокруг Каабы в Священной мечети в Мекке

Мекки. Этот чиновник является номинальным, а зачастую и реальным правителем города. Он выбирается из числа *сайидов,* или потомков Мухаммеда, проживающих в Хиджазе, либо захватывает высокий пост силой. Его пребывание в должности подлежит утверждению и контролю со стороны турецкого султана, чьи гарнизоны занимают крепость недалеко от города.

Священная мечеть (Месджид эль-Харам), в которой находится Кааба или Бейт Аллах, является центром молитвы мусульманского мира и целью тысяч паломников каждый год. Согласно мусульманским писателям, она была впервые построена на небесах за 2000 лет до сотворения мира. Адам, первый человек, построил Каабу на земле точно под тем местом, которое занимала ее идеальная модель на небесах. 10 000 ангелов, назначенных охранять этот дом Бога, по-видимому, очень нерадиво относились к своим обязанностям, поскольку он часто страдал от рук людей и стихий. Он был разрушен наводнением и восстановлен Измаилом и Авраамом. Легенды, связанные с его строительством и историей, занимают много страниц мусульманских преданий и комментариев. Название «Кааба» означает *«куб»*, но здание построено не по прямой линии и на самом деле представляет собой неравностороннюю трапецию[10]. Из-за его расположения в углублении и покрытия черной тканью эти неровности не заметны глазу.

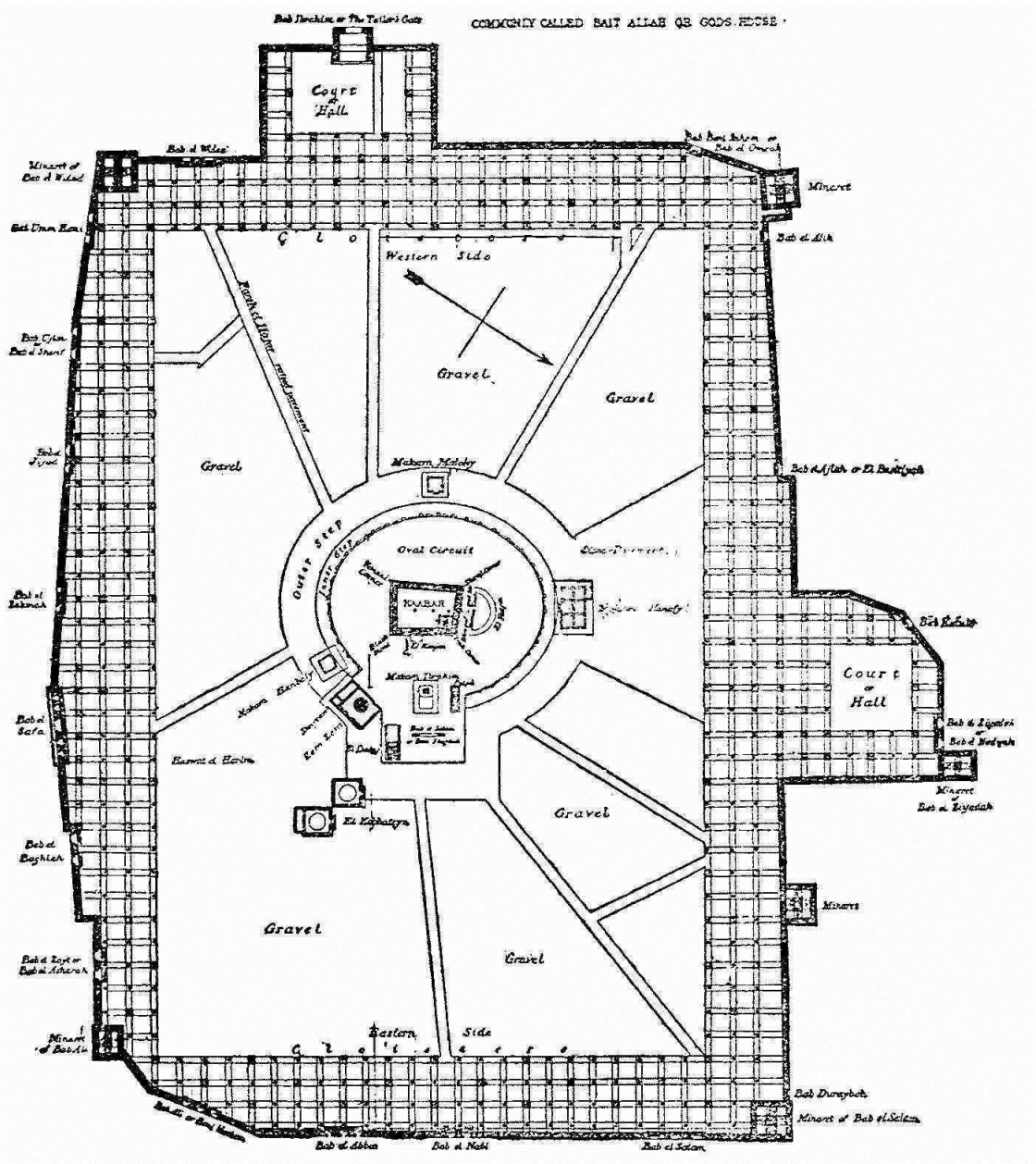
Сама Кааба стоит на прямоугольном пространстве длиной 250 шагов и шириной 200. Это открытое пространство окружено колоннадами, которые используются для школ и в качестве общего места встречи паломников. Оно, в свою очередь, окружено внешней стеной храма с девятнадцатью воротами и шестью минаретами. Мечеть гораздо более позднего происхождения, чем Кааба, которая была хорошо известна как идолопоклонническое арабское святилище задолго до времени Мухаммеда. Священная мечеть и Кааба содержат следующие сокровища: Черный камень, колодец Земзем, великую кафедру, лестницу и *Кубаттейн*, или две небольшие мечети Сааба и Аббаса. Остальную часть пространства

занимают тротуары и гравий, уложенные таким образом, чтобы разместить и разграничить четыре ортодоксальные секты в их богослужениях.

Черный камень, несомненно, является самым древним сокровищем Мекки. Поклонение камням было арабской формой идолопоклонства в очень древние времена, и его реликвии сохранились во многих частях полуострова. Максим Тирийский писал во II веке: «Арабы поклоняются богу, которого я не знаю, и которого они изображают в виде четырехугольного камня». Гебары, или древние персы, утверждают, что черный камень был символом Сатурна и был оставлен в Каабе Махабадом. Согласно мусульманской традиции, он спустился с небес белоснежным и почернел от прикосновения греха — по одной из традиций, от прикосновения нечистой женщины, а по другой — от поцелуев тысяч верующих. Вероятно, это аэролит, который получил свою известность благодаря падению с неба. Мусульманские историки не отрицают, что он был объектом поклонения до ислама, но они уходят от моральной проблемы и оправдывают своего пророка пустыми рассказами о камне и его связи со всеми патриархами, начиная с Адама.

Камень представляет собой фрагмент черной вулканической породы, усыпанной неровными красноватыми кристаллами, сглаженными веками. Он удерживается широкой металлической полосой, по-видимому, из серебра, и вмонтирован в юго-восточный угол Каабы на высоте пяти футов от земли. Мало кто знает, что есть еще один священный камень в углу, обращенном к югу. Он называется Ракн эль-Йемени или Йеменский столб и часто целуется паломниками, хотя согласно правильному ритуалу его следует приветствовать только прикосновением правой руки.

Колодец Земзем расположен недалеко от Макам Ханбали, места молитвы этой секты. Здание, окружающее колодец, было построено в 1072 году по хиджре (1661 год по григорианскому календарю), а его интерьер выполнен из белого мрамора. Мекка, возможно, обязана своим происхождением как древний арабский центр этому целебному источнику с его обильным запасом очищающих вод для кочевников, которые сегодня преодолевают большие расстояния.



ПЛАН АЛИ БЕЯ МЕЧЕТИ ПРОРОКА В МЕККЕ
Обычно называемый Байт Аллах или Дом Бога

посетить серные и другие источники в различных частях Аравии. Колодец Земзем является одним из основных источников дохода для жителей Мекки. Воду продают на улицах и в мечетях в любопытных кувшинах из неглазурованной глины. Они слегка пористые, чтобы охлаждать воду, которая, естественно, всегда имеет теплую температуру, и все они помечены определенными мистическими символами черным воском. Во время паломничества вокруг колодца собираются толпы людей, и много медянок достается счастливым мекканцам, которые имеют привилегию набирать воду для верующих.

Паломничество в Мекку должно совершаться в двенадцатом лунном месяце календаря, называемом *Дху эль-Хадж*. Оно является обязательным для каждого верующего, за исключением тех, кто имеет законные препятствия из-за бедности или болезни. Мухаммед сделал его пятым столпом религии, и больше всего оно способствовало объединению мусульманского мира. Учение Корана об обязанностях паломников в Священной мечети

заключается в следующем: «Провозгласите людям паломничество. Пусть они придут к тебе пешком и на каждом быстром верблюде, прибывая из каждой глубокой ущелья» (Сура xxii. 28). «Воистину, Ас-Сафа и Аль-Марва являются одними из знамений Бога: кто совершает паломничество к храму или посещает его, тот не будет виновен, если обойдет их оба». (ii. 153.) «Пусть паломничество совершается в уже известные месяцы, и кто совершает паломничество в это время, пусть не знает женщин, не преступает границ и не ссорится во время паломничества… Не будет грехом для вас, если вы будете искать приумножения от вашего Господа (торговлей); и когда вы быстро пройдете от Арафата, то помните Бога возле святой мечети… Помните о Боге в течение установленных дней; но если кто-то устремится прочь через два дня, то в этом не будет вины, и если кто-то задержится, то в этом не будет вины». (Сура ii. passim.)

Из одного только Корана невозможно почерпнуть четкое представление об обязанностях паломника; но, к счастью для всех истинных верующих, совершенный пример Пророка, переданный традицией, не оставляет никаких сомнений и предписывает каждую деталь поведения с смешной тщательностью. Ортодоксальный способ заключается в следующем: прибыв на небольшое расстояние от Мекки, паломники, мужчины и женщины, снимают свою обычную одежду и надевают одежду *хаджи*. Он состоит из двух кусков белой ткани, один из которых повязывается вокруг бедер, а другой накидывается на спину; можно носить сандалии, но не обувь, а голова должна оставаться непокрытой. (В языческие времена арабы не носили никакой одежды, совершая обход Каабы). Стоя лицом к Мекке, паломник произносит *ния* или «намерение»:

«Вот я, о Аллах, вот я;

У Тебя нет сотоварища, вот я;

Воистину, хвала, богатство и царство принадлежат Тебе;

У Тебя нет сотоварища, вот я».

После определенных законных омовений паломник входит в мечеть через Баб-эль-Салам и целует Черный камень, совершая обход вокруг Каабы семь раз (в языческие времена арабы делали это, подражая движениям планет; это было пережитком их сабейского культа). Произносится еще одна особая молитва, после чего паломник направляется к Макам Ибрагим, где, по преданию, стоял Авраам, когда восстанавливал Каабу. Там *хаджи* совершает обычные поклоны и молитвы. Затем он пьет из святого колодца и еще раз целует Черный камень. Затем следует бег между горами Сафа и Мерва. Выйдя из мечети через ворота Сафа, он поднимается на холм, произнося 153-й стих суры «Корова». «Воистину, Сафа и Мерва — знамения Аллаха». Достигнув вершины горы, он поворачивается к Каабе и трижды произносит слова:

«Нет бога, кроме Бога!

Бог велик!

Нет бога, кроме Бога!

Он выполнил Свое обещание, помог Своему рабу и сам один разгромил войска неверных!»

Затем он бежит с вершины Сафа через долину к вершине Мерва, семь раз повторяя вышеупомянутые молитвы каждый раз на обоих холмах. Это шестой день, вечером которого

паломник снова обходит Каабу. На следующий день с большой кафедры ( ) произносится проповедь. На восьмой день паломник отправляется в Мину, расположенную в трех милях от Мекки, где Адам тосковал по утраченному раю (!), и проводит там ночь. На следующее утро он отправляется в Арафат, другой холм, расположенный примерно в одиннадцати милях от Мекки, слушает вторую проповедь и возвращается до наступления ночи в Муздалифу, место на полпути между Миной и Арафатом.

Следующий день — великий день паломничества. Он называется Днем жертвоприношения и одновременно отмечается во всем мусульманском мире[11]. Рано утром паломник отправляется в Мину, где находятся три столба, называемые «Великий дьявол», «Средний столб» и «Первый». В эти безмолвные идолы «монотеист» бросает семь камешков и, бросая их, говорит: «Во имя Аллаха, и Аллах всемогущ, в ненависти к дьяволу и его позору я делаю это». Затем он приносит в жертву овцу, козу, корову или верблюда, в зависимости от средств паломника. Жертва помещается лицом к Каабе, и нож вонзается в горло животного с криком *«Аллаху Акбар»*. Эта церемония завершает собственно паломничество; затем стригут волосы и ногти и снимают *ихрам*, или паломническое одеяние, надевая обычную одежду. Иногда к паломничеству относят еще три дня, одиннадцатый, двенадцатый и тринадцатый, называемые *«Эйям-у-ташрик»*, или дни сушки мяса, потому что в течение них мясо жертв нарезают на куски и сушат на солнце, чтобы съесть его на обратном пути.

После паломничества в Мекку большинство мусульман отправляются в Медину, чтобы посетить могилу Мухаммеда; однако ваххабиты считают это «неверностью» и почитанием творения больше, чем Творца. Другие мусульмане основывают свое поведение на высказывании самого пророка: *«Man yuhajja wa lam ye-zurni fakad jefani»*, «кто отправляется в хадж и не навещает меня, тот оскорбляет меня!». Мекканцы называют себя «соседями Бога», а жители Медины — «соседями пророка». На протяжении долгих веков между этими двумя городами существовала острая rivalry, которая, начавшись с насмешек и шуток, часто заканчивалась кровопролитием.

Паломник, выполнив все законные требования, обязательно посещает соответствующие органы и получает *сертификат,* чтобы доказать своим соотечественникам, что он настоящий хаджи, и подтвердить свои религиозные хвастовства в будущем. Свидетельство также требуется, когда кто-то отправляется в паломничество за умершего мусульманина или богатого мусульманина, прикованного к постели. В таком случае заместитель получает все удовольствия (!) от путешествия за счет своего принципала, но заслуга достается тому, кто оплачивает счета и, естественно, жаждет получить квитанцию. Свидетельство бывает разных форм и содержит грубые изображения святых мест и стихи из Корана.

PLATE IV.

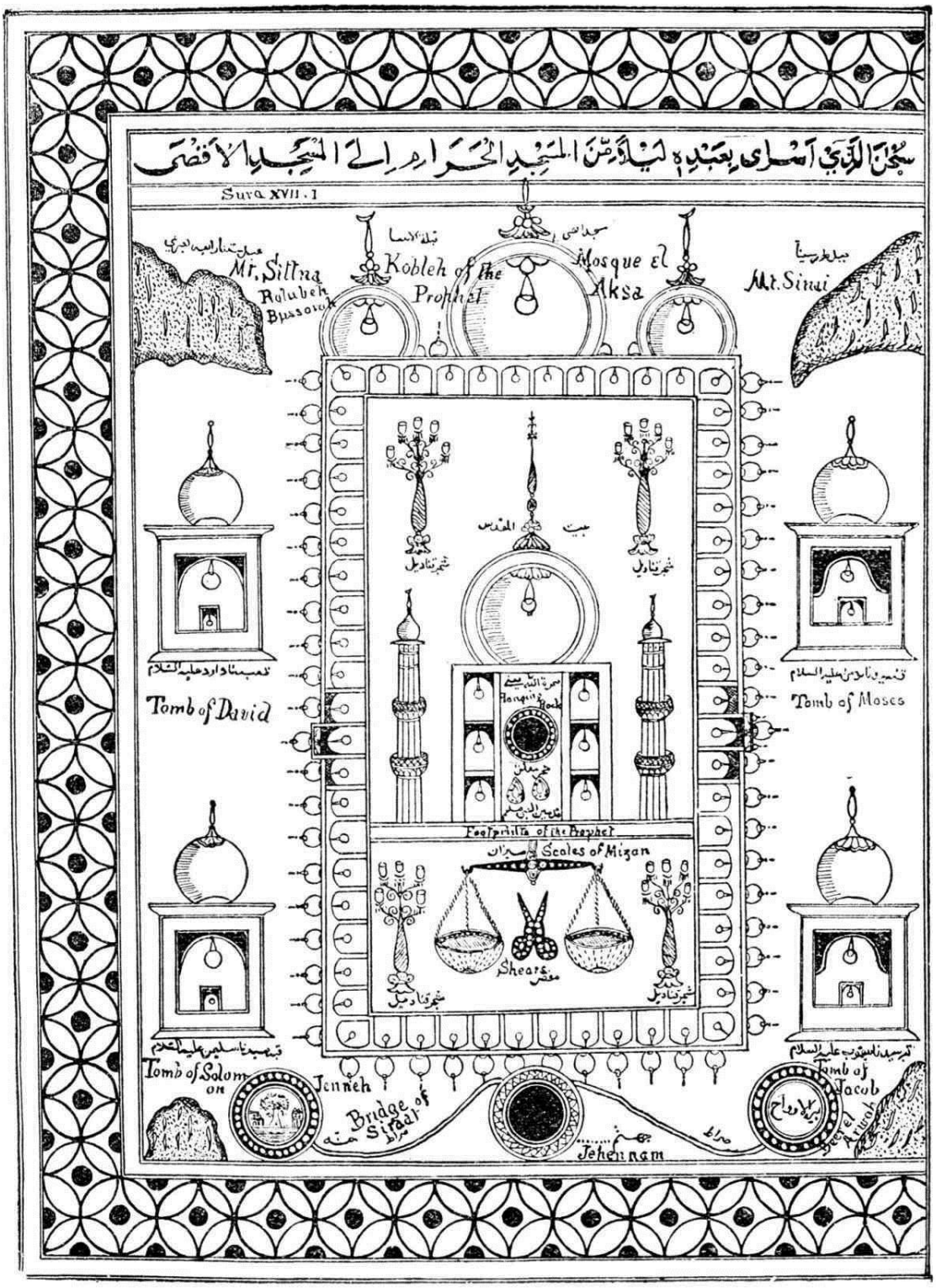
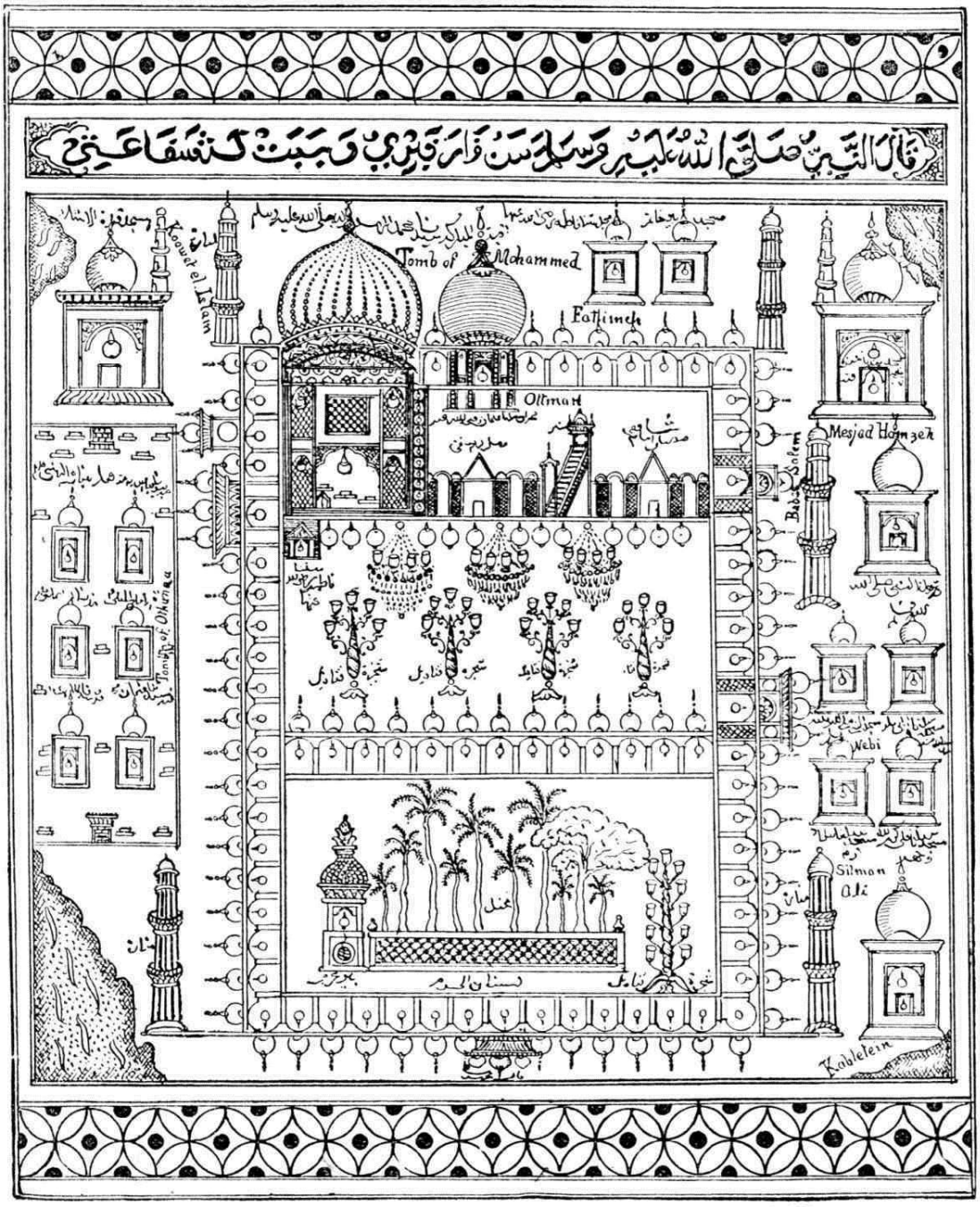

سبحان الذي أسرى بعبده ليلاً من المسجد الحرام إلى المسجد الأقصى
Sura XVII. 1
Mt. Sittna Rolubeh Bussorah
Kobleh of the Prophet
Mosque el Aksa
Mt. Sinai
Tomb of David
Tomb of Moses
Footprints of the Prophet
Scales of Mizan
Shears
Tomb of Solomon
Jenneh
Bridge of Sirat
Jehennam
Tomb of Jacob

PLATE III.



قال النبي صلى الله عليه وسلم من زار قبري وجبت له شفاعتي
Tomb of Mohammed
Fatimeh
Ottman
Mesjad Hamzeh
Babu Salem
Webi
Silman Ali
Kablelein
Tomb of Othmaa

PLATE II.

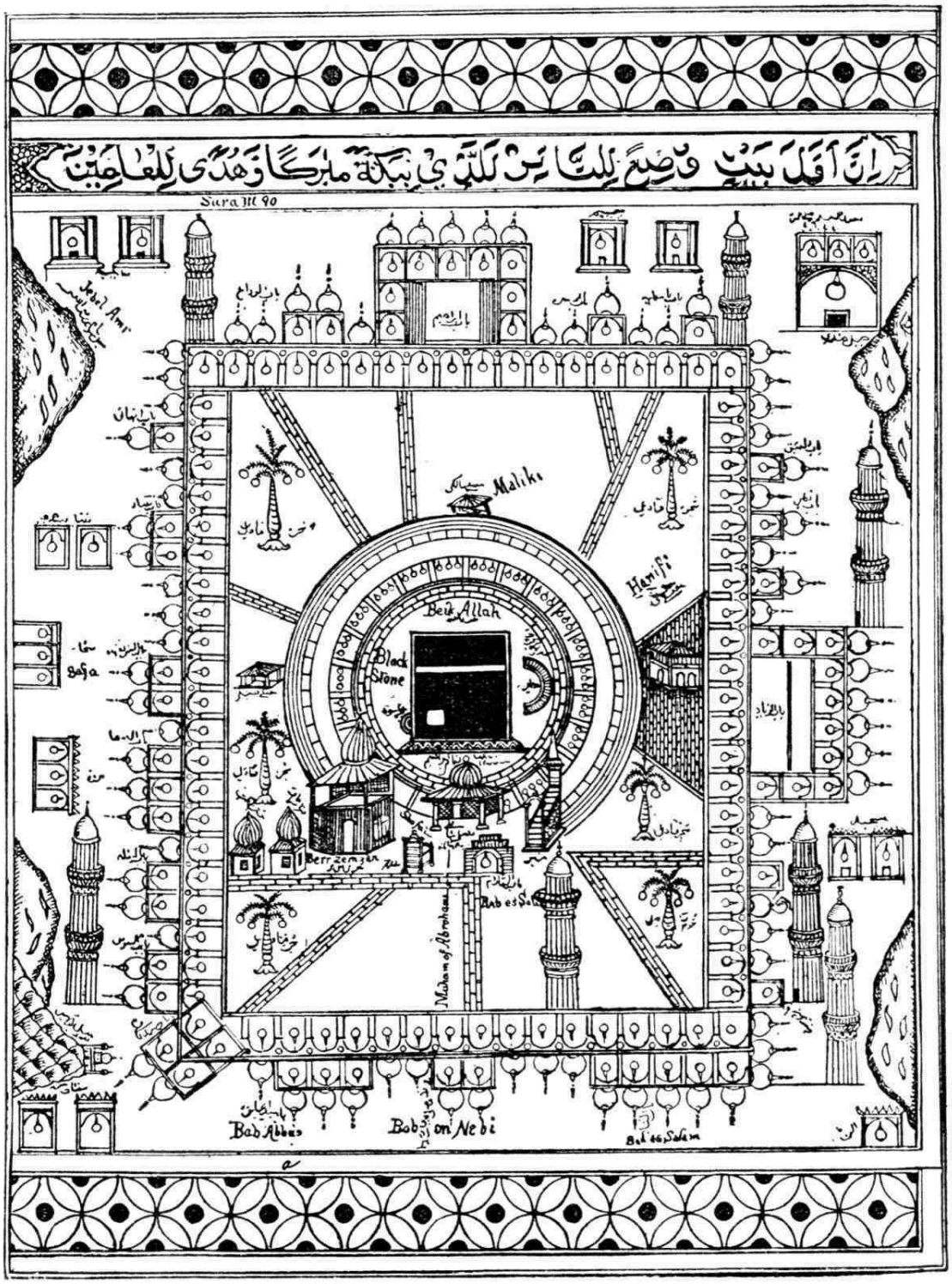
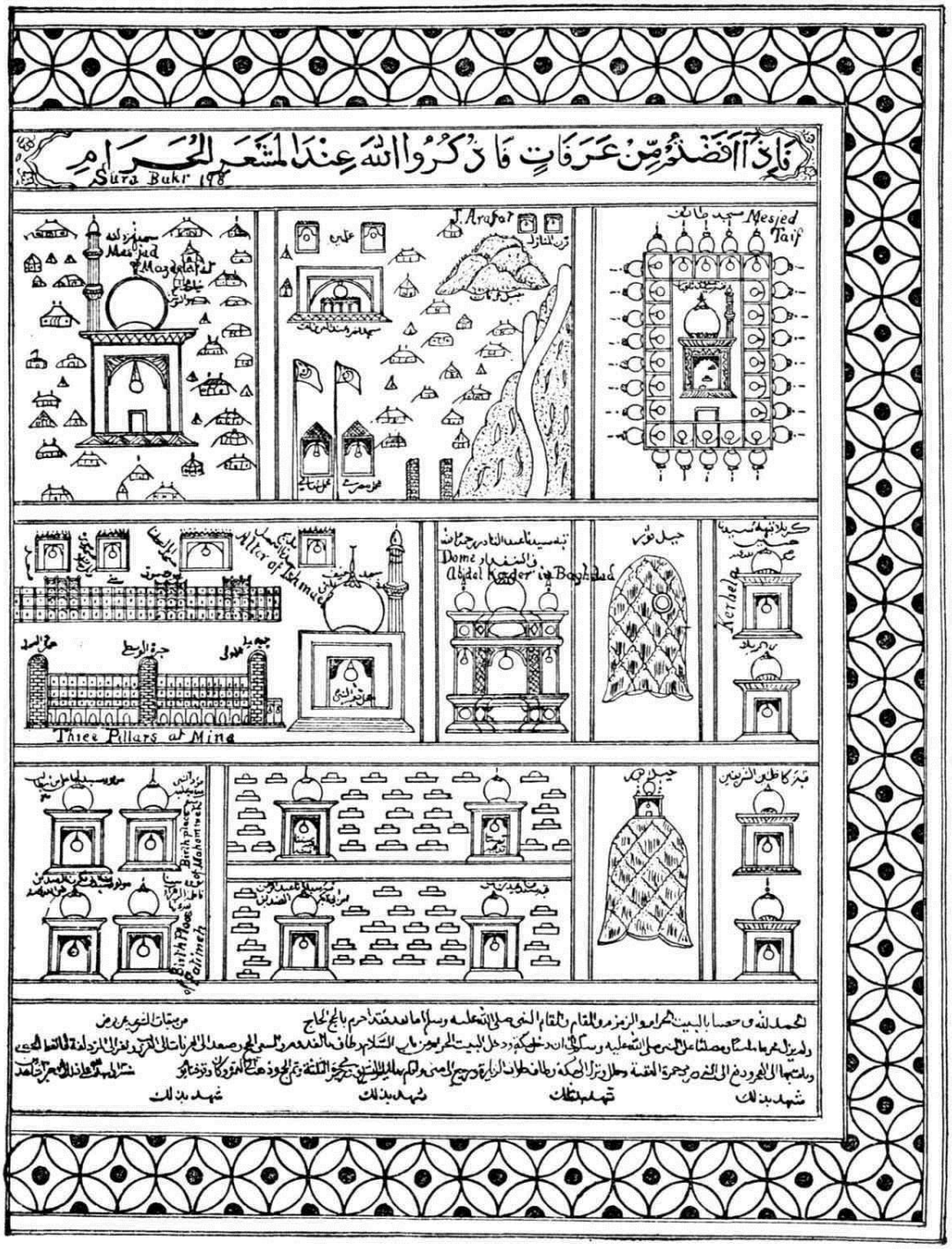

إِنَّ أَوَّلَ بَيْتٍ وُضِعَ لِلنَّاسِ لَلَّذِي بِبَكَّةَ مُبَارَكًا وَهُدًى لِلْعَالَمِينَ
Sura III 90
Maliki
Hanifi
Beit Allah
Black Stone
Safa
Bab Abbas
Bab en Nebi
Bab es Salam
Makam of Abraham

PLATE I.



СЕРТИФИКАТ МЕККИ, который выдается паломникам в священный город, рассматривается мусульманами практически как паспорт в рай. Он особенно интересен тем, что дает представление о мусульманской религии изнутри. В верхней части каждой страницы приведены цитаты из Корана.

На ПЛАСТИНЕ I в правом верхнем углу изображена мечеть Муздалифа и палатки паломников; слева от нее — мечеть Нимр, расположенная недалеко от горы Арафат, а под ней — махмалы Сирии и Египта, *то* есть паланкины, которые везут на верблюдах и увенчаны флагами. Справа находится *гора Арафат*, священная гора примерно в 12 милях к северо-востоку от Мекки, которая, согласно мусульманской традиции, является местом, где Адам и Ева встретились после грехопадения. Три столба Мины, изображенные внизу, являются

древними языческими святынями, у каждого из которых каждый паломник должен бросить семь камней в дьявола. Рядом изображен Месджед, или мечеть Таифа, алтарь Измаила, купол Абд-эль-Кадера в Багдаде, а в крайнем правом углу — купол «нашего господина» Хассейна аль-Кербела, куда ежегодно привозят тысячи тел умерших персов для захоронения. Он находится к северо-западу от Багдада, на территории Турции. Также изображены места рождения Мухаммеда, Али Ибу Аби Талиба, Абу Бекра и Фатимы, а также гробницы Амины и Хадиджи; кроме того, два колоколообразных холма, Джебель Таур и Джебель Нур.

На ВТОРОЙ ИЛЛЮСТРАЦИИ изображен четырехугольный двор Мекки Харам, внутри которого находится круглая колоннада, окружающая *Каабу* или *Бейт Аллах*, Дом Бога. Под изображением Каабы изображена знаменитая станция Авраама, камень длиной 20 дюймов и шириной 15 дюймов. Он имеет форму чаши и зарыт в землю. Имя Авраама связано с ним по преданию, что он первым построил Каабу. Ниже можно заметить знаменитый «Бир Земзем», или Колодец Земзем, который, как утверждается, является водой, которую Хаджр увидела, когда Исмаил умирал от жажды. Вокруг круга находятся места молитвы маликитов, ханафитов, ханбалитов и шафиитов, четырех великих сект ислама. Вокруг четырехугольника расположены 20 ворот, таких как Баб-су-Неби, Ворота Пророка, Ворота Авраама, Мира, Аббаса, Кобылы, Мула, Сафа, Прощания, Мудрости и т. д., а также различные святыни.

ИЛЛЮСТРАЦИЯ III. показывает изображения святых мест *Эль-Медины*, могилы Мухаммеда. Большой купол в верхнем левом углу — это могила Мухаммеда. Вокруг страницы нарисованы мечеть Фатиме, мечеть Силы Ислама, мечети Хамзе, Абу Бекра, Али и Силмана, могила Османа и различные другие святыни.

ЛИСТ IV содержит изображения святынь Иерусалима. Харам-эш-Шериф, или четырехугольная площадь, когда-то занимавшая храм Соломона, занимает центр страницы. Мечеть, широко известная как мечеть Омара, здесь называется «Бейт-эль-Мукас» или Святой Дом. Под куполом в черном круге находится «Скала Бога» или «Висящий камень», который пророк оттолкнул ногой, когда тот попытался последовать за ним на небеса. Два отпечатка стопы пророка изображены под скалой. Ниже находятся Весы «Мизан», на которых в последний день будут взвешены все поступки людей, а также ножницы, которые отрезают жизнь людей. Внизу находится великий *Мост Сират*, огромной длины, шириной с волосок и острый, как бритва, по которому каждый смертный должен пройти босиком. Справа от него находится яма Джехеннам, или ад, а слева — Дженне, или рай. Это опасное путешествие, поскольку от него зависит вечная судьба человека. Вокруг этой области изображены гробницы Давида, Соломона, Моисея и Иакова, а в правом верхнем углу виден Джебель, Тур Сина, или гора Синай.

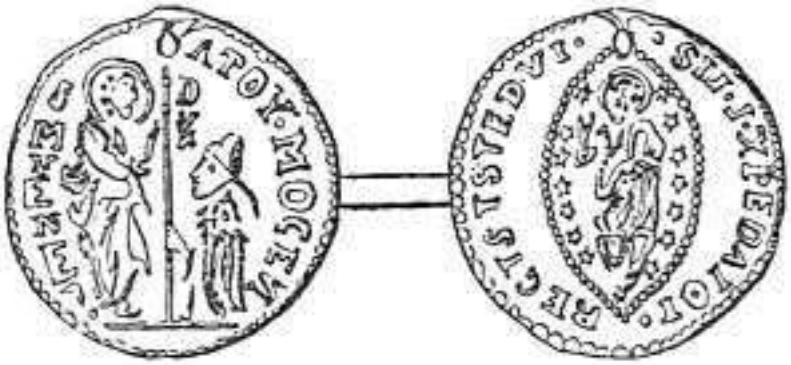
Не нужно говорить, что эти сертификаты стоят денег, как и все в Мекке, кроме воздуха, которым вы дышите. Ни один честный мусульманин никогда не говорил с похвалой о жителях Мекки; существует множество пословиц, доказывающих, почему зло процветает при дворе Аллаха. И европейские путешественники сходятся во мнении, что из всех восточных народов мекканцы занимают первое место по своей беззастенчивой подлости. Али-бей подробно описывает разврат мужчин и распущенность женщин Мекки. Хургронье беззастенчиво приоткрывает завесу, скрывающую коррупцию в священном храме с его армией евнухов-полицейских, и описывает рабочий рынок в полном разгаре в двух шагах от Каабы. Бертон так характеризует мужчин, которые живут за счет своей религии и толстеют (в переносном смысле), раскрывая ее тайны другим:

«Мекканцы — жадные расточители. Их богатство, легко заработанное, легко ценится. Зарплата, пенсии, стипендии, подарки и «икрам» здесь, как и в Медине, обеспечивают гражданам средства для праздности. У него все по самым дорогостоящим ценам: его брак, религиозные церемонии и расходы на содержание дома. Его дом роскошно обставлен, часто устраиваются развлечения, а в конце года большую сумму составляют расходы на удовольствия женщин. Для горожан обычной практикой является предвкушение сезона паломничества, попадая в руки ростовщиков. Наиболее неприятными особенностями мекканцев являются их гордость и грубость в выражениях. Они считают себя сливками земли и с крайней резкостью реагируют на малейшее пренебрежительное слово в отношении Священного города и его жителей. Они гордятся своим святым происхождением, исключением неверных, строгим постом, учеными людьми и чистотой языка. На самом деле, их гордость проявляется в каждый момент, но это не та гордость, которая делает человека слишком гордым, чтобы совершить грязный поступок. Мекканцы показались мне выдающимися даже в этом сквернословящем Востоке своей превосходной развязностью в языке. Ругань на улицах была достаточно плоха, но в доме она становилась невыносимой»[12].

Временные браки, которые являются лишь прикрытием для открытой проституции, распространены в Мекке и действительно являются одним из основных средств к существованию для местных жителей[13]. Конкубинат и развод более распространены, чем в любой другой части мусульманского мира[14]; содомия практикуется в самой Священной мечети[15], а пригороды города являются ареной ночных карнавалов беззакония, особенно после того, как паломники уезжают, а местные жители обогащаются свежей добычей от торговли.[16] Как и следовало ожидать, в такой почве и при таких обстоятельствах процветает суеверие. Здесь в изобилии встречаются всевозможные святые места, легенды, священные скалы, деревья и дома, посвященные джиннам ( ). Каждый мусульманский святой, который останавливался в городе или умирал здесь, оставил после себя что-то, что следует помнить и почитать.

Грубое невежество в сочетании с равной самонадеянностью, кажется, является универсальной характеристикой жителей Мекки. Современная наука вызывает смех, и все вращается, по системе Птолемея, вокруг маленького мира Корана. Джиннов изгоняют; ведьм и сглаз избегают с помощью амулетов; короче говоря, все суеверные обычаи мусульманского мира культивируются в этом центре всемирного паломничества. Астрология по-прежнему занимает место астрономии, и считается кощунством заявлять, что знаешь час затмения или день новолуния, прежде чем это будет открыто с небес. Алхимия — это наука, которая привлекает мекканских врачей больше, чем чудеса хирургии; зелья из священных писаний или талисманы по-прежнему используются при растяжениях и вывихах. Их незнание географии и истории за пределами мира паломников вызывает сожаление. Один из главных мулл спросил Хургронье: «Сколько дней длилось путешествие каравана из Москопа (Россия) в Андалусию (Испания)?» В последние годы в Мекке была открыта государственная типография и издается официальный вестник, но даже турецкая цивилизация и наука считаются далекими от ортодоксальности, поскольку их обычаи слишком напоминают обычаи «неверных» из остальной Европы. Фотография — запретное искусство, а деньги с «изображениями» королев и императоров используются только с молитвой *«истагфир аллах»*, «я прошу прощения у Бога». С другой стороны, многие старые европейские монеты, которые больше не используются, считаются вдвойне ценными как амулеты и обереги. Одна из них, *мишкаш,* как полагают, обладает особыми свойствами для молодоженов.

«Ирония истории, — как замечает Хургронье, — не удовлетворилась тем, что в Медине могила Мухаммеда, проклявшего поклонение святым, стала центром паломничества, но добавила к этому обстоятельство, что в Мекке мусульманские женщины, отвергающие изображения и поклонение Христу, ценят как амулет изображение Иисуса и евангелиста ». Конечно, сами женщины совершенно не знают о надписи и характере монеты.



ХРИСТИАНСКАЯ МОНЕТА, ИСПОЛЬЗУЕМАЯ МЕККАНСКИМИ ЖЕНЩИНАМИ В КАЧЕСТВЕ АМУЛЕТА. [17]]

В Мекке очень много школ, но нет образования. Все по-старому, все начинается и заканчивается Кораном, этой прокрустовой постелью для человеческого интеллекта. «Буква убивает». И именно *буква* в первую очередь и всегда является предметом изучения. Молодежь учится читать Коран не для того, чтобы понять его смысл, а для того, чтобы профессионально читать его на похоронах и праздниках, столько-то глав за столько-то шекелей. Современная наука или история даже не упоминаются, а тем более не преподаются, даже в средних школах Мекки. Грамматика, просодия, каллиграфия, арабская история и первые элементы арифметики, но главным образом комментарии к Корану и традиции, традиции, традиции составляют учебную программу мусульманского колледжа. Те, кто желает получить последипломное образование, посвящают себя мистицизму (*тассаваф*) или вступают в орден дервишей, у которых все есть свои представительные шейхи в Мекке.

Метод обучения в школах Мекки, который можно считать лучшим из того, что может предложить Аравия, заключается в следующем. Ребенок с интеллектуальными способностями сначала учит алфавит с небольшой деревянной доски, на которой учитель пишет буквы ; доски неизвестны. Затем он изучает *абджад*, или числовое значение каждой буквы — в настоящее время бесполезное занятие, поскольку повсеместно используется арабская система счисления, происходящая из Индии. После этого он учится записывать девяносто девять имен Аллаха и читать первую главу Корана; затем он приступает к последним двум главам, поскольку они короткие. Затем учитель продвигает его по книге, заставляя ученика читать вслух. Строго соблюдаются правила произношения и пауз, но ничего не говорится о значении слов. *Закончив* таким образом Коран, то есть прочитав его один раз, ученик переходит к элементам грамматики, заучивая правила *сарфа* (склонения) и *нахва* (синтаксиса). Затем следуют гуманитарные науки: *аль-мантик* (логика), *аль-хисаб* (арифметика), *аль-джабр* (алгебра), *аль-маана валь-беян* (риторика и стихосложение), *аль-фикх* (юриспруденция), *аль-акаид* (схоластическая теология), *ат-тафсир* (экзегетика), *илм уль-усул* (наука об источниках толкования) и, наконец, венцом образования, *аль-ахадис* (предания). Обучение проводится в форме лекций; учебники используются редко; уроки начинаются утром и продолжаются несколько часов; днем они прерываются на время

молитвы. Даже в Мекке любимым местом для обучения является двор мечети, где постоянные перерывы и отвлекающие факторы, должно быть, доставляют удовольствие ленивым ученикам.

ЖЕНЩИНА ИЗ МЕККИ

ЖЕНЩИНА ИЗ МЕККИ В СВАДЕБНОМ КОСТЮМЕ

IV
СВЯЩЕННАЯ ЗЕМЛЯ АРАВИИ — МЕДИНА

«В пределах святилища или границ города запрещены все грехи, но различные школы отстаивают разные степени строгости. Имам Малик, например, не разрешает строить уборные ближе к Медине, чем Джебель-Айр, что находится на расстоянии около трех миль. Он также запрещает убивать диких животных, но в то же время не указывает наказания за это преступление. Все авторы строго запрещают в пределах города убивать людей (за исключением захватчиков, неверных и кощунников), пить спиртные напитки и вести аморальный образ жизни. В отношении достоинства святилища существует только одно мнение; ряд традиций свидетельствует о его чести, восхваляет его жителей и грозит страшными наказаниями тем, кто наносит ущерб ему или им». — *Бертон*.

Примерно в семидесяти милях к юго-востоку от Мекки находится небольшой, но приятный городок Таиф, куда были сосланы паши, осужденные за убийство Абдул-Азиза Султана. Это один из самых интересных и привлекательных городов всей Аравии, окруженный садами и виноградниками, которые веками снабжали Мекку. Тропические дожди в Таифе длятся от четырех до шести недель, а когда дожди прекращаются, сады орошаются из многочисленных колодцев, благодаря чему это место славится своими садовыми продуктами. Находящийся в непосредственной близости от бесплодного района Мекки, Таиф является раем для паломников и курортом для страдающих желтухой и истощенных лихорадкой мекканцев. В Таифе Доути увидел три старых каменных идола «дней невежества»: *Эль-Узза*, глыба гранита длиной около двадцати футов; другой, называемый *Хуббал*, с расщелиной посередине, «нанесенной мечом нашего господина Али»; и *Эль-Лат*, неуклюжий утес из серого гранита. Раньше это были каменные боги арабов, а теперь они лежат заброшенные в грязи, в то время как их брат-бог, знаменитый Черный камень, почитается миллионами!

Дорога из Мекки в Эль-Медину — «город», названный так потому, что пророк выбрал его своим домом во время гонений, — ведет почти строго на север. Это неинтересная и, по большей части, заброшенная местность, разделяющая соперничающие города. Бертон пишет, что она напомнила ему строки

«Многие пустыни я пересек,

Взобрался на многие скалы, пересек многие берега,

Но, к моему удивлению,

Такой грубой, такой дикой, как эта,

Но в своей бесплодности столь возвышенная,

Никогда не видел мои блуждающие ноги,

Где бы я ни бродил.

Есть два караванных пути, которые используют паломники, но чаще всего используется восточная дорога. [18]

Регион между Меккой и Мединой является родиной древних поэтов Аравии и классической землей. Семь Моаллакат, или «подвешенных» стихотворений, находят свое воплощение в этом регионе. Лебид писал:

«Пустынна деревня — заброшены пристанище и дом,

В Мине, над Риджамом и Гулом бродят дикие звери,

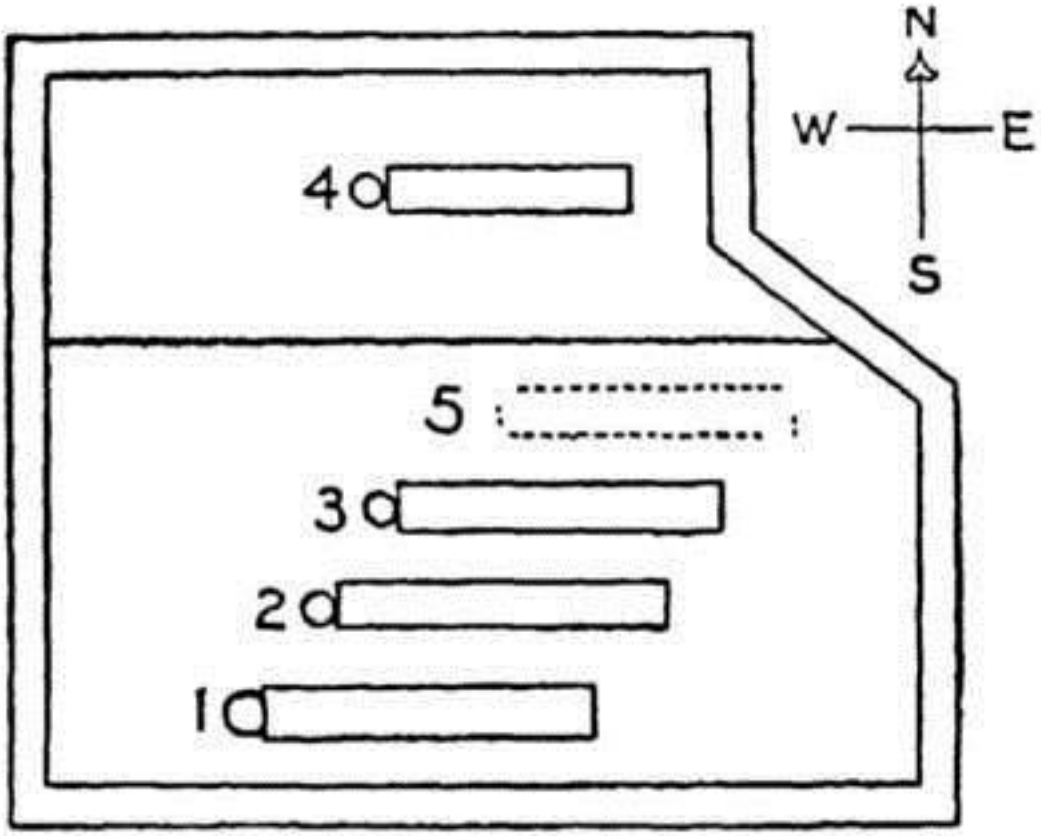
На холме Райян каналы оставили свои обнаженные следы,

Изношенное временем, как первозданное письмо, которое вмятины на поверхности горы.

Эль-Медина, ранее называвшаяся *Ясриб*, теперь также называется *Эль-Муновара*, «освещенная», и набожные мусульмане обычно утверждают, что, приближаясь к городу, они видят светящуюся дымку, висящую над его мечетями и домами. Легенды и суеверия, связанные с последним пристанищем Пророка, не уступают по количеству и достоверности тем, которые прославляют место его рождения, хотя город всего лишь примерно в половину меньше и насчитывает 16 000 жителей. Он состоит из трех основных частей: собственно города, крепости и пригородов. Он окружен стеной высотой сорок футов; улицы узкие и немощеные; дома с плоскими крышами и двойными каменными стенами.

Однако на протяжении многих веков продолжается спор о относительной святости и важности двух городов, Мекки и Медины. Посещение Медины называется *Зиярат*, а Мекки — *Хадж*; последнее является обязательным по велению Корана, а первое — заслуживающим похвалы по традиции. Ортодоксы далее оговаривают, что обход вокруг могилы пророка в Медине не разрешен, как вокруг Каабы в Мекке, и мужчины не должны носить *ихрам* и целовать могилу. С другой стороны, плевать на нее или относиться к ней с презрением, как делали ваххабиты, считается актом неверного. Еще раз процитируем Бертона: «Общее мнение ислама признает превосходство Бейт-Аллаха в Мекке над всем миром и провозглашает Медину более почитаемой, чем любая часть Мекки, и, следовательно, всей земли, за исключением только Бейт-Аллаха. Последнее является *умеренной* точкой зрения, которая ни в коем случае не пользуется поддержкой жителей обоих мест».

Единственное, что дает Медине право на святость, — это могила пророка, и все же есть некоторые сомнения относительно того, действительно ли он похоронен в мечети, воздвигнутой в его честь; конечно, каждый мусульманин, ученый или невежественный, верит в это, но есть много аргументов против этого предположения.[19] Один из этих аргументов сам по себе имел бы мало значения против столь древней традиции и практики, но их совокупная сила не может быть отрицана и вызывает серьезные сомнения в том, содержит ли нынешняя мечеть пророка какие-либо следы его останков. С другой стороны, набожные мусульмане утверждают, что пророк не действительно мертв, а «ест и пьет в гробнице до дня воскресения» и так же жив, как и раньше.



СООБЩЕННОЕ ОБУСТРОЙСТВО ВНУТРЕННЕЙ ЧАСТИ ХУДЖРЫ.

Мечеть Месджид-эль-Неби, или мечеть пророка, в Медине имеет длину около 420 футов и ширину 340 футов. Она построена почти по линии север-юг и имеет большой внутренний двор, окруженный портиками. С западной стороны мы входим в *Раузу,* или сад пророка. С севера и запада он не отделен от остальной части портика; с южной стороны проходит невысокая стена, а с восточной — решетка *Худжры*. Это нерегулярный квадрат размером около пятидесяти футов, отделенный со всех сторон от стен мечети широким проходом. Внутри, как говорят, находятся три гробницы, тщательно скрытые за железными решетками тяжелой занавесью, устроенной как кровать с балдахином. Худжра имеет четыре ворота, все они заперты, кроме четвертых, через которые пропускаются только служащие, ответственные за сокровища, евнухи, которые подметают пол, зажигают лампы и уносят подарки, брошенные в ограду верующими. Обычно утверждается, что многие ранние мусульманские святые и воины желали, чтобы оставшееся место было отведено под их могилы, но по желанию Мухаммеда оно зарезервировано для Исы при его втором пришествии и смерти. История о гробе, подвешенном на магнитах, конечно же, не имеет под собой никаких оснований и, возможно, возникла из-за грубых рисунков гробниц.

Зияра в мечети состоит из молитв и подаяний с молчаливым размышлением о священном характере Мухаммеда. Следующий образец «молитвы», произносимой у святыни Фатимы, дает некоторое представление о том, что для христианских ушей является богохульным богослужением: «Мир тебе, о дочь апостола Аллаха! Ты, мать превосходного семени. Мир тебе, о госпожа среди женщин. Мир тебе, о Пятая из народа одежды Пророка! Чистая, о дева! Мир тебе, о супруга нашего Господа, Али эль-Муртаза, о мать Хасана и Хусейна, двух Луна, двух Светов, двух Жемчужин, двух принцев молодежи Небес, Прохлада глаз истинных

верующих! и т. д., и т. д.». Молитвы, возносимые у могилы пророка, более восторженны в своей хвале и гораздо длиннее. Что бы сказал верблюдовод из Мекки, если бы услышал их?

Как и в Мекке, так и в Медине все жители города живут за счет паломников. Хранитель мечети — турецкий паша с большой зарплатой и множеством привилегий; есть казначеи, профессора, клерки и шейхи из числа этих евнухов, которые получают зарплату. Уборщики и носильщики, все евнухи, и гиды, как и в Мекке, которые живут за счет бакшиша или вымогательства. Здесь тоже разносчики воды продают жаждущим паломникам чашки соленой жидкости. Те, кто не служит в мечети, обычно держат пансионаты или продают молитвы, которые должны произноситься раз в год у могилы пророка, для отсутствующих паломников. Большинство чиновников получают зарплату из Константинополя и Каира.

Население Медины не менее разнородно, чем население Мекки; здесь также верно наблюдение Зема: «Каждое паломничество приносит новых отцов». Бертон свидетельствует: «Невозможно поверить, что в городе, укрепленном турецкими войсками, полном путешествующих торговцев и поддерживающем себя грабежом *хаджи*, могут существовать первобытные добродетели арабов. Мекканцы, смуглый народ, говорят о мадани, что их сердца черны, как их кожа бела. Это, конечно, преувеличение, но не будет чрезмерным утверждать, что гордость, воинственность, своеобразное чувство чести и мстительность, обладающая удивительной силой и терпением, являются единственными характерными чертами арабского характера, которые обычно проявляют жители Эль-Медины». В Медине производят и продают спиртные напитки, хотя и не открыто.

В Медине есть два колледжа с «библиотеками» и много мечетей-школ. В свое время Буркхардт обвинял город в полном невежестве и безграмотности, но сейчас его жители, по-видимому, посвящают себя литературе, по крайней мере, в некоторой степени.

Климат Медины лучше, чем в Мекке, а зимы холодные и суровые. Мухаммед, как говорят, сказал: «Тот, кто терпеливо переносит холод Эль-Медины и жару Мекки, заслуживает награды в раю».

Возвращаясь из малого паломничества в Медину, путешественник может вернуться в Мекку, а оттуда в Джидду, или отправиться в ближайший порт Янбо (Йембо) и оттуда вернуться домой на пароходе или паруснике. Расстояние по верблюжьему маршруту между Мединой и портом составляет 132 мили, шесть этапов, хотя хороший дромадер может преодолеть его за два дня. В Янбо начинаются владения султана в Аравии, поскольку побережье к северу принадлежит Египту. Город внешне напоминает Джидду, имеет 400 или 500 домов, построенных из белого кораллового камня, грязные улицы и ненадежное водоснабжение. Сэдлиер (1820) после своего путешествия по полуострову посетил Янбо и описывает его как «убогий арабский морской порт, окруженный стеной»; однако Янбо имеет хорошую гавань и в прежние времена был большим и важным местом; он был отождествлен с деревней Ямбия на карте Птолемея, гаванью древних набатейцев.

На этом заканчивается наше паломничество по Святой Земле Аравии. В заключение давайте поразмышляем над словами Стэнли Лейна Пула о месте, которое Мекка и паломничество занимают в мусульманской религии. «Возникает вопрос, как разрушитель идолов мог примирить свою совесть с обходом Каабы и почитанием Черного камня, покрытого поцелуями обожания ( ). Обряды паломничества, безусловно, не могут быть защищены от обвинений в суеверие, но легко понять, почему Мухаммед предписал их... Он хорошо знал укрепляющее воздействие создания центра, в котором должны были собираться его последователи, и поэтому он вновь подтвердил святость Черного камня, «ниспосланного с небес»; он предписал, чтобы мусульмане во всем мире молились, обращаясь лицом к Каабе,

и предписал им совершать паломничество туда. Мекка для мусульман — то же, что Иерусалим для евреев. Она несет в себе все влияние веков ассоциаций. Она возвращает мусульманина к колыбели его веры и детству его пророка… И, прежде всего, она заставляет его помнить, что все его братья-мусульмане поклоняются тому же священному месту; что он является частью великого сообщества верующих, объединенных одной верой, наполненных одними и теми же надеждами, почитающих одно и то же, поклоняющихся одному и тому же Богу».

V
АДЕН И ПУТЕШЕСТВИЕ ПО ВНУТРЕННЕЙ ЧАСТИ СТРАНЫ

«Аден — это долина, окруженная морем; ее климат настолько плох, что вино превращается в уксус за десять дней. Вода поступает из цистерн, а также по акведуку длиной в два фарсона».

—*Ибн-эль-Моджавир*. (1200 г. н. э.)

Аравия несчастна, потому что, как кожура каштана, ее внешний вид груб и непривлекателен. По ландшафту и климату Йемен хуже всех провинций. Два входа в Аравию Феликс очень *несчастны*. Что может быть более унылым, скучным и депрессивным, чем «мрачные холмы тьмы», которые образуют фон Адена, если смотреть с гавани? Здесь нет зелени, нет растительности; везде один и тот же вид на кучу пепла. И где можно найти более грязный, жаркий, душный и зловонный город, чем Ходейда? Тем не менее, эти два места являются воротами в самый красивый, плодородный, густонаселенный и здоровый регион всей Аравии.

Йемен — самая известная из всех провинций, она была тщательно исследована многими отважными путешественниками[20]. Однако большинство людей, путешествующих на пароходе P. and O., заходящем в Аден за углем, остаются в полном неведении о прекрасных высокогорьях, расположенных сразу за темными холмами, скрывающими горизонт Йемен простирается от Адена до Асира на севере и на восток до Хадрамаута на неопределенное расстояние. На ранних картах Arabia Felix простиралась до Омана — большой горной области с умеренным климатом. Арабский автор, описывая Йемен до времени Мухаммеда, писал: «Его жители все здоровы и сильны, болезни неизвестны, нет ядовитых растений или животных; нет глупцов, нет слепых, а женщины всегда молоды; климат как в раю, и люди носят одну и ту же одежду летом и зимой».

Массивный скалистый мыс из вулканического базальта, называемый Аден, с незапамятных времен был воротами и крепостью всего Йемена. Общепризнанно, что пророк Иезекииль имел в виду Аден, когда писал: «Харан и Канне и *Эдем*, купцы из Сабы, Ассура и Хилмада были твоими купцами». Это место было укреплено, и его замечательные каменные цистерны, вероятно, были построены ранними химаритами. В 342 году н. э. посольство императора Констанция воздвигло в Адене христианскую церковь, и Аден долгое время находился во владении христианских королей Йемена. Затем он попал в руки абиссинцев, а затем персов, примерно в то время, когда родился Мухаммед. В 1513 году Альбукерке со своими португальскими воинами осаждал Аден в течение четырех дней, но, несмотря на лестницы и

порох, не смог взять город. Мамелюкские султаны Египта из династии Аль- также не смогли захватить эту крепость. В 1838 году англичане взяли ее штурмом и с тех пор удерживают это место.

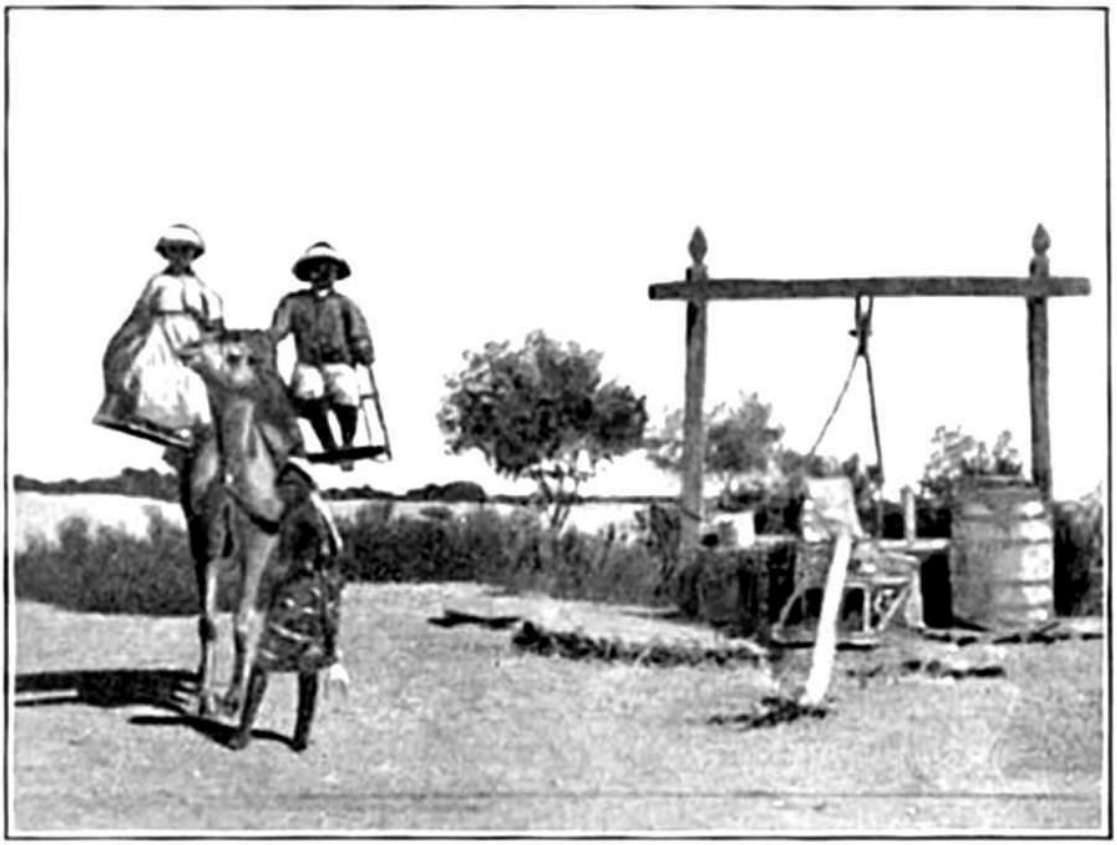
Аден сейчас является британским поселением, торговым центром, угольной станцией и крепостью; последнее особенно подчеркивается. Все последние достижения инженерного дела и артиллерии были использованы для укрепления этого места. Поездка от Стимер-Пойнт до «кратера» или от телеграфной станции до «Крещента» дает представление об огромных средствах и трудозатратах, затраченных на создание этого Гибралтара и превращение его в неприступную крепость с суши и с моря. Перешеек охраняется массивными линиями обороны, укрепленными широким рвом, вырезанным в твердой скале; бастионы, казематы и туннели служат одной цели; батареи, башни, арсеналы, склады, казармы; батареи на море, мины в гавани, преграды и вспомогательные сооружения — все говорит о военной мощи, и город всегда имеет воинственный вид, в полном соответствии с его суровой физической географией.

Обитаемый полуостров представляет собой нерегулярный овал с окружностью около пятнадцати миль; на самом деле это большой потухший кратер, образованный высокими крутыми холмами, самая высокая вершина которых, Шем Шем, имеет высоту почти 1800 футов. Здесь встречается множество видов горных пород, цвет которых варьируется от светло-коричневого до темно-зеленого. Очень распространены пемза и туф, первая из которых является предметом экспорта. Вода здесь очень скудна, и в некоторые годы почти не бывает осадков. Когда идет дождь, особенности почвы и огромный водораздел для такой небольшой территории приводят к тому, что по долинам льются сильные потоки воды. Эти редкие случаи используются для наполнения огромных резервуаров возле лагеря Аден. Резервуары были построены еще в 600 году н. э. йеменцами, которые построили знаменитую плотину в Марибе и многие другие подобные сооружения в разных частях Йемена. Вода также поступает по акведуку из Шейх-Османа, расположенного в семи милях, но большая часть населения снабжается водой из государственных конденсаторов. Несмотря на пустынный характер почвы и засушливый климат, Аден не полностью лишен естественной растительности. Томас Андерсон из Бенгальской медицинской службы перечисляет девяносто четыре вида растений, встречающихся на полуострове Аден, некоторые из которых являются совершенно уникальными. Однако большинство растений — это пустынные виды с острыми шипами, ароматным запахом, дающие камедь и смолу.

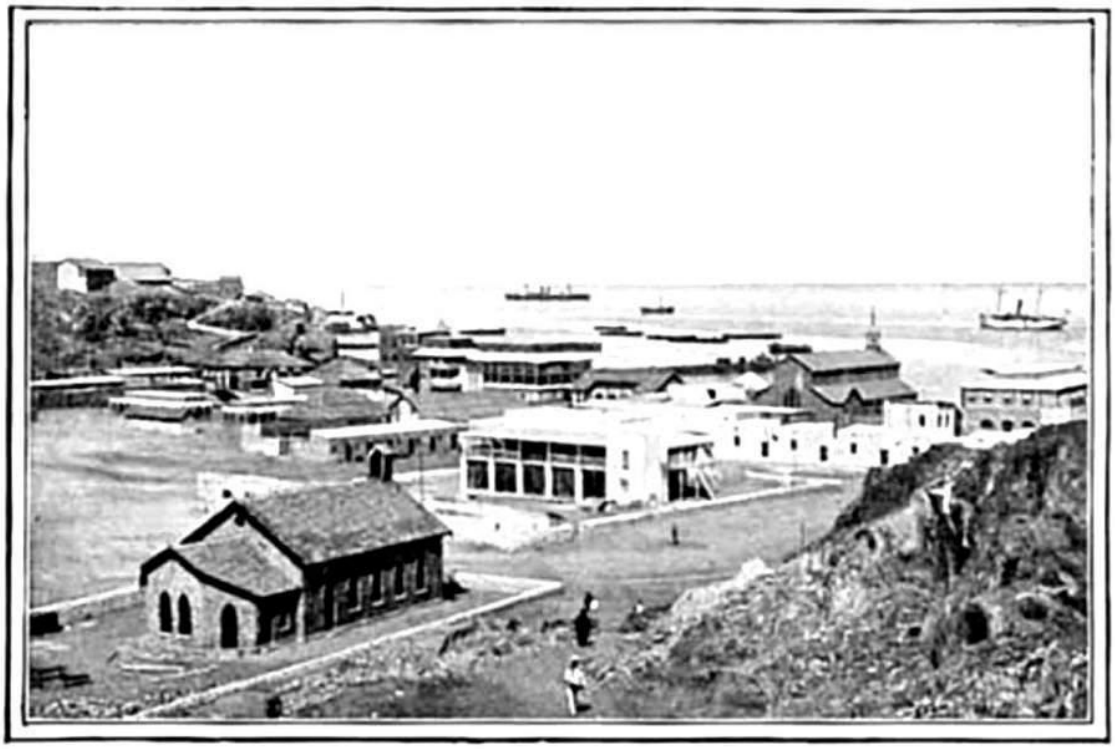
Поселение Аден имеет четыре центра населения: Стимер-Пойнт, Кресент, город Маала и «Лагерь» или собственно Аден. Дорога, фактически единственная дорога, проходит от Стимер-Пойнта на западе до собственно Адена на востоке, и никто не может похвастаться тем, что видел Аден, если не проехал на *гери* от причала до резервуаров. Лошади Адена — самые несчастные из всех животных, потому что погонщики гери много хлещут своих лошадей, но мало кормят. Кресент — это полукруглая цепочка домов и магазинов, прижатых к склону горы; здесь находятся отели «Де л'Юниверс» и «Де л'Европ» (оба одинаково «грандиозные»); кафе, магазины, банки и офисы. Почта, больница, церкви и казармы находятся дальше на запад, в направлении телеграфной станции. Примерно через две мили мы добираемся до родного города Маала. Здесь дорога разветвляется: нижняя ведет к шлагбауму и шейху Отману, а верхняя поднимается в гору через ворота укреплений и по крутому склону ведет в город Аден. По своему управлению это не восточный город, но его улицы имеют весь пестрый характер Порт-Саида. Европейцы, американцы, африканцы, азиаты и смешанные расы — все они представлены в толпе на рынке или среди прогуливающихся по улицам. Общая численность населения составляет 30 000 человек,

включая китайцев, персов, турок, египтян, сомалийцев, индусов, парсов, евреев и арабов со всех концов полуострова. Аден — крупный центр местного судоходства, и дау и бугало, которые каждый год плывут из Персидского залива в Йемен и Джидду, всегда заходят в Аден ( ) *по пути*. Также из Омана и Хадрамаута современные Синдбады направляются в Аден, чтобы обменять продукцию или запастись провизией для своих путешествий к побережью Африки.

Расстояние от Адена до старой столицы Йемена, Саны, составляет почти 200 миль по прямой, но во время моего второго путешествия туда, в 1894 году, я был вынужден сделать объезд через Таиз из-за арабского восстания. Это, а также гористый рельеф местности, увеличили расстояние до более чем 250 миль. Этот маршрут проходит через все важные города Йемена к югу от Саны или рядом с ними.



ПУТЕШЕСТВИЕ ПО ЮЖНОЙ АРАВИИ



ЦЕРКОВЬ ПАМЯТИ КИТА ФАЛКОНЕРА В АДЕНЕ

Вместе с моим бедуинским спутником Насиром я покинул Шейх-Османа ранним утром второго июля. В полдень мы достигли небольшой деревни Вахат ( ), где термометр показывал 96 градусов в тени. После короткого отдыха в семь часов вечера мы сели на верблюдов, чтобы отправиться в ночное путешествие. Наш путь пролегал через бесплодную местность, и на рассвете мы вошли в Вади-Мергия с скудной растительностью, где отдохнули в одноименной деревне под огромным акациевым деревом. На следующий день мы вошли в горы, где богатая растительность свидетельствовала о более прохладном климате. Мы прошли несколько деревень: Дар-эль-Кадим, Хотейба, Сук-эль-Джума и другие. Поскольку это был, как говорили, опасный участок дороги, весь караван, к которому мы присоединились в Вахате, был начеку, с зажженными веревочными фитилями для своих кремневых ружей, свисающими с плеч и выглядящими в темноте как множество светлячков. В три часа ночи мы поднялись на вершину вади и остановились на ночлег в Мабеке. Все дома здесь каменные, а хижины из пальмовых матов и веток встречаются только на приморской равнине Йемена. Ночью дикие арабы из деревни обсуждали возможность удержать меня в качестве заложника, чтобы получить деньги от англичан в Адене! Но Насир успокоил их тройной бедуинской клятвой, что я не являюсь ни правительственным чиновником, ни англичанином, а американским путешественником.

На следующий день после отъезда из Мабека мы прибыли в начало счастливых долин Йемена, которые сильно отличались от жаркого побережья. Страна, где апельсины, лимоны, айва, виноград, манго, сливы, абрикосы, персики, яблоки, гранаты, инжир, финики, бананы и шелковица дают свои плоды в сезон; где пшеница, ячмень, кукуруза, просо и кофе являются основными продуктами, и где цветет великолепное изобилие диких цветов, называемых «травой» не поэтичными погонщиками верблюдов. Земля, горы которой возвышаются на высоту более 9000 футов, с террасами от холодных вершин до теплых долин с сельскохозяйственными амфитеатрами, орошаемыми тысячами ручьев и ручеек, некоторые из которых вечные, текущих по искусственным каналам или прыгающих по скалам в виде миниатюрных водопадов. Земля, где иволга вешает свое гнездо на темной акации, дикие

голуби прячутся в расщелинах скал, а хамелеон демонстрирует свои цвета у дороги под высоким цветущим кактусом ( ). Таков Йемен. Растительность Аравии Феликс начинается незадолго до достижения Муфалиса ( ) на этом маршруте, где турецкий замок и таможня провозглашают границу османской агрессии.

Во время нашего марша воздух и пейзажи были прекрасны. Арабские крестьяне работали в полях, пахали[21] волами, ремонтировали стены террас и открывали водотоки. Женщины были без чадры и носили живописные костюмы, распространенные в южном Йемене; их узкие брюки застегивались на талии и лодыжках, а на плечи накидывались длинные плащи, с низким вырезом, опоясанные и с бахромой внизу из вышитой ткани зеленого или красного цвета. Здесь они носят легкие тюрбаны, но на побережье Ходейды широкие соломенные шляпы покрывают головы йеменских красавиц, когда они погоняют своих ослов на рынок.

На рассвете мы увидели самые высокие вершины слева от русла вади. Одна из них увенчана *валли*, или могилой святого Саледа бин Така. Такие могилы распространены в Йемене, и тысячи людей ежегодно посещают их, чтобы попросить заступничества, причем у каждого святого есть свой особый день в мусульманском календаре. В Моке могила арабского шейха Абу-эль-Хасана Шадели, который первым открыл использование кофе, пользуется большим почитанием у паломников из дальних стран.

В восемь часов утра четвертого июля мы достигли *бурджа* под названием Муфалис и впервые столкнулись с турецким правлением в Йемене. Неожиданно мы наткнулись здесь на турецкую таможню, которую я считал расположенной в Таизе, так как граница турецкого Йемена на моих картах не простиралась дальше на юг. Невежливый негр, называвший себя Мудиром Таможни, выглянул из иллюминатора и потребовал, чтобы я поднялся к нему. Пройдя через грязь и темноту, я добрался до его маленькой комнаты и изложил свою просьбу и цель. Ни любезные слова, ни предложенные бакшиши не помогли; *«весь* багаж должен быть вскрыт, а *все* книги запрещены к ввозу в Йемен по недавнему распоряжению», — утверждал он. Поэтому сначала я открутил крышки двух ящиков старым ножом. Книги, после тщательного осмотра глазами, которые не могли читать, были конфискованы; затем были обысканы мои седельные сумки, и все книги и карты также были конфискованы. Мне отказали даже в квитанции за изъятые книги, и на все просьбы и вопросы единственным ответом было: ехать в Таиз и обратиться к губернатору.

Лишенные нашего имущества, мы покинули «таможню» в одиннадцать утра, взяв с собой старика на ослике, вооруженного копьем, в качестве проводника и защитника, потому что Насир слышал, что в этом районе были беспорядки. В два часа мы отдохнули полчаса в тени огромной скалы на дне вади, а затем, предупрежденные раскатами грома, поспешили дальше, надеясь добраться до Хирвы до наступления темноты. Однако менее чем через час небо почернело, пошел проливной дождь, и мы поняли, что бесполезно пытаться подгонять медлительных верблюдов через вади. Поблизости не было никакого укрытия, поэтому мы присели под небольшим деревом на полпути к глинистому берегу. Дождь перешел в град — крупные камни напугали верблюдов, и они бросились бежать, а мы промерзли до костей.

Когда буря утихла, наш ослиный погонщик прибежал с ужасом на лице и сообщил нам, что его бедное животное упало с откоса и его уносит потоком воды! То, что полчаса назад было сухим руслом реки, теперь превратилось в бурные пороги. Мы решили подняться по террасам к дому, который мы увидели на склоне горы. Верблюды опередили нас, и после энергичного подъема по грязевым полям и скалам мы достигли дома и гостеприимства шейха Али. У угольного костра, выпив много *кишра* (сделанного из *скорлупы* кофейных зерен), мы вынуждены были слушать долгую дискуссию о потерянном ослике. В конце

концов, дело было улажено моим предложением заплатить половину стоимости животного при условии, что наш проводник пойдет с нами в *Хирву*.

На следующий день мы вышли рано. Из-за крутых подъемов я был вынужден идти пешком большую часть пути и сильно вывихнул лодыжку. Боль не беспокоила меня до вечера, когда она опухла и заставила меня ходить «на костылях» в течение нескольких дней. *Хирва* — небольшая арабская деревня с еженедельным рынком, и мы нашли приют в обычной кофейне, характерной для Йемена. На следующий день мы достигли *Септ-Эз-Зейла*, где нашли более чистые помещения, чем накануне. Около полуночи пришла воинственная группа бедуинов и напугала мирных жителей деревни, требуя еды и т. д. Они только что вернулись после поджога небольшого замка и, насчитывая шестьдесят голодных мужчин, не поддавались запугиванию. Они уже собирались ворваться в наши помещения, когда Насир и женщины пообещали дать им еду. Внутри я молчал и слушал шум мельницы, печи и кофемолки. Снаружи некоторые арабы схватили корову, принадлежавшую бедной женщине, и забили ее для своего пира. При этом раздавались крики женщин, лай собак и клятвы Великого Аллаха, которые я надеюсь больше никогда не слышать. Наконец, арабы ушли с полными желудками, а мы спали беспокойно, боясь, что они могут вернуться. На следующий день мы отправились в Таиз и прибыли туда в полдень, через неделю после отправления из Адена.

Мутасариф-паша, или губернатор, остался доволен моими паспортами и выразил сожаление по поводу того, что книги были конфискованы в Муфалисе, но таково было закон. Однако он разрешил мне послать за ними для проверки. То, что написано здесь в четырех строках, было результатом четырех утомительных дней работы и терпения! В Муфалис был отправлен солдат; я был вынужден доверить ему деньги для уплаты таможенных пошлин, нанять верблюда для перевозки книг и, наконец, заплатить за две пачки сургуча (цена в Таизе — одна рупия), чтобы запечатать книги и карты, чтобы их не подделали — и все это по приказу просвещенного правительства Высокой Порты! Первый гонец так и не добрался до Муфалиса; по дороге он был атакован арабами, получил ножевое ранение в шею, был ограблен, лишился винтовки и был отправлен обратно в военный госпиталь в Таизе ( ). Затем последовала еще одна задержка, чтобы найти и отправить второго солдата с тем же верблюдом, деньгами и сургучом, но с новой винтовкой. Он вернулся с книгами в целости и сохранности через пять дней! Ни один турок не мог оценить стоимость книги, поэтому по закону книги облагаются налогом по весу, включая коробки. Таможенная квитанция была приложена к «200 килограммам еврейских книг (по двадцать пиастров за килограмм), стоимостью 4000 пиастров, и таможенным пошлинам в размере 288 пиастров». В том же документе я был упомянут как «еврей Ишмаил Дайф Уллах» — довольно любопытное сочетание имен. Меня назвали «евреем» из-за пачки еврейских Новых Заветов; Ишмаил было эквивалентом имени Самуил; а Дайф Уллах — моим арабским прозвищем.

VI
ЙЕМЕН: ШВЕЙЦАРИЯ АРАБИИ

«Если бы турки ушли из Йемена, открылось бы прекрасное поле для торговли, поскольку турецкое правительство является жестоким, а все земледельцы облагаются несправедливыми налогами» — *Ион Кит Фалконер*.

Во время ожидания в Таизе у меня была возможность изучить городскую жизнь Йемена и систему правления, а также немного узнать о выращивании кофе и каата, двух основных продуктов этой части Йемена.

Таиз нечасто посещают путешественники из Запада, а это очень интересное место. Это большая укрепленная деревня с населением около 5000 человек, резиденция мутасаррифа, чья власть простирается от провинции Ходейда до границы с Аденом, включая Моку и Шейх-Сейид на побережье, недавно покинутые Францией. В городе пять ворот, одно из которых замуровано, и пять больших мечетей в византийском стиле. Самая большая мечеть называется Эль-Музафер, у нее два больших минарета и двенадцать красивых куполов. Таиз когда-то был центром образования, а его библиотеки были известны во всей Аравии. Фирозабади, Ной Уэбстер арабского языка, преподавал в Таизе и редактировал там свой словарь «Океан». Он умер в соседнем городе Зебид в 1414 году, и его могила почитается учеными Йемена.

Базар не большой, но четыре европейских магазина, принадлежащих греческим купцам, хорошо снабжены всеми обычными предметами цивилизации. Одна общественная баня, находящаяся в прекрасном состоянии, и военный госпиталь свидетельствуют об османской оккупации. В крепости размещается около 1300 солдат, а резиденция мутасаррифа находится в красивом и уютном небольшом здании за пределами города. Мечети когда-то были величественными, но теперь они разрушены и служат пристанищем для летучих мышей; знаменитые библиотеки исчезли, а подземные своды самой большой мечети, ранее использовавшиеся как портики для учеников, теперь служат турецкими конюшнями. Есть почта и телеграф; почта раз в неделю отправляется в Ходейду через Зебид и Бейт-эль-Факих, а телеграф в том же направлении работает немного быстрее, когда провода в порядке.

Таиз окружен Джебель-Собром, самым высоким горным хребтом на юге Йемена. Вершина Хисн-Арус, расположенная недалеко от города, имеет высоту более 7000 футов. По словам Нибура и Дефлера, в ясный день с вершины этой горы можно увидеть низменности, Красное море и Африку. Я не смог подняться на вершину, так как мой арабский гид подвел меня, а дни были туманными и часто шли дожди.

Таиз является центром культуры каат для всего Йемена, и кофе поступает сюда по пути в Ходейду или Аден. Среди всего богатства растительности и плодов каждое растение кажется туристу знакомым, кроме каат. Это кустарник, название которого неизвестно за пределами Йемена, в то время как там он известен и используется каждым сыном матери, а также самими матерями и дочерьми. Во время поездки из Адена в Шейх-Осман вы впервые узнаете это *название*. Почему эти красные флаги подняты возле полицейских постов, расположенных через определенные промежутки на дороге, и почему их снимают, как только проходят верблюды? О, они везут грузы каата на рынок в Аден, а флаги служат для предотвращения мошенничества на таможне. Ежегодно в Аден поступает более 2000 верблюжьих грузов, и каждый груз проходит через английскую территорию по системе «блочных сигналов», поскольку он облагается высоким налогом. Что касается его *использования*, то зайдите в кахва в любой части Йемена незадолго до заката, и вы увидите

арабов, у каждого из которых на коленях лежит пучок зеленых веток, и они жуют листья каата.

В Таизе я впервые имел возможность встретиться с евреями из внутренних районов Йемена. Всего их число, пожалуй, составляет 60 000 человек во всей провинции. Они живут в основном в крупных городах, и очень немногие из них являются земледельцами. Они являются презираемой и угнетаемой расой , но в Сане говорят, что их положение под властью турок не так плохо, как было под властью арабских правителей до 1871 года. Существуют противоречивые сведения об их происхождении. Некоторые говорят, что они являются потомками евреев, подвергшихся рассеянию, но другие считают, что они были иммигрантами с севера более 900 лет назад. Они более чистоплотны, умны и надежны, чем арабы; и хотя они не имеют никакой связи с остальным миром и не знают своих европейских соотечественников, они не незнакомы с ивритом и раввинским учением. Их синагога недалеко от Таиза представляет собой невысокое каменное здание размером 25 на 15 футов. В качестве мебели в ней есть только несколько занавесей с вышитыми текстами, напечатанная схема древнего подсвечника с именами двенадцати колен и высокий пюпитр. Таковы все синагоги Йемена.

В Таизе евреи, казалось, примирились с многовековым угнетением и обложениями налогами. Многие старые мусульманские законы против неверных, такие как запрет на *езду верхом*, ношение оружия или ношение дорогой одежды на публике, по-прежнему строго соблюдаются, если не правительством, то обычаями. Евреи повсеместно презираются, но без них не обойтись, поскольку почти вся ремесленная работа находится в руках евреев. Мусульмане-арабы не научились у евреев ничему, кроме Корана, но, увы, евреи впитали в себя многие глупые обычаи и суеверия, чуждые их вере, из ислама.

Когда еврейские Священные Писания прибыли в Таиз, я снова был разочарован, потому что губернатор не разрешил вскрывать ящики, а велел отправить их запечатанными и под охраной в Сану. Позже я узнал, что «охрана» была предназначена как для меня, так и для книг, и что солдат нес письмо с таким обвинением: «Это обращенный в ислам еврей, который развращает религию ислама и продает книги мусульманам и евреям». У меня не было другого выбора, кроме как отправиться в Сану, взяв с собой в качестве слуги араба-дамара и уволив верблюдов из Адена.

Я покинул Таиз на муле 26 июля и в тот же день прибыл в Сеяни ( ). На следующую ночь мы достигли Ибба. Здесь я был вынужден остановиться за пределами города, так как охрана имела инструкции не позволять мне «видеть вещи». Я с нетерпением переносил это, пока не узнал, что наш слуга был заключен в тюрьму по нашему прибытии за то, что назвал мне названия деревень на пути! Тогда я обратился к мэру и, сославшись на свои паспорта, потребовал права передвигаться по городу и освобождения моего слуги. После некоторой задержки оба требования были удовлетворены. Этот инцидент — один из многих, демонстрирующих подозрительное отношение властей Йемена к незнакомцам. В субботу солдат и я поспешили добраться до большого города Йерим до воскресенья, чтобы отдохнуть там, ожидая верблюда с багажом. Это была долгая двенадцатичасовая поездка, но через восхитительную местность, повсюду плодородную и покрытую террасами с кофейными плантациями и рощами каата.

Йерим, насчитывающий, пожалуй, 300 домов, расположен в котловине горного хребта Сумара. В нем есть крепость и несколько внушительных домов, но в целом город выглядит убого. Соседнее болото является рассадником малярии, и это место славится своей нездоровой атмосферой в этом иначе благоприятном для здоровья регионе. Ботаник Нибура, Форскал, умер здесь во время их путешествия в 1763 году. Дорога из Ибба в Йерим, пожалуй, имеет самый красивый пейзаж из всех частей Йемена; я никогда не видел более живописных гор и долин, зеленых и ярких от цветов. Скабиоза, колокольчики, незабудки, золотарник, четырехчасовые цветы и большие олеандры...

«Вся земля была полна неба

И каждый куст был охвачен огнем Божьим».

Кактусы были в полном цвету и достигали шести метров в высоту у горных перевалов. Две тысячи футов ниже слышался шум воды, несущейся по руслу вади или исчезающей под мостами, перекинутыми через долины. А высоко вверху облака наполовину скрывали вершину «Газелиной шеи» (Унк эль-Газель).

Воскресенье, 29 июля, было холодным днем в Йериме; ранним утром температура опустилась до 52°, а ночью понадобилось два одеяла. Только в девять часов стало достаточно тепло, чтобы торговцы Йерима открыли свои лавки.

Еврейская семья, направлявшаяся в Таиз, остановилась с нами в караван-сарае, и ночью я более двух часов беседовал с ними и арабами о Христе. Никто не прерывал нас, и я был впечатлен тем, что и евреи, и арабы с интересом слушали то, что я рассказывал им из Исаии 53, читая по-арабски при тусклом свете свечи, среди багажа и животных восточной гостиницы. В маленькой деревне Хадер, в восьми милях от Ваалана, «охрана» разгневалась, потому что я попытался заговорить с евреем. Когда я выразил протест, они начали бить еврея прикладами своих винтовок[22], и когда бедняга убежал, моей лучшей защитой было молчание. На обратном пути я нечаянно снова вызвал неприятности, упомянув, что Иисус Христос и Моисей были *евреями*, что арабы сочли оскорблением пророков Божьих.

На дороге за Йеримом мы миновали большой валун с неровным отпечатком на одной стороне. Его называют отпечатком стопы Али, и арабы, которые проходят мимо, всегда помазывают его маслом. Крутые подъемы и спуски пути теперь остались позади. От Йерима до Саны плато более ровное. Широкие поля чечевицы, ячменя и пшеницы заменяют рощи каата и кофе; для пахоты использовались верблюды, которые с их длинными шеями и странными упряжками представляли собой необычное зрелище.

Следующая остановка была в Дамаре, на высоте 8000 футов над уровнем моря. Это большой город с тремя мечетями с минаретами и большим базаром; дома построены из местного камня, имеют три-четыре этажа, удивительно чистые и хорошо построенные. Внутри они побелены, а в качестве оконных стекол используются прозрачные плиты гипса . Из Дамара дорога ведет на северо-восток через Маабер и перевал Кариет-эн-Некиль в Ваалан; оттуда, почти на север, в Сану. От Дамара до Ваалана тридцать пять миль, а оттуда до столицы еще восемнадцать миль. Дороги вблизи города Сана содержатся в хорошем состоянии, хотя из-за турецкой артиллерии здесь нет колесных транспортных средств.

В четверг, 2 августа, мы въехали в Сану через Йеменские ворота. Три года назад я въехал в город с другой стороны, прибыв из Ходейды; тогда это было во время арабского восстания, и я сам был пленником. Меня отвели в Доулу и передали на попечение полицейского, пока

вали не рассмотрел мое дело. Найдя старого греческого друга из Адена, который предложил выступить за меня поручителем, я был освобожден и в течение девятнадцати дней был занят осмотром города и посещением евреев[23].

Сана, древнее название которой Узал, на протяжении многих веков является главным городом Йемена, насчитывает около 50 000 жителей и раскинулась в широкой равнинной долине между Джебель-Нокумом и соседними горными хребтами. Она находится на высоте 7648 футов над уровнем моря. Город имеет форму треугольника, восточная вершина которого состоит из большой крепости, возвышающейся над городом и построенной на самом низком отроге Нокума. Город разделен на три квартала, окруженных стеной, и весь город окружен одной непрерывной стеной из камня и кирпича. Это, соответственно, собственно город, в котором находятся правительственные здания, огромные базары и резиденции арабов и турок; еврейский квартал; и Бир-эль-Азиб, который находится между ними и содержит сады и виллы, принадлежащие богатым туркам и арабам. Когда-то город был очень богатым и процветающим, и сегодня остается, после Багдада, самым процветающим городом во всей Аравии. Магазины хорошо снабжены европейскими товарами, и здесь ведется крупное производство шелка, ювелирных изделий и оружия ( ). Правительственный квартал с его кафе, бильярдными, большими греческими магазинами, каретами, чистильщиками обуви и духовым оркестром напоминает Каир. В Сане сорок восемь мечетей, тридцать девять синагог, двенадцать больших общественных бань, военный госпиталь на 200 коек, и он является центром торговли для всего северного Йемена и северо-западного Хадрамаута, а также для отдаленных деревень Неджран и плодородного Вади- -Дауасир. Арабы из всех районов толпятся на базарах, и длинные вереницы верблюдов ежедневно отправляются к побережью Ходейды.

14 августа я ранним утром отправился на прогулку в Роду, деревню примерно в восьми милях к северу от Саны, расположенную посреди прекрасных садов. Из Роды прямой караванный путь ведет в Неджран, и с окраины деревни, глядя на север, открывается привлекательная картина. Плодородное плато простиралось до горизонта, и всего за два дня пути можно было добраться до свободной пустыни за пределами турецкого владения. Но на этот раз путь через полуостров был закрыт из-за моего банкротства; ограбленный в Йериме в кофейне и уже имея долги в Сане, я не мог продолжить путь, разве что как нечестный дервиш.

21 августа я покинул Сану и отправился в Ходейду, получив от османского правительства ссуду в двадцать долларов, которую нужно было вернуть в американском консульстве. Мы следовали по обычному почтовому маршруту, по которому я путешествовал в первый раз.

Плато или нагорье между Саной и Бананом — это пастбищная местность. Бедуины живут в каменных деревнях и пасут свои огромные стада на равнине; верблюды, коровы и овцы паслись сотнями и тысячами. После Банана начинается трудный спуск к побережью по крутым горным *лестницам*, а не по дорогам, через разбитые мосты и через природные арки. Плодородные, возделанные горные склоны были со всех сторон, напоминая долины Швейцарии. В одном районе недалеко от Сук-эль-Хамиса весь горный склон на высоте 6000 футов был террасирован от вершины до основания. Генерал Хейг писал об этих террасах: « Трудно представить себе, какое огромное количество труда, усилий и настойчивости они представляют собой. Стены террас обычно имеют высоту от пяти до восьми футов, но к вершине горы они иногда достигают пятнадцати или восемнадцати футов. Они построены полностью из необработанного камня, уложенного без раствора. Я подсчитал, что в среднем каждая стена удерживает террасу, ширина которой не превышает двойной высоты самой стены, и я не думаю, что видел ни одного невосстановленного пролома в одной из них»[24].

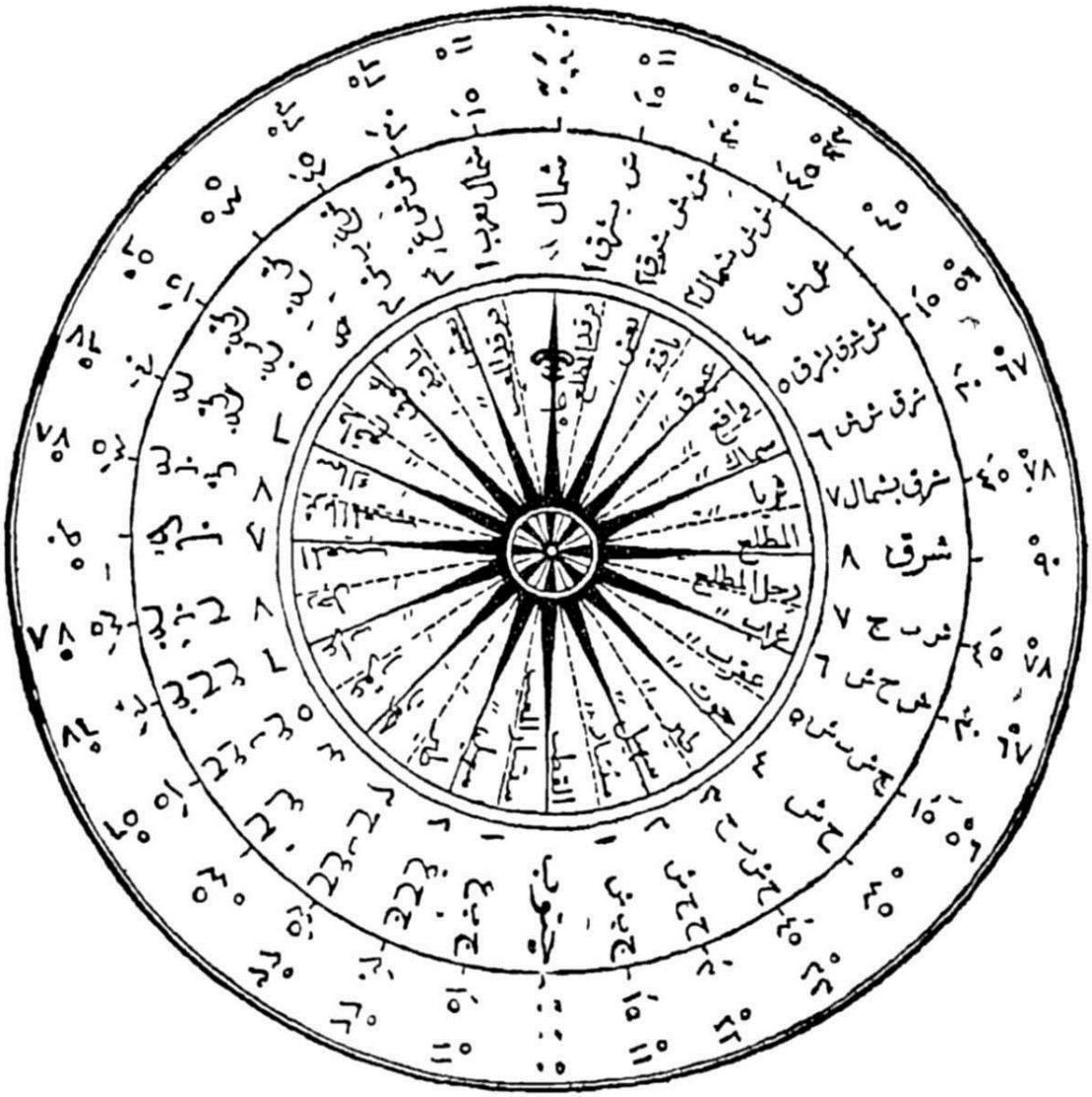
В Йемене два сезона дождей — весной и осенью, поэтому в многочисленных водохранилищах, предназначенных для орошения, обычно хватает воды. Однако, несмотря на необычайную плодородность почвы и удивительную трудолюбивость жителей, большая часть населения живет в крайней нищете, плохо питается и грубо одевается, потому что их угнетает безжалостная система налогообложения. Каждый сельскохозяйственный продукт, орудие и процесс находятся под тяжелой рукой угнетательной администрации и военной оккупации, не знающей законов. Крестьяне грабятся солдатами по дороге на рынок, таможенниками у ворот каждого города и, кроме того, сборщиками налогов. По дороге в Сану мой сопровождающий солдат остановил бедного крестьянина, который гнал маленького ослика, нагруженного двумя большими корзинами винограда; он опустошил лучшие ягоды в свои седельные сумки, а затем избил человека и проклял его за то, что некоторые ягоды были незрелыми! Неудивительно, что мы читаем о восстаниях в Йемене, и неудивительно, что в каждом арабе живет сильная ненависть к самому имени турка.

Из Сук-эль-Хамиса, грязной горной деревни[25], расположенной на высоте более 9500 футов, дорога ведет через Мефак и Вади Заун к необычно расположенной деревне Менаха. На высоте 7600 футов над уровнем моря она сидит на узком хребте между двумя горными хребтами. По обе стороны от единственной улицы , которая составляет основу вершины, находятся обрывы глубиной 2000 футов. Город настолько узок, что в некоторых местах можно стоять и смотреть одновременно в обе стороны пропасти. Чтобы добраться до него с запада, есть только один путь, извивающийся по склону горы, а с востока к нему можно подойти только по узкой тропе, проложенной по склону обрыва и извивающейся вверх на 2500 футов. Менаха является центром торговли кофе; ее население составляет 10 000 человек и более, треть из которых — евреи. Здесь проживают четыре греческих купца, турки разместили в городе гарнизон из 2000 солдат, а базары не уступают базарам Таиза. Точная высота над уровнем моря, по данным Дефлера, после восемнадцати наблюдений составляет 7616 футов.

От Менахи до побережья всего два дня пути; три дня на верблюде. Первый этап — до Хеджейлы, у подножия высоких гор, оттуда до Баджила, деревни с 2000 жителей, и по бесплодной, жаркой равнине до Ходейды. В Баджиле почти все жители являются пастухами, а основными видами деятельности являются окрашивание ткани и плетение соломы. Здесь можно увидеть любопытные йеменские соломенные шляпы, которые носят женщины, а также крестьянские девушки, не носящие чадры. Тем не менее, они более чисты сердцем и жизнью, чем женщины в черных одеждах и с покрытыми головами из турецких городов.

Ходейда, расположенная на берегу моря, по своему общему виду очень похожа на Джидду. Улицы узкие, извилистые и невыразимо грязные. «Казино» — это своего рода греческий отель для приезжих, а самый красивый дом в городе — дом Сиди Аарона, расположенный недалеко от моря, с красивым фасадом и мраморным двором. Население города очень разнородное; к востоку от города, в отдельном квартале, живут арабы-ахдам, происхождение которых неизвестно, но которых все остальные арабы считают изгоями. Им не разрешается носить оружие, и ни одно арабское племя не вступает с ними в браки.

Из Ходейды в Аден регулярно ходят небольшие пароходы, а египетские пароходы, курсирующие по Красному морю, также заходят в Ходейду раз в две недели. Когда-то торговля в Ходейде процветала, но и здесь турецкое бесправие привело к упадку и застоям в бизнесе, а высокие налоги уничтожили промышленные предприятия.



АРАБСКИЙ КОМПАС.

VII
НЕДОИЗУЧЕННЫЕ РЕГИОНЫ ХАДРАМАУТА

«Как те, кто плывет

За мыс Доброй Надежды и теперь прошли

Мозамбик, в море дуют северо-восточные ветры

Сабейские ароматы с пряного берега

Благословенной Аравии». — *Милтон*.

Мы должны хотя бы мельком взглянуть на почти неизвестный регион под названием Хадрамаут [26]. Это полоса территории, простирающаяся между великой пустыней и морем

от Адена на восток до Арабии ( ) в Омане. Наши знания о внутренней части этого региона были почти полностью нулевыми, пока в 1843 году предприимчивый путешественник А. фон Вреде не пролил на него немного света. Побережье относительно хорошо известно, по крайней мере, до Макаллы и Шехра. Земля поднимается от побережья серией террас до Джебель-Хамры (5284 фута), которая на северо-востоке соединяется с Джебель-Дахурой, высотой более 8000 футов.

Адольф фон Вреде отплыл из Адена в Макаллу, а оттуда проник вглубь материка до Вади-Доана, самого плодородного места во всей Южной Аравии. Этот вади течет на север через землю Бни-Исса, а район граничит на западе с Белад-эль-Хасаном и на востоке с Белад-эль-Хамумом. Однако насколько далеко простирается этот регион на север и действительно ли песчаная пустыня Эль-Ахкаф (зыбучие пески) начинается с Вади-Рахия, ответвления Доана, — это вопросы, на которые фон Вреде не дает ответа и которые до сих пор остаются неясными. В 1870 году Жозеф Халеви ( ), французский еврей, предпринял смелую попытку проникнуть в Хадрамаут из Йемена. С тех пор наши знания о Хадрамауте практически не пополнялись, пока в 1893 году Шибам, резиденция самого могущественного султана Хадрамаута, не был посещен Теодором Бентом и его женой. В 1897 году они совершили второе путешествие в тот же регион, которое стоило мистеру Бенту здоровья, а впоследствии и жизни. Из отчета об этих путешествиях мы цитируем несколько абзацев, которые ясно показывают интересный характер этой почти неизвестной страны. [27]

«Сразу за Макаллой возвышаются мрачные засушливые горы красноватого оттенка, и город прижимается к этому богатому фону. На берегу, как маяк, стоит белый минарет мечети, стены и шпили которой покрыты густыми скоплениями морских птиц и голубей; недалеко от него огромный дворец, где живет султан, напоминает побеленную мельницу с кружевным парапетом; белый, красный и коричневый — доминирующие цвета города, а в гавани арабские дау с фантастическими кормами качаются взад и вперед на неспокойном море, образуя в целом живописную и необычную картину.

«Номинально Макалла управляется султаном из семьи Аль-Кайти, чья связь с Индией сделала их очень английскими в своих симпатиях, и общий вид его величества, с его бархатным пальто и украшенными драгоценными камнями кинжалами, гораздо больше индийский, чем арабский. На самом деле самыми влиятельными людьми в городе являются алчущие денег парсы из Бомбея, и по сути это один из тех торговых центров, где на хиндустани говорят почти так же часто, как и на арабском. Мы поселились в так называемом дворце рядом с базаром, который источал таинственные запахи и кишел мухами; поэтому мы усердно трудились, чтобы закончить приготовления и сделать наше пребывание в этом неприятном, жарком месте как можно более коротким...

«Оставив эти деревни позади, мы быстро поднимались все выше и выше, пока на высоте более 5000 футов наконец не оказались на широком ровном плато, простирающемся насколько хватало глаз во всех направлениях и отделяющем Хадрамаут от побережья. Это «mons excelsus» Плиния; здесь мы имеем обширную территорию, где когда-то процветали ладан и мирра. Последнего кустарника осталось много, и его по-прежнему собирают ради ароматного сока; но первого мы видели только один экземпляр на плато, потому что с течением веков богатство этой страны постепенно исчезло; однако, насколько я понимаю, дальше на восток, в стране Махра, его осталось значительное количество.

«Рядом с Хаджарейном есть много следов древних времен, когда процветала торговля ладаном, а город Доани, название которого до сих пор сохранилось в Вади-Доане, был

крупным торговым центром этой торговли. Акры и акры руин, датируемых веками непосредственно до нашей эры, простираются вдоль долины, лишь слегка выглядывая из-под тяжести наслоившегося песка, который захватил и погреб под собой былое величие этого района. Земля усыпана фрагментами гимйаритских надписей, керамики и другими признаками богатой добычи для археологов, но враждебность племени Нахад не позволила нам осмотреть эти руины более чем бегло, и даже для этого нам пришлось заплатить шейху этого места девятнадцать долларов; его приветствие было зловещим, когда он сердито пробормотал: «Салам всем, кто верит, что Мухаммед — истинный пророк».

«В Ассабе нам не разрешили окунуть наши сосуды в их колодец и не разрешили пообедать в тени их мечети: даже женщины этой деревни осмелились оскорбить нас, заглядывая ночью в наш палатку и спотыкаясь о парней, что было крайне раздражающим для уставших обитателей.

Наши неприятности в этом отношении счастливо закончились в Хауре, где огромный замок, принадлежащий семье Аль-Кайти, возвышается над скромной деревушкой, окруженной пальмовыми рощами. , чтобы подтвердить мои слова фотографиями, я едва ли осмелился бы описать великолепие этих замков в Хадрамауте. Замок в Хауре имеет семь этажей и занимает площадь в один акр под нависающим утесом, с зубцами, башнями и бойницами, поразительно напоминающими Холируд. Но Холируд построен из камня, а Хаура, за исключением первого этажа, построен из высушенных на солнце кирпичей; и если бы Хаура стоял там, где Холируд, или в любой другой стране, кроме сухой и засушливой Аравии, он давно бы растаял...

«Одной из самых поразительных черт этих арабских дворцов является резьба по дереву. Двери изысканно украшены сложными узорами, а на перемычке вырезан текст из Корана; замки и ключи сделаны из дерева и представляют собой образец искусства резчика, как и шкафы, ниши, несущие балки и окна, которые украшены резьбой вместо стекла. Жилые комнаты находятся наверху, первый этаж используется исключительно для хранения товаров, а второй — для прислуги».

О главном городе внутренней части Хадрамаута г-н Бент пишет следующее:

«Затем он отправил нас на пять дней в свою столицу Шибам, которая находится в двенадцати милях от Аль-Катана и является одним из главных городов долины Хадрамаут. Он построен на возвышенности в центре самой узкой части долины, так что никто не может пройти между ним и скалами долины вне досягаемости выстрела из стен. Эта возвышенность, несомненно, была создана многими поколениями городов, построенных из высушенных на солнце кирпичей, поскольку это лучшая стратегическая точка в окрестностях. Ранние арабские писатели рассказывают нам, что химяритское население этого района прибыло сюда, когда в начале нашей эры покинуло свою столицу в Саботе, или Шабве, расположенную выше по долине, но мы обнаружили явные следы более раннего заселения — надпись и печать с выгравированным на ней именем «Шибам», которые не могут быть позднее III века до нашей эры. И как место сбора караванов, отправлявшихся из района выращивания ладана в Сабуа ( ), Шибам всегда должен был быть очень важным.

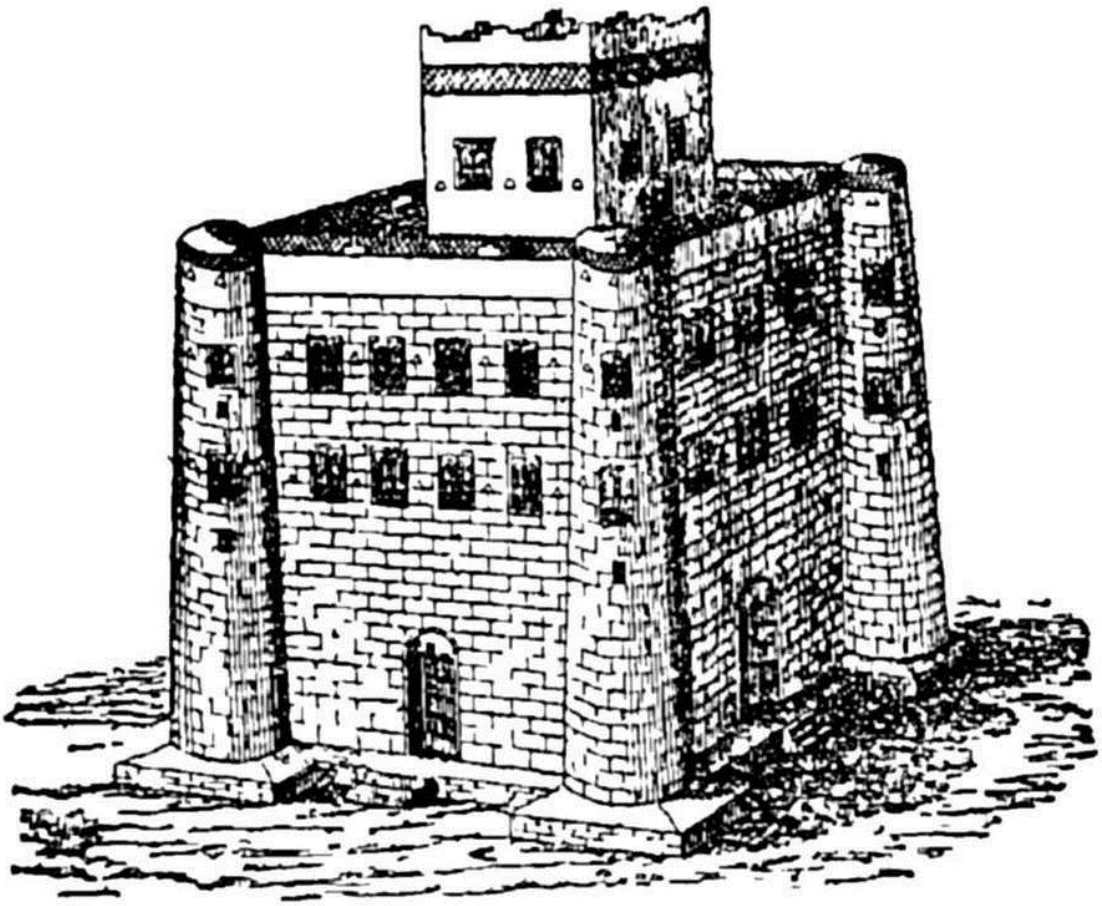
«Город Шибам выглядит любопытно, когда к нему приближаешься: над его глинобитными стенами с бастионами и сторожевыми башнями возвышаются высокие побеленные дома богачей, которые делают его похожим на большой круглый торт с сахаром. За стенами города ведется несколько видов промышленности, главным из которых является производство индиговой краски. Мелкие листья сушат на солнце, измельчают в порошок, а затем помещают в огромные кувшины, напоминающие нам «Сорок разбойников»,

наполненные водой. На следующее утро их перемешивают длинными палками, получая темно-синюю пенную смесь; ее оставляют отстаиваться, а затем индиго снимают со дна и раскладывают на ткани для стекания; полученное таким образом вещество забирают домой и смешивают с финиками и селитрой. Четыре фунта этого индиго на галлон воды дают необходимый и повсеместно используемый краситель для одежды, лучшие образцы которой каландрируются путем ударов деревянными молотками по камням».

О прибрежном городе Шер и его правителе г-н Бент говорит:

«Шер — отвратительное место у моря, расположенное в пустыне из песка. Когда-то это был главный торговый порт долины Хадрамаут, но теперь его полностью заменила Макалла, поскольку Шер — не что иное, как открытая рейд, а его здания сейчас превращаются в руины. Галиб, старший сын и наследник главы семьи Аль-Кайти, правит здесь в качестве наместника своего отца, который находится в Индии в качестве джемадара, или генерала арабских войск, в основном состоящих из хадрамитов, на службе у Низама Хайдарабада. Галиб — настоящий восточный денди, который вел довольно бурную жизнь в Индии, так что его отец счел целесообразным отправить его править в Шехр, где возможностей для проделок не так много, как в Бомбее. Он очень хорошо одевается в различные шелковые дамасские пальто и безупречные брюки; его мечи и кинжалы сверкают драгоценными камнями; в руке он размахивает тростью с золотой ручкой; а поскольку вода в Шехре жесткая, он отправляет свое грязное белье на дау в Бомбей для стирки».

Арабы Хадрамаута были в еще более тесном контакте с Явой, чем с Индией. Более века назад большие колонии хадрамитов эмигрировали в Голландский архипелаг; смешанные браки между яванцами и арабами очень распространены; а мусульманство Голландской Ост-Индии полностью соответствует типу Хадрамаута. Эти интересные факты были впервые обнаружены голландским ученым Ван ден Бергом в его подробной работе об этой провинции Аравии и арабских колониях на Яве.[28] Его рассказ о Хадрамауте является компиляцией из уст арабских иммигрантов, но описание нравов и обычаев народа и их религиозных особенностей основано на личных наблюдениях. В целом, несмотря на незначительные географические неточности, эта книга является лучшим однотомным изданием о Южной Аравии и рассказывает об истории ислама в голландском архипелаге в его сегодняшнем виде. Арабы всегда были сильной расой в колонизации, но следует отметить, что влияние Хадрамаута на Яву и Суматру сегодня не меньше, чем влияние Омана на Занзибар и Восточную Африку в прошлом веке. Даже Хадрамаут не всегда будет оставаться неизвестным и забытым. Страна ладана древности имеет перед собой будущее, так же как у нее было славное прошлое.



ЗАМОК В ХАДРАМАУТЕ

VIII
МУСКАТ И ПРИБРЕЖНЫЕ РАЙОНЫ ОМАНА

«Оман отделен от остальной части Аравии песчаной пустыней. Фактически, с точки зрения связи с остальным миром, это остров, окруженный с одной стороны морем, а с другой — пустыней. Поэтому его жители еще более примитивны, просты и неизменны в своих привычках, чем арабы в целом. Однако вдоль побережья, особенно в Маскате, они больше контактируют с внешним миром». — *Генерал Хейг*.

В арабской номенклатуре Оман относится только к небольшому району в окрестностях Маската, но это название обычно дают всей юго-восточной части Аравийского полуострова, включая все, что находится к востоку от линии, проходящей от островов Курия-Мурия до полуострова Катар, в древности называвшегося Бахрейн. Таким образом, это самая большая провинция Аравии и в некоторых отношениях самая интересная. Исторически, политически и географически Оман всегда был изолирован от других провинций. Турецкое правление никогда не распространялось так далеко, и позднее халифы также не осуществляли здесь свою власть в течение длительного времени. На протяжении веков вся страна находилась под властью независимых правителей, называемых имамами или сейидами. Население,

которое является полностью арабским и мусульманским (за исключением прибрежных городов), происходило из двух разных племен , известных арабам как кахтани и аднани, или йеменцы и муади. С начала XVIII века эти названия изменились на хинани и гаффири. Йеменские племена появились первыми и являются наиболее многочисленными. Две соперничающие расы находятся в открытой и непрерывной вражде и антагонизме и держат страну в постоянном смятении. По словам полковника Майлза, они даже живут в отдельных кварталах в некоторых городах. В Сомаиле, примерно в пятидесяти милях от Маската, широкая дорога обозначает границу между двумя кланами. Эти две родительские группы подразделяются на около 200 различных племен, которые, в свою очередь, делятся на подплемена или «дома». Каждая семейная группа имеет своего шейха, наследственную должность, которую занимает старший мужчина в семье.

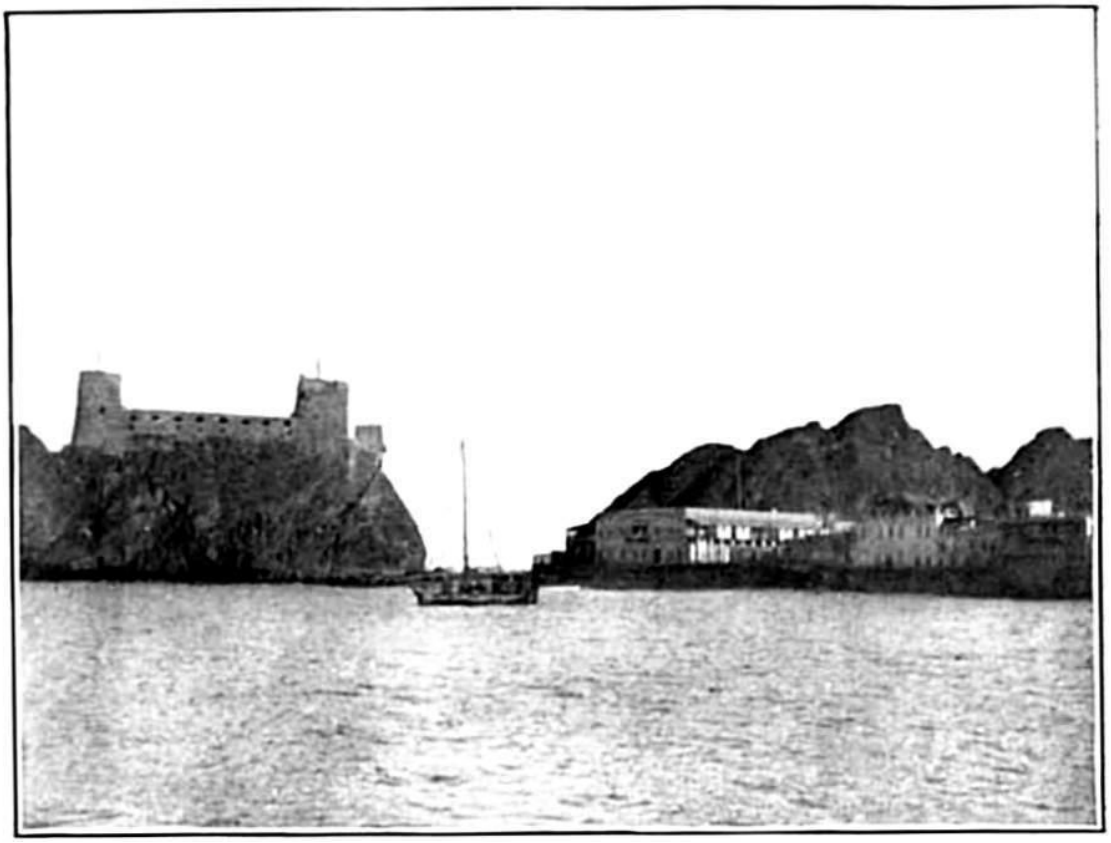
Очень немногие племена Омана ведут кочевой образ жизни; большая часть живет в городах и деревнях вдоль русел вади. За исключением фруктов, которые отличаются большим разнообразием и обилием, финики являются единственным продуктом питания и главным экспортным товаром провинции. Рис импортируется из Индии. По оценкам полковника Майлза, общая численность населения Омана не превышает 1 500 000 человек. Есть много городов с населением от 5000 до 10 000 жителей; Маскат и Маттра являются главными городами на побережье и практически объединены, так как находятся всего в двух милях друг от друга. Климат Омана на побережье чрезвычайно жаркий и влажный в течение большей части года, хотя количество осадков здесь составляет всего от шести до десяти дюймов в год; во внутренних районах жара значительно смягчается благодаря высоте над уровнем моря, количество осадков гораздо больше, а климат такой же приятный, как и в высокогорных районах Йемена.

Оманское государство достигло наивысшего расцвета в начале нынешнего века. Тогда султаны Маската правили вплоть до Бахрейна на северо-западе, владели Бундер-Аббасом и Лингой в Персии и называли Сокотру и Занзибар своими владениями. В это время арабы Омана начали свои обширные путешествия по Африке и, побуждаемые огромными прибылями от работорговли, исследовали каждый уголок великого внутреннего пространства Черного континента. В настоящее время власть султана Маската, Сейида Фейсула бин Турки, не распространяется далеко за пределы столицы и ее пригородов.

В первые годы существования Султаната Оман столицей была Низва, затем резиденцией правительства стал Растак, но с 1779 года Маскат стал одновременно столицей и ключевым городом, воротами и цитаделью всей страны. Приближаясь к Маскату на британском индийском пароходе, сначала виднеется суша, возвышающаяся в виде массива темных горных хребтов; Приблизившись, можно увидеть, что часть этого массива, расположенная непосредственно над городом Маскат, имеет темно-коричневый цвет, скала за скалой, изрезанная и разорванная фантастическим образом, придавая гавани самый живописный вид. Сам город выделяется белым цветом на фоне темных массивных скал, на вершинах которых расположены многочисленные замки и башни. Но, несмотря на то, что издалека город выглядит привлекательно, при ближайшем рассмотрении он раскрывает обычные черты крупных восточных городов — узкие, грязные улицы, непривлекательные здания и массы разрушающихся стен под палящим солнцем и в условиях душного климата.

Жара в Маскате известна всем. Голландец Джон Струйс, посетивший этот город в 1672 году, писал, что там «настолько невероятно жарко и знойно, что приезжие чувствуют себя как в кипящем котле или потной бане». Перс по имени Абдер-Разак, будучи персом, превзошел всех в преувеличенных описаниях и в 1442 году написал о Маскате: «Жара была настолько сильной, что выжигала костный мозг, меч в ножнах плавился, как воск, а драгоценные камни,

украшавшие рукоять кинжала, превращались в уголь. На равнинах охота стала делом совершенно легким, потому что пустыня была полна зажаренных газелей!» Говорят, что черный шаровой термометр зафиксировал 189 °F на солнце в Маскате, а 107 °F даже ночью — не редкость в самое жаркое время года. голые скалы образуют параболическое зеркало для солнечных лучей с юга и запада; к этому следует добавить, что холмы перекрывают бризы, а Маскат лежит на тропике Рака в зоне наибольшей жары. По свидетельству одного из жителей, «климат Маската не поддается описанию. Около трех месяцев в году, с декабря по март, ночи достаточно прохладные, но после марта жара становится невыносимой, и Маскат по своей жарке не уступает аду. В середине июля наступает короткий перерыв в жаркой погоде, который обычно длится месяц».



ГАВАНЬ И ЗАМОК В МУСКАТЕ

ГОТОВЫ К ПОЕЗДКЕ НА ВЕРБЛЮДАХ ПО ПУСТЫНЕ

Наиболее заметными зданиями Маската являются две крепости, реликвии португальского господства, которые выделяются по обе стороны города на высоте около 100 футов над уровнем моря. Они контролируют не только подход к морю, но и сам город, и доступны только по красивой лестнице, высеченной в естественной скале. Пушки, которые торчат из крепостей, почти все старые и относительно безвредные. Некоторые из них сделаны из латуни и украшены королевским гербом Испании; одна датирована 1606 годом. В крепости справа от гавани до сих пор можно увидеть руины португальской часовни. Когда Пелли посетил ее в 1865 году, на ней была читаемая надпись.

AVE MAR. GRASA P._EA □s TECUM Etc....

Его перевод гласит: «Радуйся, Мария, полная благодати, Господь с тобой. Дон Филипп III, король Испании, Дон Хуан де Акуна из его военного совета и его генерал-капитан артиллерии в 1605 году, в восьмой год своего правления в короне Португалии, приказал через Дона Кварта Менезеса, своего комиссара в Индии, построить эту крепость».

Султан также имеет городскую резиденцию, которая находится в полуразрушенном состоянии, как и все другие каменные, но обмазанные глиной дома туземцев. Единственные хорошо построенные и прочные резиденции — это резиденции британского резидента и американского консула. Первая занимает выгодное положение в скальной расщелине, где дуют бризы с двух сторон. Базар Маската не может похвастаться чем-то особенным; одной из главных отраслей промышленности является производство *хилави* или маскатской конфетной пасты, которая для привыкшего к ней вкуса является восхитительной, но для постороннего человека пахнет прогорклым маслом и на вкус напоминает сладкую смазку для повозок.

Город отделен от равнины позади него прочной стеной, которая тянется от холма к холму. В этой стене есть два ворота, которые всегда охраняются и закрываются через пару часов после захода солнца. Ров за стеной сухой. За ним находятся дома и сотни хижин из матов, в которых в основном проживают белуджи и негры. Американский миссионерский дом также находится за стеной, в этом квартале. Примерно в полумиле от нее находятся сады Маската и колодцы, охраняемые башней и стражей. «Сады» всегда посещаются на закате прогуливающимися для физических упражнений, но они едва ли достаточно велики, «чтобы обеспечить недельной пищей 100 уважающих себя саранчу с нормальным аппетитом».

Население Маската очень разнородно: арабы, белуджи, баньяны-торговцы, негры, персы и представители всех других народов, которые часто посещают этот транзитный порт. Арабский язык, на котором говорят во всем Омане, является диалектом, совершенно отличным от диалекта Неджда или Йемена, но арабский язык Маската изобилует элементами пиджин-английского и пиджин-хиндустани. Обширные и длительные связи с Занзибаром и Восточной Африкой также оказали влияние на речь и привычки арабских торговцев Маската. В настоящее время торговля по-прежнему очень значительна, хотя и меньше, чем сто лет назад. В основном она ведется с Индией, прямая торговля с Англией практически отсутствует. Основными экспортными товарами являются финики, фрукты, акульи плавники, рыба и соль; импортными — рис, сахар, ткани, кофе, шелк, нефть и оружие. Наибольший объем экспорта приходится на финики, которые почти все поставляются на американский рынок. Помимо большого количества пароходов, заходящих в этот порт, местные купцы владеют несколькими старыми британскими парусными судами, некоторые из которых в свое время были известными клиперами, которые совершают один или два рейса в год и приносят прибыль своим владельцам. Местные суда также транспортируют грузы, выгруженные в Маскате, в менее посещаемые порты. Это увеличивает значение Маската как *торгового центра* Омана. Матра является конечной точкой караванных путей из внутренних районов и связана с Маскатом узкой горной тропой и морским путем.

Так называемое Пиратское побережье простирается вдоль северной границы Омана на Персидском заливе от Эль-Катара до Рас-Мусендума и еще во времена Птолемея было заселено дикими, беззаконными арабами. На его карте Аравии они названы *Ichthiophagoi*, или рыбоедами. Нибур писал об этой « » части Омана: «Рыба на побережье настолько обильна и легко ловится, что используется не только для кормления коров, ослов и других домашних животных, но даже в качестве удобрения для полей». Сэр Джон Малкольм в своих причудливых зарисовках о Персии, написанных сорок лет назад, писал: «Я спросил, кто живет на бесплодном побережье Аравии, которое мы видели. Он ответил с явным беспокойством: «Они принадлежат к секте ваххабитов и называются джовасими. Но Боже, храни нас от них, ибо они чудовища. Их занятие — пиратство, их удовольствие — убийство, и, что еще хуже, они приводят самые благочестивые причины для каждого злодеяния, которое совершают. Они следуют букве священного писания, отвергая все комментарии и традиции. Если ты их пленник и предлагаешь все, чтобы спасти свою жизнь, они говорят: «Нет! В Коране написано, что грабить живых незаконно, но нам не запрещено грабить мертвых», — и, сказав это, они бьют тебя по голове».

Благодаря английской торговле и канонерским лодкам эти фанатичные ваххабиты стали более смирными, и большинство из них давно отказались от пиратства и перешли к добыче жемчуга, чтобы заработать на жизнь. Среди них поселились индуистские торговцы, иностранная торговля достигает их базаров, и черные палатки уступают место трем или четырем важным городам — Дабаи, Шарка, Абу-Туби и Рас-эль-Хейма, с растущим населением и увеличивающимся богатством.

Мыс Мусендум и земля за ним, называемая Рас-эль-Джебель, очень гористая, но за Рас-эль-Хеймой побережье низкое и плоское на всем протяжении залива. Все деревни построены у входа в соленые ручьи или болота, которые служат гаванями во время прилива. В основном побережье неплодородно, но недалеко от Шарки есть пальмовые рощи, а дальше вглубь суши — оазисы. Острова у этого побережья в большинстве своем необитаемы.

Побережье Батина является исключением из всех морских равнин, окружающих большую часть полуострова; в западной и восточной Аравии эти низкие песчаные равнины практически лишены растительности , но здесь обширные плантации фиников и сады простираются почти до самого океанского побережья. За поднимающейся равниной возвышаются высокие хребты Джебель-Ахдар. Это плодородное побережье начинается в Сибе, примерно в 25 милях от Маската, и простирается на 150 миль до окрестностей Хор-Кальбы, имея среднюю ширину около 12 миль. Здесь находится много городов и деревень; основные из них перечислены ниже. Сиб — это разбросанный по территории город, построенный в основном из хижин из матов, с двумя небольшими отдельно стоящими крепостями. Здесь есть очень маленький базар, но обширные финиковые рощи и сады. За Сибом, по пути вверх по побережью, виднеется величественный утес Джебель-Ахдар высотой 9900 футов, который можно увидеть за 100 миль в море. В Барке находится высокая арабская крепость, но в остальном ее общий облик характеризуют хижины из матов среди финиковых плантаций. Здесь собирают большое количество моллюсков и отправляют их вглубь страны; базар хороший, и здесь поселились некоторые торговцы из Баниана. Миновав несколько островов, следующий город — Суайк. За ним следует более крупный город Сохар с населением около 4000 человек. Этот город окружен стеной с высокой крепостью в центре, где проживает шейх. Высокая коническая вершина светлого цвета возвышается примерно в двенадцати милях к западу от города и вместе с окружающими финиковыми садами и другими деревьями создает красивую картину, в целом более зеленую, чем можно было бы ожидать на арабском побережье. За Сохаром главные деревни, в порядке следования, являются Шинас, Аль-Фуджейра, Дибба. Две последние уже находятся за Батиной и расположены между высокими утесами и глубоким морем.

Двигаясь с юго-востока Маската вниз по побережью в направлении Рас-эль-Хада, мы сначала проезжаем небольшие деревни Судаб и Бандер-Джисса. Последняя представляет интерес как место, которое французы пытались приобрести у султана Маската в прошлом году для создания угольной станции. Она имеет хорошую гавань, находится всего в пяти милях от Маската, а вход в нее охраняет обрыв высотой 140 футов. Пройдя мимо Кариата, Тайвы, Калхата и других небольших деревень, мы достигаем Сура. Этот большой город, состоящий из двух частей, расположен на хоре, или заводи, с двумя крепостями на западе. Население Сура, насчитывающее около 8000 человек, состоит из двух кланов Бни Бу Али и Бни Джанаба, которые часто враждуют друг с другом. Внутренние районы страны частично возделываются, и здесь много финиковых рощ. Сур всегда был местом торговли и предпринимательства, а его бугало посещают Индию, Занзибар и Персидский залив. Все жители города являются смелыми моряками на протяжении многих поколений. Но Сур также имеет незавидную репутацию центра незаконной работорговли. За Суром находится мыс Джебель-Саффан и Рас-эль-Хад, самая восточная точка Аравии, почти достигающая шестидесятой долготы.

За информацию о побережье за Рас-эль-Хадом мы благодарны помощнику хирурга Х. Дж. Картеру, опубликовавшему свои статьи в журнале бомбейского отделения Королевского азиатского общества [29]. Два великих арабских племени, проживающих на этом побережье, — это махра и гара; первые на самом деле принадлежат к Хадрамауту, но границы,

нанесенные на карты, являются чисто искусственными и не имеют никакого значения. Ни одно из племен не зависит от султана Омана и не признает его верховной власти. Махра являются потомками древних химьяритов и занимают побережье протяженностью почти 140 миль от Сайхута до Рас-Морбата; их главный город — Дамкут (Данкот) в бухте Камар. Махра меньше ростом, чем большинство арабов, и отнюдь не красивы; в своем своеобразном бедуинском приветствии они прижимают носы друг к другу и тихо дышат! Они живут рыболовством и бедны; их равнины, горы и долины, за исключением окрестностей Дамкута, песчаные и бесплодные. У них практически нет религии, и Картер говорит, что они даже не знают мусульманских молитв и совершенно не знакомы с учением Мухаммеда. Их диалект мягкий и сладкий, и они сами сравнивают его с языком птиц; очевидно, что это искаженная форма древнего химьярского языка и поэтому имеет большое значение для изучения филологии.[30]

Племя гара живет на побережье между островом Мосейра и островами Курия-Мурия. Их страна гористая и пещерная и состоит из белых слоистых известняковых образований на высоте 4000 или 5000 футов над уровнем моря. Верхняя часть гор покрыта хорошими пастбищами, а их склоны — густыми зарослями небольших деревьев, среди которых много ладана и других каучуковых деревьев. Все племя — *троглодиты*, «пещерные жители», поскольку природа дает им жилища, лучшие, чем лучшие глинобитные хижины, и прохладнее, чем самые большие палатки Кедара. Однако они в основном кочуют и перемещаются из пещеры в пещеру во время своих странствий. Их гардероб не является обузой, поскольку состоит из одного куска грубого синего хлопка, обернутого вокруг бедер, как короткий килт. Женщины носят свободные платья той же текстуры и цвета с широкими рукавами, достигающие немного ниже колена спереди и тянущиеся по земле сзади; вуаль им неизвестна. Дети ходят совершенно голые. И мужчины, и женщины делают татуировки на щеках. В качестве оружия они имеют мечи, копья, кинжалы и фитильные ружья. Их пища состоит из молока, мяса и меда с дикими фруктами из гор.

Весь этот регион по праву славится медом со времен греческих географов, которые перечисляют мед и ладан в качестве его основных продуктов. Дикий мед Южной Аравии, собираемый со скал и упаковываемый в большие сухие тыквы, подходит для гурманов. На карте Аравии Птолемея регион в глубине суши от этого побережья называется *Libanotopheros Regio*, место ладана; а Плиний называет его *regio thurifera*, регион ладана. С древнейших времен эта страна была местом, где в изобилии производился настоящий ладан. Когда-то его экспорт был источником богатства для жителей, поскольку ладан использовался в храмах Египта и Индии, а также евреями из Израиля ( ) и всеми народами древности. Этот вид торговли был настолько важен в ранней истории мира, что Спренгер посвятил несколько страниц своей книги «Древняя география Аравии» (Ancient Geography of Arabia) описанию происхождения, распространения и влияния ладана на цивилизацию. Арабы были тогда основными перевозчиками между Востоком и Западом, то есть Индией и Египтом. Империя царицы Савской разбогатела на торговле ладаном; она привезла Соломону «пряности в изобилии», и не было «никаких таких пряностей» или привезенных «в таком изобилии», как те, что царица Савская подарила Соломону (около 992 г. до н. э.).

Возникновение ислама, свержение старого царства Химьяр, открытие пути вокруг мыса Доброй Надежды — все это способствовало утрате древнего значения и процветания Южной Аравии. В настоящее время ладан по-прежнему экспортируется, но не в больших количествах. Смолу добывают, делая надрезы в коре кустарника в мае и декабре. При первом появлении она белая, как молоко, но вскоре затвердевает и меняет цвет. Затем ее

собирают мужчины и мальчики, нанятые для ухода за деревьями различными семьями, владеющими землей, на которой они растут.

ВЕТКА ДЕРЕВА ЛАДАННИКА.

IX
ЗЕМЛЯ ВЕРБЛЮДОВ

«Чтобы увидеть настоящих живых дромадеров, мои читатели, боюсь, должны приехать в Аравию, потому что этих животных не часто встретишь в других местах, даже в Сирии; а кто хочет созерцать этот вид во всей его красоте, должен продлить свое путешествие до Омана, который для дромадеров является тем же, чем Неджд для лошадей, Кашмир для овец и Тибет для бульдогов». — *Палгрейв*.

Весь Оман, но особенно только что описанный регион, арабы называют *Ум-эль-Ибл*, «мать верблюда». Палгрейв, Доути и другие путешественники по Аравии сходятся во мнении, что оманский дромадер — принц всех пород верблюдов, а Доути говорит, что в Мекке их ценят настолько, что они стоят в три раза дороже других верблюдов.

Если не знать ничего о верблюдах, невозможно понять арабов и их язык; без верблюдов жизнь в большей части Аравии в настоящее время была бы невозможна; без верблюдов

арабский язык был бы совершенно другим. По данным Хаммера Пургсталля, арабские словари дают этому животному 5744 разных названия; нет ни одной страницы в лексиконе, где бы не было упоминания о верблюдах.

Арабы высоко ценят верблюда, но не восхищаются его формой и очертаниями. Существует арабская традиция, упомянутая в книге Бертона «Золотые рудники Мидиама», согласно которой, когда Аллах решил создать лошадь, Он призвал Южный ветер и сказал: «Я желаю создать из тебя новое существо, сгустись, расставшись со своей текучестью». Затем Создатель взял горсть этого элемента, вдохнул в него дыхание жизни, и появился благородный четвероногий. Но лошадь пожаловалась своему Создателю. Ее шея была слишком короткой, чтобы дотянуться до далеких травинок во время марша; у нее не было горба, чтобы удерживать седло; ее копыта были острыми и глубоко вязли в песке; и она добавила много подобных жалоб. Тогда Аллах создал верблюда, чтобы доказать глупость ее жалоб. Лошадь задрожала при виде того, чем она хотела стать, и именно поэтому каждая лошадь вздрогнет, впервые увидев свою карикатуру. Верблюд может и не красив (хотя арабский словарь показывает, что слова «красивый» и «верблюд» родственны), но он чрезвычайно полезен.

Это животное встречается в Персии, Малой Азии, Афганистане, Белуджистане, Монголии, Западном Китае, Северной Индии, Сирии, Турции, Северной Африке и некоторых частях Испании, но нигде оно не так широко распространено и не так хорошо развито, как в Аравии. Двумя основными видами, не говоря уже о разновидностях, являются южный аравийский одногорбый верблюд и северный бактрийский двугорбый верблюд. Каждый из них специально приспособлен к своему месту обитания. Двугорбый верблюд имеет длинную шерсть, хорошо переносит сильные холода степей и, как говорят, ест снег, когда хочет пить. Арабский вид имеет короткую шерсть, плохо переносит холод, но способен выдерживать жажду и сильную жару. Для арабов невероятно, что какой-либо вид верблюдов может иметь два горба. Верблюд отличается от дромадера только кровью и породой. Верблюд — это вьючное животное, а дромадер — скаковое. Верблюд имеет крепкое телосложение, тяжелые ноги, неуклюж и трясется при ходьбе; дромадер имеет более тонкую шерсть, легкую походку, легко бегает и лучше переносит жажду. Караван верблюдов — это грузовой поезд; компания всадников-телул из Омана — это экспресс. Обычный караван путешествует шесть часов в день со скоростью три мили в час, но хороший дромадер может пробежать семьдесят миль в день по ровной местности. Торговец из Анейзы рассказал Доути, что он проехал от Эль-Касима до Таифа и обратно, расстояние более 700 миль, за пятнадцать дней! Мехсан Аллайда однажды сел на своего дромадера после пятничной полуденной молитвы в Эль-Али и молился в следующую пятницу в великой мечети в Дамаске, расположенной на расстоянии около 440 миль. Говорят, что почтальон Хадж-роуд в Маане может доставить сообщение в Дамаск за три дня; расстояние составляет более 200 миль.

У арабов есть поговорка: «Верблюд — величайшее из всех благословений, данных Аллахом человечеству». Неудивительно, что задумчивый юноша из Мекки, который вел верблюдов Хадии в Сирию и обратно по пустыне, обращался к неверующим в Аллаха и Его пророка со словами: *«Разве вы не видите, как создан верблюд?»* (Сура lxxxviii. 17 Корана).

Описать верблюда — значит описать Божью доброту к жителям пустыни. Все в этом животном свидетельствует о замысле Творца. Его длинная шея дает широкий обзор в пустынных походах и позволяет ему дотягиваться до скудных пустынных кустарников по обе стороны от его пути. Хрящевая текстура его рта позволяет ему есть твердые и колючие

растения — пастбище пустыни. Его уши очень маленькие, а ноздри большие для дыхания, но они могут закрываться специальными клапанообразными складками, защищающими от страшного симуна. Его глаза выпуклые, но защищены тяжелым нависающим верхним веком, ограничивающим обзор вверх и защищающим от прямых лучей полуденного солнца. Его мягкие ноги специально приспособлены для удобства всадника и самого животного. У него есть пять роговых подушечек ( ), на которые он опирается, когда становится на колени, чтобы принять груз, или для отдыха на горячем песке. Его горб — это не выдумка, а *реальный* и признанный запас питательных веществ, а также природная вьючная сбруя для вековой торговли. Его резервуары для воды, соединенные с желудком, позволяют ему в хорошем состоянии путешествовать пять дней без воды. Кроме того, верблюд — единственное из всех жвачных животных, у которого на верхней челюсти есть резцы, которые в сочетании с особым строением других зубов делают его укус, первую и главную защиту животного, чрезвычайно опасным. Скелет верблюда полон доказательств его продуманности. Обратите внимание, например, на изогнутый позвоночник, построенный таким образом, чтобы выдерживать наибольший вес по отношению к длине опор; сильный верблюд может выдержать вес в 1000 фунтов, хотя обычная нагрузка в Омане не превышает 600 фунтов.

Верблюд — *домашнее* животное в полном смысле этого слова, , поскольку арабские поселения обязаны верблюду почти всем, что у них есть. Все, что можно получить от этого животного, имеет ценность. Топливо, молоко, отличная шерсть для палаток, веревки, шали и грубые ткани получают от живого животного, а мясо, кожа, кости и другие полезные вещества — от мертвого. Даже следы верблюда, хотя и быстро стираются, имеют особую ценность в пустыне. Более легкая или меньшая нога не оставила бы следов, но нога верблюда оставляет данные для бедуинской науки *Amap* — искусства навигации для корабля пустыни. Следы верблюдов — это сплетни и наука, история и философия для арабского каравана. Путь верблюда — это стандартная мера расстояния во всей Аравии, а цена молочной верблюдицы — стандарт стоимости во внутренних районах. Когда у них мало или нет воды, несчастные кочевники омывают руки водой верблюда, а кочевницы моют в ней своих детей. Верблюжье молоко — основной продукт питания тысяч людей в Аравии, даже несмотря на то, что оно горькое из-за полыни на пастбищах.

Что касается характера верблюда и его доброй или злой природы, мнения авторитетов расходятся. Леди Энн Блант считает верблюда самым угнетаемым и в то же время самым терпеливым животным из существующих. Палгрейв, с другой стороны, так описывает глупость и уродливый нрав этого животного: «Находясь в Англии, я не раз слышал и читал о покладистом верблюде. Если покорность означает глупость, то хорошо; в таком случае верблюд — настоящий образец покорности. Но если это эпитет предназначен для обозначения животного, которое интересуется своим всадником настолько, насколько это возможно для животного, которое подчиняется из-за своего рода покорности или полу-сочувствия к своему хозяину, как лошадь и слон, то я скажу, что верблюд ни в коем случае не покорный, а скорее наоборот. Он никогда не попытается сбросить вас со своей спины, поскольку такой трюк далеко выходит за пределы его ограниченного понимания; но если вы упадете, он и не подумает остановиться, чтобы подобрать вас; а если его отпустить на волю, то с вероятностью один к тысяче он никогда не найдет дорогу обратно к своему привычному дому или пастбищу. Он даст только один признак того, что он осознает своего всадника, и это когда последний собирается сесть на него ( ), потому что в таком случае, вместо того, чтобы обратиться к нему в стиле более умного животного Валаама: «Разве я не твой верблюд, на котором ты ездил с тех пор, как я стал твоим, до сего дня?», он наклонит свою длинную змеиную шею к хозяину, откроет огромную пасть, чтобы укусить, если осмелится, и издаст грозный стон, как будто жалуясь на какую-то совершенно новую и беспрецедентную

несправедливость, которая вот-вот будет совершена по отношению к нему. Одним словом, он от начала до конца является необученным и диким животным, пригодным для использования только благодаря своей глупости. Ни привязанность, ни даже привычка не могут произвести на него впечатление; он никогда не будет ручным, хотя и не достаточно бодр, чтобы быть по-настоящему диким». Мы можем подтвердить, что верблюды, на которых мы ездили в Хассе и Йемене, были гораздо более дружелюбным, чем уродливое создание Палгрева.

До недавнего времени главными авторитетами в вопросах внутренней части Омана были Нибур, Уэллстед (1835), Уайтлок (1838), Элой (1843) и Палгрейв (1863). Однако Палгрейв посетил только побережье , и его рассказ о внутренней части страны и ее истории — чистая фантастика. Позднее путешественники посетили главные города Джебель-Ахдар и подтвердили точность лейтенанта Веллстеда в его «Путешествиях по Аравии». К сожалению, знание Веллстедом даже разговорного арабского языка было очень ограниченным, и он откровенно признает, что сталкивался с серьезными трудностями в понимании людей. «Карта Уэллстеда, — говорит Бэджер, — единственная из имеющихся у нас карт этой провинции, составленная на основе личных наблюдений, и... она дает мало или вообще не дает точных указаний на многочисленные города и деревни, расположенные за пределами ограниченных маршрутов путешественников. Примечательно и ни в коем случае не делает чести британскому правительству в Индии, что, несмотря на наши тесные политические и торговые отношения с Оманом на протяжении последнего столетия, мы на самом деле знаем о этой стране за пределами побережья меньше, чем о озерных районах Африки».[31] Бэджер писал в 1860 году, но, хотя полковник Майлз и другие посетили регион Джебель- -Ахдар, вся территория за ним по-прежнему остается в значительной степени *terra incognita*. Никто никогда не совершал путешествие за пределы горного хребта и не разгадывал тайну Западного Омана, который до сих пор остается пустым местом на лучших картах; мы также ничего не знаем о территории в 100 милях к юго-западу от Маската, кроме арабских слухов.

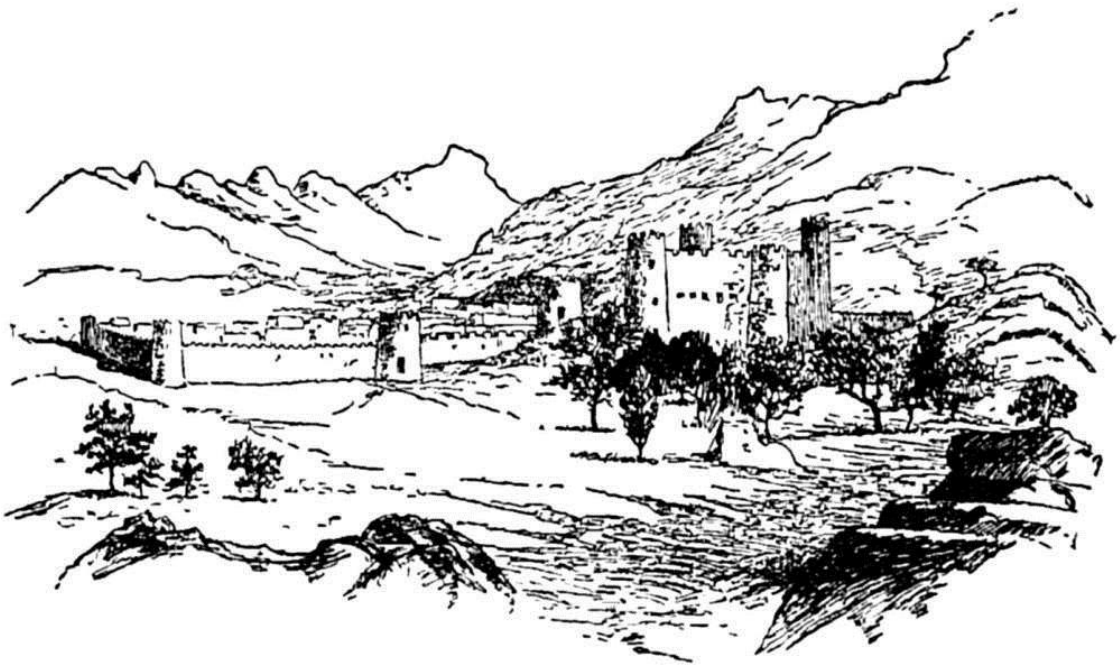
Высокогорье Омана можно разделить на три района: *Джаалан* от Джебель-Саффана до Джебель-Фатлаха на востоке, собственно *Оман* на Джебель-Ахдаре и *Эз-Захира* на восточных склонах Джебель-Окдата. Самым густонаселенным и плодородным районом является Джебель-Ахдар, который также является самым известным. Плодородие всего региона поразительно и резко контрастирует с бесплодными скалами большей части побережья. Благодаря субтропическому климату, высоте от 3000 до 5000 футов и обильным источникам, вади и оазисы Омана вызывают восторг и удивление у каждого путешественника, который отважился их исследовать. Вода, единственное бесценное сокровище всей Аравии, здесь вытекает из многочисленных скальных расщелин в виде вечных ручьев и бережно используется изобретательным народом для орошения с помощью каналов или водотоков, называемых *фалудж*. Уэллстед так описывает эти подземные акведуки: «Насколько я знаю, они являются особенностью этой страны и созданы с помощью труда и мастерства, более характерных для Китая, чем для Аравии. Поскольку большая часть поверхности земли лишена поверхностных водотоков, арабы искали в возвышенных местах источники или фонтаны под землей. Затем от этого источника прокладывается канал с очень небольшим уклоном в направлении, в котором он должен транспортироваться, с отверстиями через равные промежутки, чтобы обеспечить свет и воздух тем, кого время от времени посылают поддерживать его в чистоте. Таким образом, вода часто транспортируется на расстояние шести или восьми миль, и таким образом получается неограниченный запас. Эти каналы имеют ширину около четырех футов и глубину два фута и содержат чистый, быстрый поток. В большинстве крупных городов или оазисов протекают четыре или пять таких ручьев или *falj* (множественное число *faluj*). Изолированные

места, в которые таким образом поступает вода , обладают настолько плодородной почвой, что почти все зерновые, фрукты и овощи, распространенные в Индии, Аравии или Персии, произрастают здесь практически спонтанно; и рассказы об оазисах больше не будут считаться преувеличением, поскольку один шаг переносит путешественника из яркого света и песка пустыни в плодородную местность, орошаемую сотнями ручьев и изобилующую роскошной растительностью».

Основные караванные пути вглубь страны начинаются от побережья: в Сохаре через Вади-эль-Джази, в Суайке через Вади-Тхала, в Барке или Сибе через Вади-Митал и Вади-Зайла (альтернативные маршруты) в Матре, по тому же маршруту, и в Суре через Вади-Фальдж. На восточной стороне горного хребта основными городами являются Растак, Нахль и Сомейл. На более удаленной стороне находятся Тенооф, Бехила и Незва, все крупные города с хорошим водоснабжением. «Между этими плодородными оазисами иногда приходится путешествовать[32] целый день по каменистым вади или по вулканическим породам, поднимаясь по труднопроходимым горным перевалам или пересекая широкую пустыню, похожую на море, не видя ни одного жилища и не встречая ни одного человека, за исключением редких караванов. Их ружья — — висят на плечах всадников, а их дикие песни сопровождают медленный шаг верблюдов...

От Нахла до Лихиги у подножия Джебель-Ахдар — долгий день пути. Две другие красиво расположенные горные деревни, Оукан и Койя, находятся в непосредственной близости. Здесь, как и в горах, проживает племя выносливых горцев, Бни-Рям. По своим чертам и обычаям это племя значительно отличается от других племен Омана. По всему этим горам люди ведут мирную жизнь, и отсутствие огнестрельного оружия было заметным по сравнению с племенами долины, где каждый мужчина носит винтовку, часто лучшего английского или немецкого образца.

«Из Лихиги мы начали подъем и после полудня самого трудного восхождения достигли вершины перевала в полдень, мой барометр показывал 7050 футов. Здесь, на ровной выступающей скале, откуда открывался великолепный вид на Вади Местел, где живут Бни Рувейха, мы пообедали и с радостью утолили жажду из кожаного мешка, который проводник нес на плече. С вершины перевала мы спустились на ровную плоскость на высоте 6200 футов и к закату достигли идеально красивой деревни Шераега. Она расположена в круглом ущелье глубиной в несколько сотен футов и похожа на огромный амфитеатр, где на террасах в изобилии растут яблоки, персики, гранаты, виноград и другие продукты умеренного климата. Зимой здесь часто можно увидеть лед и снег, а летом температура не поднимается выше 80 °F. В марте температура была 40 °F, и мы наслаждались огромным костром в гостевой комнате, куда пришли нас навестить сотня арабов и развлекали нас чтением арабской поэзии. Такую возможность нельзя было упустить, и они, как народ, занимающийся сельским хозяйством, были заинтересованы в притче о сеятеле и ее объяснении...



ТЕНООФ С ВОСТОКА.
По карандашному наброску Питера Дж. Звемера.

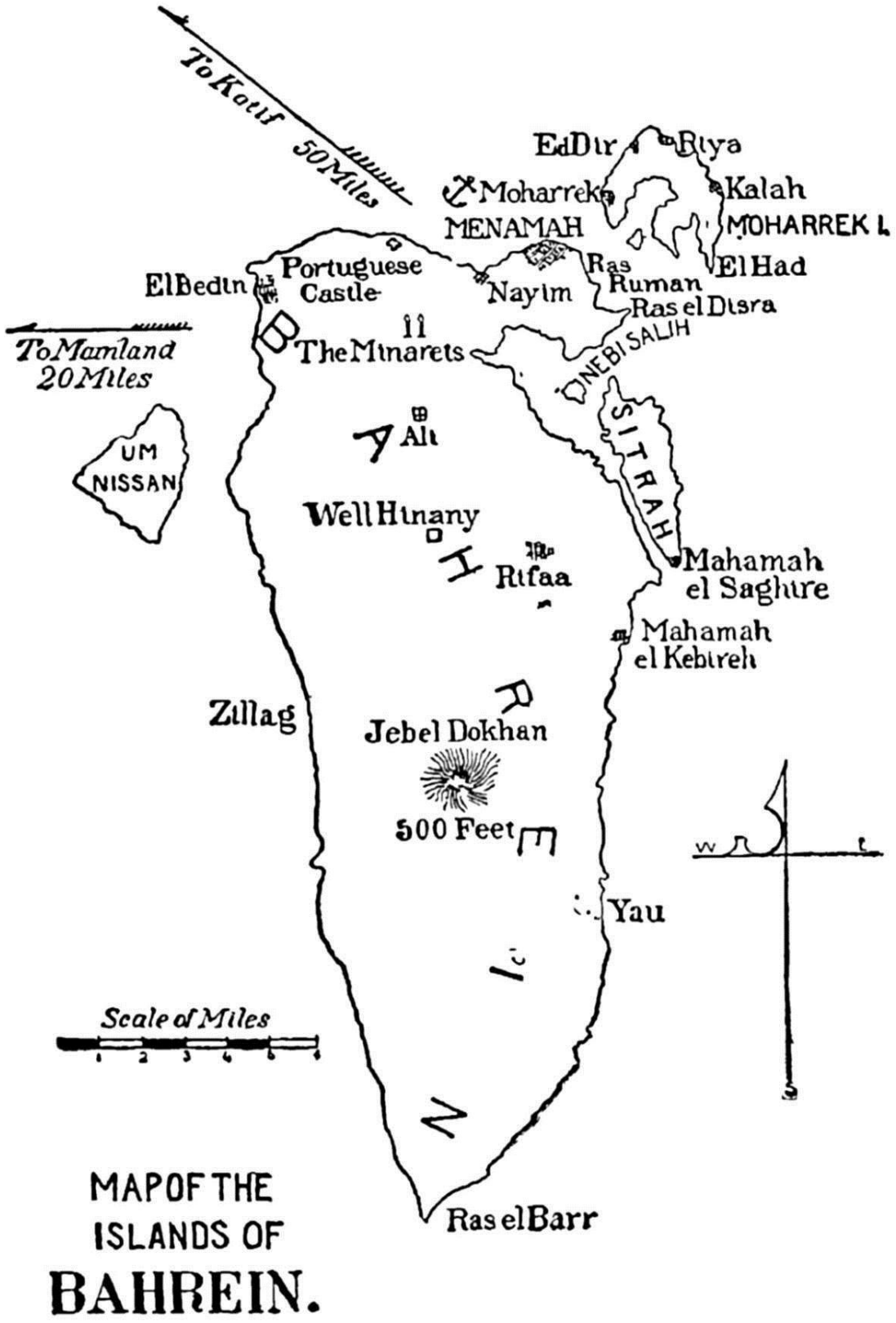
«Мы продвигались по самым трудным горным дорогам к Тенoофу, расположенному у подножия гор на другой стороне. Низва, старая столица Омана, находится всего в трех часах езды от Тенoофа. В ней есть большая круглая крепость диаметром около 200 футов, построенная из грубо обтесанного камня и цемента. Мы намеревались вернуться в Маскат по дороге через долину через Сомейл, но ситуация в Незва сделала дороги через враждебную территорию небезопасными, и мы решили снова пересечь горы, наслаждаясь их прохладным климатом и дружелюбием людей. Путешествуя на верблюдах и делая короткие остановки, мы смогли добраться до Маската с вершины гор за четыре дня, проведя в пути двадцать один день».

X
ЖЕМЧУЖНЫЕ ОСТРОВА ПЕРСИДСКОГО ЗАЛИВА

«Мы все, от высших до низших, рабы одного хозяина — Жемчуга», — сказал мне однажды вечером Мохаммед бин Тани, и это выражение было вполне уместно. Все мысли, все разговоры, вся занятость вращаются вокруг этой одной темы, все остальное — лишь второстепенные вещи, не заслуживающие даже второго внимания». — *Палгрейв*.

На полпути по Персидскому заливу, у восточного побережья Аравии, между полуостровом Эль-Катар и турецкой провинцией Эль-Хасса, находятся острова Бахрейн[33]. Раньше это название применялось ко всему треугольному выступу на побережье между соленым морем залива и пресной водой Евфрата; отсюда и название *Бахр-эйн* — «два моря». Но со времен карты Буркхардта это название ограничивается архипелагом. Самый большой остров часто

называют Бахрейн, а следующий по величине — Мохаррек, что означает «место сожжения». Арабы говорят, что он был так назван, потому что индуистские торговцы использовали его для кремации своих умерших.



КАРТА ОСТРОВОВ БАХРЕЙН.

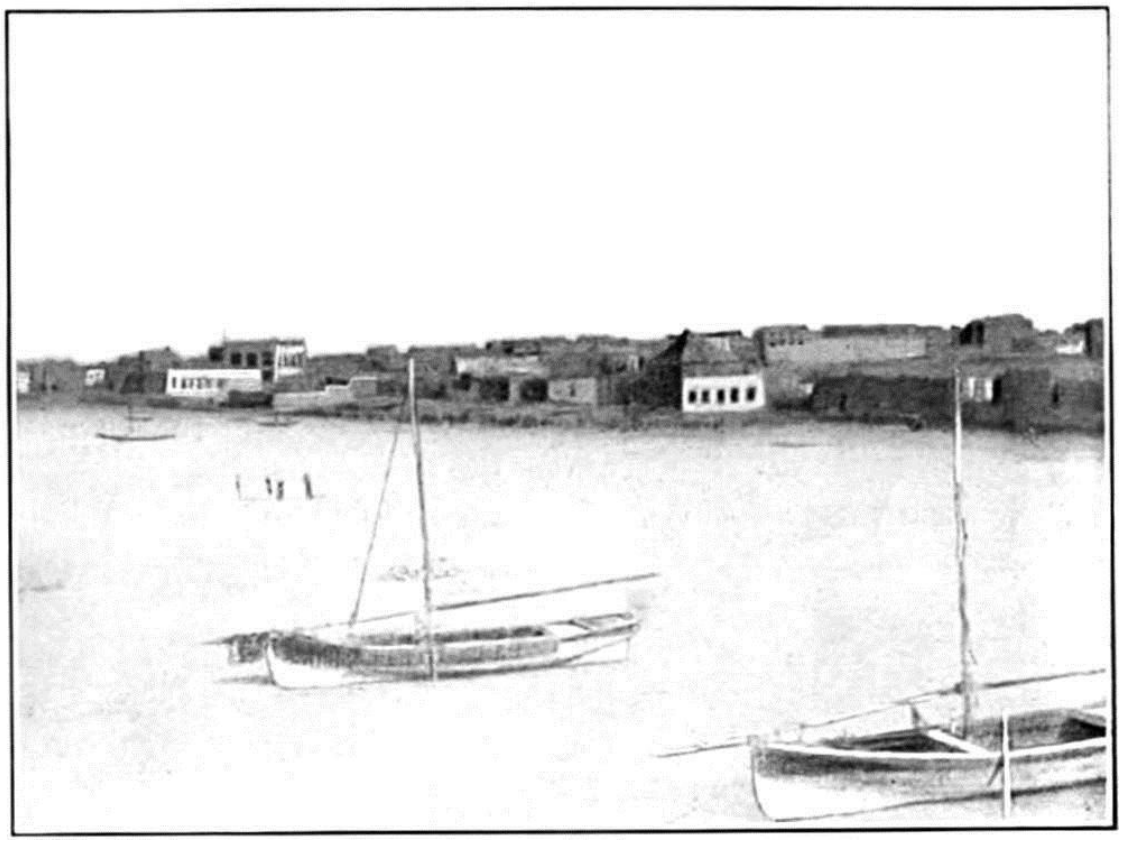
Основной остров имеет длину около 27 миль с севера на юг и ширину 10 миль. В центре острова находится слегка приподнятая плоскость, в основном бесплодная. В 12 милях от северной оконечности острова находится группа темных вулканических холмов высотой 400 футов, называемых Джебель Дохан, «Гора дыма». Северная половина острова хорошо орошается обильными источниками пресной воды, всегда теплой по температуре. Эта часть острова покрыта красивыми садами с финиковыми пальмами, гранатами и другими деревьями. Побережье везде низкое, а вода на большом расстоянии мелкая. Нигде нет пирса или причала, поэтому, за исключением прилива, лодки стоят на якоре почти в четверти мили от берега.

Общая численность населения островов оценивается почти в 60 000 человек, все они мусульмане, за исключением около 100 торговцев-банианцев из Синдха, Индия. Менама, большой город на северо-восточной оконечности острова, с населением около 10 000 человек, построен вдоль берега на протяжении около мили; дома в основном бедные, многие из них представляют собой простые хижины из матов. Этот город является рынком и торговым центром для всей группы островов. Здесь находятся почта и таможня, и здесь осуществляется большая часть торговли всего острова. Недалеко от Менамы находится старый город Белад-ле-Кадим с руинами более красивых зданий и прекрасной мечетью с двумя минаретами. Мечеть очень древняя, так как на всех ее надписях используется старинный куфический шрифт, местами покрытый более поздними резными надписями на арабском языке.

Самый большой источник на островах называется Эль-Адхари, «девы». Он бьет из водохранилища диаметром тридцать ярдов и глубиной не менее тридцати футов, образуя ручей шириной шесть-восемь футов и глубиной два фута. Это замечательно для Аравии и дает некоторое представление об обильном запасе воды. Под морем, недалеко от острова Мохарек, находятся пресные источники, всегда покрытые саженем соленой воды. Местные жители опускают в них полый бамбук с грузом, через который пресная вода вытекает на несколько дюймов выше уровня моря. Источник этих пресных водных источников Бахрейна должен находиться на материковой части Аравии, так как на всем противоположном побережье наблюдается аналогичное явление. По-видимому, *река Афтан,* отмеченная на старых картах полуострова как впадающая в Персидский залив недалеко от Бахрейна, была *подземной рекой*, известной старым географам.

Если Египет — это дар Нила, то Бахрейн вполне можно назвать даром жемчужной устрицы. Ничто другое не дало островам их древнюю историю, и ничто другое не придает им такое же важное значение в настоящее время ( ). Жемчужное рыболовство — единственная крупная отрасль промышленности Бахрейна. Оно ведется каждый год с июня по октябрь, а если жаркая погода наступает раньше, то и дольше. Почти все население острова так или иначе занято этой работой, и в сезон в кафе и на вечерних меджлисах разговор идет только об одном — о ЖЕМЧУЖИНЕ. Жемчуг отличается от всех других драгоценных камней тем, что для проявления его красоты не требуется вмешательства человека. Современные ученые считают, что жемчуг является результатом аномальной секреции, вызванной раздражением раковины моллюска каким-либо инородным веществом — короче говоря, болезнью жемчужной устрицы. Но неудивительно, что у арабов существует много любопытных суеверий относительно причины образования жемчуга. Их поэты рассказывают о том, как муссонные дожди, падающие на берега Цейлона и Бахрейна, случайно попадают в открытую раковину жемчужной устрицы. Каждая капля превращается в драгоценный камень, а размер капли дождя определяет удачу будущего водолаза. Рожденный небом и выношенный в

глубоком синем море, жемчуг является самым чистым из драгоценных камней и, в их глазах, самым ценным.



ДЕРЕВНЯ МЕНАМА, ОСТРОВА БАХРЕЙН.

Не только при своем создании, но и при освобождении из тюрьмы под десятью саженями воды жемчужина обходится болью и жертвами. Насколько это можно измерить в фунтах, шиллингах и пенсах, эта стоимость легко поддается расчету. Общая стоимость жемчуга, экспортированного из Бахрейна в 1896 году, составила 303 941 фунт стерлингов (1 500 000 долларов). Число лодок из Бахрейна, занятых в промысле, составляет около девятисот, а стоимость добычи одной лодки составляет 4810 рупий (около 1600 долларов).[34] Сотни судов также приходят к устричным банкам из других портов залива. Едва ли нужно говорить, что ныряльщики за жемчугом не получают справедливого вознаграждения за свой труд. Все они являются жертвами «системы бартера» в ее худшей форме, будучи вынуждены покупать все необходимые предметы снабжения и т. д. у своих хозяев ( ). В результате они настолько задолжали им, что часто становятся практически их рабами. Лодки, как правило, принадлежат купцам, а экипаж получает низкую плату за целый год работы, получая лишь небольшую дополнительную надбавку, когда добывает жемчуг особого размера или блеска. В зимний сезон эти ныряльщики остаются без работы и, следовательно, набирают большие долги, которые списываются со счета следующего сезона. В силу обстоятельств и вековой практики островитяне также очень склонны к азартным играм на рынке. Даже самый бедный рыбак делает ставку — и проигрывает. Не тридцать тысяч рыбаков залива с их более чем пятью тысячами лодок богатеют на добыче жемчуга; настоящая прибыль достается тем, кто остается на берегу — арабским и индусским брокерам из Бомбея, которые ведут прямые сделки с Берлином, Лондоном и Парижем. Жемчужина часто утраивает свою стоимость, переходя из рук в руки, еще до того, как попадает на рынок Бомбея.

ЛОДКА В ГАВАНИ БАХРЕЙНА.

Водолазы используют в своей работе самые примитивные методы. Их лодки такие же, как те, что использовали их предки до изгнания португальцев из Бахрейна в 1622 году. Даже Синдбад-мореход узнал бы каждую веревку и странные весла в форме ложки. Эти лодки бывают трех видов, очень похожих по внешнему виду, но различающихся по размеру, и называются Бакарет, *Шуаи* и *Батил*.[35] Все лодки имеют хорошие обводы и хорошо построены местными жителями из индийского дерева. В остальном все изготовлено в Бахрейне, за исключением блоков, которые поставляются из Бомбея. Парусное полотно ткут в Менаме, а веревки скручивают из финиковых волокон в примитивных веревочных мастерских, где нет никакого оборудования, достойного упоминания. Даже длинные мягкие железные гвозди, которые скрепляют лодки, выковываются на наковальне один за другим бахрейнскими кузнецами.

Каждая лодка имеет своего рода фигуру на носу, называемую *кубаит*, обычно покрытую шкурой овцы или козы, которая была принесена в жертву ( ) при спуске лодки на воду. Это одна из семитских черт, которая проявляется в различных формах по всей Аравии — кровавая жертва — и которую ислам так и не смог искоренить. Все рыбаки предпочитают выходить в море на лодке, которая заключила кровавый договор с Нептуном. Более крупные лодки, используемые для дайвинга, вмещают от двадцати до сорока человек, менее половины из которых являются дайверами, а остальные — держателями веревок и гребцами. Один человек в каждой лодке называется *Эль-Мусулли*, то есть «тот, кто молится», потому что его единственная ежедневная обязанность — держать веревку любого, кто останавливается, чтобы помолиться или поесть. У него нет постоянной работы, и когда он не занят чем-то другим, он починяет веревки и паруса или готовит рис и рыбу на углях. Поэтому его еще называют *Эль-Гиллас*, «сидячий», что очень хорошо отражает его синекурную должность.

Водолазы не носят сложных водолазных костюмов, а спускаются под воду, одетые только в *фитам* и *хабаат*. Первый из них представляет собой настоящий *пенсне* или зажим для ноздрей, похожий на прищепку для белья. Он изготовлен из двух тонких кусочков рога, соединенных между собой заклепкой, или вырезан из цельного куска в форме четверти круга, чтобы плотно прилегать к нижней части носа и не пропускать воду ( ). У него есть перфорированная головка, через которую проходит веревка, и которая подвешивает его к шее дайвера, когда он не используется. *Хабаат* — это «пальцевые шапки» из кожи, длиной в три раза больше обычного наперстка. Их носят, чтобы защитить пальцы при сборе жемчужных раковин с морского дна; в разгар жемчужного сезона на базаре выставляются на продажу большие корзины, полные этих пальцевых шапочек всех размеров. Каждый водолаз использует два набора (*двадцать штук*) за сезон. Корзина, называемая *даджин*, и каменный груз дополняют снаряжение водолаза. Этот камень, на который водолаз встает, когда он погружается в воду ногами вперед, прикрепляется к веревке, проходящей между его пальцами ног, и сразу же поднимается; другая веревка прикрепляется к водолазу и его корзине, с помощью которой он подает сигнал и поднимается наверх. Лучшие водолазы остаются под водой не более двух-трех минут, и когда они поднимаются, они на девять десятых задыхаются. Многие из них поднимаются без сознания, и часто не удается привести их в чувство. Глухота и нагноение уха, вызванные небрежностью или перфорацией барабанных перепонок, вызванной огромным давлением воды на таких глубинах, являются распространенным явлением среди ныряльщиков. Ревматизм и невралгия являются всеобщим явлением, и жемчужники являются большим исключением среди арабов, не обладающих красивыми зубами.

Акул здесь много, и они нередко нападают на дайверов. Но дайверы Бахрейна больше боятся небольшого вида дьявольских рыб, которые цепляются за любую часть тела и быстро высасывают кровь. От этого морского чудовища они защищаются, надевая «комбинезон» из белой ткани в начале сезона, когда оно часто появляется у берегов. Их ужасающие рассказы о дьявольской рыбе не уступают рассказам Виктора Гюго в его «Тружениках моря».

Водолазы остаются на своих лодках до тех пор, пока у них хватает запасов пресной воды, часто три недели или даже больше. Строки сэра Эдвина Арнольда, таким образом, не столько верны, сколько красивы:

«Дорогой, как мокрый водолаз для глаз

Своей бледной жене, которая ждет и плачет на берегу

На песках Бахрейна в Персидском заливе;

Погружаясь весь день в голубые волны; ночью,

Придумав сказку о драгоценных жемчужинах,

Он возвращается к ней в их хижину на берегу».

Когда жемчужные устрицы поднимают на борт, их оставляют на палубе на ночь, а на следующее утро вскрывают с помощью изогнутого ножа длиной шесть дюймов, называемого *мифлакет*. До прихода английской торговли перламутр выбрасывали как бесполезный. Теперь он имеет хорошую рыночную стоимость и (после очистки от мелких паразитов, заражающих внешнюю раковину) упаковывается в деревянные ящики и экспортируется в больших количествах. Общая стоимость этого экспорта в 1897 году составила 5694 фунта стерлингов (28 000 долларов). Арабы с удивлением спрашивали меня, что же «франки» делают с пустыми ракушками, а некоторые рассказывали бессмысленные истории о том, как

их измельчают в жемчужную пыль и прессуют в искусственные драгоценные камни или используют в качестве облицовки для кирпичных домов.

На берегу жемчуг сортируется торговцами по весу, размеру, форме, цвету и блеску. Есть пуговичные жемчужины, подвески, округлые, овальные, плоские и идеальные жемчужины; жемчужины белые, желтые, золотистые, розовые, голубые, лазурные, зеленые, серые, тусклые и черные; жемчужины размером с песчинку и жемчужины размером с арабский отчет, подчеркнутые *частыми* « », могут сделать их. Я видел кулон с жемчужиной размером с лесной орех, стоимостью в несколько тысяч рупий, но есть арабы, которые клянутся бородой пророка (каждый волос которой священен!), что они добывали жемчужины размером с голубиное яйцо. Брокеры жемчуга носят свой товар в мешках из красного ситца; они взвешивают его на маленьких латунных весах и определяют его точный размер с помощью изобретательного устройства, состоящего из шести латунных сит, называемых *taoos*, с отверстиями, слегка различающимися по размеру. Жемчужины сначала кладут в самое большое сито; те, которые не пропадают через отверстия размером с горошину, называются «*Pac*», «главные»; такие жемчужины, как правило, стоят очень дорого, хотя их ценность зависит в первую очередь от веса и совершенства формы. Второй размер называется *«бату»* («живот»), а третий — *«дхаил»* («хвост»). Цвет имеет только модную ценность; в Европе предпочитают белые жемчужины, а на Востоке — золотисто-желтые; черные жемчужины не ценятся восточными людьми.

Перед отправкой крупные жемчужины очищают с помощью *рита*, своего рода местного мыльного порошка, а мелкие — мягким коричневым сахаром; затем их заворачивают в ситцевую ткань и продают на вес партиями, причем каждая партия должна содержать жемчужины средней одинаковой стоимости. Как можно взимать таможенные пошлины с *жемчуга* среди народа, чья совесть по своей скрытности не уступает их широким нагрудным карманам, превышает всякое понимание. Но это делается, потому что сборщик таможенных пошлин становится богатым, а статистика экспорта не является чистым домыслом.

На островах Бахрейн также производят большое количество фиников, а также ведется экспортная торговля замечательной породы ослов, известных во всем Персидском заливе как « ». Хороший бахрейнский осёл лёгкий в езде и почти так же хорош для дорог, как и обычная лошадь. Единственными промыслами, помимо производства парусов, являются изготовление грубой ткани для тюрбанов и тростниковых матов очень тонкой текстуры. Основными импортными товарами являются рис, древесина и ткани, для которых Бахрейн является складом для всей восточной Аравии. Иностранным туристам, посещающим острова Бахрейна, показывают три достопримечательности: жемчужные рыбные хозяйства, пресные источники и древние руины ранней цивилизации в деревне Али. Эти руины — *«байут* эль-овалин», жилища первых жителей, которые, как считается, были уничтожены Аллахом за свою нечестивость. Час езды через финиковые сады и мимо минаретов приводит нас в деревню Али. Ее обычно можно увидеть издалека из-за дыма, поднимающегося из огромных печей, где обжигают керамику. Гончар крутит сегодня свое колесо и ловкими руками лепит местные кувшины для воды, совершенно не обращая внимания на любопытные погребальные курганы, которые бросают тень у его ног. К югу и западу от деревни вся равнина усеяна курганами, по крайней мере тремя сотнями, самый большой из которых имеет высоту около сорока футов. Только два или три из них были когда-либо вскрыты или исследованы. Теодор Бент в сопровождении своей жены исследовал их в 1889 году, но

результаты были скудными, и дальнейшие исследования не проводились, хотя это поле может еще дать большие результаты. Французский ассириолог Жюль Опперт и другие считают остров чрезвычайно древним центром цивилизации, и сейчас хорошо известно, что первые поселения древней Вавилонии находились в Персидском заливе, который тогда простирался на север до Мугера, недалеко от Сук-эш-Шуха. Но эти первые поселенцы, вероятно, отправились к побережью Африки и в королевства Южной Аравии, и в этом случае Бахрейн находился на их пути. Он всегда должен был быть складом для судоходства из-за обильного водоснабжения в регионе, где пресная вода, как правило, является дефицитом. Курганы в Али, вероятно, датируются этим очень ранним периодом; хотя пока не найдено никаких подтверждений в виде цилиндров или кирпичей с надписями ( ), характер сооружений, найденных в курганах, является несомненным доказательством их большой древности.

Более крупный курган, открытый Бентом, в настоящее время состоит из двух каменных камер, построенных из очень больших камней, квадратной кладки, без следов арок или колонн. Нижняя камера имеет длину двадцать восемь футов, ширину пять футов и высоту восемь футов; в ней есть четыре ниши или углубления глубиной около трех футов, две в конце прохода и две возле входа. Верхняя камера имеет ту же длину, что и нижняя, но ее ширина на шесть дюймов меньше, а высота составляет всего четыре фута восемь дюймов. Нижний проход отштукатурен вручную, о чем свидетельствует отпечаток руки каменщика на боковой стене. Если бы раскопки проводились *под* курганами или были открыты другие курганы, это могло бы привести к лучшим результатам, и, возможно, были бы обнаружены надписи или цилиндры. Год или два назад некоторые местные рабочие нашли возле Али кувшин, содержащий большое количество золотых монет; однако они были куфическими и относились к гораздо более позднему периоду, чем курганы. Возле Яу и Зиллага, на другой стороне острова, также есть руины и очень глубокие колодцы, вырубленные в твердой скале с *глубокими* следами веревки на бордюре; возможно, они также относятся к раннему периоду. На острове Мохарек есть место под названием *Эд-Даир*, «монастырь», с руинами того, что арабы называют церковью; мы не можем сказать, относится ли оно к португальскому периоду, как замок, или к гораздо более раннему периоду, до Мухаммеда.

Климат Бахрейна не так плох, как его часто описывают случайные посетители. Ни одна часть Персидского залива не может быть названа курортом, но и климат не является нездоровым в любое время года. В марте и апреле, октябре, ноябре и декабре погода прекрасная, температура в помещениях редко поднимается выше 85 °F или опускается ниже 60 °F. Когда в январе и феврале дуют северные ветры, часто бывает достаточно холодно, чтобы разжечь огонь; это дождливые месяцы года, наименее благоприятные для здоровья, особенно для коренных жителей, живущих в плохо построенных хижинах из матов ( ). С мая по сентябрь включительно — жаркий сезон, хотя ночи остаются прохладными, а жару смягчает морской бриз (называемый *El Barih*) до середины июня. Ночью часто бывает сильная роса, которая делает атмосферу мутной и удушливой, когда нет морского бриза. Сухопутные бризы с запада и юга продолжаются нерегулярно в течение всего лета. Когда их нет, температура поднимается выше ста градусов и остается на этом уровне днем и ночью, пока рябь на стоячем, спокойном море не возвещает об облегчении от мучительной жары. Данные о температуре, зафиксированные в деревне Менама летом 1893 года, показывают, что минимальная температура в помещении составляет 85 °F, а максимальная — 107 °F в тени. Преобладающим ветром в Бахрейне, и фактически во всем Персидском заливе, является *шемаль*, или северо-западный ветер, который слегка меняет свое направление в зависимости от рельефа побережья. Во время шемаля воздух обычно очень сухой, а небо безоблачное, но зимой он иногда сопровождается ливнями. Зимой эти ливни очень сильные

и представляют опасность для судоходства. Единственный другой сильный ветер называется *каус*; это юго-восточный ветер, который дует нерегулярно с декабря по апрель. Обычно он сопровождается густой, мрачной погодой, сильными шквалами и падением барометра. Поговорка моряков о том, что «в Персидском заливе всегда либо слишком много ветра, либо его нет вовсе», очень верна в отношении Бахрейна.

Эта поговорка верна и в отношении политической истории залива. Бахрейн из-за своей торговли жемчугом всегда был предметом споров и был яблоком раздора между соседними правителями с тех пор, как ранние жители острова сражались с римлянами в морской битве. После смерти Мухаммеда карматиты захватили острова. Португальцы, арабы из Омана, персы, турки и, наконец, англичане поочередно претендовали на власть или защиту архипелага. Достаточно отметить, что в 1867 году Иса бин Али (названный *Исавом* в книге Керзона «Персия», как будто это имя произошло от брата Иакова, а не от арабской формы имени Иисус!) был назначен правящим шейхом Бахрейна ( ) британцами, которые свергли его отца Мухаммеда бин Халифу за заговор с целью пиратства.

Нынешний шейх — типичный араб и большую часть времени проводит в соколиной охоте и охоте; религиозное правление, которое в мусульманской стране означает судебную и исполнительную власть, принадлежит *кади* или судье. Законодательной власти нет, поскольку законы были закреплены раз и навсегда в Коране и традициях. *Правосудие* осуществляется редко. Угнетение, шантаж и взяточничество являются повсеместными явлениями; и, за исключением торговли и работорговли, английская защита не привела к каким-либо реформам на острове. Быть «защищенным» здесь означает строгий нейтралитет во внутренних делах и абсолютную диктатуру в отношениях с другими правительствами. «Защищать» означает сохранять *статус-кво* до тех пор, пока не наступит время для аннексии. Иногда процесс перехода от одного к другому настолько постепенен, что напоминает рост; в таком случае было бы правильным говорить о росте Британской империи.

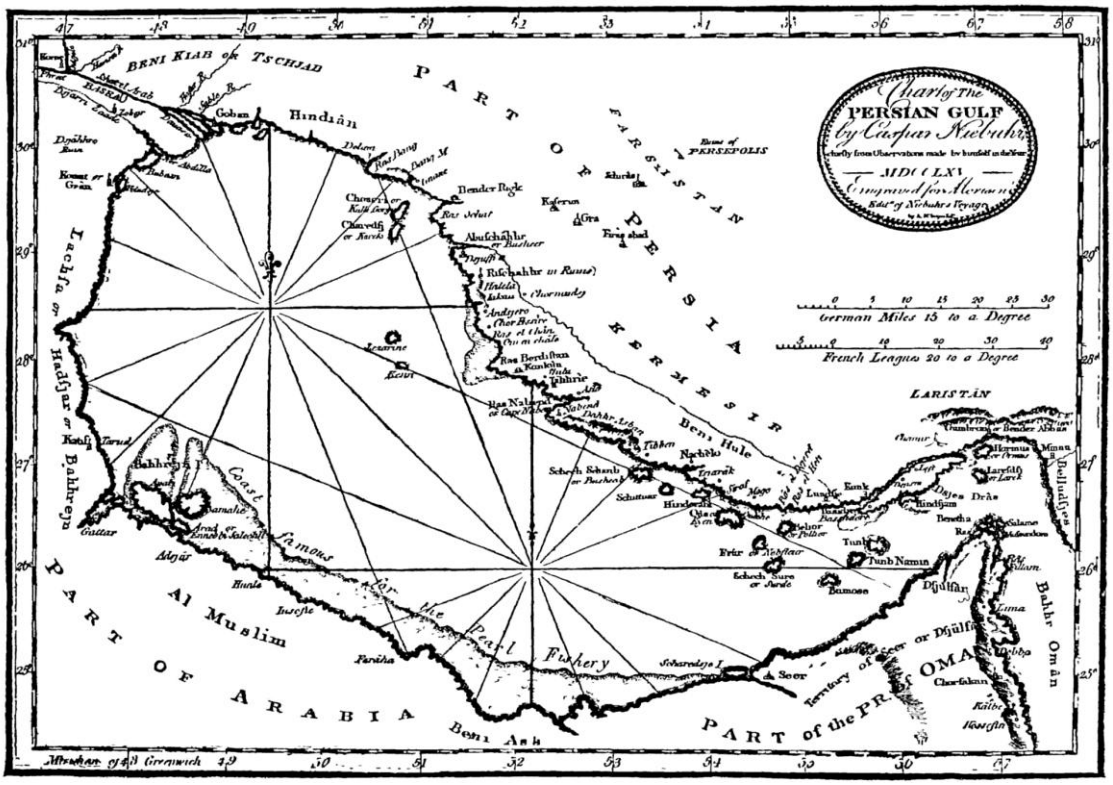
Однако контакты с европейцами и западной цивилизацией многое сделали для Бахрейна в плане устранения предрассудков и пробуждения вялого ума арабов, чтобы они смотрели за пределы своего «острова арабов». Еще в 1867 году Палгрейв мог написать: «Благодаря морскому и в некотором смысле центральному положению Бахрейна, мои читатели могут сами догадаться, что глубокое незнание Неджда в отношении европейцев и их различных классификаций здесь сменяется частичным знакомством с этими темами; таким образом, английский и французский, искаженные до местных *«инглиз»* и *«франсез»*, являются знакомыми словами в Менаме, хотя немцы и итальянцы, чьи корабли редко или никогда не посещают эти моря, пока не имеют места в словарном запасе Бахрейна; в то время как голландский и португальский, похоже, канули в лету. Но русские или *«Москоп»*, то есть москвичи, известны и вызывают страх благодаря персидским связям и инстинкту народов. Помимо политики Константинополя и Тегерана, в этих кофейнях свободно и порой разумно обсуждаются не только бурная дипломатия Неджда и его опасные посягательства.

Для арабов Бахрейна Бомбей является центром цивилизованного мира, и тот, кто видел этот город, считается знатоком всего, что касается иностранцев. Мальчики так жаждут поездки на британском индийском пароходе в это Эльдорадо науки и тайн, что иногда убегают из дома и отправляются в путь как безбилетники или выпрашивают проезд. Этот тесный контакт с Индией оказал влияние на арабский язык, на котором говорят на острове, который, хотя и не является диалектом, изобилует индостанскими словами. В последние годы в Бахрейн прибыло значительное количество иммигрантов из Персии с побережья между Лингахом и Бушире, и после арабского персидский является наиболее распространенным языком.

XI
ВОСТОЧНЫЙ ПОРОГ АРАВИИ

За Бахрейном материк простирается на запад на 800 миль через провинцию Хасса и нижнюю часть Неджда и Хиджаза до Красного моря. Так как Джидда является западным портом, Бахрейн является восточным портом для всей Аравии. Это ворота во внутренние районы, порог которых составляет Хасса. Проведите линию от Менамы до Катифа, затем до Хофхуфа (или Эль-Хассы) и оттуда обратно к Менаме, и образовавшийся треугольник будет включать в себя все важные города и деревни Восточной Аравии. К северу от этого треугольника на побережье находится негостеприимная, малонаселенная страна Бни Хаджар; к югу от него — полуостров Эль-Катар; на запад простирается песчаная пустыня, которая занимает пять дней пути до Эр-Рияда и старой страны Вахаби. Таким образом, ограниченная этим треугольником область фактически представляет собой всю Хассу, хотя на картах это название дано всему побережью вплоть до Бусры. Но ни власть турецкого правительства, ни значение слова *«Хасса»* (низкая, влажная земля) не могут считаться распространяющимися за пределы треугольника.

Полуостров Эль-Катар, длиной около 100 миль и шириной 50 миль, непривлекателен во всех отношениях и настолько бесплоден, что его можно назвать пустыней. Описание Палгрева нельзя улучшить: «Чтобы составить представление о Катаре, мои читатели должны представить себе километры и километры низких бесплодных холмов, мрачных и выжженных солнцем, с едва ли одним деревом, которое могло бы разнообразить сухой монотонный ландшафт; ниже них грязный пляж простирается на четверть мили в сторону моря в виде слизистых зыбучих песков, окаймленных полосой ила и водорослей. Если мы посмотрим в сторону суши за холмами, то увидим то, что с большой любезностью можно назвать пастбищами, унылые холмы с двадцатью камешками на каждый стебель травы; и над этой меланхоличной земной картиной, но лишь немногие и далеко друг от друга, маленькие группы жалких, самых жалких земляных хижин и хижин из пальмовых листьев, узких, уродливых и низких; это деревни или «города» (так их называют жители) Катара. Однако, несмотря на бедность и бедность этой земли, за ней явно скрывается что-то еще более бедное и бедное, что-то, что еще более лишено ресурсов, чем само побережье, и жители которого ищут здесь с помощью насилия то, чего не могут найти у себя дома. Ведь все деревни Катара тщательно обнесены стенами, а холмы за ними усыпаны башнями и тут и там огромными квадратными замками с маленькими окнами и узкими порталами».



КАРТА ПЕРСИДСКОГО ЗАЛИВА НЕЙБУРА.

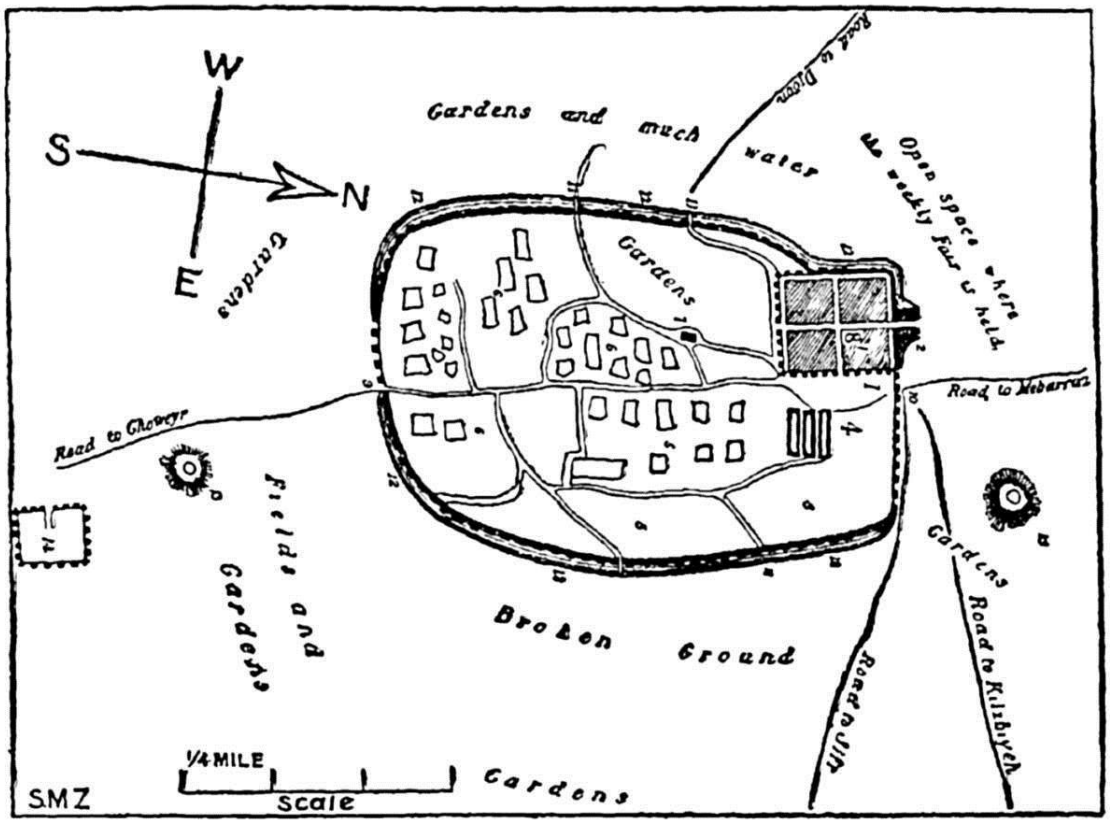
Население Катара невелико; его главный город — Бедаа. Все жители живут за счет моря, занимаясь добычей жемчуга и рыболовством, и в сезон высылают двести лодок. Весь полуостров с его диким бедуинским населением принадлежит Турции и является предметом страха для несчастных солдат, которые отправляются туда для поддержания мира и получают мизерное жалованье, пока дрожат от малярии и тоскуют по Багдаду. Арабы постоянно враждуют с правительством, и после захода солнца за стенами очень небезопасно.

Обычный маршрут из Бахрейна во внутреннюю часть Хассы пролегает через переправу на лодке в Оджейр на материке, а оттуда караваном в Хофхуф. В октябре 1893 года я воспользовался этим маршрутом, возвращаясь из столицы в Катиф, а оттуда обратно в Менаму. Отправившись в путь на закате, мы причалили к Оджейру до рассвета следующего дня, и я нашел турецкого таможенника, которому я принес дружеское письмо от бахрейнского купца. В Оджеире нет ни базара, ни постоянного населения, но есть глиняная крепость, карликовый флагшток и внушительная таможня. Гавань, хотя и неглубокая, защищена от северных и южных ветров и поэтому является хорошим местом выгрузки огромного количества риса и тканей, поставляемых из Бахрейна вглубь страны. Каждую неделю из Оджеира отправляется караван из двухсот-трехсот верблюдов. Хотя страна Джебель-Шаммар, вероятно, снабжается по суше из Бусры и Багдада ( ), весь южный Неджд получает ткани, кофе, рис, сахар и товары из Бирмингема через Бахрейн и Оджейр.

Вся равнина в таможне и вокруг нее была завалена тюками и ящиками, а воздух наполнял шум погрузки семисот верблюдов. Я договорился с Салихом, жителем Неджда, о том, чтобы путешествовать в его группе, и перед полуденной молитвой мы вышли в путь. В течение многих часов страна была голой пустыней, то тут, то там виднелись живописные песчаные хребты, а в одном месте — прожилка зеленоватого известняка. Когда наступила ночь, мы все растянули одеяла на чистом песке и спали под открытым небом; те, кто забыл взять с собой бурдюки с водой, теперь утоляли жажду, выкопав руками яму глубиной три-четыре фута и

найдя запас воды. Днем солнце было жарким, и ветерок стих, но ночью, под сверкающими звездами и при северном ветре, казалось, наоборот, было очень холодно. На второй день в полдень мы увидели пальмовые рощи, окружающие Хофхуф и придающие ему, по словам Палгрейва, «общий вид белого и желтого оникса, обрамленного изумрудной каймой». Поскольку мы достигли «изумрудной каймы» только после полудня, я решил остаться в Джифре, одной из многочисленных пригородных деревень. Здесь у Салиха были друзья, и вкусный ужин из хлеба, масла, молока и фиников, все свежее, был одним из многих проявлений гостеприимства. На закате мы отправились в соседнюю деревню Меназелех, расположенную примерно в трех милях от нас, через сады и бурные ручьи с теплой водой. На следующее утро мы снова ехали через сады и финиковые рощи, едва заметные в утреннем тумане. В семь часов, когда солнце подняло завесу, прямо перед нами появились мечети и стены Хофхуфа; это был прекрасный вид.

Эль-Хофхуф может похвастаться значительным возрастом. Под названием Хаджар он находился рядом с Мобаррезом, городом-цитаделью знаменитых Бни Кинди и Абд Эль Каиса (570 г. н. э.). Оба эти города, как и, по сути, все деревни Хассы, обязаны своим существованием подземным водотокам, которые являются главной особенностью провинции; везде в изобилии присутствует это великое благо. Земля ручьев и фонтанов, бьющих посреди соленого моря, как в Бахрейне; протекающих неизвестно и неисканных под сухой пустыней в Оджеире; бурлящих в вечных фонтанах, как в Катифе; или вырывающихся в семи горячих источниках, которые текут, охлаждая и благословляя широкие поля риса и пшеницы в Мобаррезе. Весь регион способен к богатому земледелию, и все же сейчас более половины его территории является пустыней. Нет ни одного человека, который возделывал бы землю, и рай лежит в запустении, за исключением окрестностей деревень. В других местах бедуинские разбойники и турецкие налоги мешают возделыванию земли. *Эти два фактора являются проклятием сельского хозяйства во всех османских провинциях Аравии*.



ПЛАН ПАЛГРЭВА ДЛЯ ХОФХОФА.

Сам Хофхуф окружен садами, и его план дает хорошее представление об общем характере городов Аравии. Замок или дом правителя; базар с окружающими жилищами и глиняная стена, построенная вокруг для защиты всего комплекса. Ров ( ) сейчас высох и наполовину засыпан обломками стен, которые находятся в плохом состоянии. Город имеет диаметр почти полторы мили, но дома построены не так близко друг к другу, как это принято в большинстве восточных городов; здесь есть приятная особенность — сады *внутри* стен. Преобладают финиковые пальмы, которые достигают удивительного совершенства, но также встречаются набак, папайя, инжир и гранат. Здесь выращивают индиго и хлопок, а весь окружающий регион покрыт зелеными полями риса, сахарного тростника и овощей — лука, редиса, фасоли, вика и кукурузы.

Население города полностью мусульманское, за исключением одного католика, который является турецким врачом, и полудюжины евреев. Тремя европейцами, которые ранее посетили и описали Хофхуф, являются капитан Сэдлиер (1819), Палгрейв (1863) и полковник Пелли (1865). Первый указывает население в 15 000 человек, а Палгрейв говорит о 20 000–30 000. В 1871 году, когда турецкая экспедиция против Неджда захватила город, они сообщили, что в нем 15 000 домов и 200 пригородных деревень (!). Это показывает абсолютную неопределенность большинства статистических данных в отношении Аравии.

Эль-Хасса (Хофхуф) — первая остановка на прямом караванном пути из восточной Аравии в Мекку и Джидду. Абд Эр Рахман бин Салама, арабский шейх, подчиняющийся турецкому губернатору района Рифаа, предоставил мне следующую информацию об этом пути. От Хассы до Эр-Рияда шесть дней на верблюде, от Эр-Рияда до Джебель-Шаммара девять дней, до Вади-Дауасира семь, а от Эр-Рияда до Мекки восемнадцать дней. Это означает, что для пересечения полуострова потребуется *двадцать восемь дней*, не считая остановок по пути и путешествуя со скоростью обычного каравана, *т. е.* три мили в час.

Кайсария или базар Хофхуф хорошо снабжен всеми обычными товарами первой необходимости и предметами роскоши Леванта: оружием, тканями, золотой вышивкой, финиками, овощами, сушеной рыбой, деревом, солеными саранчовыми, фруктами, сандалиями, табаком, медными изделиями и тканями — в беспорядочном беспорядке, как перечислено. Публичные аукционы ( ) часто проводятся на площади или на равнине за стенами. Здесь же работают парикмахеры, а кузнецы ковкуют на наковальнях в тени финиковой хижины. В квартале Рифаа находятся *лучшие* дома, а в Наатале — самое большое их количество; «восточная часть» Хофхуфа предназначена для богатых, а «западная» — для бедных, как и положено в стране парадоксов.

Хасса славится двумя видами производства: плащами или *аббасами* с богатой вышивкой золотом и цветными нитками, изящно выполненными и с элегантным узором, самыми яркими и дорогими одеждами Аравии; и латунными кофейниками причудливой формы и красивого дизайна, которые, как и плащи, экспортируются по всей Восточной Аравии, даже в Бусру и Маскат. Когда-то торговля процветала, и купцы разбогатели в этой стране с легким сельским хозяйством и плодородной почвой. Но междоусобные войны, фанатизм ваххабитов и турецкая леность, вымогательство и налоги лишили Хассу процветания, и столица Хассы уже не та, что была в старину, когда город принадлежал карматитам.

Остался лишь один пережиток былой славы — уникальная и полностью местная монета, называемая *«тоуила»* или «длинный кусок». Она представляет собой небольшой медный слиток с небольшой долей серебра, длиной около дюйма, раздвоенный на одном конце и с небольшой щелью. По одной или обеим плоским сторонам проходят несколько куфических символов, почти неразборчивых на большинстве экземпляров, но, как говорят, означающих: *«Мухаммед-аль-Сауд», то* есть «Мухаммед из семьи Саудов». На монете нет ни даты, ни девиза, но она, несомненно, была изготовлена одним из карматийских принцев около 920 года нашей эры. Эта мусульманская секта обязана своим происхождением фанатику и энтузиасту по имени Кармат, родившемуся в Куфе, который впервые обрел последователей около 277 года хиджры. Он присвоил себе высокие титулы: «Вождь», «Руководитель», «Слово», «Святой Дух», «Вестник Мессии» и т. д. Его толкование Корана было очень либеральным в вопросах омовения, поста и паломничества, но он увеличил количество молитв до пятидесяти в день. У него было двенадцать апостолов среди бедуинов, и его секта « » росла так быстро, что они смогли собрать на поле боя 107 000 фанатичных воинов. Куфа и Бусра были разграблены, а Багдад захвачен. В 929 году Абу Тахер штурмом взял Священный город Мекку, и карматиты в знак триумфа унесли черный камень в Катиф. Центр их власти в течение нескольких лет оставался в Хассе. Здесь чеканилась монета, которая является единственным остатком их власти и фанатизма. И хотя доктрины карматитов вызывают отвращение, их маленькие медные слитки по-прежнему покупают рис и финики и остаются в руках менял на базаре.

В прежние времена существовали золотые и серебряные монеты похожей формы. Иногда еще можно найти серебряные монеты с благородным девизом на арабском языке: *«Честь трезвому человеку, позор амбициозному»*. Когда я был в Хофхуфе, этот странный медный слиток с двумя хвостами стоил пол-анны и на рынке боролся за свое право первородства с рупиями, индийскими бумажными деньгами, долларами Марии Терезии и турецкими медными монетами. Но как изменился бы сам базар в глазах призрака какого-нибудь карматианского воина IX века, который первым взял в руки «длинный слиток». Даже ваххабиты исчезли, а табак, шелк, музыка и вино больше не считаются смертными грехами. Многие из этих мусульманских пуритан уехали в Эр-Рияд, а те немногие, кто остался, с

ужасом гладят свои длинные белые бороды, глядя на турецких эфенди в неверных бриджах, курящих сигареты, и вздыхают о золотых днях арабского реформатора.

В Хофхуфе есть военный госпиталь с хирургом и врачом, но во время моего визита там был дефицит лекарств и ужасающая нехватка санитарных условий. Немногие солдаты соглашаются на лечение в госпитале, предпочитая дезертировать или искать отпуск в другом месте, и для арабского населения ничего не делается . До моего приезда здесь, как и на побережье, бушевала холера, а во время моего короткого визита была эпидемия оспы, унесшая жизни многих, многих детей. Такие болезни в три раза страшнее в стране, где под благочестивой маской религии практикуется фанатизм, презирающий медицину и профилактические меры.

Правительство провинции Хасса устроено следующим образом. *Санджак* (турецкое название административного подразделения) разделен на три *казы*: Неджд, Катар и Катиф, и в каждой из этих каз находится небольшой гарнизон: 600 человек в Хофхуфе и по 300 в Катаре и Катифе. Губернатор, называемый Мутасерриф-паша, проживает в столице, а *каймакамы,* или заместители губернатора, — в двух других центрах. Существуют обычные турецкие суды, и каждое арабское племя имеет представителя или посредника, который урегулирует его дела с губернатором. Основные племена, которые в настоящее время признают турецкую оккупацию и подчиняются их правлению, это: Эль-Аджеман, Эль-Мора, Бни Хаджар, Бни Халед, Бни Хассам, Эль-Моттер, Эль-Харб и Эль-Джаафер. Турецкое правительство открыло в провинции три школы; согласно официальному турецкому отчету, общее число учеников составляет 3540 человек. В том же отчете указано, что общее население провинции составляет 250 000 человек; это дает достаточное представление об отсталости образования даже в этой провинции, которая всегда славилась книжным образованием. Большая мечеть с двадцатью четырьмя арками и портиками, с гладкой штукатуркой и полом, устланным матами, всегда полна озорных молодых людей, изучающих тайны грамматики и общие места мусульманской теологии; но дни поэзии и написания комментариев к Корану остались в прошлом; даже ваххабитские купцы говорят о Бомбее и рады заполучить английский букварь или атлас нового мира, который стучится в их дверь, прося впустить его.

Проведя в городе четыре дня, я согласился вернуться на север с караваном; однако мне не разрешили уехать, пока я не подписал документ, в котором из-за небезопасности дороги правительство снимало с себя всякую ответственность в случае, если я потеряю жизнь, здоровье или багаж. Копия этого документа находится у меня, но единственным врагом, с которым я столкнулся в пустыне, была лихорадка. Во вторник в полдень наша небольшая группа вышла в путь, не проезжая через большой город Мобаррез, как я надеялся, а повернув на восток и достигнув Килабиджи в два часа дня. Мы проехали мимо фонтанов, ручьев, рисовых полей и болот — все это было совсем не похоже на Аравию из школьной географии. Однако через четыре часа мы снова оказались посреди пустыни, где солнце оказалось для меня слишком жарким, и я заболел лихорадкой, которая не покидала меня до самого возвращения в Бахрейн. Дорога продолжала пролегать по пустыне вплоть до Катифа. В среду мы ехали всю ночь под звездами (из-за ложной тревоги о грабителях) до девяти часов утра следующего дня. Затем мы отдохнули в месте, которое с горькой иронией называется Ум-эль-Хаммам; там нет *бань*, деревьев, травы, только неглубокая яма с грязной водой и небольшие кусты фиников. Здесь мы провели жаркий день. В пятницу утром мы прибыли к границам Катифа — пальмовым рощам, колодцам и древним акведукам с любопытными башнями и вентиляционными отверстиями, расположенными через

определенные промежутки. Через сады и вокруг большого квадратного форта мы вышли к морю. В таможне я снова нашел отдых и освежение.

Катиф не пользуется хорошей репутацией среди арабов Хассы; он расположен в низменной и болотистой местности; «его жители в основном слабых телосложения, с желтоватым цветом лица и постоянно страдают от малярии. Сам город плохо построен, ужасно грязный, сырой и с неблагоприятным климатом. Тем не менее, он имеет хорошее население и оживленную торговлю. Жители в основном шииты персидского происхождения и вызывают отвращение как у ваххабитов, так и у турок, которые считают их чуть ли не неверными. Нынешнее расположение Катифа соответствует древнему поселению *Герра,* упоминаемому греческими географами, но поиски руин никогда не проводились. Португальская крепость « » свидетельствует об *их* оккупации этого побережья во время их господства в заливе. Катиф был захвачен турками в 1871 году и с тех пор находится под их оккупацией.

Аравийское побережье к северу от Катифа, вплоть до Кувейта, не имеет ни одного крупного поселения. В основном бесплодное и находящееся в руках хищного и воинственного племени Бни Хаджар, оно очень неинтересно и совершенно непродуктивно.

XII
РЕЧНАЯ СТРАНА И ФИКСОВЫЕ ПАЛЬМЫ

«Богатые равнины Месопотамии и Ассирии, которые когда-то возделывались многочисленным народом и орошались благодаря удивительным усилиям человеческого труда, теперь заселены, или, скорее, опустошены кочующими арабами. До тех пор, пока эти плодородные провинции будут оставаться под властью, или, скорее, в анархии турок, они будут оставаться пустынями, в которых природа умирает из-за отсутствия заботы человека» — *Нибур* (1792).

Какие изменения в истории оставили свои следы в руинах, названиях и легендах на великих аллювиальных равнинах Северо-Восточной Аравии! Две реки по-прежнему носят свои библейские названия, Евфрат и *Диджле*, или Хиддекель, но больше ничего не осталось, что можно было бы назвать раем. Что больше всего впечатляет путешественника, так это то, что такая большая часть этой плодородной области лежит в запустении и не приносит урожая под бездарным правлением. В великолепие прошлого трудно поверить из-за разрухи настоящего. Повсюду видны следы древних империй, и все же это кажется невероятным, когда мы смотрим на полуголых арабов, пашущих на грязных берегах с их диким скотом и примитивными орудиями.

Неужели это была колыбель человечества? Вавилон и Ниневия здесь для археологов; Ктесифон, Куфа и Зобейр для историков; Багдад и Бусра (или Бассора) для старых арабских романов; и Ур Халдейский для изучающих Библию. С тех пор, как Харун Рашид ходил в переодевании, сколько еще более странных арабских ночей видел Багдад! Как удивился бы Синдбад-мореход, увидев упадок Бусры, но с дюжиной «дымящихся кораблей» в ее гавани!

Месопотамия, называемая арабами *Эль-Джезира*, ранее ограничивалась землями, лежащими между двумя реками и к югу от Старого Вавилона ( ) — старой стены, соединявшей их выше Багдада. От этой точки до Персидского залива район был и до сих пор

известен как Ирак-Араби, чтобы отличать его от Ирака Персии. Однако обычно название Месопотамия (Страна между реками) дается всей северо-восточной части Аравии. Ее общая площадь составляет 180 000 квадратных миль, и она отличается большой однородностью как в физическом, так и в этническом отношении. Арабы живут и говорят на арабском языке на территории протяженностью триста миль за Багдадом, вплоть до Диарбекра и Мардина, но мы ограничимся описанием региона между Бусрой и Багдадом, включая дельту у устья рек.

Недалеко от Багдада две гигантские реки, орошающие Восточную Малую Азию, Армению и Курдистан, сближаются; оттуда основные русла соединяются несколькими каналами и пересыхающими водотоками, главным из которых является Шатт-эль-Хай. В Курне две реки объединяются, образуя Шатт-эль-Араб, который протекает по плоской, плодородной равнине, усеянной деревнями и покрытой искусственно орошаемыми лугами и обширными финиковыми рощами. Вплоть до Багдада река судоходна в течение всего года для пароходов значительных размеров. Исключительно благодаря предприимчивости английской торговли и пароходной линии Багдад-Бусра страна, столь мрачно описанная Нибуром в 1792 году и даже Чесни в 1840 году, обрела новую жизнь и процветание. Даже турецкое бесправие и угнетение не могут полностью уничтожить природную плодородность и продуктивность; и если когда-нибудь этот регион окажется под управлением хорошего правительства, он вернет себе былое значение и удвоит свое нынешнее население.

В физической географии этого региона выделяются две особенности. Во-первых, это плоские, почти ровные луга без каких-либо подъемов или спусков, за исключением искусственных древних холмов[36]. Во-вторых, это финиковая пальма. Вся территория страны от Фао и Мохаммера до страны арабов Монтефик выше Курны представляет собой одну большую финиковую плантацию по обеим сторонам широкой реки. Везде высокие стройные деревья выстраиваются вдоль горизонта, а вблизи нижнего устья Шатт-эль-Араба они особенно пышны и многочисленны. Раньше каждая пальма на Ниле регистрировалась и облагалась налогом, но подсчитать все такие деревья на Шатт-эль-Арабе было бы бесконечной задачей.

Надлежащим гербом для всей нижней Месопотамии была бы финиковая пальма. Она является «знаменем климата» и богатством страны. В этих длинных рощах и рядах пропорциональных колонн, верхушки которых скрываются в листве, может быть монотонность, но определенно нет ничего утомительного. Финиковый сад — это место необычайной красоты, которая сильно меняется в зависимости от времени суток и погоды. На восходе или закате великолепные цвета падают на изящно свисающие листья или мягко проникают через более светлую листву и отражают яркую зелень, настолько красивую, что, увидев ее однажды, ее невозможно забыть. В полдень темные тени и глубокие цвета финиковых лесов освежают и успокаивают глаза, утомленные ярким блеском песка и неба. Но лес выглядит лучше всего, когда в росистую ночь восходит полная луна и заставляет каждый шиповидный лист сверкать жемчугом, а тени кажутся черными, как ночь, в контрасте с блеском верхней листвы.

Именно арабский поэт первым воспел финиковую пальму в песне, так прекрасно интерпретированной Баярдом Тейлором:

«Рядом с тобой, о прекрасная Газель!

О девушка из племени бедуинов, столь любимая,

Рядом с бесстрашной Неджиде

Чья быстрота снова принесет меня к тебе —

Рядом с вами обеими я люблю пальму

С ее красивыми листьями и плодами бальзама.

Вслед за вами обеими я люблю дерево,

Чьи трепещущие тени окутывают нас троих

Любовью, тишиной и тайной.

Наше племя многочисленно, наши поэты соревнуются

С любыми под арабским небом

Но никто, кроме меня, не может петь о пальме.

Благородные минареты, украшающие

диадему каирской цитадели

Не так легки, как его тонкий ствол.

Он поднимает свои листья в лучах солнца

Как Альмехи поднимают руки в танце;

Сонное движение, страстный вздох

Который действует в клетках крови, как вино.

О дерево любви, этой твоей любовью

Научи меня, как смягчить мою».

Марк Твен сравнил пальму с «столбом свободы с кучей сена» на вершине. Истина лежит между поэтом и «невинным» путешественником, потому что финиковая пальма — это и поэзия, и коммерческий продукт; для арабского сознания она является воплощением совершенства красоты и полезности.

Финиковая пальма встречается в Сирии, Малой Азии, почти во всех частях Аравии и на южных островах Средиземного моря, но наибольшего совершенства она достигает в Верхнем Египте и Месопотамии.[37] Некоторое представление об огромном значении этой одной культуры для богатства Месопотамии можно получить из заявления старого английского купца в Бусре, что «весь годовой урожай фиников в стране рек можно консервативно оценить в 150 000 тонн».

Финиковая пальма состоит из одного ствола высотой от пятидесяти до восьмидесяти футов, без ветвей, увенчанного на вершине гроздью листьев или «пальмовых веток», которые свисают в виде огромного зонтика. Каждая из этих пальмовых веток имеет длинные ланцетные листья, расходящиеся веером от центрального ствола, который часто достигает длины десяти или даже двенадцати футов. В диком состоянии последовательные ряды пальмовых листьев, которые отмечают годовой рост дерева, увядают и сжимаются, но остаются на стволе, производя при каждом дуновении ветра скрипящий звук , который так

часто слышен в тишине пустынной ночи. Но там, где пальмы культивируются, старые стебли срезаются по мере их высыхания и используются для многих различных целей. Ствол пальмы поэтому имеет вид чешуек, которые позволяют человеку, тело которого привязано к дереву веревочной петлей, с легкостью подняться на верхушку и собрать плоды. На расстоянии эти годовые *кольца* финиковой пальмы выглядят как серия диагональных линий, разделяющих ствол. Пальмы часто достигают возраста ста лет. Финиковая пальма является двудомной, но в Месопотамии количество женских пальм значительно превышает количество мужских. Браки пальм происходят каждую весну и являются напряженным временем для земледельцев, так как подняться на все деревья и рассыпать пыльцу — задача не из легких.

ФИНИКОВЫЙ САД В БЛИЗИ БУСРЫ.

ФИНИКИ, РАСТУЩИЕ НА ФИНИКОВОЙ ПАЛЬМЕ.

Арабы написали книги, а европейцы сочинили басни о тысяче различных способов использования пальмы. Каждая часть этого чудесного дерева приносит арабам неожиданную пользу. Начнем с верхушки: пестики цветков финика содержат тонкие вьющиеся волокна, которые выбивают и используют во всех восточных банях в качестве губки для намыливания тела. На конце ствола находится конечная почка, содержащая беловатое вещество, по консистенции и вкусу напоминающее миндаль, но в сто раз больше.

Это великолепное деликатесное блюдо. Говорят, что существует более ста разновидностей финиковой пальмы, которые отличаются своими плодами, и арабы говорят, что «хорошая хозяйка может каждый день в течение месяца подавать своему мужу блюдо из фиников, приготовленное по-разному». Финики являются основным продуктом питания арабов в большей части Аравии и всегда подаются в той или иной форме к каждому приему пищи. Из старых фиников делают сироп и уксус, а те, кто пренебрегает Кораном, даже своего рода бренди. Косточки фиников измельчают и скармливают коровам и овцам, чтобы ничего из этого драгоценного плода не пропало. Целые косточки используются арабскими детьми в качестве бусин и счетных фишек в их играх на песке пустыни. Ветви или пальмы очищаются от листьев и используются как ротанг для изготовления кроватей, столов, стульев, колыбелей, клеток для птиц, подставок для чтения, лодок, ящиков и т. д. Из листьев делают корзины, веера и веревки, а *луб* внешней части ствола является отличным волокном для изготовления веревок разных размеров и качества. Древесина ствола, хотя и легкая и пористая, широко используется в мостостроении и архитектуре и является довольно прочной. Одним словом, когда финиковая пальма срубается, ни одна ее частица не пропадает зря. Это дерево является «бедным домом» и убежищем для всей Аравии; без него миллионы людей не имели бы ни еды, ни крова. Половина населения Месопотамии живет в домах, построенных из финиковых матов.

Хотя повсюду выращивание фиников является важной отраслью промышленности, Бусра является центром торговли, поскольку здесь находится главный склад для экспорта. Три лучших сорта фиников, известных в Бусре, — это *Халлави*, *Хадрави* и *Сайер*. Это единственные сорта, которые выдерживают транспортировку на европейские рынки. Их упаковывают слоями в деревянные ящики или в более мелкие картонные коробки. Средний объем экспорта из Бусры в Лондон и Нью-Йорк за последние пять лет составил около *20 000 тонн*, почти половина из которых была предназначена для американского рынка. Другими важными сортами являются *Зехди*, *Берем*, *Деры* и *Шукри*. Они упаковываются более грубо в маты или корзины и отправляются по всему аравийскому побережью, в Индию, на побережье Красного моря и в Занзибар. В окрестностях Бусры для местного потребления выращивается более тридцати других сортов. Некоторые из них имеют любопытные названия, такие как: «Мать парфюма», «Запечатанная», «Красный сахар», «Дочь семерых», «Палец невесты», «Маленькая звезда», «Чистая дочь»; другие имеют названия, которые лучше не переводить.

Палгрейв и другие, с чьим вердиктом я согласен, признали финики сорта *«Халаси»* из Эль-Хассы лучшими из всех других сортов. Недавно они были завезены в Месопотамию. Палгрейв говорит: «Буквальный и вполне уместный перевод названия — «квинтэссенция» — это вид, характерный для Хассы и, без сомнения, первый в своем роде». Сам плод немного меньше обычного финика сорта *«Халлави»*, но он не такой сухой и гораздо более сочный ( ). Он имеет насыщенный темно-янтарный цвет, почти красноватый, и прозрачный; косточка небольшая и легко отделяется, финик сладкий, как сахар, и намного превосходит финики, продаваемые на американском рынке, как спелый яблоко «Пиппин» превосходит сушеные яблочные кольца.

В Бусре сезон сбора фиников начинается в сентябре и держит всех в напряжении до тех пор, пока не будет собран и отправлен огромный урожай. Финики, предназначенные для экспорта в Европу и Америку, имеют высшее качество, а коробка весом в полцента на борту парохода стоит около трех или четырех шиллингов оптом. Все плохие, влажные и мелкие финики упаковываются отдельно в маты или мешки и отправляются в Индию как второсортные. Самые плохие партии отправляются массово на ликероводочные заводы в

Англию. Таким образом, ничего не теряется. Упаковщики фиников, которые укладывают фрукты слоями, получают три или четыре *камери* за упаковку ящика. Лучшие упаковщики могут упаковать только четыре ящика в день, поэтому их заработная плата составляет около одного *крана* (около десяти центов) в день. Они живут дешево на фруктах и привозят с собой всю свою семью, младенцев и стариков, чтобы на сезон поселиться в финиковых садах. Сезон сбора фиников в Бусре начинается в начале или середине сентября и длится шесть-восемь недель. Цена на урожай фиников варьируется. Обычно она устанавливается на собрании, которое проводится в одном из финиковых садов, где производители и покупатели играют в быка и медведя, пока не достигнут соглашения. Цены в 1897 году были, на языке торговли: «340 шамисов за халлави, 280 шамисов за хадрави и 180 шамисов за сайер». Семнадцать *шамисов* равны примерно одному фунту стерлингов, а указанные цены относятся к *каре*, примерно пятидесяти центнерам.

За последние пятнадцать лет производство фиников неуклонно растет. В 1896 году большая часть страны была затоплена сильными наводнениями, и, по некоторым данным, было уничтожено более миллиона финиковых деревьев; новые сады высаживаются постоянно. Арабы Месопотамии демонстрируют большое мастерство и необычайную тщательность в удобрении, орошении и улучшении своих финиковых плантаций, поскольку они все больше и больше осознают, что это нешуточный источник богатства. Одно из недавних применений экспортных фиников — производство уксуса. Поскольку производство сахара из свеклы оказалось настолько прибыльным, то, по-видимому, должен существовать какой-то способ производства хорошего сахара из финикового сиропа.

Месопотамия богата не только финиковыми рощами, но и зерновыми культурами, шерстью, камедью, корнем солодки и другими продуктами. Только экспорт шерсти в 1897 году был оценен в 288 700 фунтов стерлингов. А общий объем экспорта в том же году для двух провинций Багдад и Бусра был оценен в 522 960 фунтов стерлингов. Бусра является портом отправления для всего окружающего региона, и в гавани Бусры всегда находятся океанские пароходы значительных размеров. В 1897 году из порта вышло 421 парусных судов и 95 пароходов общей вместимостью 131 846 тонн; 91 из этих пароходов были британскими.

Население двух вилайетов, по данным Куане, который опирается на турецкие власти, составляет:

	Мусульмане.	*Христиане.*	*Евреи.*	*Всего*
Вилайет Багдад,	789 500	7 000	53 500	850 000
Вилайет Бусра,	939 650	5 850	4 500	950 000

В вилайете Багдад почти четыре пятых мусульманского населения принадлежат к суннитской секте, в то время как в вилайете Бусра три четверти из них являются шиитами. Сабеи обычно относятся к христианам, хотя те уже достаточно разделены на латинян, греческих православных, греков, сирийцев, халдеев-католиков, армян-грегорианцев, армян-католиков и протестантов — последние составляют наименьшее меньшинство, а остальные в основном отличаются взаимным недоверием и общей ненавистью к протестантизму.

Вилайет Багдад снова делится на три *санджака* или округа: Багдад, Хилла и Кербела, а вилайет Бусра — на округа Бусра, Амара Мунтефик и Неджд[38]. Из этих шести округов Багдадский является самым большим по площади и значимости и является центром военной власти для обоих вилайетов. Границы Санджака Багдад простираются до Анаха на Евфрате на севере и включают Кут-эль-Амару на юге с обоими берегами Тигра. Хилла и Кербела расположены вдоль Евфрата с нерегулярными границами, в то время как Санджак Мунтефик

с его провинциальным городом Насария отделяет их от Санджака Бусры. Санджак Амара начинается в нескольких милях к северу от слияния двух рек, а вся граница с Персией полностью неопределена или, по крайней мере, *«находится в состоянии* спора», как указано на официальных турецких картах.

В обеих турецких провинциях действует вся сложная система турецкой гражданской и военной администрации. Здесь много ведомств и чиновников, и в обоих случаях происходят постоянные изменения. В каждой провинции есть генерал-губернатор, или *вали*, а в каждом округе (за пределами санджака губернатора) есть *мутасерриф-паша* первого или второго класса — те, с кем приходится иметь дело, как правило, относятся к последнему классу. Затем есть *каймакамы* для небольших округов или городов и, наконец, *мудиры* для деревень. В резиденции правительства, называемой *Серай*, есть административный совет ( ), в который входят *наиб* или *кади*, соответствующий главному судье; *дефтердар* или министр финансов; *муфтий* или публичный толкователь мусульманского права; *накиб* и т. д. Существует несколько судов разного ранга; таможенная администрация работает по принципу *«e pluribus unum»* и системе *«ne plus ultra»*. Кроме того, есть «Regie des tabacs» или табачная монополия, почтовая и телеграфная администрация, санитарные службы, инспекторы по соли, а в Кербеле — тариф на трупы, взимаемый с приезжающих паломников. Чтобы описать все это удовлетворительно, понадобился бы целый том.

XIII
ГОРОДА И ДЕРЕВНИ ТУРЕЦКОЙ АРАВИИ

Кувейт[39], расположенный на побережье залива немного южнее дельты реки, по всей вероятности, в скором времени приобретет большое значение и станет таким же известным, как Суэц или Порт-Саид. Он имеет лучшую гавань во всей Восточной Аравии и является важным городом с населением от 10 000 до 12 000 жителей. Здесь, вероятно, будет конечная станция предлагаемой железной дороги, которая соединит Индию и залив с Европой по кратчайшему маршруту. Поскольку вся окружающая местность практически пустынна, город полностью зависит от торговли. Он имеет больше багалов (парусных судов), чем любой другой порт в заливе; отличается удивительной чистотой; имеет несколько очень хорошо построенных домов и обширную верфь для строительства лодок. Город и племя номинально находятся под властью Турции, хотя правильнее было бы сказать «под ее защитой», и ходят слухи, что Кувейт скоро окажется в руках англичан, как и Бахрейн.

Бедуинские племена Северной Хассы и даже из Неджда привозят сюда лошадей, крупный рогатый скот и овец, чтобы обменять их на финики, одежду и огнестрельное оружие. Рядом с городом почти всегда находится большой лагерь бедуинов. Сухопутный путь из Кувейта в Бусру пролегает через пустыню, пока мы не доходим до старого искусственного канала; оставив Джебель Синам слева, второй марш приводит нас в Зобейр, небольшую деревню на месте древней Бусры, и всего в нескольких часах ходьбы от нынешнего места. В Зобейре находится гробница мусульманского лидера, в честь которого назван город ( ). В деревне около 400 домов, а население богатое и фанатичное. В окрестностях есть сады, где выращивают особый сорт дыни, известный во всем регионе своей сладостью и нежным вкусом. Путешествие из Кувейта в Бусру обычно совершается даже местными жителями на

бугало, в то время как пароходы Персидского залива, не заходя в Кувейт, идут прямо из Бушира в Фао, в устье Шатт-эль-Араб. Большим препятствием для торговли является барьер, образованный наносами огромной реки, впадающей в залив. Во время отлива глубина канала в самом глубоком месте составляет всего десять футов, и даже во время прилива большие пароходы вынуждены прокладывать себе путь через ил, чтобы добраться до Бусры.

Фао не имеет никакого значения, кроме как конечная точка кабеля из Бушира. В 1864 году здесь была основана британская телеграфная станция. Турецкая телеграфная система, проходящая вверх по рекам, заканчивается в Фао, и здесь тоже есть представитель, который управляет этим местом и обеспечивает строгий карантин. Шатт-эль-Араб монотонно извивается между обширными финиковыми рощами или пустынными берегами на протяжении около сорока миль, пока мы не достигаем реки Карун и персидского города Мохаммера. Бусра находится в шестидесяти семи милях от бара, и между ней и Фао ( ) на каждом берегу реки расположено много важных деревень. Абу-Хассиб, пожалуй, является самой важной из них и является крупным центром выращивания и упаковки фиников.

Бусра состоит из старого города, где находятся главные базары, здание правительства и большая часть населения, и нового города на берегу реки. Старый город находится примерно в двух милях от реки на узком ручье под названием *Ашар*; вдоль берега проходит хорошая дорога, которая фактически объединяет две части города в одну, так как большая часть ее проходит мимо жилых домов. Бусра видела и лучшие дни, и худшие. В середине XVIII века в ней проживало более 150 000 жителей. В 1825 году их число сократилось до 60 000; чума 1831 года сократила его еще почти наполовину, а после чумы 1838 года осталось едва ли 12 000 жителей. В 1854 году, по некоторым данным, в нем проживало всего 5000 человек. В настоящее время население и значение этого места растут с каждым годом, несмотря на плохое управление и разрушительное налогообложение. Оно имеет все природные преимущества перед Багдадом, за исключением климата, и еще превзойдет город старых халифов, если правление Турции исправится или закончится. Нынешнее население самого города, по данным османских властей, составляет 18 000 человек. Множество руин по всей равнине и в окружающих садах свидетельствуют о его былом величии и великолепии. В настоящее время родной город выглядит печально обветшалым и рассказывает историю запустения и упадка. Невиданная грязь на улицах и недренированные болота в окрестностях делают это место proverbially unhealthy. Эти антисанитарные условия не улучшаются тем, что ручей Ашар одновременно является общей канализацией и источником водоснабжения для более чем половины населения. Богатые классы посылают лодки за водой из реки, но все бедные люди пользуются ручьем. Таковы результаты бездарного правительства, которое могло бы легко осушить болота и обеспечить всех чистой водой в изобилии.

Древняя Бусра, расположенная недалеко от современного Зобейра, была основана в 636 году н. э. вторым халифом Омаром как ключ к Евфрату и Тигру. Она достигла большого процветания и была родиной поэзии и грамматического образования, так же как Багдад был центром науки и философии. После XII века город начал приходить в упадок, и после завоевания Багдада Мурадом IV в 1638 году вся эта часть страны попала в руки турок. Тогда нынешний город получил название Бусра. Позже он переходил из рук арабов в руки персов, а с 1832 по 1840 год им владел Мухаммед Али. Под правлением Мидхата-паши, генерал-губернатора Багдада, город Бусра приобрел важное значение отчасти благодаря Турецкой пароходной компании, которую он продвигал. Но это была иллюзия. Английская торговля и предпринимательство полностью оживили это место, и свист пароходов не дает ему уснуть с тех пор, как Суэцкий канал открыл торговлю с Европой через Персидский залив.[40]

При путешествии из Бусры в Багдад путешественник может выбрать одну из двух линий речных пароходов: османская служба имеет шесть пароходов, а английская компания — три, но турецкое правительство разрешает последней использовать только два. Если вы ищете романтику, дискомфорт и скуку, выбирайте первую; по всем другим причинам выбирайте вторую. Я попробовал оба варианта. Английские пароходы доставляют почту в Багдад и совершают еженедельные рейсы; путешествие вверх по течению занимает четыре-пять дней, а вниз — три дня, хотя при низком уровне воды путешествие может значительно затянуться. В плохих или мелких местах пароходы часто разгружают часть своего груза, переправляются через мелководье и снова загружаются. Конечно, это сказывается на торговле, и огромные количества товаров часто неделями лежат в Бусре в ожидании отправки. Османское правительство не принимает никаких мер для борьбы с огромными потерями воды, которая утекает в болота. Со временем, если это не будет предотвращено, эти потери приведут к закрытию главного русла Тигра, так же как Евфрат ниже Сук-эш-Шиуха стал болотом из-за неиспользования.

Хороший пароход *«Меджидие»* с его дружелюбным капитаном Коули или его сестринский корабль *«Халифа»* стоят на якоре прямо у английского консульства, над ними развевается голубой флаг, а палубы переполнены людьми всех мастей и сословий — персами, турками, индийцами, арабами, армянами, греками; багаж, тюки, ящики, бутылки с водой, куры, гуси, овцы, лошади, не говоря уже о насекомых, с которых невозможно взимать плату за перевозку. Пароходы чем-то напоминают американские речные пароходы на Миссисипи, но пока еще не появился Марк Твен, который увековечил бы их, хотя они дают еще более богатую тему для творчества. Имея две палубы и широкую балку ( ), они перевозят сотни пассажиров и удивительное количество грузов для своих размеров. В прохладную погоду условия проживания на них превосходны, а в жаркие дни никто не путешествует ради роскоши.

Первым местом, где останавливается пароход, является Курна на слиянии рек, откуда он следует вверх по Тигру до Багдада. Гробница Эзры, расположенная примерно в девяти часах езды от Бусры, является важным местом паломничества для евреев. Это красивое место на берегу реки, живописное благодаря толпе садящихся и высаживающихся евреев и евреек. Гробница представляет собой купольный монастырь, окружающий квадратный мавзолей, вымощенный голубой плиткой. Над дверью находятся две таблички из черного мрамора с надписями на иврите, подтверждающими подлинность гробницы. Вполне вероятно, что Эзра похоронен здесь, поскольку Талмуд утверждает, что он умер в Замзуме, городе на Тигре. Говорят, что он умер здесь по дороге из Иерусалима в Сузы, чтобы защитить интересы плененных евреев. Иосиф Флавий говорит, что он был похоронен в Иерусалиме, но ни один еврей из Багдада не сомневается, что останки Эзры покоятся на Тигре.

Через десять часов пути мы проплываем по западному берегу мимо Абу-Садры, могилы арабского святого, отмеченной лишь тростниковой хижиной и тополевой рощей. Далее следует Амара, большая и быстро растущая деревня с угольным складом и предприимчивым населением. Это место было основано в 1861 году и обещает стать центром торговли. Пройдя мимо небольших деревень Али Шерги, Али Герби и Шейх Саад, пароход без остановки прибывает в Кут-эль-Амару, более крупный населенный пункт, чем Амара, на восточном берегу, с населением более 4000 человек.

ПРЕДПОЛАГАЕМАЯ ГРОБНИЦА ЭЗРЫ НА РЕКЕ ТИГРИС.

На всем пути от Бусры до Багдада, но особенно вдоль этой части реки, мы проезжаем мимо бедуинских племен, разбивших лагеря в черных палатках Кедара, занимающихся самым примитивным земледелием или орошением своих земель, или мчащихся по берегам, чтобы поприветствовать проплывающий пароход. Они голодные, наглые, шумные, веселые; они вызывают сострадание у милосердных и смех у бездумных, когда они карабкаются вверх и вниз по берегам реки Тигр ( ), чтобы поймать кусок хлеба или несколько фиников, брошенных им.

РУИНЫ АРКИ КТЕСИФОНА В БЛИЗИ БАГДАДА.

Тем временем мы плывем мимо Бугелы, Азизии, Багдадии и достигаем Бустани Кесры, или арки Ктесифона. Небольшая деревня Солейман-Пак названа в честь благочестивого

человека, который был личным парикмахером пророка Мухаммеда. После различных странствий бедный благочестивый Пак был похоронен здесь, недалеко от великой арки. Возле могилы возникла деревня, сюда съезжаются паломники со всех концов, и, как утверждают, чудеса творит тот, кто при жизни только держал в руках бритву. Вся область Месопотамии богаче святыми, могилами и паломническими святынями, чем любая другая часть Аравии.

Арка Ктесифона не является святыней, но ее стоит посетить. Это единственный заметный объект, сохранившийся от обширных руин Ктесифона на восточном берегу Тигра и Селевкии на западном. Арка сейчас почти разрушена, но когда-то, должно быть, была фасадом величественного здания. Ее длина составляет 275 футов, а высота, по разным данным, — 86 или 100 футов; толщина стен превышает 12 футов, а пролет величественной арки составляет почти 80 футов. О том, чем был Ктесифон во времена царей из династии Сасанидов, мы читаем у Гиббона. Сейчас его слава ушла, и гробница Барбера привлекает больше посетителей, чем древний трон Хосрова. Через восемь часов после отправления из руин Ктесифона наш пароход полностью обретает город Харун Рашид.

Багдад — имя, знакомое даже мальчику, который читает арабские сказки, а не географию. Это один из главных городов Турецкой империи, история которого намного древнее самой империи. Основанный халифом Мансуром около 765 года н. э., он был столицей мусульманского мира в течение пятисот лет, пока не был разрушен Халакном, внуком Чингисхана. Расположенный в центре того, что когда-то было самым богатым и плодородным регионом старого мира, он теперь уже не является королевой этой земли, а скорее напоминает нам о упадке и распаде. Его нынешняя красота — это лишь руины былой славы. Неопрятные солдаты, развалившиеся на улицах, зловонные базары и разрушенные мечети, гнилой мост из лодок, перекинутый через реку, лица бедных и несчастных, просящих милостыню на улицах, свидетельствуют о проклятии турецкого голода и угнетения.

На западном берегу реки находится старый город, окруженный обширными апельсиновыми и финиковыми рощами. На восточном берегу находится Новый Багдад, который также выглядит достаточно старым. Здесь находятся правительственные учреждения, консульства, главные коммерческие здания, а также таможенные органы. Багдад по-прежнему является важным городом по многим причинам. Ни один другой город Турецкой империи не находится под таким сильным влиянием пустыни и Аравии, как Багдад; и ни один другой не имеет такого прямого контакта с городами в глубине полуострова. Арабский язык здесь относительно чист, а в социальной жизни людей во многом по-прежнему преобладают бедуинские нравы. Население города очень разнородное, с одной стороны, из-за торговли, а с другой — из-за большого количества паломнических святынь. Гробницы Абд-уль-Кадира и Абу Ханифа, позолоченные купола и минареты, обозначающие места упокоения двух шиитских имамов, ежегодно привлекают множество посетителей из разных стран и народов. На улицах города говорят на всех языках Леванта, хотя арабский преобладает над всеми. Доктор Х. М. Саттон отмечает: «Я был у постели больного, где в компании из полудюжины человек нам пришлось использовать пять языков, а в другой раз мы были в компании из примерно сорока человек в комнате, где было представлено не менее четырнадцати языков. Таким образом, земля Шинар по-прежнему остается местом смешения языков». Багдад, как и Бусра, сильно пострадал от опустошительных эпидемий чумы в разное время, но особенно в 1830 году,

когда за чумой последовало страшное наводнение. За одну ночь, когда река вышла из берегов, было разрушено 7000 домов и погибло 15 000 человек.

Население Багдада в настоящее время оценивается от 120 000 до 180 000 человек. Около трети населения составляют евреи, а восточные христиане ( ) насчитывают около 5000 человек. Багдад ведет активную торговлю не только с южными регионами и Бусрой, но и с Неджде и Северной Месопотамией. Импорт из Индии и Европы в Багдад составляет более 1 000 000 фунтов стерлингов в год, а экспорт только в Европу в 1897 году составил 522 960 фунтов стерлингов. Река к северу от Багдада не судоходна для пароходов, но ежедневно с севера прибывает огромное количество *келеков*, груженных лесоматериалами из Курдистана и другими продуктами. *Келеки* — это суда, сделанные из надутых козьих шкур, обшитых тростником и матами. Лодчики возвращаются с пустыми шкурами по суше с караванами. Еще более характерной особенностью Багдада являются небольшие речные лодки, называемые *куффе* или кораблики. Они состоят из идеально круглого корпуса диаметром от шести до восьми футов, с бортами, изогнутыми внутрь, как огромная корзина, и покрытыми смолой. Этот тип лодок так же древен, как Ниневия, и они довольно точно изображены на старинных памятниках.

В Багдаде более шестидесяти восьми мечетей, шесть церквей и двадцать две синагоги. Некоторые мечети, такие как мечеть Дауда-паши, находятся в хорошем состоянии, другие же почти в руинах и напоминают слова леди Энн Блант: «Город, давно переживший свой расцвет, с трубами, слишком широкими для его сжатых стенок». Особенностью Багдада, конечно же, является река Тигр с ее быстрым течением, которое постоянно омывает глинистые берега и орошает сады на многие километры вокруг. Дома подходят близко к берегу, и у некоторых из них есть красивые сады, почти нависающие над ручьем, а также террасы и веранды — восточные и живописные. Британская резиденция, пожалуй, самая красивая по своему расположению и фасаду на реку, но другие консульства соперничают с ней, демонстрируя путешественникам силу и гостеприимство европейских государств. Европейская община здесь больше, чем в Бусре.

XIV
ПУТЕШЕСТВИЕ ВНИЗ ПО ЕВФРАТУ

Благодаря любезной помощи полковника Моклера, в то время генерального консула и резидента в Багдаде, осенью 1892 года я смог совершить путешествие из Багдада в Хиллах и вниз по Евфрату — маршрут, который нечасто выбирают путешественники. После необходимых приготовлений и поиска подходящего слуги мы наняли двух мулов и покинули город старых халифов с караваном, направляющимся в Кербелу. Это было в июле, и мы сделали первую остановку в четырех часах езды от Багдада, спали на одеялах под звездами. Через час после полуночи седла были подняты на место, и мы снова отправились в путь. Это была смешанная компания: арабы, персы и турки; купцы, направлявшиеся в Хиллах, и паломники, спешащие к святыням; женщины в занавешенных, похожих на клетки конструкциях, называемых *тахт-и-ваны*, — две переносные зенаны, висящие на каждом животном; дервиши пешком с зелеными тюрбанами, тяжелыми тростями и страшными лицами; и, чтобы завершить картину, несколько грубых гробов, привязанных поперек

вьючных мулов и содержащих останки некоторых «истинных верующих», давно готовых к святой земле в Неджефе (Неджефе).

Караван путешествовал по пустынной дороге в основном ночью, чтобы избежать страшной полуденной жары, когда мы искали убежище в общественных ханах. Ничто не могло быть более неинтересным, чем местность между Багдадом и Вавилоном в это время года. На картах отмечено шесть ханов на этом маршруте, но три из них находятся в руинах, а остальные являются скорее остановками для караванов, чем деревнями или центрами земледелия. Почва выглядит отличной, но нет оросительных каналов, и все выглядит заброшенным. Несколько низких кустарников между холмами и могилами древней цивилизации ( ); глинобитные дома возле караван-сараев и несколько арабских лагерей; скелеты верблюдов, белеющие на обочине дороги под палящим солнцем; и пара стад газелей, направляющихся к берегам реки — это все, что можно увидеть, пока не дойдешь до Усыпанного пальмами берега Евфрата в Хилле.

Ханы представляют собой большие ограды с толстыми стенами из высушенного на солнце или вавилонского кирпича. Внутри есть многочисленные ниши размером 10 на 6 футов и высотой 4 фута над землей; вы ищете пустую нишу и находите место для отдыха, пока караван не выйдет в полночь. В центре ограды находится колодец и большая платформа для молитвы, которую используют для сна и приготовления пищи те, кто прибыл поздно и не нашел свободной ниши, как в нашем случае. Остальная часть двора предназначена для животных и багажа. В этих местах отдыха можно было приобрести обычные арабские припасы, но все удобства были в дефиците, а хозяева гостиниц были слишком заняты, чтобы быть гостеприимными.

Хан-эль-Хасва, куда мы прибыли на второй день, является центром небольшой деревни, в которой проживает около 300 человек. В три часа утра мы покинули Хасву, но из-за задержки в пути к реке мы добрались только ближе к полудню. Базар и торговые заведения Хилла ранее находились на вавилонской стороне реки, но теперь они в основном расположены на другой стороне шаткого моста из лодок, в четырех милях ниже руин Вавилона. Заплатив пошлину, мы переправились и нашли комнату в Хан-Паше — тесном, грязном месте, но в центре города и недалеко от реки. Хилла — самый большой город на Евфрате к северу от Бусры. Великолепные рощи финиковых пальм окружают его и простираются вдоль реки, насколько хватает глаз. Основными товарами города являются пшеница, ячмень и финики. Две трети мусульманского населения составляют шииты, а остальные сунниты — в основном турки. Есть один или два коренных христианина и много евреев, но трудно точно оценить население Хилла или любого другого города на Евфрате. В Хилле река шириной менее 200 ярдов и течет гораздо спокойнее, чем Тигр в Багдаде ( ). Недалеко к северо-западу от города находится Кербела. Это всего лишь деревня, но ежегодно ее посещают тысячи верующих мусульман, почитающих двенадцать имамов шиитской секты. Здесь находится могила Хосейна, внука пророка и сына Али, которого они считают истинным преемником халифата. Живя или умирая здесь, шиитский верующий не должен бояться за следующий мир. Эта вера настолько сильна, что многие оставляют в завещании указания о том, чтобы их похоронили в этом святом месте. Тысячи тел привозят сюда, некоторые даже из Индии, после надлежащей сушки и засолки, и хоронят на святой земле. Неджф, к югу от Хилла, является местом мученической смерти Али и не менее святым для живых и мертвых.

В Кербеле производство *торбатов* является практически единственной отраслью промышленности. *Торбат* — это небольшой кусок обожженной глины длиной около двух дюймов, обычно круглый или продолговатый, с грубо выгравированными именами Али и Фатимы. Изготовленные из святой земли, они увозятся домой всеми паломниками и

используются почти всеми шиитами в качестве опоры для лба при молитвенных поклонах. По всем сообщениям, Кербела похожа на Мекку в плане распущенности нравов и характера постоянного населения.

31 июля мы покинули Хиллах и поплыли вниз по реке на местной лодке, похожей на «беллум» из Бусры, но без тента. Евфрат более мутный, чем Тигр, и его течение, хотя и менее извилистое, местами прерывается мелкими порогами[41]. Мы плыли всю ночь и не останавливались, пока не прибыли в Диванию на следующий день после обеда. Многие деревни по пути казались довольно густонаселенными; было много финиковых рощ, и мы миновали две или три матхаб, или гробницы арабских шейхов, в том числе ту, которая, по преданию, принадлежала Иову, «величайшему из всех сынов Востока».

В Дивании меня направили в серай, или правительственную резиденцию, где мутасериф-паша Хиллах принуждал не желающих платить налоги арабов. Меня радушно приняли и, вероятно, благодаря моему паспорту, угостили за столом паши. Дивании имеет небольшое население, и его важность обусловлена богатством пальм и торговлей пшеницей, что дает правительству еще одну возможность установить платный мост и таможню.

Арабы этого региона известны своим пиратством на местных судах, а в 1836 году они даже напали на английскую топографическую экспедицию. Поэтому я покинул это место в сопровождении двух солдат — Саадеха и Салима, которые были такими же счастливыми, как и их имена. Они латали свою форму, спали на дне лодки, ели наш хлеб и финики или чистили свои винтовки с маркировкой «*U. S. Springfield*, Snider's Pat. 1863», и мы благополучно добрались до Самавы. Днем мы проплыли мимо деревень Ум-Неджис, Абу-Джувареб, Румейта и Шейвит. Но в целом пейзаж представлял собой узкие болотистые каналы, ответвляющиеся от реки, где леса камыша наполовину скрывали хижины из матов и обнаженных арабов. Эти речные племена не являются настоящими кочевниками[42], а живут в одном месте, питаясь рыбой и продуктами речного буйвола. Странно видеть стадо крупного черного скота, переплывающее реку, преследуемое кричащими, плавающими и ругающимися пастухами. И это когда-то был дом Авраама, друга Бога.

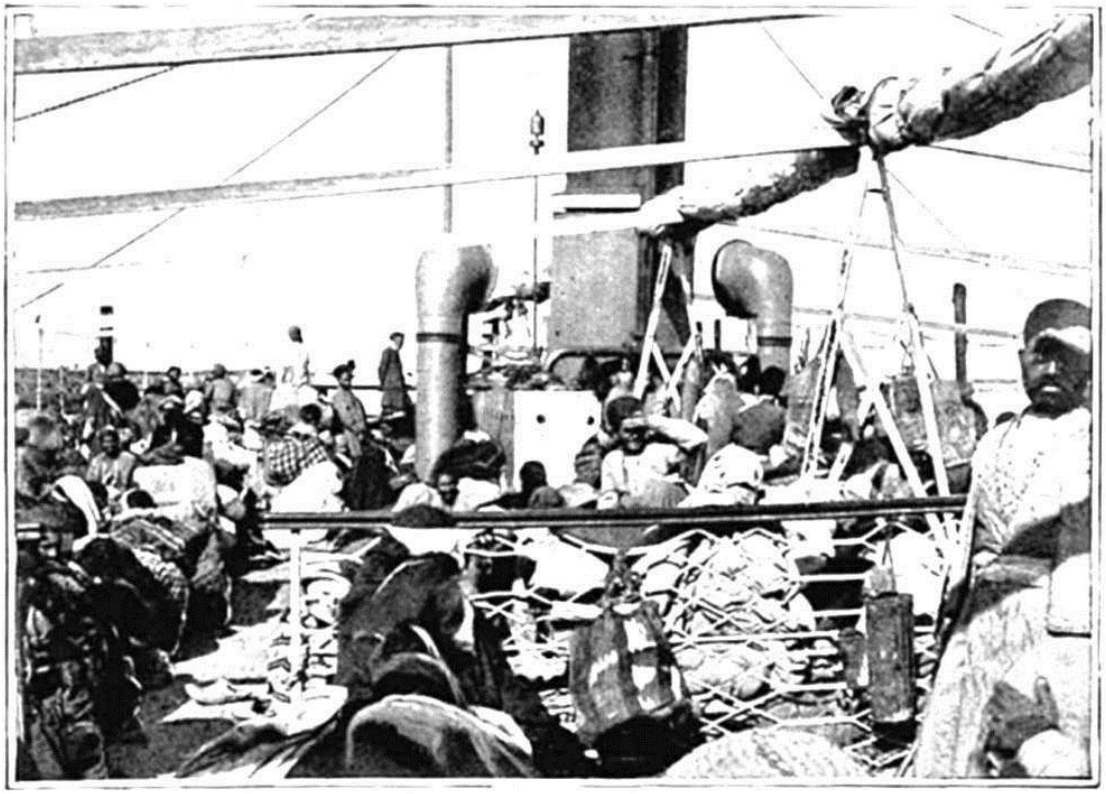
Недалеко от Румейты находился большой мензил племени Ламлум. Здесь мы пришвартовали лодку на ночь, так как наша компания боялась пересекать определенные пороги при свете звезд. Некоторые арабы подошли к нашей лодке, вооруженные кремневыми ружьями и микварами — тяжелыми палками с набалдашниками из песчаника или твердого битума, которые в руках арабов являются грозным оружием. Большинство людей спали, и мы не смогли достать никаких припасов, кроме двух жареных птиц из турецкого гарнизона в глинобитном форте на противоположном берегу. Даже одна из них досталась голодному шакалу ночью. Мы вышли рано утром и, преодолев некоторые трудности при переходе мелководных порогов, через четыре часа достигли Самавы. Отпустив заптиехов, мы нашли комнату в хане Хадж Насира на втором этаже с видом на базар.

Это был день перед Ашерой, великим днем Мохаррама, и весь город был охвачен траурным волнением. Все магазины были закрыты. Шииты готовились к великому трауру, а сунниты искали безопасное место вдали от улиц. Как только я прибыл, местный губернатор прислал сообщение, что я ни в коем случае не должен покидать хан и выходить на улицу, так как он не несет ответственности за насилие со стороны шиитов. Поэтому я оставался в помещении до следующего дня и видел из окна суматоху ночи Ашера, топот толпы, биение в грудь, плач женщин, кровавые знамена и сцены имитации мученичества, ритмичные вопли и крики «Я Али! Я Хасан! Я Хусейн!», пока голоса не охрипли, а руки на мгновение не опустились, чтобы

снова начать все сначала. Это был настоящий ад, как у пророков Ваала на горе Кармил, перед глухим и немым Богом ислама, монотеистическим только в своей книге. «Нет бога, кроме Бога», и все же для шиитских поклонников Мохаррама «Он не в их мыслях». Мученики-халифы Неджафа — их спасение и надежда, лоно гурий.

ПУБЛИЧНЫЙ ХАН В ТУРЕЦКОЙ АРАВИИ.

Между Самавой и Насарией, следующим важным городом, мы проехали деревни: Захара, Эль-Кидр, Дердж Калат (где есть турецкий мудир и телеграфная станция на линии Хилла-Бусра), Луптика, Эль-Айн, Абу-Табр и Эль-Ассание. Ниже Самавы река начинает расширяться, и ее берега украшены пальмами и ивами. Мы снова задержались на платном мосту; в Турции, должно быть, везде взимаются налоги: с кораблей и рыбаков, с лодок и мостов, с табака и соли; но это обложение одним и тем же налогом одного и того же груза в каждом речном порту является своеобразным.



АРАБСКИЕ ПАЛОМНИКИ НА БОРТУ РЕЧНОГО ПАРОВОЗА.

Насария — относительно современный город, построенный лучше, чем любой другой на реке Евфрат. Его базар большой и просторный, а правительственные здания впечатляют для арабского мира. Недалеко от пристани стоит небольшая канонерская лодка, и эта плавучая бочка с солдатами-охранниками и трубными сигналами представляет собой единственную цивилизацию, которая пока пришла в долину Евфрата, и вызывает удивление у арабов. Напротив Насарии находятся два больших огороженных сооружения — зернохранилища, защищенные от арабских разбойников. В трех часах езды к западу находятся руины Мугейра — Ура Халдейского.

Наша мехеле отплыла по реке еще до рассвета и через пять часов прибыла в Сук-эль-Шух, «базар стариков». Абд эль-Фаттах, в чьей персидской кавхе мы нашли место, — космополит. Он видел «франджесов» раньше, бывал в Бомбее, Адене и Джидде, знал кое-что о книгах, чуть меньше о Евангелии и говорил двумя английскими словами, которыми очень гордился: «Остановите ее» и «Пошлите гери». Он был образцовым трактирщиком, и если бы не его чай и беседы, три дня удушающей жары под соломенной крышей были бы менее терпимыми.

К югу от Сук-эль-Шуха река расширяется и превращается в болота, где русло настолько мелко, что часть груза всех речных судов перегружается на более мелкие суда. Из-за этой задержки у нас закончились запасы провианта еще до того, как мы достигли Курны, а наши лодочники были настолько предвзятыми сектантами, что потребовались споры и большие чаевые, чтобы договориться о покупке риса и использовании их кастрюли. Мы были «нечистыми», «кафирами» и прочим, и капитан поклялся, что ему придется вымыть всю лодку в Бусре от следов неверных. Между Суком и слиянием двух рек, образующих Шатт-эль-Араб в Курне, есть много широких, пустынных болот, где растут камыши и пасутся буйволы — это место размножения насекомых и ужас лодочников из-за пиратов Медана . Мы провели три дня на этом участке реки, и часто все мы были в воде, чтобы поднимать и тянуть лодку через грязевой берег. Эль-Хейт — единственная деревня значительных размеров на всем

протяжении , но бедуины болота, которые половину времени живут в воде и не достигли даже уровня цивилизации, когда носят набедренные повязки, составляют огромное множество. Наконец мы достигли Курны, а оттуда по широкой, величественной Шатт-эль-Араб — миссионерского дома в Бусре.

Каким будет будущее этой великой и богатой долины, которая когда-то кормила мириады людей и была центром культуры и древней цивилизации? Будет ли она вечно находиться под гнетом феска и полумесяца? Единственное проклятие этой земли — бессмысленное правительство и его безжалостное налогообложение. Гусь, несущий золотые яйца, убивается каждый день в Турции — по крайней мере, его грабят до последнего *яйца*. Племена пастухов, деревенские жители, кочевники, сельскохозяйственные общины — все страдают одинаково от одной и той же причины. Когда и откуда придет избавление? Возможно, частичный ответ на эти два вопроса можно найти, если прочитать между строк в нашей главе о недавней политике Аравии. *Турецкая* железная дорога в долине Евфрата заржавеет, но железная дорога под управлением любого другого правительства способна развивать регион, который может претерпеть великолепные улучшения.

XV
ВНУТРЕННЯЯ ЧАСТЬ — ИЗВЕСТНАЯ И НЕИЗВЕСТНАЯ

«Центральные провинции Неджда, настоящая страна ваххабитов, для остальной Аравии являются своего рода львиным логовом, в которое немногие отваживаются зайти и еще меньше возвращаются». — *Палгрейв*.

«Пустынный мир с новым и устрашающим обликом! Черные верблюды, суровые враждебные горы и обширная песчаная пустыня, спускающаяся к городу ужасного самозванца». — *Доути*.

Регион, который из-за отсутствия более точного названия мы можем назвать Внутренними районами, включает в себя четыре больших округа. Три из них были относительно хорошо исследованы и нанесены на карту, но четвертый остается совершенно неизвестным. Эти округа: Роба-эль-Хали, Неджран с Вади Дауасир, собственно Неджд и Джебель Шаммар.

Удивительно, что в конце XIX века на нашем земном шаре осталось так много неисследованных территорий. У нас есть более точные карты Северного полюса и Луны, чем Юго-Восточной Аравии и части Центральной Азии. Треугольник, образованный линиями, проведенными от Харрары в Омане до Эль-Харика в южной части Неджда, оттуда до Мариба в Йемене и обратно к Харраре, будет иметь длину почти 500 миль по каждой из верхних сторон и 800 миль по основанию. Этот треугольник площадью 120 000 квадратных миль совершенно неизвестен миру, как если бы он был неоткрытым континентом в каком-нибудь полярном море. Ни один европейский путешественник никогда не пересекал его, и ни один исследователь не входил в него. Он включает в себя всю *глубинную территорию* племен Махра и Гара, весь западный Оман и так называемую Роба-эль-Хали (буквально «пустое жилище») пустыни Дахна, а также таинственный регион Эль-Ахкаф, о котором говорится в Коране и который, по словам арабов, представляет собой море зыбучих песков, способное поглотить целые караваны.

На большинстве карт этот регион оставлен пустым; на других он обозначен как непрерывная пустыня от Мекки до Омана; а на карте Птолемея этот регион описан как место, где добывают мирру и где проживают арабские племена и пролегают караванные пути. Все, что мы знаем о стране в настоящее время, должно быть результатом арабских слухов, записанных путешественниками в прибрежных провинциях. Несколько названий мест, указанных в Роба-эль-Хали, *не* позволяют предположить, что «непрерывная пустыня» была ее единственной характерной чертой. На севере находятся Джебель Атал (горы Тамариск) и Вади Йебрин. Вади Шибван и Вади Хабуна, по-видимому, простираются на значительное расстояние в треугольник с запада, а в самом центре мы видим весьма необычные для пустынной местности названия Белад-эз-Зохур (Страна цветов) и Эль-Джоз (Ореховые деревья). Нет сомнений, что большая часть региона сейчас является пустыней и необитаема, но, возможно, так было не всегда, и она хранит свои секреты, археологические и географические.

Араб из Вади-Фатима рассказал Доути о божественном разделении мира следующими словами: «Две четверти Аллах разделил между детьми Адама, третью часть Он отдал Гогу и Магогу, народу карликов, отделенному от нас стеной, которую они перепрыгнут в последние дни; и тогда они захватят мир. К их роду принадлежат грубые турки и неверующие персы; но вы, англичане, для нас — добрые люди. Четвертая часть мира называется Роба-эль-Хали, пустая четверть». Доути добавляет: «Я никогда не встречал араба, который мог бы рассказать, даже понаслышке, об этой страшной стране. Возможно, это Нефуд с зыбучими песками, в который можно войти и даже пройти с молочными верблюдами в весенние недели. Теперь мое здоровье подвело меня; иначе я бы попытался разгадать эту загадку». Она все еще ждет своего решения. В Омане говорят, что до Мекки всего двадцать семь дней пути караваном по суше через пустыню Ат- ; возможно, с высокогорья Омана легче проникнуть в неизвестность и безопасно добраться до Эр-Рияда, если не до Йемена.

Нейран, известный как древняя христианская провинция Аравии и освященный кровью мучеников, лежит к северу от Йемена и к востоку от страны Асир. Вместе с регионом Дауасир-Вади он образует полосу территории длиной около 300 миль и шириной 100 миль, хорошо орошенную и даже более плодородную, чем лучшие части Йемена[43]. Отважный путешественник Халеви (1870) впервые посетил этот регион из Йемена и обнаружил в его южной части большую еврейскую общину. Он посетил города Махлаф, Риджла и Кариет-эль-Кабил, проник в Вади Хабуна, но не смог добраться до Вади Дауасир. Он с большим восхищением описывает плодородие Вади и обширные плантации фиников в этой части Аравии. Здесь много руин и надписей. В Вади Дауасир арабы говорят, что пальмовые рощи простираются на три дромадерских дня пути. Все жители являются арабами-земледельцами, но, как и в Омане, они живут в постоянных распрях и беспорядках из-за племенной зависти и старых ссор.

Регион к востоку от Вади Дауасир называется Афладж или Феледж-эль-Афладж, он находится в двух днях пути, здесь также есть пальмовые оазисы. Оттуда до Риада шесть дней пути, но дорога неровная, без деревень.[44] Именно вдоль Вади Дауасир я надеялся совершить сухопутное путешествие из Саны в Бахрейн в 1894 году, как только турецкая разведка перестала бы следить за мной. Согласно свидетельству Халеви, жители Неджрана и Вади Дауасир не являются фанатиками. Нигде в Йемене к евреям не относятся так доброжелательно, как арабы из Неджрана. Весь этот регион также следует отнести к плодородным районам Аравии. Вода в изобилии течет с Джебель-Риана, в пятнадцати днях пути от Товейка, и с южных хребтов Джебель-Бан и Джебель-Тумра. Жители Неджрана и южного Дауасира являются еретическими мусульманами. Они принадлежат к секте баяди,

как и жители Омана[45], и, как полагают, являются последователями Абд-Аллаха-бин-Абада (746 г. н. э.).

Исторически Неджран представляет особый интерес, потому что именно здесь потерпела поражение римская армия из 11 000 человек, посланная Августом Цезарем под командованием Элия Галла, чтобы добыть причудливые богатства Аравии Феликс ( ). Воины не пали в бою, но, умышленно введенные в заблуждение своими союзниками-набатейцами, они шесть месяцев мучительно шли по безводным пустыням Центральной Аравии; большинство погибло в страданиях, и только небольшая часть вернулась. Страбон, опираясь на рассказы самого Галла, который был его другом и префектом Египта, дает непревзойденное описание аравийской пустыни: «Это песчаная пустошь с несколькими пальмами и водоемами; там растут акации и тамариски; кочевые арабы живут в палатках и пасут верблюдов».

Неджд — сердце Аравии, настоящая Аравия, Аравия поэтов — имеет четкие границы: на востоке — турецкая провинция Хаса; на юге — граница пустыни Ат- , недалеко от Йемамы; на западе — Хиджаз в его самой широкой части до Хайбара; и на севере — Джебель-Шаммар. Таким образом, он включает в себя регионы Эль-Касим, Эль-Вошем, Эль-Аард и Йемама. «Зефиры Неджда» — излюбленная тема многих арабских поэтов, и в этих высокогорных районах воздух свежий, сухой и бодрящий, особенно для посетителей из жарких и влажных прибрежных провинций. Именно такой поэт восторженно писал о климате Неджда:

«Тогда я сказал своему спутнику, пока верблюды мчались

Нести нас вниз по перевалу между Менифой и Демаром.

«Наслаждайся, пока можешь, сладостью лугов Неджда;

После этого вечера ты больше не встретишь таких лугов и такой сладости».

Ах! Небесное благословение на ароматные ветры Неджда,

И его зеленые лужайки и рощи, сверкающие после весенних дождей;

И твоих дорогих друзей, когда твоя судьба была решена в Неджде —

Месяцы пролетали, они пролетали, и мы не знали,

Ни когда их луны были новыми, ни когда они убывали».

Что касается реальных и прозаических особенностей страны, то Неджд представляет собой плато, центром и хребтом которого является гора Джебель-Тоуэйк. Его общая высота над уровнем моря составляет около 4000 футов, но есть и более высокие уступы и вершины, некоторые из которых достигают 5500 футов. Эти высокогорья в основном покрыты прекрасными пастбищами; деревья встречаются часто, поодиночке или небольшими группами; все плато пересекает лабиринт долин, вырезанных в песчанике и известняке. В этих бесчисленных впадинах сосредоточена плодородность и население Неджда. Почва долин легкая, смешанная с мергельным песком и галькой, смытой со скал. Вода встречается повсюду в колодцах на глубине не более пятнадцати футов, а часто и меньше; в Касиме она имеет солоноватый вкус, а почва соленая, но в других частях Неджда в ней есть следы железа. Климат всего Неджда, по словам Палгрева, является, пожалуй, одним из самых здоровых в мире. Воздух сухой, чистый и свободный от малярийного яда побережья; лето теплое, но не душное, а зимний воздух пронизывающе холодный. Обычная монотонность аравийского ландшафта ( ) оживляется не только наличием финиковых пальм возле

деревень, но и группами тальха, небаа и сидра, итхла и гада эуфорбии — все это крупные кустарники или деревья.[46]

Нейд — это пастбищные земли, поэтому его порода овец известна во всей Аравии; их шерсть удивительно тонкая, почти равная кашемиру по мягкости и нежности. Верблюды встречаются в изобилии; по словам Палгрева, Нейд — это «пустыня верблюдов». Цвет верблюдов обычно коричневато- белый или серый; черные верблюды встречаются на западе и юге в негостеприимной стране Харра, в направлении Мекки. Волы и коровы не редкость. Охотничья дичь в изобилии, как пернатая, так и четвероногая. Куропатки, перепела, вид дрофы; газели, зайцы, джербоа, дикие козы, дикие кабаны, дикобразы, антилопы и вид дикого быка (ватихи) с красивыми рогами. Змеи не распространены, но ящерицы, сороконожки и скорпионы встречаются в изобилии. Страусы также встречаются в западной части Неджда, а также в Вади Дауасир. Бедуины охотятся на них, чтобы продавать шкуры дамасским торговцам перьями, которые ежегодно приезжают в Мекку на хадж; в времена Доути за одну шкуру платили сорок реалов (долларов) — небольшое состояние для бедного кочевника. Взяв на верблюдов, они высматривают птицу, а затем подкарауливают ее, держа наготове мушкеты. Арабы считают грудку страуса хорошей пищей; жир для них — лучшее лекарство, и *полфинджана* (мера арабской кофейной чашки) стоит половину турецкого меджиди. Страусы больше не так распространены в Аравии, как раньше, и во многих частях полуострова эта птица неизвестна даже по имени.

Неджд — земля верблюдов и лошадей. Но хотя здесь существует прекрасная порода лошадей, ошибочно полагать, что лошади в Центральной Аравии встречаются в изобилии и что каждый араб владеет своим скакуном. Доути говорит: «В Борейде, Анейзе и других городах Неджда не разводят и не продают лошадей». Большинство лошадей, отправляемых из Бусры или Кувейта в Бомбей, не родом из Неджда, хотя и являются потомками недждских лошадей, а происходят из Джебель-Шаммара и долины Месопотамии. Тот, кто хочет узнать все о красоте лошадей Неджда, должен посетить конюшни Хаила вместе с Палгрейвом, который «без ума» от этих животных; или он может прочитать книгу леди Энн Блант «Паломничество в Неджд» в поисках лошадей; а еще лучше — купить замечательную книгу полковника Твиди «Арабская лошадь, *ее страна и ее народ*». В этой книге лошадь является героем, а арабы — конюхами и конюшными. Арабы более добры к своим лошадям, чем к любым другим животным. Ни один араб не думает привязывать лошадь за шею, вместо уздечки используется привязь, одна из задних ног животного обхватывается вокруг пясти легким железным кольцом или кожаным ремнем и соединяется цепью или веревкой с железным колом. Лошади Неджда особенно ценятся за свою высокую скорость и выносливость. Все они созданы для верховой езды, а не для тяги, и для неспециалиста они не кажутся лучше лучших лошадей, которых можно увидеть в Лондоне или Нью-Йорке, но я оставляю этот вопрос на усмотрение упомянутых авторитетов[47].

Правительство Неджда показывает, какими являются независимые правители Аравии. Доути свидетельствует, что все, что он смог узнать из уст самих арабов о правительстве Ибн Рашида (ныне находящемся в руках его племянника Абд-эль-Азиза бин Митааба), сводилось к следующему: «Он удерживает тех, кого можно завоевать подарками, он обнажает меч против своих противников, он попирает тех, кто его боится, и он не был бы правильным правителем, если бы не отрубал головы!» Некоторые кочевники считают принца Неджда тираном, но жители деревень в целом довольны. Поистине, для них лучше иметь *одного* тирана, чем *многих*, как в дни до политических потрясений, которые объединили центральную Аравию. Другие, более религиозные жители Неджда, не могут забыть кровавый

путь, по которому Ибн Рашид завоевал свою власть, и называют его *«Неджис* (оскверненный), тот, кто отсек своих родственников мечом».

На гостеприимство тратятся огромные суммы в глазах голодающих бедуинов, но все гости довольны и уходят от горы риса, славя Бога и эмира Неджда. По словам Доути, ежедневно в гостевой комнате мужчинам бесплатно подают сто восемьдесят порций ячменного хлеба с рисом и маслом; для первоклассных гостей забивают верблюда или более мелкого животного, и общие расходы на его знаменитое гостеприимство не превышают 1500 фунтов стерлингов в год. Доходы огромны, и личное состояние Ибн Рашида значительно выросло даже к тому времени, когда Доути посетил его в 1877 году ( ). У него бесчисленное количество скота и «40 000 верблюдов»; около 300 чистокровных кобыл и 100 лошадей; более 100 негров-рабов; помимо частных богатств, накопленных в серебре, земли в Хаиле и плантации в Джауфе.

По сравнению с турецкими провинциями Аравии подданные эмира Неджда пользуются низкими налогами, и даже бедуинские воины, служащие правителю Неджда, получают более высокую плату, чем регулярные войска султана. Из описания

г-на и г-жи Блант и Доути в Хаиле нельзя не почувствовать, что правительство Неджда гораздо более либерально и менее фанатично, чем в старые времена ваххабитов, описанные Палгрейвом. Старая ваххабитская власть теперь навсегда сломлена, и Неджд вступает в контакт с миром через торговлю. Касим уже напоминает приграничные земли, а его жители обладают мирской мудростью, подобной мудрости бомбейских торговцев лошадьми. Многие молодые люди из Неджда посещают Багдад, Бусру и Бахрейн в своих коммерческих предприятиях. Доути говорит: «Вся Аравия Неджда, к востоку от Теймы, относится к торговле Персидского залива, а не к Сирии [как западный Неджд]: и поэтому иностранный колорит Неджда является месопотамским». Он восхищался эрудицией арабов Неджда, несмотря на их изолированность, пока не обнаружил, что даже сюда в последние годы проникли газеты. Английские патентованные лекарства продаются на базаре в Анейзе, и арабы в некоторой степени знакомы с чудесами Бомбея и Калькутты. Палгрейв счел жителей Касима и южного Неджда гораздо более умными, чем жителей севера. За исключением четырех крупных городов — Хаила, Эр-Рияда, Борейды и Анейзы — в Неджде нет крупных центров населения. Бедуинские племена встречаются повсюду, а крестьяне возделывают плодородные оазисы даже в пустыне; но население не так плотно, как в Омане или Йемене, и даже как в Неджране и Вади-Дауасире.

Хаил, нынешняя столица Неджда, может иметь население в десять тысяч человек в пределах своих стен. Он расположен к востоку от Джебель-Аджа, гранитного хребта высотой 6000 футов, который резко заканчивается в этой точке. Город находится на плоскогорье на высоте 3500 футов над уровнем моря. Замок эмира — грозная крепость, занимающая позицию огромной природной силы в Джебель-Аджа. Блант посетила это место в 1878 году, но не указала его точное местоположение, «чтобы эта информация не была использована турками в случае возможных будущих непредвиденных обстоятельств». У нас есть три описания Хаила: Палгрейв, который нарисовал план города; описание Доути с его планом резиденции эмира и

гостевого дома; и эскизы леди Энн Блант, сделанные во время ее паломничества. Это город, окруженный стеной с несколькими воротами, с большой рыночной площадью, дворцами,

возвышающимися над всем, и мечетями, достаточными для верующих. По словам Доути, это чистый, хорошо построенный город, в котором приятно жить, если не считать страха перед тираническим правителем. Его окружность составляет почти час, в центре обнесенного стеной участка стоит дворец; рядом с ним — большая мечеть, а прямо напротив — главный базар. Большой кофейный зал, где эмир принимает аудиенции, имеет длину восемьдесят футов, высокие стены и благородные пропорции. В нем стоят длинные ряды колонн, «поддерживающих плоскую крышу из этель-бревен и пальмовых стеблей, красиво окрашенных и покрытых лаком от дыма ежедневного гостеприимства. Под стенами стоят глиняные скамейки, покрытые багдадскими коврами. У входа стоит огромная медная бассейн или «море» пресной воды с прикованной цепью чашкой, откуда кофейщик набирает воду, и каждый, кто хочет, может пить. В верхней части этого княжеского *кахва* (кофейни) находятся два очага, похожие на неглубокие могилы, где в холодную погоду сжигают пустынные кусты; у них нет хорошего топлива, и огонь обычно раздувают под гигантскими кофейниками в глиняном очаге, похожем на кузнечную печь».

Дворцовые замки построены в Неджде с башнями из глиняного кирпича и побелены снаружи *джиссом* или штукатуркой; это, в отличие от пальмовых садов в обнесенном стеной ограждении, придает городу яркий, свежий вид. За стенами контраст между нищетой бедуинов и ржавыми черными базальтовыми скалами, лежащими в беспорядке, очень силен. Хайль находится посреди бесплодной местности и является оазисом не по природе, а благодаря мужеству и настойчивости его основателей. Арабы Шаммар поселились здесь в древности, и это место упоминается в древней поэме Антара.

Эр-Рияд или Рияд («сады в пустыне») был ваххабитской столицей Восточного Неджда и всей ваххабитской империи. Город расположен в самом сердце страны Аард, окруженный с севера и юга горой Джебель-Тоуэйк и примерно в 280 милях к юго-востоку от Хаила. Это большой город (по данным Палгрева из « », население составляет 30 000 человек!), но о его нынешнем состоянии ничего не известно, так как после Палгрева его не посещал ни один европейский путешественник. По словам нашего гида, общий вид Риада напоминает Дамаск. «Перед нами простиралась широкая открытая долина, и на ее переднем плане, сразу под галечным склоном, на вершине которого мы стояли, лежала столица, большая и квадратная, увенчанная высокими башнями и крепкими оборонительными стенами, массой крыш и террас, где, возвышаясь над всем, высовывалась огромная, но неровная громада королевского замка Фейсула, а рядом с ним возвышался не менее заметный дворец, построенный и обитаемый его старшим сыном Абдаллахом. На протяжении трех миль по окружающей равнине, но особенно на западе и юге, над зелеными полями и хорошо орошаемыми садами колыхалось море пальм; а певучий гул водяных колес доносился до нас даже там, где мы остановились в четверти мили или более от ближайших городских стен. На противоположной стороне, к югу, долина открывалась на большие и еще более плодородные равнины Йемамы, густо усеянные рощами и деревнями, среди которых ясно выделялся большой город Манхуфа, по размерам почти не уступающий самому Эр-Рияду... Во всех странах, которые я посетил, а их много, редко мне доводилось видеть пейзаж, равный этому по красоте и историческому значению, богатый и полный как для глаз, так и для ума. Сочетание тропической засушливости и пышной зелени, густонаселенных районов и пустынных просторов — это то, что может предложить только Аравия, и по сравнению с чем Сирия кажется скучной, а Италия — однообразной»[48].

Несомненно, население Эр-Рияда сократилось с тех пор, как столица была перенесена в Хаил; в настоящее время он имеет даже меньшее значение для торговли, чем Хофхуф (Хасса) со времен турецкой оккупации.

Остается рассмотреть Джебель-Шаммар и северо-западную пустыню. Главными характеристиками этого региона являются обширные *Нефуды*, или песчаные пустыни, и кочевое население. Джебель-Шаммар больше, чем любая другая часть Аравии, является местом обитания сынов Кедара. Везде стоят черные шатры из козьей шерсти, которые так прославлены в арабской поэзии и песнях. Названия мест на карте этой страны — это не деревни или города, а водопои для скота и места, где из года в год разбивают лагеря племена. От залива Акаба до Евфрата и на север, до тех пор, пока их стада могут найти пастбища, кочевники считают эту землю своей. Многие из них подчиняются правительству Неджда и платят небольшую ежегодную дань; некоторые номинально находятся под властью Турции, а другие не знают никакого правителя, кроме своего шейха, и не имеют никаких законов, кроме вековых бедуинских обычаев.

Буркхардт говорит об этих людях как человек, который жил среди них, вкусив сладкое и горькое их голодного, простого быта. Он описывает их палатки и простую мебель, оружие, утварь, питание, искусство, промышленность, науки, болезни, религию, брак, правительство ( ) и войну. Он рассказывает об их гостеприимстве по отношению к чужакам, о грабежах путешественников, о кровной мести и кровных заветах, о рабах и слугах, о праздниках и веселье, о семейных отношениях и общественных функциях, о приветствиях и языке, и о том, как они в конце концов хоронят своих мертвых в одной одежде, выкапывая неглубокую могилу в твердой выжженной земле и насыпая на нее несколько грубых камней, чтобы отпугнуть зловонных гиен.

Буркхардт посвящает значительную часть своей книги перечислению бедуинских племен и их многочисленных подразделений. Это будет очень полезно для тех, кто посещает или пересекает северную часть полуострова. Самым важным племенем является племя *Анаэзе*. Они являются кочевниками в самом строгом смысле этого слова, поскольку в течение всего года находятся в почти постоянном движении. Их летние стоянки находятся недалеко от сирийской границы, а зимой они уходят в самое сердце пустыни ( ) или в сторону Евфрата. Когда палаток немного, они располагаются по кругу и называются *«давар»* (*dowar*), а когда их много, они располагаются рядами, одна за другой, особенно вдоль ручья или русла вади; такие лагеря называются *«незель» (Nezel)*. Палатка шейха или вождя обычно занимает главное место в направлении, откуда могут прибыть гости или враги. Палатки Анаэзе всегда из черной козьей шерсти; у некоторых других племен есть полосатые бело-черные палатки. Даже самые богатые из них никогда не имеют более одной палатки, если только у них нет второй жены, которая не может ужиться с первой; в этом случае он ставит меньшую палатку рядом со своей. Но полигамия очень редка среди бедуинских арабов, хотя разводы являются обычным явлением. Обстановка палатки очень проста: верблюжьи седла, кухонные принадлежности, ковры и мешки с провизией — вот все, о чем должна заботиться арабская хозяйка.

Со времен Иова бедуины были народом разбойников. «Волы пахали, а ослы паслись рядом с ними; и сабеи напали на них и угнали их, да, они убили слуг острием меча». (Иов, 1:14). До сих пор бедуины враждуют со всеми жителями Джебель-Шаммара. Племена находятся в состоянии почти постоянной войны друг с другом; по словам Буркхардта, редко когда племя наслаждается моментом всеобщего мира со всеми своими соседями, но война между двумя племенами длится недолго. Мир легко заключается и легко нарушается. В бедуинском языке соляной договор имеет силу только до тех пор, пока соль находится в их желудках. Общие сражения ведутся редко, и гибнет мало людей; главными целями обеих сторон являются внезапное нападение на врага или разграбление лагеря. Ужасные последствия «кровной

мести» (по закону которой родственники убитого обязаны убить убийцу или его родственников) предотвращают многие кровопролитные конфликты. Все, что арабы захватывают в своих грабительских походах, делится в соответствии с предварительной договоренностью. Иногда вся добыча делится поровну шейхом между его последователями, а иногда каждый грабит для себя. Набег бедуинов называется *«газу»*, и стоит отметить, что самый ранний биограф Мухаммеда, Ибн Исхак, так называет войны пророка Бога с корейшами. Бедуины Анаэзе никогда не нападают ночью, потому что в суматохе ночного нападения можно проникнуть в женские покои, а это они считают предательством. Женский пол уважается даже среди самых закоренелых врагов, когда грабят лагерь, и ни мужчины, ни женщины, ни рабы никогда не берутся в плен. Это война только за добычу. Арабы — грабители, редко убийцы; просить защиты или *дакхейл* — это гарантия пощады, даже когда копье поднято. Мир обычно заключается путем арбитража в шатре шейха третьего племени, дружественного обоим воюющим племенам. Наиболее частая причина войны — споры из-за колодцев или водопоев и пастбищ, как и во времена патриархов.

«Бедуины превратили грабеж во всех его проявлениях в полноценную и упорядоченную систему, которая предлагает множество интересных деталей», — говорит Буркхардт. Эти детали очень многочисленны ( ), и истории о грабежах и побегах, приведенные арабскими летописцами или рассказанные у костров, могли бы заполнить целый том. Одного примера будет достаточно. Трое грабителей планируют нападение на лагерь. Один из них располагается за палаткой, которую собираются ограбить, и пытается привлечь внимание ближайших сторожевых собак. Те немедленно набрасываются на него; он убегает, а они преследуют его на большое расстояние от лагеря, который таким образом освобождается от этих опасных стражей. Второй разбойник подходит к верблюдам, перерезает веревки, связывающие их ноги, и заставляет столько верблюдов подняться, сколько он хочет. Затем он выводит одну из верблюдиц из лагеря, а остальные, как обычно, следуют за ней, в то время как третий разбойник все это время стоит с поднятой дубиной перед входом в палатку, чтобы сразить любого, кто проснется и решится выйти. Если грабители достигают успеха, они присоединяются к своему товарищу, каждый хватает хвост сильной ведущей верблюдицы и тянет ее изо всех сил; верблюды мчатся галопом в пустыню, а люди тащатся за своей добычей, пока безопасная дистанция не отделяет их от места ограбления. Затем они садятся на свою добычу и спешат в свой лагерь.

Прежде чем легкомысленно осуждать грабителя, мы должны понять его острую нужду. По словам Доути и других путешественников, три четверти бедуинов Северо-Западной Аравии страдают от постоянного голода и редко имеют достаточно еды. Во время долгой летней засухи, когда пастбища высыхают, а истощенные верблюды не дают молока, они находятся в плачевном положении; тогда хозяйка тайно готовит свою скудную порцию риса, чтобы никто из потенциальных гостей не почувствовал запаха из кастрюли. Голод, грызущий желудок араба, утихает благодаря чашке кофе и непрерывному «курению табака» из драгоценной трубки кочевника. Больше всего страдают женщины, а дети чахнут. Когда один из этих сыновей пустыни услышал из уст Доути о стране, где «мы имели в изобилии благословения Аллаха, хлеб, одежду и мир, и как, если кто-то хотел, закон помогал ему», — он начал пребывать в меланхолии и сетовать на вечное несчастье арабов, чья нехватка одежды является для них причиной многих болезней, которые не имеют ежедневной пищи и воды в достаточном количестве и, блуждая по пустынной пустыне, никогда не останавливаются, — и эти страдания длятся всю их жизнь. И когда его сердце было полно, он воскликнул к небу: «Помилуй, о Господи Боже, Твое творение, которое Ты сотворил — пожалей вздохи бедных, голодных, нагих — помилуй — помилуй их, о Аллах!»

Прощаясь с палатками Кедара и пустынями Северной Аравии, давайте скажем «аминь» молитве кочевников и не будем судить их строго за их страдания, чтобы не быть осужденными самим.

XVI
«ВРЕМЯ НЕВЕЖЕСТВА»

«Религиозный упадок в Аравии незадолго до появления ислама вполне можно рассматривать в негативном смысле, в том смысле, что племена утратили чувство родства с племенными богами. Мы можем выразить это более конкретно, сказав, что боги постепенно становились все более и более расплывчатыми под разрушительным влиянием, которое в течение примерно двухсот лет оказывали иудейские и христианские идеи на арабское язычество» — *Х. Хиршфельд*, в «Журнале Королевского Азиатского общества».

Чтобы понять генезис ислама, мы должны знать что-нибудь о состоянии Аравии до прихода Мухаммеда. Тогда мы сможем обнаружить факторы, которые повлияли на героя-пророка и позволили ему так сильно повлиять на судьбы своего поколения и последующих поколений.

Мусульманские писатели называют века, предшествовавшие рождению их пророка, *wakt-el-jahiliyeh* — «время невежества», поскольку арабы тогда не знали истинной религии. Эти писатели, естественно, решили изобразить языческую Аравию как можно более мрачной, чтобы «Свет Божий», как называют пророка, выглядел более ярким на этом фоне. Следуя этим авторитетам, Сейл и другие оставили совершенно неверное впечатление о состоянии Аравии, когда впервые появился Мухаммед. Общепринятое представление о том, что он проповедовал совершенно новую истину и поднял арабов на более высокий уровень цивилизации, является лишь наполовину верным[49].

Ни одна часть Аравии под властью ислама никогда не достигала того высокого уровня цивилизации, которым Йемен обладал под властью христианских или даже иудейских династий химьяритов. Раннее христианство в Аравии, со всеми его слабостями, было силой добра. Евреи проникли почти во все части полуострова задолго до появления Мухаммеда.[50]

В «время невежества» арабы по всему полуострову были разделены на многочисленные местные племена или кланы, которые не были связаны никакой политической организацией, а только традиционным чувством единства, которое они считали или притворялись, что считают, единством крови. Каждая группа была единым целым и противостояла всем другим кланам. Некоторые были скотоводами, а некоторые кочевниками; другие, такие как в Мекке и Таифе, были торговцами. На протяжении многих веков Йемен обогащался благодаря торговле ладаном и своему положению центра восточной торговли. Спренгер в своей древней географии полуострова говорит, что «история самой ранней торговли — это история ладана, а земля ладана — это Аравия». Огромная караванная торговля, которая приносила все богатства Ормуза и Индии на Запад, должна была стать средством цивилизации для пустыни. Резервуары Мариба распространяли плодородие вокруг, а регион к северу от Саны пересекали оживленные караванные пути. У. Робертсон Смит заходит так далеко, что

говорит: «В этот период имя араба ассоциировалось у западных писателей с идеями изнеженной лени и мирного богатства… золотым веком Йемена».

На протяжении нескольких тысяч лет арабы пользовались почти абсолютной свободой от иностранного господства или оккупации. Ни египтяне, ни ассирийцы, ни вавилоняне, ни древние персы, ни македонцы в своих завоевательных походах никогда не подчиняли и не удерживали ни одной части Аравии. Но до прихода Пророка гордые свободные люди пустыни были вынуждены неоднократно склонять головы под иго римских, абиссинских и персидских правителей. В 105 году н. э. Траян послал своего генерала Корнелия Пальму и покорил Набатейское царство Северной Аравии. В 116 году н. э. римляне завоевали Месопотамию и полностью опустошили восточное побережье полуострова. Хира подчинилась монархам Персии, как Гассан подчинился генералам Рима. Сэр Уильям Мьюр пишет: «Даже мусульманский писатель отмечает, что упадок рода Гассана подготовил почву для славы арабского пророка». Другими словами, Аравия подвергалась вторжению иностранных держав, и арабы были готовы к появлению политического лидера, который сломал бы это иго и восстановил бы прежнюю независимость. Незадолго до хиджры римское господство распространилось даже на саму Мекку. «Вскоре после своего вступления на престол в 610 году н. э. император Ираклий назначил Османа, который к тому времени принял христианство, … губернатором Мекки, порекомендовав его корейшитам в авторитетном письме».[51] Более известны абиссинские войны и вторжения в Аравию в течение столетия, предшествовавшего появлению Мухаммеда. Их господство в Йемене, по словам Ибн Исхака, длилось семьдесят два года, и в конце концов они были изгнаны персами по просьбе арабов.

Таким образом, Аравия была центром политических интриг и заговоров как раз в то время, когда Мухаммед достиг зрелости, весь полуостров пробудился под влиянием римлян, абиссинцев и персов и был готов сплотиться вокруг любого знамени, которое привело бы к национальному освобождению.

Что касается положения женщин в это «время невежества» ( ), то во многих частях языческой Аравии существовал жестокий обычай убийства новорожденных девочек. Вероятно, в первую очередь это было связано с бедностью или голодом, а впоследствии стало социальным обычаем, ограничивающим рост населения. Профессор Вилкен предполагает, что еще одной причиной было то, что войны приводили к превышению числа женщин над мужчинами. Арабский поэт рассказывает о племяннице, которая отказалась покинуть мужа, которому она была отдана после пленения. Ее дядя был настолько разгневан, что похоронил всех своих дочерей заживо и больше не позволил ни одной из них жить. Даже одна красивая девушка, которую спасла ее мать, была безжалостно помещена в могилу отцом, а ее крики заглушили землей. Однако этот ужасный обычай не был обычным явлением. Нам рассказывают об одном выдающемся арабе по имени *Саа-Саа*, который пытался положить конец практике «копания могилы рядом с кроватью, на которой родились дочери».

Мухаммед усовершенствовал этот варварский метод и обнаружил способ, с помощью которого не некоторые, а *все* женщины могли быть похоронены заживо, не будучи убитыми, а именно — завеса. Ее происхождение было связано с одним из брачных дел пророка с соответствующим откровением от Аллаха. *До этого времени завеса была неизвестна в Аравии*. Именно ислам навсегда лишил восточное общество яркого, утонченного и возвышающего влияния женщин. Кин говорит, что чадра «лежит в основе всех важнейших черт, которые отличают прогресс от застоя». Система гарема не преобладала во времена

идолопоклонства. Женщины имели права и пользовались уважением. В двух случаях, помимо Зенобии, мы читаем об арабских *царицах*, правивших своими племенами. Фрейтаг в своей книге «Арабские пословицы» приводит список женщин-судей, которые исполняли свои обязанности в «времена невежества».По словам Нёльдеке, набатейские надписи и монеты доказывают, что женщины занимали независимое и почетное положение в Северной Аравии задолго до ислама; они строили дорогие семейные гробницы, владели большими поместьями и были независимыми торговцами. Язычники-арабы ревностно охраняли своих женщин как самое ценное достояние и защищали их ценой своей жизни. Женщина никогда не отдавалась отцом в неравный брак или против ее воли. «Если ты не можешь найти равного партнера, — сказал Ибн Зохайр Намиру, — лучший брак для них — это могила». Профессор Г. А. Вилкен[52] приводит много доказательств того, что женщины в любом случае имели право выбирать себе мужей, и цитирует случай с Хадиджей, которая предложила свою руку Мухаммеду. Даже плененные женщины не содержались в рабстве, о чем свидетельствуют стихи Хатима:

«Они не отдали нам своих дочерей замуж;

Но мы ухаживали за ними против их воли с помощью наших мечей.

И плен не принес нам унижения.

Они не трудились, пекая хлеб и не варили кашу;

Но мы смешали их с нашими женщинами, самыми благородными,

И родили нам прекрасных сыновей, белолицых».

Практиковались как полиандрия, так и полигамия; право на развод принадлежало как жене, так и мужу; также были распространены временные браки. Как и было естественно для кочевого народа, брачные узы заключались быстро и легко расторгались. Но это не относилось к евреям и христианам Йемена и Неджрана. Были в моде два вида брака. *Мотаа* был чисто личным договором между мужчиной и женщиной; свидетели не требовались, и женщина не покидала свой дом и не подчинялась мужу; даже дети принадлежали жене. Этот брак, так часто описываемый в арабской поэзии, не считался незаконным, а открыто прославлялся в стихах и не приносил женщине позора. В другом виде брака, называемом *«никах»*, женщина становилась подчиненной мужу путем похищения или покупки. В последнем случае деньги за покупку выплачивались родственникам невесты.

Положение женщин до появления ислама описывается в книге Смита «Родство и брак в древней Аравии» ( ). «Очень примечательно, что, несмотря на гуманные постановления Мухаммеда, положение женщины в семье и обществе неуклонно ухудшалось под его законом. В древней Аравии мы находим ... много доказательств того, что женщины двигались более свободно и утверждали себя более решительно, чем в современном Востоке.... Сами арабы признавали, что положение женщин ухудшилось... и продолжало ухудшаться под влиянием ислама, потому что эффект законодательства Мухаммеда в пользу женщин был более чем перевешен установлением браков по господству как единственного законного типа и постепенным ослаблением принципа, согласно которому замужние женщины могли рассчитывать на поддержку своих родственников против своих мужей»[53].

В «время невежества» письменность была хорошо известна, а поэзия процветала. Три достижения были особенно ценимы — красноречие, верховая езда и щедрое гостеприимство. Ораторы были востребованы, и для поддержания стандартов и вознаграждения за выдающиеся достижения проводились большие собрания, такие как в

Окаце. Они длились целый месяц, и племена приходили издалека, чтобы послушать ораторов и поэтов, а также заняться торговлей. Образование арабов в основном ограничивалось племенной историей, астрологией и толкованием снов; в этих областях они достигли значительного прогресса.

Согласно мусульманской традиции, наука письма не была известна в Мекке до тех пор, пока ее не ввел Харб, отец Абу Скофиана, великого противника Мухаммеда, около 560 года н. э. Но это, очевидно, ошибочное утверждение, поскольку задолго до этого между Меккой и Саной, столицей Йемена, где письменность была хорошо известна, существовали тесные связи; а в другой традиции говорится, что Абд эль-Мутталиб в молодости, то есть около 520 года н. э., *писал* в Медину с просьбой о помощи. Как евреи, так и христиане также проживали в окрестностях Мекки в течение двухсот лет до Хегиры и использовали ту или иную форму письменности. В качестве писчей бумаги они использовали тростник и пальмовые листья, а также плоские, гладкие лопатки овец ( ). Семь стихотворений, как говорят, были написаны золотом на египетском шелке и подвешены в Каабе.

В начале своей миссии Мухаммед презирал поэтов по той веской причине, что некоторые из них, в том числе и поэтесса, писали о нем сатирические стихи. В Коране сказано: «Те, кто сбились с пути, следуют за поэтами» (Сура 26: 224), а в традициях (Мишкат, кн. 22, гл. 10) записано более энергичное, хотя и менее элегантное осуждение: «Живот, полный гнойной массы, лучше живота, полного поэзии». Когда два языческих поэта, Лабид и Хасан, приняли ислам, пророк стал более снисходительным и, как сообщается, сказал: «Поэзия — это вид творчества, который, если он хорош, то он хорош, а если плох, то он плох!»

Относительно религии языческих арабов мусульманский писатель Аш-Шахристани говорит: «Арабов доисламского периода можно разделить на различные классы с точки зрения религии. Некоторые из них отрицали Творца, воскресение и возвращение людей к Богу и утверждали, что Природа обладает в себе силой даровать жизнь, но Время разрушает. Другие верили в Творца и сотворенное Им из ничего, но отрицали воскресение. Третьи верили в Творца и сотворенное, но отрицали пророков Бога и поклонялись ложным богам, которые, по их верованиям, в следующем мире станут *посредниками* между ними и Богом. Для этих божеств они совершали паломничества, приносили им подношения, приносили им жертвы и обращались к ним с обрядами и церемониями. Некоторые вещи они считали божественно разрешенными, другие — запрещенными. Такова была религия большинства арабов». Это замечательное свидетельство для мусульманина, который, естественно, был бы склонен к неблагоприятному мнению. Но его абсолютное молчание в отношении евреев и христиан Аравии говорит о многом.

Когда арабские племена утратили свой первоначальный монотеизм (религию Иова и их патриархов), они сначала приняли сабеизм ( ) или поклонение небесным силам. Доказательством этого является их древняя практика обхода святынь своих богов, а также их навыки в астрологии. Однако очень скоро поклонение звездам сильно извратилось, и были введены другие божества, суеверия и обряды. Древняя Аравия была убежищем для всех видов религиозных беженцев, и каждая группа добавляла что-то к национальному запасу религиозных идей. Зороастрийцы пришли в Восточную Аравию; евреи поселились в Хейбаре, Медине и Йемене; христиане многих сект жили на севере и в высокогорьях Йемена. Для всей языческой Аравии Мекка была центром за много веков до появления Мухаммеда. Здесь стояла Кааба, арабский пантеон, с тремястами шестьюдесятью идолами, по одному на каждый день года. Здесь племена Хиджаза собирались на ежегодное паломничество, чтобы потереться о Черный камень, обойти вокруг Бейт-Аллаха или Бетеля своего вероучения и повесить части своей одежды на священные деревья. В Неджране центром паломничества

была священная финиковая пальма. По всей Аравии были священные камни или каменные кучи, где арабские верующие собирались, чтобы получить особые благословения. Вера в джиннов или гениев была почти всеобщей, но между ними и богами было различие. Боги обладают индивидуальностью, а джинны — нет; боги почитаются, а джинны только вызывают страх; бог имеет одну форму, а джинны появляются во многих. Все, во что верит мусульманский мир в отношении джиннов, полностью заимствовано из арабского язычества, и те, кто читал «Арабские ночи», знают, какое большое место они занимают в повседневной жизни мусульман.

Арабы всегда были суеверны, и легенды всех видов сгруппированы вокруг каждой странной пустынной скалы, корявого дерева или пересыхающего источника в Аравии. Поэтому ранние арабы отмечали такую священную территорию столбами или каменными кучами и считали многие вещи, такие как проливание крови, вырубка деревьев, убийство дичи и т. д., запрещенными в пределах ограды. Это и есть происхождение *Харамайна*, или священной территории вокруг Мекки и Медины. Жертвоприношения были обычным явлением, но не с помощью огня. Кровь жертвы размазывали по грубым каменным алтарям, а мясо съедали поклоняющиеся. Первые плоды отдавали богам и выливали возлияния; часть древнего паломничества составляло приношение волос; это также имитируется и сегодня.

У. Робертсон Смит пытается доказать, что *тотемизм* был самой ранней формой арабского идолопоклонства и что каждое племя имело своего священного животного. Самым весомым аргументом в пользу этого является несомненный факт, что многие названия племен были взяты от животных и что некоторые животные считались священными в некоторых частях Аравии. Эта теория слишком далекоидуща, чтобы ее можно было принять без разбора, а представления автора о значении жертвоприношения животных не согласуются с учением Священного Писания. Однако интересно знать, что тот же автор считает, что арабские племенные знаки или *васмс* изначально были тотемными знаками и, вероятно, наносились на тело в виде татуировок, так же как сейчас они используются для обозначения собственности. *Васм* идолопоклоннических арабов, по-видимому, связан с их *васмами* и представлял собой своего рода татуировку на руках, предплечьях и деснах. Он был запрещен Мухаммедом, но до сих пор широко распространен в Северной Аравии среди бедуинских женщин.

Кровельные и соляные заветы также являются очень древними семитскими институтами и были распространены по всей Аравии. Форма клятвы была различной. В Мекке стороны окунали руки в кастрюлю с кровью и пробовали ее содержимое; в других местах они вскрывали вену и смешивали свою свежую кровь; иногда они брали кровь друг друга и мазали ею семь камней, установленных посередине. Позднее арабы заменили человеческую кровь кровью овцы или верблюда.

Основными идолами Аравии были следующие; десять из них упоминаются по имени в Коране.

- *Хубал* имел облик человека и происходил из Сирии; он был богом дождя и занимал почетное место.
- *Вадд* был богом небосвода.
- *Сува*, имевшая форму женщины, считалась родом из допотопных времен.
-
- *Ягут* имел облик льва.

- *Яук* имел форму лошади и почитался в Йемене. Бронзовые изображения этого идола найдены в древних гробницах.
- *Наср* был богом-орлом.
- *Эль-Узза*, которую некоторые ученые отождествляют с Венерой, порой почиталась в образе акации.
- *Аллат* был главным идолом племени Такиф в Таифе, которое пыталось договориться с Мухаммедом о принятии ислама, если он не будет уничтожать их бога в течение трех лет. Это имя, по-видимому, является женским родом от Аллаха.
- *Манат* был огромным камнем, почитаемым несколькими племенами как алтарь.
- *Дувар* был идолом девственниц, и молодые женщины обычно обходили его в процессии, отсюда и его название.
- *Исаф* и *Найла* стояли недалеко от Мекки на холмах Сафа и Мирва; посещение этих популярных святынь теперь является частью мусульманского паломничества.
- *Хабхаб* был большим камнем, на котором забивали верблюдов.

Помимо них существовали многочисленные другие боги, имена которых были полностью утрачены, но каждый из которых занимал место в пантеоне Мекки. Над всеми ними стояло верховное божество, которое они называли ὁ θεὸς, Бог, или *Аллах*. Это имя встречается несколько раз в древних доисламских стихах и доказывает, что арабы знали имя единственного истинного Бога даже в «время невежества». Ему они также приносили жертвы, хотя и не лучшие; от Его имени заключались договоры и давались самые святые клятвы. Враг *Аллаха* был самым сильным ругательным словом среди арабов тогда, как и сегодня. Веллхаузен говорит: «В поклонении *Аллах* занимал последнее место, предпочтение отдавалось тем богам, которые представляли интересы определенного круга и исполняли личные желания своих поклонников. Ни страх перед *Аллахом,* ни их почитание богов не имели большого влияния. Главным практическим следствием великих праздников было соблюдение перемирия в священные месяцы, что со временем стало в основном делом чистого практического удобства. В целом, нравство языческих арабов, если оно действительно отражено в их поэзии, было необычайно кощунственным. Древние жители Мекки практиковали благочестие в основном как ремесло, так же как и сейчас; их ремесло зависело от праздника и ярмарки, от неприкосновенности Харама и перемирия в священные месяцы».

Нет сомнений, что ко времени появления Мухаммеда старое национальное идолопоклонство деградировало. Многие идолы не имели верующих или поклонников. Сабеизм также исчез, за исключением севера Аравии, хотя он всегда оставлял свое влияние, которое проявляется не только в Коране, но и в суеверных обычаях современных бедуинов. Грубый фетишизм был вероучением многих. Один из современников Мухаммеда сказал: «Когда они находили красивый камень, они поклонялись ему, а если такого не было, то доили верблюда над кучей песка и поклонялись ей». Более обеспеченные слои населения Мекки и Медины перестали верить во что-либо. Формы религии «поддерживались скорее по политическим и коммерческим причинам, чем из-за веры или убеждений»[54].

Добавьте к этому молчаливое, но сильное влияние иудеев и христиан, которые постоянно контактировали с этими идолопоклонниками, и мы получим объяснение *ханифам*. Эти ханифы были небольшой группой арабов, которые поклонялись только *Аллаху*, отвергали многобожие, стремились освободиться от греха и смириться с волей Бога. Ханифы были в Таифе, Мекке и Медине. Они были, по сути, искателями истины, уставшими от старого идолопоклонства и распространенного пустого лицемерия арабов. Самыми ранними

ханифами, о которых мы слышим, были Варака, двоюродный брат пророка Мухаммеда, и Зейд бин Амр, прозванный «Исследователем». Мухаммед сначала также принял это звание ханифа, чтобы выразить веру Авраама, но вскоре после этого сменил его на «мусульманин».

От ханифизма до ислама всего один шаг. Первоначальный монотеизм, сабеизм, идолопоклонство, фетишизм, ханифизм, а затем пророк с мечом, чтобы вернуть все к монотеизму — монотеизму, измененному его собственными потребностями, характером и компромиссами. Время невежества было временем хаоса. Все было готово для того, кто мог бы охватить всю ситуацию — социальную, политическую и религиозную — и сформировать космос. Этим человеком был Мухаммед.

XVII
ИСЛАМ В СВОЕЙ КОЛЫБЕЛИ — БОГ МУСУЛЬМАН[55]

«Ислам родился в пустыне, его матерью был арабский сабеизм, а отцом — иудаизм; его кормилицей было восточное христианство» — *Эдвин Арнольд*.

«Пророк без чудес; вера без тайн; и мораль без любви; которая поощряла жажду крови и которая началась и закончилась в самой безграничной чувственности». — *Философия истории Шлегеля*.

«Как мы представляем себе Бога, так мы представляем себе и вселенную; существо, неспособное любить, неспособно быть любимым». — *Директор Фэрберн*.

Библиотеки были написаны не только на арабском и персидском языках, но и на всех языках Европы о происхождении, характере и истории ислама, Корана и Мухаммеда. Мнения различаются «так же сильно, как восток отличается от запада» и как Босворт Смит отличается от Прайдо. Ранние европейские писатели не стеснялись называть Мухаммеда ложным пророком, а его систему — ловким обманом; некоторые шли еще дальше и приписывали даже сатанинское влияние успеху ислама и словам пророка. Карлайл в своей книге «Герои и поклонение героям» перевесил чашу весов в другую сторону настолько, что его глава о пророке-герое была опубликована в виде брошюры Мусульманским миссионерским обществом Лахора. Карлайл настолько мало понимал истинную природу ислама, что называл его «разновидностью христианства». Слова Карлайла были лишь началом серии апологий и панегириков, которые появились вскоре после этого и возвели Мухаммеда не только на пьедестал великого реформатора, но и «самого пророка Бога», сделав ислам почти идеальной религией. Сид Амир Али в своей биографии успешно устраняет из характера известного мекканца все чувственные, жесткие и невежественные черты; а в недавней ценной книге Т. В. Арнольда, профессора Алигархского колледжа в Индии, делается попытка самым подробным образом доказать, что мусульманство распространялось без меча.

В противовес этому прочитайте, что Хью Бротон причудливо написал в 1662 году: «Теперь рассмотрим этого Моамеда или Махумеда, которого Бог предал слепому разуму, измаильтянина, который был бедным человеком, пока не женился на вдове; тогда он стал богатым и высокопоставленным, страдая эпилепсией и мучимый дьяволом, из-за чего вдова сожалела, что вышла за него замуж. Он убедил ее сам и с помощью других, что его припадки

были лишь трансом, в котором он разговаривал с ангелом Гавриилом. Так со временем этот самозванец стал считаться пророком Божьим и из иудаизма, Ария, Нестория и своего собственного разума он сформировал доктрину». В наши дни критические труды таких ученых, как Шпренгер, Вейл, Мьюр, Келле и других, дали нам более правильное представление о жизни и характере Мухаммеда. Маятник все еще колеблется, но в конце концов остановится между двумя крайностями.

У нас нет места, чтобы рассказать историю жизни Мухаммеда или религии, которую он основал. Анализ этой религии был предпринят с помощью двух таблиц, одна из которых показывает ее развитие от вероучения, а другая — философию ее происхождения из внешних источников [56]. Результаты столетия критических исследований европейских и американских ученых всех школ мысли однозначно подтвердили тот факт, что ислам является смешанной религией. Это не изобретение, а смесь; в ней нет ничего нового, кроме гениальности Мухаммеда, который смешал старые ингредиенты в новое панацея от человеческих недугов и навязал его с помощью меча. Эти разнородные элементы ислама были собраны в Аравии в то время, когда на полуостров проникло множество религий, а Кааба была пантеоном. Если не знать об этих элементах «времени невежества», ислам представляет собой проблему. Однако, зная эти языческие, христианские и иудейские факторы, ислам представляется вполне естественным и понятным явлением. Его языческие элементы остаются до сих пор вполне узнаваемыми, несмотря на тринадцать веков объяснений со стороны мусульманских властей. Именно еврейскому раввину Гейгеру мы обязаны первыми знаниями о том, насколько ислам обязан евреям и Талмуду. Преподобный У. Сент-Клер Тисдал недавно показал, как Мухаммед заимствовал даже у зороастрийцев и сабеев, а что касается количества христианского учения в исламе, то Коран и его комментаторы являются тому доказательством.

В двадцать второй главе Корана есть замечательный стих, в котором Мухаммед, кажется, перечисляет все источники, которые были ему доступны при формировании его новой религии; и в то время он, по-видимому, сомневался, какой из них был наиболее надежным источником. Стих гласит: *«Те, кто веруют, и иудеи, и сабеи, и христиане, и маги* (зороастрийцы)*, и те, кто присоединяют к Богу других богов, поистине, Бог рассудит между ними в день Воскресения*».

Бог ислама. Гиббон характеризует первую часть мусульманского вероучения как «вечную истину» («нет бога, кроме Бога»), но очень многое зависит от характера Бога, который, как утверждается, заменяет всех других богов. Если атрибуты *Аллаха* недостойны божества, то даже первая часть самого краткого из всех вероучений является ложной. Существует странное пренебрежение изучением мусульманского представления о Боге, и почти все авторы считают само собой разумеющимся, что Бог Корана — это то же самое существо и имеет такие же атрибуты, как Иегова или Бог Нового Завета. Ничто не может быть дальше от истины.

Прежде всего, мусульманское представление об Аллахе является чисто негативным. Бог уникален и не имеет никаких отношений с какими-либо существами , которые имеют с ним сходство. Его нельзя определить иначе, как в негативных терминах. Как поется в популярной песне

«Куллу ма юхтару фи балик

Фа раббуна мухалифун ан талик»[57]

Абсолютная власть и безжалостное всемогущество — его главные атрибуты, в то время как его характер безличен — как у монады. Среди девяноста девяти прекрасных имен Бога, которые Эдвин Арнольд использовал в своем стихотворении «Жемчужины веры», отсутствуют идеи отцовства, любви, беспристрастного правосудия и бескорыстности. Христианская истина «Бог есть любовь» для ученых является богохульством, а для невежественных — загадкой. Палгрейв, который, безусловно, не был предвзято настроен против религии Аравии и долгое время жил среди арабов, называет теологию ислама «пантеизмом силы». Никто никогда не давал лучшего описания *Аллаха*, более верного портрета представления Мухаммеда о божестве, чем Палгрейв. Каждое слово его описания совпадает с высказываниями, которые можно слышать ежедневно от набожных мусульман. Однако никто, кто прочитает то, что мы цитируем в полном объеме, не узнает здесь Бога, к которому обращается Давид в Псалмах или который воплотился в Вифлееме и страдал на Голгофе. Вот высказывание Палгрейва:

«Нет бога, кроме Бога» — эти слова в английском языке просто равнозначны отрицанию любого божества, кроме одного; и в арабском языке они, безусловно, означают именно это, но они подразумевают гораздо больше. Их полный смысл заключается не только в абсолютном и безоговорочном отрицании всякой множественности, будь то природы или личности, в Высшем Существе, не только в установлении единства Нерожденного и Нерожденного во всей его простой и непередаваемой Единственности, но помимо этого слова на арабском языке и среди арабов подразумевают, что это единственное Высшее Существо является также единственным Агентом, единственной Силой, единственным Действием, существующим во всей вселенной, и оставляют всем другим существам, материальным или духовным, инстинктивным или разумным, физическим или моральным, ничего, кроме чистой, безусловной пассивности, как в движении, так и в покое, в действии или в способности. Единственная сила, единственный двигатель, движение, энергия и действие — это Бог; все остальное — это абсолютная инерция и простое средство, от высшего архангела до простейшего атома творения. Таким образом, в этом одном предложении «Ла Илах илла Аллах» суммируется система, которую, за неимением лучшего названия, я могу назвать пантеизмом силы или действия, таким образом исключительно присущим Богу, который поглощает все, осуществляет все и которому одному это может быть приписано, будь то для сохранения или для уничтожения, для относительного зла или для столь же относительного добра. Я говорю «относительное», потому что ясно, что в такой теологии нет места для абсолютного добра или зла, разума или экстравагантности; все сводится к авторитарной воле одного великого Агента: «sic volo, sic jubeo, stet pro ratione voluntas»; или, что еще более значимо, по-арабски «Kemā yesha’o», «как он хочет», если цитировать постоянно повторяющееся выражение из Корана.

«Таким образом, безмерно и вечно возвышенный над всеми творениями и непохожий на них, которые лежат перед ним на одном общем уровне инструментальности и инертности, Бог един в совокупности всемогущего и вездесущего действия, которое не признает никаких правил, стандартов или ограничений, кроме его собственной единственной и абсолютной воли. Он ничего не сообщает своим творениям, ибо их кажущаяся сила и действия всегда остаются только его, и в ответ он ничего не получает от них; ибо чем бы они ни были, они находятся в нем, через него и только от него. И во-вторых, ни одно творение не может законно претендовать на превосходство, отличие или превосходство над своим собратом в полном уравнивании их ничем не примечательного рабства и унижения; все они одинаковы — инструменты единственной Силы, которая использует их для уничтожения или для блага, для истины или для заблуждения, для чести или для позора, для счастья или для страдания,

совершенно независимо от их индивидуальных способностей, заслуг или преимуществ, а просто потому, что Он так хочет, и так, как Он хочет.

«Сначала можно было бы подумать, что этот грозный автократ, эта неконтролируемая и безжалостная сила, находится далеко выше чего-либо подобного страстям, желаниям или склонностям. Однако это не так, потому что по отношению к своим творениям он испытывает одно главное чувство и имеет один главный источник действий, а именно ревность к ним, чтобы они случайно не приписали себе что-то из того, что принадлежит только ему, и таким образом не посягали на его всепоглощающее царство. Поэтому он всегда более склонен наказывать, чем вознаграждать, причинять боль, чем дарить удовольствие, разрушать, чем созидать.

«Его единственное удовольствие — дать созданным существам постоянно чувствовать, что они не что иное, как его рабы, его инструменты, причем презренные инструменты, чтобы они тем лучше признавали его превосходство и знали, что его сила выше их силы, его хитрость выше их хитрости, его воля выше их воли, его гордость выше их гордости; или, вернее, что нет никакой силы, хитрости, воли или гордости, кроме его собственной.

Но он сам, бесплодный в своей недоступной высоте, не любящий и не наслаждающийся ничем, кроме своего собственного и самооцененного решения, без сына, спутника или советника, не менее бесплоден для себя, чем для своих созданий, и его собственная бесплодность и одинокий эгоизм в нем самом являются причиной и правилом его безразличного и невнимательного деспотизма вокруг. Первая нота является ключом всей мелодии, и первоначальная идея Бога пронизывает и модифицирует всю систему и вероучение, которые сосредоточены в нем.

«То, что представление о Божестве, данное здесь, каким бы чудовищным и богохульным оно ни казалось, является точно и буквально тем, что передает или намеревается передать Коран, я в настоящее время принимаю как данность. Но что это действительно так, никто, кто внимательно прочитал и обдумал арабский текст (потому что простого беглого чтения, особенно в переводе, будет недостаточно), не может сомневаться. Фактически, каждая фраза из предыдущих предложений, каждый штрих в этом отвратительном портрете были взяты, насколько я мог, слово в слово или, по крайней мере, смысл за смыслом из «Книги», которая является самым верным зеркалом ума и кругозора ее автора. И то, что таковы были в действительности ум и идеи Магомета, полностью подтверждается свидетельством современной традиции».

Коран показывает, что Мухаммед в некоторой степени имел правильное представление о *физических* атрибутах Бога, но абсолютно ложное представление о его *моральных* атрибутах. Это было совершенно естественно ( ), поскольку Мухаммед не имел представления о природе греха — морального зла — или о святости — моральном совершенстве.

Имам Эль-Газали, известный мусульманский богослов, говорит о Боге: «Он не является телом, наделенным формой, ни субстанцией, ограниченной пределами или определяемой мерой. Он не похож на тела, поскольку тела можно измерить или разделить. Он не является субстанцией, и в Нем не существует субстанций; Он не является случайностью, и в Нем не существует случайностей. Он не похож ни на что из существующего; ничто не похоже на Него; Он не ограничен в количестве, не поддается пониманию границами, не ограничен различиями положения и не содержится в небесах... Его близость не похожа на близость тел, и Его сущность не похожа на сущность тел. Он не существует ни в чем, и ничто не существует

в Нем». Воля Бога абсолютна и единственна; предопределение всего и всех к добру или злу в соответствии с капризом суверенитета. Ибо нет Отцовства и нет цели искупления, которые смягчали бы доктрину декретов. Ад должен быть заполнен, и поэтому Аллах создает неверных. Высказывания Корана по поводу этой доктрины грубы и, согласно традиции, богохульны. Ислам сводит Бога к категории воли; Он — деспот, восточный деспот, и, поскольку моральный закон не подчеркивается, Он не связан никакими стандартами справедливости. Поклонение творению отвратительно для мусульманского сознания, и все же Аллах наказал Сатану за то, что тот не захотел поклониться Адаму (Коран II, 28-31). Аллах милостив, закрывая глаза на грехи пророка, но мстит всем, кто не верит в него.

Бог-машина, единая причина

Безграничный, недоступный

Который раздает милость, нарушает Свои законы

И идет на компромиссы со злом.

Бог, закон которого — неизменная судьба,

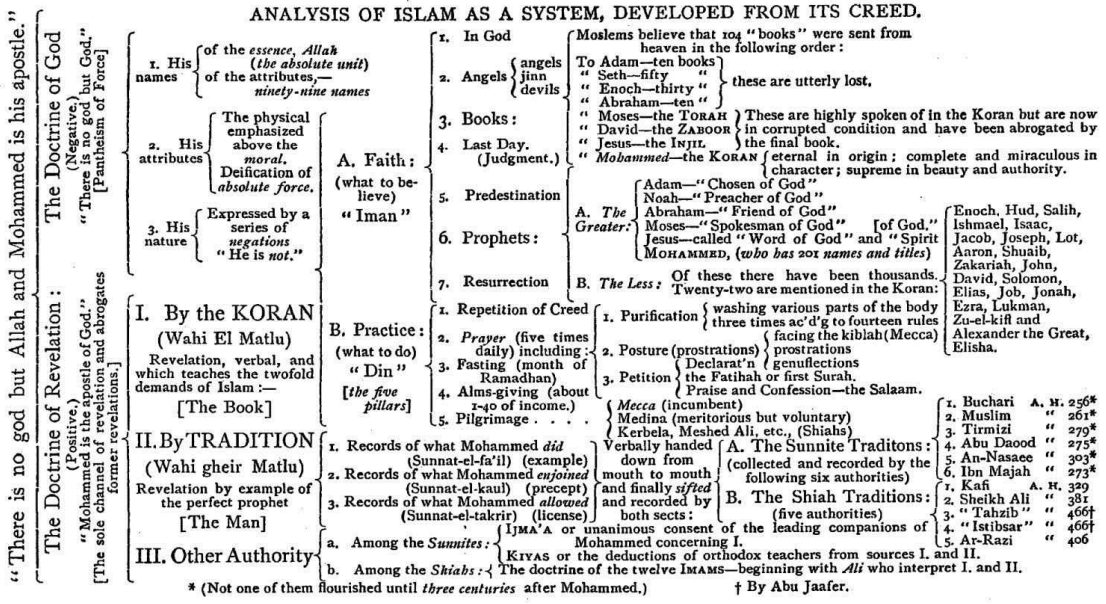
Который исполняет каждое желание пророка —

За молитвы и пост открывает врата небесные

И прощает за взятку.

Это *не* «единственный Истинный Бог», которого мы знаем через Иисуса Христа и, зная Его, имеем жизнь вечную. «Никто не знает Отца, кроме *Сына* и того, кому Сын откроет Его». Тот, кто отрицает воплощение, остается в неведении о истинном характере Бога. Как говорит Фэрбэрн, «любовь, которую *Божество* делает имманентной и существенной для Бога, придает Богу совершенно новый смысл и актуальность для религии; в то время как мысль не вынуждена воспринимать монотеизм как апофеоз всемогущей воли или безличного идеала чистого разума». Ислам не знает Божества, и Аллах не является любовью.

АНАЛИЗ ИСЛАМА КАК СИСТЕМЫ, РАЗВИТОЙ ИЗ ЕГО ВЕРОВАНИЙ.
«Нет бога, кроме Аллаха, и Мухаммед — его пророк».



Примечание транскрибатора: чтобы уложиться в ограничения по количеству страниц и макету, приведенная выше таблица была преобразована в табличный формат со ссылками. Раздел, начинающийся с A; Вера и B: Практика, по-видимому, в равной степени происходит из «Учения о Боге» и «Учения об откровении», поэтому он был выделен и связан со ссылкой с того места, которое, по-видимому, имел в виду автор. Общие примечания были выделены и отображены в виде сносок.

- Учение о Боге
  (Отрицательная.)
- «Нет бога, кроме Бога».
  [Пантеизм силы]
-
  - 1. Его имена
  -
    - *сущности*, *Аллах* (*абсолютная единица*)
    - атрибутов — *девяносто девять имен*
  - 2. Его атрибуты
  -
    - Физические преобладают над *моральными*.
    - Обожествление *абсолютной силы*.
  - 3. Его природа
  -
    - Выражается серией *отрицаний*
      «Он *не* существует».
- Ссылка на второй раздел

- Доктрина откровения: (Положительная.)
- «Мухаммед — апостол Бога».
  [Единственный канал откровения, отменяющий прежние откровения].
-
  - I. По Корану
    (Вахи Эль Матлу)
    Откровение, устное, которое учит двум требованиям ислама:
    [Книга]
  - II. По ТРАДИЦИИ
    (Вахи гейр Матлу)
    Откровение на примере
    совершенного пророка
    [Человек]
  -
- 1. Записи о том, что *делал* Мухаммед (Суннат-эль-фаил) (пример)
- 2. Записи о том, что *предписывал* Мухаммед (Суннат-эль-каул) (предписание)
- 3. Записи о том, что Мухаммед *разрешал* (Суннат-эль-такрир) (разрешение)[58]]
- А. Суннитские традиции: (собранные и записанные следующими шестью авторитетами)
-
- 1. Бухари А. Х. 256[59]]
- 2. Муслим » 261[59]
- 3. Тирмизи » 279[59]
- 4. Абу Дауд » 275[59]
- 5. Ан-Насаи » 303[59]
- 6. Ибн Маджа » 273[59]
- Б. Шиитские предания: (пять авторитетов)
-
- 1. Кафи А. Х. 329
- 2. Шейх Али » 381
- 3. «Тахзиб» 466[59a]
- 4. «Истибсар» 466[59a]
- 5. Ар-Рази » 406
  - III. Другие авторитеты
  -
- а. Среди *суннитов:*
-
- Иджма или единодушное согласие ведущих сподвижников Мухаммеда относительно I.
- KIYAS или выводы ортодоксальных учителей из источников I и II.
- б. Среди шиитов*:*
-
- Доктрина двенадцати ИМАМОВ — начиная с *Али,* которые интерпретируют I. и II.

  Второй раздел

-

- А. Вера:
  (во что верить)
  «Иман»
-
- 1. В Бога
- 2. Ангелы
  (ангелы, джинны, демоны)
- 3. Книги
-
- Современные мусульмане верят, что 104 «книги» были
  были ниспосланы с небес в следующем порядке:
- Адаму — десять книг
- , Сету — пятьдесят
- » Еноху — тридцать
- Аврааму — десять
-
- Они полностью утрачены.
- Моисей — ТОРА
- «Давид — ЗАБУР
- «Иисус — ИНДЖИЛ
-
- О них высоко отзываются в Коране, но сейчас они находятся в испорченном состоянии и были отменены последней книгой.
- *Мухаммед* — Коран (вечный по своему происхождению; полный и чудесный по своему характеру; непревзойденный по своей красоте и авторитету).
- 4. Последний день (Суд)
- 5. Предначертание
- 6. Пророки
-
- А. *Великий:*
-
- Адам — «Избранник Бога»
- Ной — «проповедник Бога»
- Авраам — «друг Бога»
- Моисей — «Говоритель Бога»
- Иисус — называемый «Словом Божьим» и «Духом Божьим».
- МУХАММАД (*имеющий 201 имя и титул*)
-
- Енох, Худ, Салих,
- Исмаил, Исаак,
- Иаков, Иосиф, Лот,
- Аарон, Шуайб,
- Захария, Иоанн,
- Давид, Соломон,

- Илия, Иов, Иона,
- Ездра, Лукман,
- Зу-эль-Кифл и
- Александр Великий,
- Елисей.
- Б. *Меньшие:* Их были тысячи. Двадцать два упоминаются в Коране:
- 7. Воскресение
- Б. Практика
  (что делать)
  «Дин» [*пять столпов*]
-
- 1. Повторение вероучения
- 2. *Молитва* (пять раз в день), включая:
-
- 1. Очищение
-
- омывание различных частей тела три раза в соответствии с четырнадцатью правилами
- 2. Поза (поклоны)
-
- обращение лицом к кибле (Мекке)
- поклоны
- поклоны
- 3. Просьба
-
- Заявление
- Фатиха или первая сура.
- Хвала и исповедание — Салам.
- 3. Пост (месяц Рамадан)
- 4. Пожертвование (около 1-40 дохода).
- 5. Паломничество
-
- *Мекка* (обязательное)
- Медина (заслуживает похвалы, но добровольно)
- Кербела, Мешхед Али и т. д. (шииты)

[58] Передавались устно из уст в уста и в конечном итоге *были отсортированы* и записаны обеими сектами:

[59] Ни одна из них не процветала до *трех веков* после Мухаммеда.

[59a] Абу Джафаром.

АНАЛИЗ ЗАПОЛНЕННЫХ ЭЛЕМЕНТОВ ИСЛАМА.

ANALYSIS OF THE BORROWED ELEMENTS OF ISLAM.

I. From HEATHENISM
(As existing in Mecca or prevalent in other parts of Arabia.)

- a. Sabeanism:
  - Astrological superstitions, *e. g.*, that meteorites are cast at the devil.
  - Oaths by the stars and planets. (Surahs 56, 53, etc.)
  - Circumambulation of Kaaba—and, perhaps, the *lunar* calendar.
- b. Arabian Idolatry:
  - Allah (as *name* of supreme deity), used in old poets and worshipped by [Hanifs.
  - Mecca—centre of religious pilgrimage—The black-stone, etc.
  - Pilgrimage—*in every detail:* dress, hair offerings, casting stones, sacrifice, [running.
  - Polygamy, slavery, easy divorce, and social laws generally.
  - Ceremonial cleanliness, forbidden foods, *circumcision*.
- c. Zoroastrianism.
  - Cosmogony—The different stores of the earth. Bridge over hell.
  - Paradise—Its character—the *houris*=pairikas of Avesta.
  - Doctrine of *jinn* and their various kinds. Exorcism of jinn (Surah 113, 114).
- d. Buddhism:
  - The use of the rosary.
  - (See Hughes' Dict. of Islam.)

II. From JUDAISM
(The Old Testament but more especially the *Talmud* as the source of Jewish ideas prevalent in Arabia just before Mohammed.)

- A. Ideas and Doctrines:
  (According to the divisions of Rabbi Geiger.)
  - 1. Words that represent Jewish ideas
    - (and are *not* Arabic but Hebrew.) *Taboot* (ark); *Torah* law; *Eden*; *Gehinnom*; *Rabbi*, *Abbar*=teacher; *Sakinat*=Shekinah; *Taghoot* (used hundreds of times in Koran)=error; *Furkan*, etc., etc., etc.
  - 2. Doctrinal views.
    - *Unity of God.*
    - Resurrection.
    - Seven hells and seven heavens.
    - Final judgment. Signs of last day.
    - Gog and Magog.
  - 3. Moral and Ceremonial laws.
    - Prayer. Its time, posture, direction, etc.
    - Laws regarding impurity of body. Washing with water or with sand.
    - " " purification of women, etc.
  - 4. Views of life:
    - Use of "inshallah"; age of discretion corresponds to [Talmud.
    - Talmud.
- B. Stories and Legends:
  (According to Rabbi Geiger.)
  - Adam, Cain, Enoch; the fabulous things in the Koran are *identical* with [Talmud.
  - Noah—the flood—Eber (Hud)—Isaac,—Ishmael—*Joseph*. Cf. Koran with [Talmud.)
  - Abraham—His idolatry—Nimrod's oven—Pharao—the calf—(taken from
  - Moses—The fables related of him and Aaron are old Jewish tales.
  - Jethro (Shuaib); Saul (Taloot); Goliath (Jiloot), and *Solomon* especially. Cf. Talmud.

III. From CHRISTIANITY
(Corrupt form, as found in the apocryphal gospels.)
"*Gospel of Barnabas.*"

1. Reverence for New Testament—Injil—(Zacharias, John, Gabriel).
2. Respect for religious teachers; the Koran references to priests and monks.
3. Jesus Christ—His names—Word of God, Spirit of God, etc.—Puerile miracles [meaning "pure ones."
   —*Denial of crucifixion.* (Basilidians, etc.)
4. The Virgin—Her sinlessness—and the apostles—"hawari" an *Abyssinian* word
5. Wrong ideas of the Trinity. As held by Arabian heretical sects.
6. Christian legends as of "Seven Sleepers," "Alexander of the horns," "Lok-
7. A fast month. Ramadhan to imitate lent. [man"(=Æsop.)
8. Alms-giving as an essential part of true worship.

"The Koran could not have been composed by any except God . . . Will they say he forged it? Answer bring therefore a chapter like unto it."—THE KORAN. (Surah Yunas.)

- I. Из ЯЗЫЧЕСТВА
- (Существовавшего в Мекке или распространенного в других частях Аравии).
-
  - а. Сабеизм:
  -
    - Астрологические суеверия, *например*, что метеориты бросают в дьявола.
    - Клятвы звездами и планетами. (Суры 56, 53 и др.)
    - Обход Каабы — и, возможно, *лунный* календарь.
  - б. Арабское идолопоклонство:
  -
    - Аллах (как *имя* верховного божества), употребляемое в древних стихах и почитаемое ханифами.
    - Мекка — центр религиозного паломничества — Черный камень и т. д.
    - Паломничество — *во всех деталях*: одежда, приношения волос, бросание камней, жертвоприношение, бег.
    - Полигамия, рабство, легкий развод и социальные законы в целом.
    - Церемониальная чистота, запрещенные продукты, *обрезание*.
  - с. Зороастризм:
  -
    - Космогония — различные истории о Земле. Мост через ад.
    - Рай — его характер — гурии = пайрики Авесты.
    - Учение о *джиннах* и их различных видах. Изгнание джиннов (суры 113, 114).
  - г. Буддизм:
  -
    - Использование четок. (См. Словарь ислама Хьюза.)
- II. Из ИУДАИЗМА

- (Ветхий Завет, но в особенности *Талмуд* как источник идей иудаизма, распространенных в Аравии непосредственно перед появлением Мухаммеда).
-
  - А. Идеи и доктрины:
  - (Согласно классификации раввина Гейгера.)
  -
    - 1. Слова, представляющие еврейские идеи
    -
    - (и являются *не* арабскими, а ивритскими). *Табут* (ковчег); *Тора* (закон);
    - *Эдем*; *Геенна*; *Раввин*, Аббар = учитель; Сакинат = Шехина;
    - *Тагут* (используется сотни раз в Коране) = ошибка;
    - *Фуркан* и т. д., и т. д., и т. д.
    - 2. Доктринальные взгляды.
    -
    - *Единство Бога*.
    - Воскресение.
    - Семь адов и семь небес.
    - Последний суд. Признаки последнего дня.
    - Гог и Магог.
    - 3. Моральные и церемониальные законы.
    -
    - Молитва. Ее время, поза, направление и т. д.
    - Законы, касающиеся нечистоты тела. Омовение водой или песком.
    - Законы, касающиеся очищения женщин и т. д.
    - 4. Взгляды на жизнь
    -
    - Использование слова «иншаллах»; возраст рассудительности соответствует Талмуду.
  - Б. Истории и легенды: (Согласно раввину Гейгеру.)
  -
    - Адам, Каин, Енох; сказочные вещи в Коране *идентичны* Талмуду.
    - Ной — потоп — Эвер (Худ) — Исаак — Измаил — *Иосиф*. Сравните Коран с Талмудом.
    - Авраам — его идолопоклонство — печь Нимрода — фараон — телец — (взято из Талмуда).
    - Моисей — басни о нем и Аароне — старые еврейские сказки.
    - Итро (Шуайб); Саул (Талут); Голиаф (Джилут) и особенно *Соломон*. Ср. Талмуд.
  - III. Из ХРИСТИАНСТВА
  - (Искаженная форма, встречающаяся в апокрифических евангелиях).
  - «*Евангелие от Варнавы*».
  -
    - 1. Почитание Нового Завета — Инджил — (Захария, Иоанн, Гавриил).
    - 2. Уважение к религиозным учителям; упоминания в Коране о священниках и монахах.
    - 3. Иисус Христос — Его имена — Слово Божье, Дух Божий и т. д. — Детские чудеса — *Отрицание распятия*. (Василидианцы и т. д.)
    - 4. Дева — ее безгрешность — и апостолы — «хавари», *абиссинское* слово, означающее «чистые».

- 5. Неверные представления о Троице. Как считают арабские еретические секты.
- 6. Христианские легенды о «Семи спящих», «Александре с рогами», «Локмане» (=Эзоп).
- 7. Месяц поста. Рамадан в подражание Великому посту.
- 8. Милостыня как неотъемлемая часть истинного поклонения.
-
- «Коран не мог
- был составлен
- никем, кроме Бога…
- Неужели они скажут, что он подделал
- ? Ответьте же
- главу, подобную
- этой». — Коран. (Сура Юнас.)

XVIII
ПРОРОК И ЕГО КНИГА

В 570 году нашей эры Абдулла, сын Абд эль-Мутталиба, мекканский купец, отправился в торговую поездку из Мекки в Медину и умер там; в том же году его жена Амина родила в Мекке мальчика по имени *Мухаммед*. Сто лет спустя имя этого арабского юноши, соединенное с именем Всемогущего, пять раз в день произносилось в десяти тысячах мечетей от Маската до Марокко, а его новая религия сметала все на своем пути на трех континентах.

Как объяснить это чудо истории? Было выдвинуто много теорий, и истинное объяснение, вероятно, является суммой всех из них. Слабость восточного христианства и коррумпированность церкви; состояние Римской и Персидской империй; характер новой религии; сила меча и фанатизм; гениальность Мухаммеда; частичная истинность его учения; гениальность преемников Мухаммеда; надежда на грабеж и любовь к завоеваниям — вот некоторые из причин, объясняющих ранний и быстрый успех ислама.

Мухаммед был пророком без чудес, но не без гениальности. Что бы мы ни отрицали в нем, мы никогда не сможем отрицать, что он был великим человеком с великими талантами. Но он не был самодеятельным человеком. Его окружение в значительной степени объясняет его могущество и его метод становления религиозным лидером. Прежде всего, был политический фактор. «Год слона» стал свидетелем поражения христианских войск Йемена, которые пришли, чтобы атаковать Каабу. Эта победа была для молодого и пылкого ума Мухаммеда пророческим знамением политического будущего Мекки, и, без сомнения, его амбиции назначили ему главное место в грядущем конфликте Аравии против римских и персидских угнетателей.

Далее был религиозный фактор. Времена были созрели для религиозного лидерства, и Мекка уже была центром нового движения. Ханифы отвергли старое идолопоклонство и питали надежду, что из их числа возникнет пророк[60]. Под рукой было все необходимое для создания платформы новой веры; требовалось лишь глаз строителя, чтобы из хаоса вызвать

космос. Чтобы добиться успеха, необходимо было отвергнуть материальное, создать всеобъемлющую и компромиссную религию, которая устраивала бы и иудеев, и христиан, и идолопоклонников.

Кроме того, был еще семейный фактор, или, другими словами, аристократическое положение Мухаммеда. Он был не просто «верблюдоводом». Корейшиты были правящим кланом Мекки; Мекка даже тогда была центром всей Аравии; а дед Мухаммеда, Абд эль-Мутталиб, был самым влиятельным и могущественным человеком в этом аристократическом городе. Любимым ребенком Абд эль-Мутталиба был сирота Мухаммед. До восьми лет он находился под покровительством и благосклонностью этого вождя корейшей. Он научился быть величественным и осуществлять власть и никогда этого не забывал. Этот человек, его жена и его воспитание были определяющими факторами в формировании характера Мухаммеда. Решающим фактором были ум и гениальность самого человека. Обладая привлекательными личными качествами, красивой внешностью и успехами в бизнесе, он сначала привлек внимание, а затем и сердце очень богатой вдовы Хадиджи. Коэлле говорит нам, что она была «очевидно арабской дамой с сильным характером и зрелым опытом, которая сохраняла явное превосходство над своим мужем и управляла им с большой мудростью и твердостью». Это особенно ярко проявляется в том замечательном факте, что ей удалось удержать его от брака с другой женщиной, пока она была жива, хотя после ее смерти, когда он уже давно перестал быть молодым человеком, он без ограничений увлекся умножением числа жен. Но поскольку сама Хадиджа была благосклонно настроена к ханифизму, весьма вероятно, что она использовала свое влияние на мужа таким образом, чтобы способствовать и укреплять его привязанность к реформаторской секте монотеистов».

Мухаммед женился на этой женщине, когда ему исполнилось двадцать пять лет. В возрасте сорока лет он начал получать откровения и проповедовать свою новую религию. Его первым обращенным, что, пожалуй, было естественно, стала его жена, затем Али и Зейд, его два приемных сына, а затем его друг, преуспевающий купец Абу-Бекр. Таков был зародыш новой веры.

В традиции Мухаммед описывается как человек выше среднего роста, худощавого телосложения, с внушительной внешностью, массивной головой, благородным лбом и черными как смоль волосами. У него были пронзительные глаза. Он носил длинную густую бороду. Каждое его движение отличалось решительностью, и он всегда шел быстрым шагом. Писатели, похоже, сходятся во мнении, что он обладал гениальной способностью командовать и требовал послушания как от равных, так и от подчиненных. Джеймс Фриман Кларк говорит, что ему, больше чем кому-либо другому, о ком упоминает история, было дано:

«Ум монарха, тайна командования,

Дар с рождения, искусство Наполеона

Управлять, формировать, собирать, сплавлять, объединять

Сердца тысяч, пока они не стали действовать как одно целое».

Что касается нравственного характера Мухаммеда, то мнения сильно расходятся, и выводы разных ученых нелегко согласовать. Мьюир, Додс, Бэджер и другие утверждают, что сначала он был искренним и честным, сам веря в свои так называемые откровения, но потом, опьяненный успехом, он использовал достоинство своего пророческого сана в личных целях и сознательно обманывал людей в некоторых из своих поздних откровений. Босворт Смит и ему подобные утверждают, что он был «истинным пророком Бога» на протяжении всей своей

жизни и что грехи и ошибки его поздних лет являются лишь пятнами на солнце его славы. Старые писатели, с которыми я согласен, видели в Мухаммеде только умение ловкого самозванца со дня его первого послания до дня его смерти. Коэлле, чья книга является кладезем точных научных знаний и чей многолетний опыт миссионерской работы в мусульманских странах дает ему право на трезвое суждение, не видит никакого разительного контраста между ранней и поздней частью жизни Мухаммеда, который нельзя было бы легко объяснить влиянием Хадиджи. Он был *semper idem*, амбициозным энтузиастом, выбиравшим разные средства для достижения одной и той же цели и никогда не придавшим особого значения характеру используемых средств.

Помимо вопроса о искренности Мухаммеда, никто не может оправдать его моральный характер, если судить по законам его времени, по законам, которые он сам провозгласил, или по законам Нового Завета. По законам Нового Завета Иисуса Христа, который был последним пророком перед Мухаммедом и которого Мухаммед признавал Словом Божьим, арабский пророк сам себя осуждает. Самое беглое изучение его биографии доказывает, что он неоднократно нарушал все священные заповеди Нагорной проповеди. И сам Коран доказывает, что Дух Иисуса был полностью отсутствует в уме Мухаммеда. Арабы, среди которых родился и вырос Мухаммед, также имели закон, хотя они были идолопоклонниками, рабовладельцами и полигамниками. Даже разбойники пустыни, которые, как и Мухаммед, подкарауливали караваны, имели кодекс чести. Три вопиющих нарушения этого кодекса запятнали характер Мухаммеда. [61] Было вполне законно жениться на пленнице, чьи родственники были убиты в бою, но только через *три месяца после их смерти*. Мухаммед подождал всего три дня в случае с еврейкой Сафией. Было законно грабить купцов, но не паломников, направляющихся в Мекку. Мухаммед нарушил этот старый закон и «откроил стих», чтобы оправдать свое поведение. Даже в «Время невежества» (norance) бракосочетание с женой приемного сына даже после его смерти считалось инцестом. Пророк Мухаммед влюбился в законную жену своего приемного сына Зейда, убедил его развестись с ней и сразу же женился на ней; для этого у него тоже было «особое откровение». Но Мухаммед не только нарушил старые арабские законы и бесконечно отступил от закона Христа, он даже никогда не соблюдал законы, которые, по его утверждению, были ему даны Богом и которые он должен был хранить. Когда умерла Хадиджа, он обнаружил, что его собственный закон, каким бы слабым он ни был, недостаточен, чтобы сдержать его похоть. Его последователи должны были довольствоваться четырьмя законными женами; он же позволил себе десять и вступил в переговоры о браке с тридцатью другими.

Невозможно составить справедливую оценку характера Мухаммеда, если мы не знаем ничего о его отношениях с женщинами. Однако эта тема по необходимости скрыта от приличного рассмотрения из-за чрезмерной жестокости и грязи ее характера. Недавний автор статьи в миссионерском журнале, затрагивающей эту тему, пишет: «Мы должны пройти мимо этого вопроса, просто отметив, что в характере Пророка есть глубины грязи, которые вполне могут соотноситься с развращенной чувственностью большинства его последователей... но которые просто отвратительны в глазах всех, на кого в той или иной степени влияет христианство». Мы не имеем никакого желания приоткрывать завесу, которая в большинстве английских биографий покрывает семейную жизнь пророка Аравии. Но справедливо заметить, что эти любовные приключения и отвратительные подробности его семейной жизни составляют значительную часть «жизни пророка Бога», которая является домашней литературой образованных мусульман.

Что касается карьеры Мухаммеда после хегиры, или бегства из Мекки (622 г. н. э.), то краткого резюме достаточно, чтобы показать, каким духом он был одушевлен. По его приказу и под его руководством мусульмане подкарауливали караваны и грабили их; первые победы ислама были победами разбойников и грабителей. Асма, поэтесса, которая критиковала характер Мухаммеда, была жестоко убита во сне Омейром, и Мухаммед похвалил его за этот поступок. Точно так же Абу Афик, еврей, был убит по просьбе Мухаммеда. История массового убийства еврейских пленников также является темным пятном на характере пророка, который всегда говорил о «Милосердном и Сострадательном». После победы на рыночной площади были вырыты рвы, и один за другим мужчины-пленники были обезглавлены на краю рва и брошены в него. Резня длилась весь день, и для ее завершения потребовался свет факелов. После наступления темноты Мухаммед утешился с Риханой, еврейской пленницей, которая отказалась выйти замуж и принять ислам, но стала его рабыней. Неудивительно, что вскоре после этого Зейнаб, потерявшая в бою отца и брата, попыталась отомстить за свой народ, пытаясь отравить Мухаммеда.

На седьмой год хиджры Мухаммед отправился в Мекку и учредил мусульманское паломничество на все времена. В следующем году он снова отправился в Мекку во главе армии из 10 000 человек и взял город без сражения. За этим последовали другие походы, и вплоть до дня, почти до часа своей смерти пророк планировал завоевания с помощью меча. Это кровавая история от года хиджры до конца халифатов. Тот, кто читает ее в томах Мьюира, не может не почувствовать печального контраста между ранними днями ислама и ранними днями христианства. Зародыш всех *завоеваний мечом* следует искать в жизни и книге Мухаммеда. Оба освящают резню во имя Аллаха. Преемники Мухаммеда были не менее безжалостны, чем сам пророк.

До сих пор мы рассматривали Мухаммеда с критической точки зрения и излагали факты. Но Мухаммед из истории и Мухаммед из современных мусульманских биографий — это два разных человека. Даже в Коране Мухаммед является человеком, способным к ошибкам. Традиция изменила все это. Теперь он безгрешен и почти божественен. Двести одно имя, данное ему благочестивыми верующими, провозглашает его апофеоз. Его называют Светом Божьим, Миром Мира, Славой Веков, Первым из всех Существ и еще более возвышенными и кощунственными именами. Он одновременно является запечатлевателем и сокрывателем всех прежних пророков и откровений. Они не только были превзойдены, но и вытеснены Мухаммедом. Ни один мусульманин не молится ему, но каждый мусульманин ежедневно молится за него в бесконечном повторении. Он единственный могущественный заступник в день суда. Каждая деталь его ранней жизни окружена фантастическими чудесами и чудесами, доказывающими его божественное предназначение. Даже зло в его жизни приписывается божественному разрешению или повелению, и поэтому сами признаки его характера являются его бесконечной славой и знаком превосходства. Бог предпочел его всем творениям. Он обитает в высшем небе и на несколько ступеней выше Иисуса по чести и положению. Его имя никогда не произносится и не пишется без добавления молитвы. «Я Мухаммед» — это «сезам» для каждой двери трудностей, временных или духовных. Это имя слышно на базаре и на улице, в мечети и с минарета. Моряки поют его, поднимая паруса; *носильщики* стонут его, поднимая груз; нищие воют его, чтобы получить милостыню; это крик бедуинов при нападении на караван; оно убаюкивает детей как колыбельная; это подушка больных и последнее слово умирающих, оно написано на дверных косяках и в их сердцах, а также с вечности на троне Бога, для набожного мусульманина это имя выше всех имен; грамматисты могут рассказать вам, как его четыре буквы своим чудесным сочетанием олицетворяют все науки и тайны. Имя Мухаммеда — лучшее имя для ребенка и лучшее имя, клянясь которым можно положить конец любому спору в напряженных переговорах.

Чрезмерная честь, которую оказывают имя Мухаммеда его последователи, — лишь *одно* из проявлений того места, которое их пророк занимает в их системе и в их сердцах. Из полноты сердца говорят уста. Мухаммед держит ключи от рая и ада. Ни один мусульманин, каким бы плохим ни был его характер, не погибнет в конце концов; ни один неверующий, каким бы хорошим ни была его жизнь, не может быть спасен ех , кроме как через Мухаммеда. Достаточно только опросить мусульманские массы или прочитать один том традиций, чтобы подтвердить эти утверждения.

Ислам отрицает посредника и воплощение, но «История еврея» и подобные рассказы ставят Мухаммеда на место посредника без воплощения, без искупления, без святости. Наш анализ мусульманского вероучения показывает, как все позднее учение, которое так возвышало Мухаммеда, было заложено в зародыше. *«Ла илаха илла* Аллах» — это теология, *«Мухаммед эр расул* Аллах» — полная сотериология ислама. Логическая необходимость совершенного посредника лежала в основе *доктрины Традиции*. Ислам, как он утверждает, имеет совершенное откровение в букве Корана и совершенный пример в жизни Мухаммеда. Поток не поднялся выше своих истоков.

Книга ислама. Когда Мохаммед Уэбб, последний американский защитник ислама, выступил на Чикагском парламенте религий с похвалой Корана и его учения, преподобный Джордж Э. Пост, доктор медицины из Бейрута, счел достаточным ответом позволить книге говорить самой за себя. Он сказал: «Я держу в руках книгу, к которой 200 миллионов человек никогда не прикасаются немытыми руками, книгу, которую никогда не носят ниже пояса, книгу, которую никогда не кладут на пол, книгу, каждое слово которой для этих 200 миллионов человек считается прямым словом Бога, ниспосланным с небес. Я предлагаю без комментариев прочитать вам несколько слов из священной книги, а потом вы сможете высказать свои собственные комментарии по поводу них». Процитировав несколько стихов, чтобы показать, что Мухаммед проповедовал религию меча и многоженства, он добавил: «Есть одна глава, которую я не смею прочитать вам, мои сестры, матери и дочери. Я не имею смелости прочитать ее; я не хотел бы читать ее даже в собрании мужчин. Это шестьдесят четвертая глава Корана».

Что это за книга, это откровение Мухаммеда, части которой непригодны для чтения перед христианской аудиторией и которая, тем не менее, слишком свята, чтобы к ней прикасались руки, кроме мусульманских? Книга, которую ортодоксальные мусульмане считают несотворенной и вечной, всеобъемлющей и непревзойденной, чудесной по своему происхождению и содержанию. Книга, о которой сам Мухаммед сказал: «Если бы Коран был завернут в кожу и брошен в огонь, он не сгорел бы». Гете описал ее так: «Как бы часто мы ни обращались к ней, сначала вызывая у нас каждый раз новое отвращение, она вскоре привлекает, поражает и в конце концов вызывает наше почтение. Ее стиль, в соответствии с ее содержанием и целью, суров, величественен, ужасен — и то и дело поистине возвышен. Таким образом, эта книга будет продолжать оказывать сильнейшее влияние на протяжении всех веков». А Нёльдеке пишет: «Если бы не изысканная гибкость и сила самого арабского языка, которые, однако, следует приписывать скорее эпохе, в которой жил автор, чем его индивидуальности, вряд ли было бы возможно перечитать поздние части Корана во второй раз». Гете читал только перевод, а Нёльдеке владел оригиналом. Достичь единодушного вердикта в отношении Корана так же безнадежно, как прийти к соглашению в отношении Мухаммеда.

Книга имеет пятьдесят пять благородных названий, которые используют ее читатели, но обычно *ее* называют *Кораном* или «Чтением». Она состоит из ста четырнадцати глав, некоторые из которых по длине сравнимы с книгой Бытия, а другие состоят всего из двух-трех

предложений. Вся книга меньше Нового Завета, не имеет никакого хронологического порядка и лишена логической последовательности или кульминации. Первое, что бросается в глаза читателю, — это ее беспорядочный характер; всевозможные факты и вымыслы, законы и легенды смешаны в одном месте. Четыре предложенных хронологических порядка ( ) — Джорлал-уд-Дином, Мьюиром, Родвеллом и Нёльдеке — полностью расходятся между собой. Во всей книге упоминаются только два современника Мухаммеда, а его собственное имя встречается всего пять раз. Без комментариев книга непонятна для среднестатистического мусульманина, и я бросаю вызов любому другому человеку прочитать ее без помощи примечаний и понять хотя бы одну главу или даже раздел.

Мы не будем останавливаться на сказочном рассказе мусульман о происхождении Корана и о том, как были ниспосланы различные главы. Хотя мусульмане утверждают, что книга была вечно совершенна по форме и хранилась на небесах, они вынуждены признать, что она была ниспослана по частям, в разное время и в разных местах Мухаммедом своим последователям. Она была записана в письменной форме, по грубому арабскому обычаю, «на пальмовых листьях, овечьих костях и белых камнях» в некоторой степени; но в основном она сохранялась в устной форме путем постоянного повторения. Омар предложил Абу-Бекру после битвы при Йемаме, что, поскольку многие из тех, кто читал Коран, были убиты, было бы мудро зафиксировать книгу Бога в постоянной форме. Эта задача была поручена Заиду, главному секретарю Мухаммеда, а полученный в результате том был передан на хранение Хафсе, одной из вдов пророка. Десять лет спустя халиф Османом было приказано провести рецензию Корана, и все предыдущие копии были отозваны и сожжены. Эта рецензия Османа, разосланная во все главные города мусульманского мира, была верно передана до наших дней. «Ни одна другая книга в мире не сохранилась в течение двенадцати веков с таким чистым текстом» (Хьюз). В настоящее время существует множество вариантов арабского Корана, но ни один из них не имеет какого-либо значения. Нынешний Коран — это та же самая книга, которую Мухаммед утверждал, что получил от Бога. Мы будем судить эту книгу по ее собственным словам, и мы не можем судить книгу, не судя пророка.

Позже мы поговорим о поэтической красоте Корана и его литературном характере. Мы также не отрицаем, что в Коране есть определенные моральные достоинства, такие как глубокая и горячая вера в единого Бога, возвышенные описания Его всемогущей силы и вездесущности, а также его сентенциальная мудрость. Примерами тому являются первая глава и стих о троне.

- «Во имя Бога, Милостивого, Милосердного.
- Хвала Богу, Господу всех миров!
- Милостивого, Милосердного!
- Царь в Судный день!
- Тебя мы поклоняемся и Тебя мы призываем на помощь!
- Направь нас на прямой путь!
- Путь тех, кому Ты благоволишь!
- Не тех, на кого Ты прогневался, и не тех, кто сбился с пути».

«Боже! Нет Бога, кроме Него; живого, вечного

Сон не одолевает Его, и дремота не одолевает Его.

Ему принадлежит все, что есть на небесах и на земле.

Сохранение обоих не является для Него утомлением.

Он — Высокий, Могущественный».

Большая часть Корана является либо законодательной, либо легендарной; книга состоит из законов и рассказов. Первые относятся исключительно к темам, которые интересовали арабов в дни Мухаммеда — законы наследования, отношения между полами, закон возмездия и т. д. — и эта часть книги носит местный характер. С другой стороны, истории восходят к Адаму и патриархам, включают в себя нескольких неизвестных арабских пророков или лидеров, сосредоточены вокруг Иисуса Христа, Моисея и Соломона и не выходят за пределы еврейской территории, за исключением упоминания Александра Македонского и Лукмана (Эзопа).

Из аналитических таблиц несложно понять, откуда был взят материал для Корана. Книга раввина Гейгера, недавно переведенная на английский язык, убедит любого читателя в том, что Хьюз почти прав, когда говорит: «Мусульманство — это просто талмудический иудаизм, адаптированный к Аравии, плюс апостольство Иисуса и Мухаммеда». Но это *талмудический* иудаизм, а не иудаизм Ветхого Завета. Ибо Коран примечателен прежде всего не своим содержанием, а своими упущениями. Не тем, что он раскрывает, а тем, что он *скрывает* из «прежних откровений». Недостатков в его учении много. Он полон исторических ошибок и промахов. В нем есть чудовищные басни. Он учит ложной космо могонии. Он полон суеверий. Он увековечивает рабство, многоженство, религиозную нетерпимость, изоляцию и унижение женщин и окаменение социальной жизни. Но все это имеет второстепенное значение по сравнению с тем фактом, что Коран, провозглашающий себя *откровением* от Бога, не учит пути примирения с Богом и, кажется, игнорирует первое и великое препятствие для такого примирения, а именно: ГРЕХ. Об этом постоянно говорят Ветхий и Новый Заветы. Грех и спасение — это тема, которой полны *Тора*, *Забур* и *Инджил* (Закон, Пророки и Псалмы). Коран молчит или, если не молчит абсолютно, то держит этот великий вопрос всегда на втором плане. [62]

В теологии общепринято, что «формирование ошибочных представлений о грехе ведет к еще более серьезным ошибкам в отношении пути спасения». Мухаммед, как видно из всей его жизни, не имел глубокого убеждения в грехе в себе самом; он был полон самоправедности. Его представления о Боге также были *физическими*, а не *моральными*; он видел силу Бога, но никогда не видел Его святости. Итак, мы видим, что существует внутреннее единство, связывающее пророка и его книгу в отношении их реального характера в свете Евангелия. С *такими* представлениями о Боге, *таким* пророком и *такой* книгой легко понять, почему мусульманский мир стал таким, каким он является сегодня. Эти обрывочные очертания системы ислама — все, что необходимо для указания на его природу и род. Характер Аллаха как откровителя, характер Мухаммеда как проводника откровения и само откровение показывают нам ислам в его зачаточном состоянии.

XIX
ВАХАБИТСКИЕ ПРАВИТЕЛИ И РЕФОРМАТОРЫ

«Ничто не так легко оценить, как истинную христианскую торговлю. Это убедительный аргумент даже для самых низших дикарей в пользу Евангелия истины и любви, и тем более для рас, избалованных ложной цивилизацией». — *Директор Кэрнс*.

История Аравийского полуострова до сих пор не написана. Многие книги описывают определенные периоды его истории со времен ранних арабских правителей, но нет ни одного тома, который рассказывал бы историю с самого начала так, как того заслуживает этот предмет. Было бы интересно найти самые ранние записи и проследить происхождение династий химьяритов; узнать историю еврейских иммигрантов, которые поселились в Медине, Мекке и Йемене еще до нашей эры; проследить за арабами в их завоеваниях под знаменем пророка; наблюдать за внезапным подъемом карматитов и следить за их разрушительной деятельностью; исследовать старые библиотеки и заново открыть для себя романтическую историю португальцев, голландцев и англичан в арабских водах; но наше пространство ограничивает нас историей прошлого века.[63]

Чтобы понять нынешнюю политическую ситуацию и новейшую историю Аравии, мы должны вернуться к 1765 году, который ознаменовал подъем замечательного движения ваххабитов, лежащего в основе всех политических изменений, которые произошли на полуострове с тех пор. Это движение было возрождением ислама, хотя и закончилось явной катастрофой и с политической точки зрения было великолепным фиаско. Реформа ваххабитов привлекла внимание Турции к Аравии; ее влияние ощущалось в Индии до такой степени , что было объявлено *джихад*, или религиозная война, против правительства, и Англия была вынуждена изучить ситуацию и отправить представителей в самое сердце Аравии.

Начиная с династии ваххабитов, история прошлого века в Аравии сосредоточена на правителях Неджда и Омана, турецких завоеваниях и английском влиянии и оккупации. Сильное независимое правительство Неджда под руководством Ибн Рашида и его преемника Абд-уль-Азиза было бы невозможно без движения ваххабитов, продемонстрировавшего слабость турецкого правления. И именно из-за страха перед агрессией ваххабитов Турция укрепила свои владения в Аравии и вторглась в Хассу.

Мухаммед бин Абд-уль-Вахаб родился в Айне в Неджде в 1691 году. Его отец тщательно обучал его принципам ислама в соответствии с школой Хамбали, самой строгой из четырех великих сект[64]. Абд-уль-Вахаб посещал школы в Мекке, Бусре и Багдаде, чтобы углубить свои знания. В Медине он также впитал в себя глубочайшие знания мусульманских богословов и погрузился в изучение «шести правильных книг» традиций. Во время своих путешествий он наблюдал, как особенно среди турок и арабов крупных городов проникла небрежность в вере и практике. Он пытался провести различие между основными элементами ислама и более поздними дополнениями, некоторые из которых, по его мнению, имели оттенок грубого идолопоклонства и мирского уклада. Больше всего его строгий монотеизм оскорбляло почти всеобщее посещение святынь, призывы к святым и почитание могилы Мухаммеда. Использование четок, драгоценностей, шелка, золота, серебра, вина и табака было для него отвратительным и недопустимым. Все это свидетельствовало о большой необходимости реформ. Раннее учение сподвижников пророка было отброшено или заменено более поздним учением. Даже четыре ортодоксальные школы отклонились от чистой веры, разрешив паломничество в Медину, умножив количество праздников и философствуя о природе Аллаха. Поэтому Абд-уль-Вахаб не только проповедовал реформу,

но и провозгласил себя лидером новой секты. Его учение было основано на Коране и ранних традициях.

Это движение в основном отличается от ортодоксальной системы в следующих аспектах:

- 1. Вахабиты отвергают *Иджму,* или соглашение более поздних толкователей.
- 2. Они не молятся пророку, вали или святым и не посещают их могилы с этой целью.
- 3. Они говорят, что Мухаммед *еще не* является заступником, хотя в последний день он им станет.
- 4. Они запрещают женщинам посещать могилы умерших.
- 5. Они разрешают только четыре праздника: *Фитр*, *Азха*, *Ашура* и *Лайлат Эль-Мобарек*.
- 6. Они не празднуют день рождения Мухаммеда.
- 7. Они используют костяшки пальцев для подсчета молитв, а не четки.
- 8. Они строго запрещают использование шелка, золотых и серебряных украшений, табака, музыки, опиума и всех восточных роскошеств, за исключением духов и женщин.
- 9. Они имеют антропоморфные представления о Боге, строго буквально интерпретируя тексты Корана о «Его руке», «сидении» и т. д.
- 10. Они считают, что *джихад*, или религиозная война, не устарел, а является обязанностью верующего.
- 11. Они осуждают минареты, надгробия и все, что не использовалось в первые годы ислама.

Нет сомнений в том, что Абд-уль-Вахаб искренне пытался провести реформу и что во многих из перечисленных пунктов его реформа была строго возвращением к первоначальному исламу. Но она была слишком радикальной, чтобы просуществовать. Она не учитывала современную цивилизацию и десять веков, которые изменили сам характер арабов городов, не говоря уже о тех, кто жил за пределами Аравии. Тем не менее, проповеди реформатора нашли отзывчивые уши в изоляции пустыни. Как и во времена Омара, обещание реформы в религии было привлекательным благодаря обещанию богатой добычи тем, кто сражался на пути Аллаха и уничтожал поклонников творений. Проповедником был Мухаммед Абд-уль-Вахаб, но для распространения своей доктрины ему нужен был меч. Мухаммед бин Сауд из Деръайи обеспечил его этим, и два Мухаммеда, связанные браком и общими амбициями, начали обращать в свою веру и завоевывать новые территории. Сын бин Сауда, Абд-уль-Азиз, был Омаром нового движения, а его сын Сауд даже превзошел отца в военном мастерстве и успешных завоеваниях. Абд-уль-Азиз был убит персидским фанатиком, когда он молился в мечети в Дерайе в 1803 году. В это же время Сауд продвигал завоевания ваххабитов до самых ворот Мекки. 27 апреля 1803 года он внес свое знамя во двор Каабы и начал очищать святое место. Кучи трубок, табака, шелка, четок и амулетов были собраны в одну большую кучу и подожжены разъяренными энтузиастами. Никаких излишеств по отношению к людям не совершалось, за исключением того, что им навязывали религию. Мечети были заполнены публичными «кнутами», которые без пощады применяли свои кожаные ремни ко всем ленивым или нерадивым. Все, к удивлению, молились пять раз в день. О результатах своей победы в Мекке бесстрашный Сауд сообщил в следующем наивном письме, адресованном султану Турции:

«Сауд Салиму — Я вошел в Мекку на четвертый день месяца Мухаррам в 1218 году по хиджре. Я сохранил мир с жителями. Я уничтожил все предметы идолопоклоннического поклонения. Я отменил все налоги, кроме тех, которые были предусмотрены законом. Я утвердил кади, которого вы назначили в соответствии с повелениями пророка Бога. Я желаю, чтобы вы дали приказ правителям Дамаска и Каира не приходить в священный город с *махмалом*[65],

трубами и барабанами. Религия не извлекает пользы из этих вещей. Да пребудут с вами мир и благословение Бога».

Отсутствие длинных приветствий и обычных фраз почтения характерно для всей ваххабитской переписки. В этом отношении это большое улучшение по сравнению с чрезмерным обилием титулов и почестей, столь обычным среди мусульман, особенно среди персов и турок.

До конца года Сауд отомстил за смерть своего отца, напав на Медину и разрушив позолоченный купол, покрывавший гробницу пророка. Еще в 1801 году группы грабителей-ваххабитов разграбили гробницу Хусейна и унесли богатую добычу из священного города Кербела. Согласно официальному описи, эта добыча состояла из ваз, ковров, драгоценностей, бесчисленного оружия; а также 500 позолоченных медных пластин с купола, 4000 кашемировых шалей, 6000 испанских дублонов, 350 000 венецианских серебряных монет, 400 000 голландских дукатов, 250 000 испанских долларов и большое количество абиссинских рабов, принадлежавших мечети.[66] Их набеги и завоевания распространялись во всех направлениях, так что за несколько лет власть ваххабитов стала господствующей в большей части Аравии.

Один пример покажет великую осторожность и быстроту действий великого Сауда[67]. Когда он вторгся на равнины Хаурана в 1810 году, хотя это было в тридцати пяти днях пути от его столицы, весть о его приближении опередила его прибытие всего на два дня, и никто не знал, какую часть Сирии он планировал атаковать, и тридцать пять деревень Хаурана были разграблены, прежде чем паша Дамаска смог предпринять какие-либо действия для защиты!

Тем временем Высокая Порта оставалась бездейственной, и ничего не было сделано для возвращения священных территорий. Считалось невозможным добраться из Дамаска в Мекку с большим отрядом солдат через вражескую территорию, где было мало провианта. Спасение ожидалось от Египта; надеялись, что экспедиция « » по морю сможет захватить Джидду и оттуда продвинуться на Мекку. Мухаммед Али начал подготовку в 1810 году, и летом 1811 года из Суэца была отправлена экспедиция под командованием его сына Тусона-паши. В октябре флот прибыл в Йенбо, и войска захватили город. Шерыф Мекки Галеб предал ваххабитов и вступил в переговоры с турецким командующим о сдаче города. В январе армия заняла Медину, но в Бедре войска были атакованы ваххабитами и полностью разгромлены.

На протяжении всей этой первой кампании жестокость и вероломство турок шокировали даже их бедуинских союзников. Ни одно из их обещаний не было выполнено; черепа убитых врагов были сложены в виде башни недалеко от Медины; шериф Галиб был предан и, в нарушение самых священных обещаний, взят в плен и депортирован; массовые убийства раненых и калечение убитых были обычным явлением.

Вторая армия под командованием Мустафы-бея продвинулась к Мекке и также захватила Таиф. Хотя пять городов Хиджаза теперь находились в руках турок, власть ваххабитов еще не была сломлена. Сам Мухаммед-Али-паша выступил из Египта с другой армией; ему было очень трудно обеспечить транспортировку и провизию. Наконец он высадил свои войска в Джидде и направился в Мекку, планируя атаковать Тарабу, великий центр ваххабитов на юге, так как Дерайя была столицей севера. Здесь враг собрался в большом количестве под руководством амазонской вождь, вдовы по имени Гхалье, которая правила арабами-бегумами. Среди турок она считалась колдуньей, и рассказы о ее умении и мужестве вселяли в них страх. Когда нападение было совершено, ваххабиты одержали победу и так измотали оккупационную армию, что в течение 1813 и в начале 1814 года она оставалась совершенно

бездействующей. Позже турки совершили морское нападение на Гунфиду, порт к югу от Джидды, и захватили его. Однако ваххабиты захватили колодцы, снабжавшие город- , совершили вылазку, и турецкие войска в панике бежали на свои корабли. Среди турецких войск возникло недовольство. Поставки продовольствия прекратились, а жалованье задерживалось. Мухаммед Али изменил свою тактику и попытался подкупить бедуинских вождей, чтобы они покинули ваххабитских лидеров. В это время турецкая армия насчитывала почти 20 000 человек, но кампания затягивалась без окончательной победы[68].

Самая большая битва произошла в Бисселе, недалеко от Таифа, где Мухаммед Али нанес ваххабитам сокрушительное поражение. За каждую голову ваххабита предлагалось шесть долларов, и к вечеру перед пашой ( ) было сложено 5000 окровавленных голов. Около 300 пленных были взяты в плен и получили пощаду. Но, достигнув Мекки, жестокий полководец приказал пятерых из них прибить к воротам города; двенадцать человек постигла такая же ужасная смерть в каждой из десяти кофеен, расположенных на пути между Меккой и Джиддой; остальные были убиты в Джидде, а их тела брошены на съедение собакам и стервятникам.

Но битва пошла против турок, когда они столкнулись с пустыней и ее ужасами. Голод, жажда, лихорадка и бедуинские разбойники атаковали лагерь. За один день погибло сто лошадей; солдаты были недовольны и дезертировали. Наконец, Мухаммед Али предложил мир Абдулле бин Сауду, вождю ваххабитов, и когда Сауд вошел в Касим с армией, переговоры были завершены и был объявлен мир. Но мир не был соблюден, и в августе 1816 года Ибрагим-паша, сын Мухаммеда-паши, был отправлен с большой экспедицией против ваххабитов.

В то время как Египет атаковал опорные пункты ваххабитов с запада, испытывая бесконечные трудности и получая сомнительные результаты, наибольший ущерб правительству ваххабитов нанесли британцы. В 1809 году английская экспедиция вышла из Бомбея против пиратских жителей их главного замка и гавани , Рас-эль-Хейма. Место было бомбардировано и превращено в пепел.

Ибрагим-паша достиг интригами и подкупом того, чего не смог добиться его отец силой оружия. После серии наступлений одно племя за другим отделилось от правительства ваххабитов. Наконец, без сражения была взята столица Дерайя, Абдулла был схвачен, отправлен в Константинополь и там публично казнен 18 декабря 1818 года.

Турки, естественно, ликовали по поводу своего успеха и думали, что покончили с ненавистными ваххабитами. Вскоре они поняли свою ошибку. Как только армия Ибрагима-паши была выведена, старый дух восстановил падшую империю с прежней силой фанатизма. Армия паш не могла управлять или даже оккупировать обширные территории, которые они захватили. В течение нескольких лет Турки, сын покойного эмира, был провозглашен султаном Неджда, вернул все и даже больше территорий своего отца и, благодаря разумной выплате небольшой дани и еще меньшей чести египетскому хедиву, сохранил трон до своего убийства в 1831 году. Его сын и преемник, Фейсул, взял бразды правления в свои руки и был достаточно опрометчив, чтобы отвергнуть египетский сюзеренитет. Неджд был вновь захвачен. Хофхуф и Катиф были временно оккупированы египетскими и турецкими войсками, а Фейсул был сослан в Египет[69].

Фейсул умер в 1865 году, вернувшись из изгнания в 1843 году и правив в одиночку и безраздельно все эти годы. Его сын Абдулла, который был регентом в последние годы жизни Фейсула , унаследовал трон. Но у него был соперник в лице его брата Сауда. Интриги, измены и насилие зарождались при дворе еще до смерти Фейсула. Кинжал и чашка кофе с

отравленным напитком всегда были излюбленным оружием для смещения и восстановления правителей Аравии. Между двумя братьями разгорелась длительная борьба. Сначала успех был на стороне Сауда, но Абдулла бежал в Турцию и обратился к этой державе за помощью, в результате чего экспедиция из Багдада закончилась официальной и постоянной оккупацией Эль-Хассы как турецкой провинции.

После смерти Сауда в 1874 году конфликт возобновился, но Абдулла в конечном итоге восстановил свое господство и правил в Эр-Рияде до 1886 года, когда произошли события, предвещавшие подъем другой силы в Неджде, основанной скорее на политических интригах и мече, чем на религии и фанатизме.

Когда эмир Турки был убит своим собственным двоюродным братом Мешари, а Фейсул вступил на престол, в армии в Эр-Рияде находился малоизвестный молодой человек из Хаила, Абдулла бин Рашид. Именно он проник в дворец, ударил ножом Мешари и помог Фейсулу восстановить власть своего отца. Его доблесть и верность были вознаграждены назначением его губернатором его родной провинции Шаммар; ему также была предоставлена небольшая армия для укрепления власти ваххабитов в этом регионе. Вскоре он стал почти таким же сильным, как его господин, и проявил себя как эксперт во всех интригах и уловках, доступных арабам. Он распространил свое личное влияние на все стороны, построил огромный дворец в Хаиле и победил всех, кто замышлял его уничтожение. Наемные убийцы преследовали его на улицах, но Абдулла избежал всех опасностей, и его звезда продолжала восходить. В 1844 году он внезапно умер, оставив после себя несбывшиеся амбиции и трех сыновей: Телала, Митааба и Мохаммеда. Телал, старший сын, был провозглашен правителем и был еще более популярен, чем его отец, и не менее успешен как правитель. Он укрепил свою столицу, пригласил туда проживать купцов из Бусры и Багдада и постепенно, но уверенно установил полную независимость от правителя-ваххабита в Эр-Рияде. Однако, мучимый внутренней болезнью, он застрелился в 1867 году. Его младший брат Митааб, который унаследовал престол, правил очень недолго и был убит своими племянниками, сыновьями Телала, в течение года. Тем временем третий сын Абдуллы бин Рашида, Мухаммед, был беженцем в столице Эр-Рияда. Но теперь его амбиции нашли свою возможность, и его истинный характер проявился. С разрешения эмира Абдуллы бин Фейсула он вернулся в Хаил. Он начал с того, что заколол своего племянника Бандера, который узурпировал трон; затем он убил пятерых оставшихся детей своего брата Телала и в 1868 году стал бесспорным эмиром в Хаиле. В течение следующих восемнадцати лет он укрепил свою власть. Его правление соответствовало арабскому духу — с железной рукой и щедрым гостеприимством, постоянными казнями и постоянными пирами.

Арабы в Бахрейне рассказывают множество почти невероятных историй о суровом правосудии Мухаммеда бин Рашида и быстром способе его исполнения, а также о его жестокости по отношению к тем, кто сопротивлялся его воле. В те дни меч публичного палача всегда был мокрым от крови; людей привязывали к верблюдам и разрывали на части; но пустынные дороги были повсюду безопасны, и грабители не встречали пощады. В качестве показателя его богатства и гостеприимства рассказывают, что он построил во дворе своего дворца каменную цистерну большого размера, которая всегда была наполнена лучшим из деликатесов бедуинов — топленым маслом (*дихн*). Ведро и веревка были под рукой, и масло раздавали так же свободно, как воду, почетным гостям великого правителя.

В 1886 году для Мохаммеда бин Рашида настал долгожданный момент, когда он смог завершить дело Телала. Он стремился не только к независимости от правителей Рияда, но и к тому, чтобы сделать Рияд, династию Саудов и все ваххабитское государство зависимыми от своего королевства Неджд. В том же году эмир Абдулла бин Фейсул был схвачен и заключен

в тюрьму двумя своими племянниками, один из которых узурпировал трон. Мухаммед, как верный подданный, отправился на помощь, сверг самозванца, но увез эмира в Хаил, оставив младшего брата в качестве своего заместителя. Великая империя Саудов фактически прекратила свое существование; отныне всей центральной Аравией правили зеленые и пурпурные знамена Рашида, а не красно-белые знамена ваххабитов.

Мухаммед бин Рашид проявил высочайшие дипломатические способности во всех своих отношениях с турками со дня своего прихода к власти и до самой смерти. Он потакал их тщеславию, заявляя о себе как о союзнике Порты; он платил небольшую ежегодную дань шерифу Мекки в знак признания султана. Но в остальном он никогда не любил турок, кроме как на большом расстоянии. Ни один из арабов внутренних районов не забыл вероломства, предательства и более чем арабской жестокости египетских паш в их походах.

В 1890 году сторонники старой династии предприняли последнюю попытку восстать против эмира и обеспечить независимость Рияда. Она оказалась безрезультатной, и тяжелое поражение повстанцев доказало ее окончательность. В 1897 году умер Мухаммед бин Рашид, и его преемник Абд-эль-Азиз бин Митааб теперь правит его обширными владениями. Он менее суров, но не менее способен, чем его прославленный предшественник.

XX
ПРАВИТЕЛИ ОМАНА

Прежде чем перейти к истории турок в Аравии, необходимо сказать несколько слов о правителях Омана — провинции, уникальной в Аравии своей изолированностью от всех других провинций в политическом плане. До появления португальцев в Персидском заливе (1506 г.) Оман на протяжении девятисот лет подряд управлялся независимыми правителями, называемыми имамами, которые избирались народом, а не по семейному происхождению. С того времени и до 1650 года португальцы оставались у власти в Маскате. В 1741 году Ахмед бин Саид, человек скромного происхождения, верблюдовод, благодаря своей храбрости стал губернатором Сохара, изгнал из Маската персов, сменивших португальцев, и основал династию, которая с тех пор правит Оманом. Еще в 1798 году Ост-Индская компания заключила договор с султаном Маската об исключении французов из Омана. Этот факт важен для понимания характера недавнего инцидента в Маскате.

Сейид Саид, правивший с 1804 по 1856 год, вел постоянную борьбу с ваххабитской властью, угрожавшей его территории. Вместе с Англией он вступил в войну против ваххабитских пиратов и заключил договоры в 1822, 1840 и 1845 годах о пресечении работорговли. После смерти Саида султанат Омана и Занзибар был разделен. Сейид Товани правил в Маскате, а его младший брат — в Занзибаре. Товани был убит в Сохаре в 1866 году. Его преемником стал его сын Салим, хотя его подозревали в отцеубийстве. Затем наступил период междуцарствия под властью узурпатора, пока в 1871 году на трон не вступил Сейид Турки, другой сын Саида. Его правление было отмечено непрекращающимися восстаниями. Однако он был дружелюбен к англичанам, и в ответ на отмену свободной торговли рабами между Африкой и Занзибаром английское правительство предоставило ему ежегодную субсидию в размере чуть более 6000 фунтов стерлингов. В 1888 году султан умер, и его преемником стал его сын Фейсул бин Турки. Его правление было мягким, из дворца в Маскате его влияние не было

далекоидущим; восстания, межплеменные войны и заговоры одного горного вождя против другого отмечают все годы его правления до настоящего времени. В феврале 1895 года произошло серьезное восстание бедуинов, в ходе которого арабы захватили город и разграбили его. Сам султан едва спасся и некоторое время был пленником в своей крепости, пока город находился в руках врага. Причиной беспорядков было разногласие по поводу размера ежегодной дани, которую некий шейх Салех из Самеда должен был платить правителю Маската. С ноября 1894 года повстанцы собирали оружие и усиливали свои ряды, пока 12 февраля следующего года не были готовы нанести желаемый удар. Поскольку этот эпизод был характерным для всех арабских войн, мы приводим краткий отчет о нем, присланный в то время жителем Маската в бомбейскую прессу:

«12 февраля Абдулла, лидер войск своего отца (шейха Салеха), с свитой из примерно 200 вооруженных бедуинов прибыл в Маскат в разрозненном и мирном порядке и получил аудиенцию у султана. Был произведен мушкетный салют, и никто не думал о нападении. Султан подарил вождю кошелек с 400 долларами и щедрую порцию риса, фиников, кофе и знаменитой мускатской «халвы» для его людей. Бедуинам, хотя они и были вооружены, разрешили приходить и уходить, когда им заблагорассудится, и никто не опасался нападения. Шейх Абдулла сам некоторое время сидел на базаре и принимал приветствия людей, которые целовали ему руку в знак уважения. Когда наступил вечер, султан попросил мужчин разбить лагерь за воротами, единственным способом входа и выхода через старые португальские стены. Хотя бедуины не выполнили эту просьбу, они заявляли, что у них только мирные намерения. В 8 часов вечера, когда по обычаю ворота были закрыты, по , возможно, половина бедуинов находилась внутри стен. Это был их троянский конь. Вскоре после полуночи ворота были атакованы, несколько обычных стражников были легко побеждены, и ворота были распахнуты для большого числа бедуинов, которые до этого момента скрывались в соседней мечети. И небольшие ворота, ведущие к базару, и более крупные ворота к западу от города были легко взяты, и бедуины продвинулись к дворцу султана, проникли внутрь и грубо разбудили султана и его семью. Сейиди Эсел после нескольких минут отважной борьбы (в ходе которой он застрелил двух нападавших) сбежал через небольшую дверь, выходящую к морю, и укрылся в одной из двух крепостей, которые контролируют город и гавань. Его брат сбежал в другую. Каждая из этих крепостей укомплектована силами примерно в пятьдесят человек и имеет несколько старых двенадцатифунтовых португальских пушек.

«Форты сразу же открыли огонь по дворцу, который теперь занимали бедуины. Бедуины захватили город, закрыв ворота и разместив вооруженных людей на базаре и улицах в ранние часы 13 февраля.

Было открыто несколько магазинов, в которых хранились мушкеты и боеприпасы, и их содержимое было разграблено. Дворец султана был полностью разграблен, а все его личное имущество было либо уничтожено, либо продано по любой цене. Из-за внезапности нападения лишь небольшое число солдат султана было готово к бою. Они укрылись в фортах и открыли огонь по бедуинским захватчикам как из пушек, так и из мушкетов. В течение трех дней мы были свидетелями необычного зрелища, когда султан бомбардировал свой собственный дворец; не было предпринято никаких попыток встретить повстанцев на улицах. По приказу капитана захватчиков часть города, населенная британскими подданными, не была захвачена. До вечера воскресенья ситуация оставалась примерно такой же. Атака с фортов продолжалась днем и ночью. Бедуины не отвечали на огонь, а оставались во дворце и на улицах, удерживая захваченное имущество, но не нападая на форты. Внутри города, хотя

он и находился во владении врага ( ), все было упорядоченно и спокойно. Невооруженным людям разрешалось свободно передвигаться, а на базаре были выставлены стражи, чтобы предотвратить грабежи. Обе стороны ожидали подкрепления. В понедельник утром из прибрежных городов прибыло около 1000 человек на помощь султану. Они разбили лагерь под фортом под командованием султана и около 8 утра напали на захватчиков, что стало настолько серьезной угрозой для британских подданных, что политический агент майор Дж. Х. Сэдлер приказал прекратить боевые действия с 13:00 до 20:00, давая британским подданным возможность укрыться в защищенной деревне Макалла. В 18 часов прибыло дополнительное подкрепление войскам султана, которые разбили лагерь под фортом, воздвигнув временные баррикады на улицах в нескольких выгодных точках. Основные силы бедуинов ждали подкрепления в за пределами Матрала, который, однако, все еще находился в руках султана. В 8 часов утра в понедельник из Бушира прибыл корабль H. M. S. Sphina, а в 2 часа дня — R. I. M. S. Lawrence.

Британские канонерские лодки, вопреки ожиданиям и надеждам населения Маската, не вмешивались в дело. Из дипломатических соображений они оставили султана сражаться самостоятельно, а когда повстанцы были наконец убеждены уйти, обременяли бедного султана большим счетом за ущерб, нанесенный британским подданным во время нападения.

В 1894 году в Маскате было открыто французское консульство; поскольку французы не вели никакой торговли в этой части мира, цель консульства была явно политической. О возникших интригах, предполагаемой продаже угольной станции Франции и отношении Великобритании к этому вопросу мы поговорим позже.

XXI
ИСТОРИЯ ТУРКОВ В АРАВИИ

«Никто не может путешествовать по Турции с открытыми глазами и не заметить, что ее правительство является проклятием для человечества. Страхи, вражда и сражения делают несчастными советы ее правителей. Они — кровопийцы, присосавшиеся к народу на всей территории ее владений, высасывающие из каждого и всех до последней капли крови, которую можно извлечь. Турция умело и систематически подавляет то, что христианские нации считают своим долгом воспитывать во всем человечестве как человечность. В ее городах есть великолепные дворцы для султанов и их фаворитов. Но тщетно искать в ее царстве статуи общественных благодетелей. Нет залов, где граждане могли бы собираться для обсуждения политики правительства или взаимных обязательств. Немногие газеты подвергаются цензуре со стороны правительства. Ни одна книга на любом языке не может пересечь ее границы без разрешения государственных чиновников, большинство из которых неспособны дать разумную оценку ее содержанию. Искусство презирается. Образование ограничено. Свобода — преступление. Сборщик налогов всемогущ. Закон — фарс. В Турции вместо общественных залов для образования народа есть тюрьмы. Инструменты пыток — стимул для их промышленности». — *The Congregationalist*, 8 апреля 1897 г.

Рассматривая историю турок в Аравии, мы начнем с Хиджаза, самой важной провинции Турции в Аравии, продолжим с Йемена, самой густонаселенной провинции, и закончим с вилайетами Месопотамии, которые были ее самыми богатыми владениями.

Обычно не понимают, насколько высоко султан ценит свои арабские провинции. Именно на них и только на них он может основывать свои притязания на титул халифа. Владение святыми городами в руках султана делает его главным мусульманским правителем; там его имя ежедневно благословляют в великих мечетях; в глазах всех паломников из всех частей мусульманского мира ( ) Турция является хранителем Каабы. Сколько тысяч мусульман ежедневно в мечетях Индии и Явы молят о благословении Абдул-Хамида халифа, который никогда не молился бы за Абдул-Хамида султана.

Мекка и Хиджаз в целом управлялись ранними халифами до 980 года н. э., когда они перешли под власть первого шерифа, Джафара.[70] При Сулеймане Великолепном (1520-1566) Османская империя достигла зенита своей мощи и величия; в то время Аравия также считалась владением Турции, и весь полуостров был включен в карты турецкой Азии ( ). Но, как мы видели, в начале нынешнего века настоящими правителями Аравии были ваххабиты, а не турки. Арабы никогда не относились благосклонно к турецкому правлению, но провинция Хиджаз, однажды вырванная из рук ваххабитов, с тех пор удерживается Высокой Портой. Заговоры и восстания были частыми, и шерифы сменяли друг друга, но крепость, возвышающаяся над Меккой, всегда имела сильный турецкий гарнизон, а паши жили в роскоши за счет народа.

Фактическое турецкое правление было провозглашено над всей Хиджазом в 1840 году. В то время Абд-эль-Муталиб был назначен Великим шерифом Мекки, но между шерифом и пашой постоянно возникали конфликты. Религиозный лидер святого города не хотел подчиняться политическому лидеру; антирабовладельческие законы, хотя и применялись очень слабо, вызывали беспорядки. Шериф был свергнут, и Мохаммед бин Аун был провозглашен правителем вместо него. 15 июня 1858 года убийство нескольких христиан в Джидде привело к конфликту между Англией и правителями Хиджаза. Джидда была подвергнута бомбардировке, и ворота святого города удерживались христианскими державами до тех пор, пока не была выплачена требуемая компенсация и наказаны убийцы. Следующим шерифом был назначен Абдулла. Во время его правления открытие Суэцкого канала ( ) значительно приблизило Турцию к Мекке и внушило религиозным фанатикам страх, что теперь христианские флоты будут атаковать все побережье Хиджаза! Ведь разве не везир Харуна аль-Рашида отговорил монарха от его плана прокопать канал, опасаясь, что тогда врата Священных городов станут слишком доступными для неверных?

Османское правительство внесло другие ужасы в тихую уединенность древнего города Мекки; Джидда была соединена с Красным морем кабелем; провод связывал мир с Меккой и позволял паше ежедневно общаться с Высокой Портой; впоследствии он был продлен до Таифа, и турки стали хозяевами своего собственного армейского корпуса, так что шерифы не могли действовать в тайне. Была даже попытка создать мекканский полк для войны с Россией.

В 1869 году вся сложная бюрократическая система была введена в Медине, Джидде, Мекке и Таифе. Абдулла был очень любим как шериф как арабами, так и турками; он был мягким и склонным к всевозможным компромиссам, так что ему удавалось угодить обеим сторонам, которые всегда находились в состоянии войны в Мекке. Его брат Хусейн унаследовал должность шерифа, но был убит в 1880 году. В том же году пожилой Абд-эль-Муталиб в третий раз стал шерифом и, хотя сначала был очень популярен, вскоре заслужил ненависть

консервативных мекканцев своей жестокостью и турок своей двуличностью. По просьбе жителей Мекки о его смещении, Османа-паша прибыл в Хиджаз и, хотя и не сместил пожилого шерифа, сумел перехитрить его в управлении городом. В 1882 году шерифом стал Аун-эр-Рафик, брат Хусейна. Конфликты между двумя властями усилились, и бедуинские племена воспользовались этим для всеобщего восстания. Рафик бежал в Медину и не мог вернуться до тех пор, пока Осман-паша не был смещен. С тех пор старая борьба продолжается.

Арабы в Хиджазе не любят турок и турецких правителей; бедуинские племена ненавидят сам вид красного феса « », а горожане измучены высокими налогами. Помимо милитаризма, с тех пор, как звезда и полумесяц замайорили над их крепостями, в обоих святых городах не произошло никаких общественных улучшений. «Носящие панталоны» турки считаются благочестивыми жителями Мекки немногим лучше «христианских собак». Разве они не ввели отвратительную карантинную систему вместо прежнего простого доверия к Аллаху? Разве они не согласились на проживание христианских консулов в Джидде? И что еще хуже, разве они не помешали свободному ввозу рабов и производству евнухов для жителей Мекки?

Следующий дословный перевод плаката, расклеенного повсюду в Мекке в конце 1885 года, может дать лучшее представление об отношениях, существующих между турками и арабами в колыбели ислама:

«И кто не правит в соответствии с откровением Аллаха, тот неверный» — *Коран*, 48.

«Знайте, жители Мекки, что этот проклятый вали намерен ввести турецкие законы в святом городе Аллаха, поэтому остерегайтесь лени и пробудитесь от сна. Не допускайте исполнения этих законов, ибо они лишь открывают дверь для дальнейшего законодательства. Нашим доказательством является то, что вали Османа-паша предложил свой план по разделению Мекки на четыре квартала и назначению трех чиновников для каждого квартала. Он представил этот план городскому совету, и когда они заявили, что это невозможно сделать в Мекке, проклятый ответил: «Мекка лучше Константинополя? Мы осуществим этот план силой». По этой причине, о мекканцы, была создана ассоциация под названием «Мусульманский клуб», и кто желает вступить в нее, пусть обращается с запросом. Цель ассоциации — убить этого проклятого вали и его начальника полиции. Кто не может присоединиться к нам, пусть выскажет свою жалобу перед Аллахом в святом доме, что общественная безопасность находится под угрозой, пока живет нынешний правитель. И этот проклятый вали также пытается обеспечить управление ежегодными поставками зерна из Египта. И помните также, как проклятый убил сыновей шерифа и его рабов и выставил их головы на всеобщее обозрение в Мекке. Что это за поступки? Они еще более жестокие, чем те, что были совершены в Зире. Так что тот, кто убьет этого человека, войдет в рай, не давая отчета. Цель разделения города и назначения шейхов для каждого квартала — не что иное, как предлог для введения новых налогов, как проклятый сам признался перед советом.

«Во имя

«Джемиат-эль-Исламие».

Те же люди, которые обещали рай убийце Османа-паши, восстали против его преемника Сафвета-паши и будут восставать до тех пор, пока характер мекканцев останется прежним. Те, кто мечтают, что турки сделают Мекку центром своей власти после падения Константинополя, не знают положения дел среди гордых фанатиков Хиджаза, которые никогда не позволят Мекке стать чем-то иным, кроме города шерифов. Что же касается бедуинских племен, то они шантажируют каждую каравану паломников и получают от

Константинополя значительные субсидии за поддержание мира. Джидда приходит в упадок, и паломнический трафик не так процветает, как десять лет назад. Даже в Хиджазе дни османского правления сочтены.

Между Хиджазом и Йеменом находится регион Асир. Его население с древнейших времен славится личной храбростью и мужеством. Горцы любят свободу; принадлежа к секте Заиди, они ненавидят суннитов. И эти две причины вместе взятые заставили их возненавидеть турок. Чтобы распространить османскую власть на юг и завоевать Йемен для Высокой Порты, необходимо было пройти через территорию арабов Асира. С 1824 по 1827 год турецкие войска провели шесть последовательных кампаний против храбрых горцев, но в каждом случае были отбиты с большими потерями. В 1833 и 1834 годах была предпринята повторная попытка; 21 августа последнего года произошло отчаянное сражение, в котором победу одержали турецкие войска. Но арабы собрались с силами, совершили вылазки на гарнизоны, царил голод, лихорадка унесла жизни многих, и в сентябре турки снова отступили, потерпев поражение. В 1836 году была предпринята последняя попытка завоевать Асир; она принесла еще большие потери, чем когда-либо прежде. По сей день весь регион между Таизом и Родой (в нескольких милях к северу от Саны) фактически независим, хотя на картах он обозначен как турецкий. Османские войска смело сражаются с йеменскими арабами у самых ворот Саны, но бледнеют, когда слышат о походе против отважных бедуинов Асира, которые сражаются с жестокостью американских индейцев и смелостью шотландских горцев.

История турок в Йемене очень современна. В 1630 году они были вынуждены эвакуироваться из Йемена арабами и не ступали в столицу до 1873 года. В 1871 году имам Йемена жил мирной, уединенной и чувственной жизнью, как восточный деспот, в дворце в Сане. Арабы считали его духовным султаном, он был великим, но бессильным сдержать грабежи и разбои многих племен, находившихся под его номинальной властью. Дела шли все хуже и хуже. Торговля почти прекратилась из-за нападений на караваны, отправлявшиеся к побережью. Купцы Саны, тихие и уважаемые арабы, видели перед собой только разорение и, думая исключительно о выгодах, которые принесет им такой шаг, пригласили турок занять их место. Они не проконсультировались с многочисленным сельским населением и не учли влияние турецкого правления на крестьянство, иначе турок пригласили бы с такой же сердечностью покинуть Йемен.

Туркам не нужно было долго уговаривать в это время, когда они укрепляли свое влияние в Месопотамии, расширяли свои завоевания в Хассе и пытались получить власть над бедуинами Хиджаза. Это вполне соответствовало их планам, и экспедиция сразу же выступила в поход. В марте 1872 года армия под командованием Ахмеда Мухтара-паши достигла Ходейды. 25 апреля армия в количестве двадцати тысяч человек вошла в Сану, и город открыл свои ворота без сражения. Завоевание страны продолжалось: одна часть войск была отправлена в район Каукебан к северу от Саны, другая — в южный район Анес, а еще одна — в Таиз и Моку. Завоевание юга было ограничено присутствием Англии в Адене. Когда турецкая армия продвинулась на территорию независимого султана Лахаджа, который имел договор с Англией, британский резидент в Адене отправил небольшой отряд артиллерии и кавалерии , чтобы оккупировать территорию Лахаджа. В результате представлений, сделанных в то же время английским правительством Высокой Порте, турецкая армия отступила в декабре 1873 года. В 1875 году племена, проживавшие на южной границе Йемена, подняли восстание против Турции, но оно было подавлено.

Когда армия захватила Сану, имам был свергнут, но ввиду его религиозного влияния на арабов ему было позволено остаться в городе и получать пенсию при условии, что он будет

действовать в интересах османского правления. Он выполнял это условие до самой смерти, после чего право первородства имама перешло к его родственнику Ахмед-эд-Дину, который также не прочь был получить честь арабов и деньги турок.

Сана получила определенную степень цивилизации, больший престиж и еще большее коммерческое процветание, чем в прежние времена. Что касается страны в целом, то она была разделена и подразделена на провинциальные округа и подокруга; крестьяне облагались налогами и снова облагались налогами; военные дороги строились принудительным трудом. Горные племена, которые во времена имама могли спокойно заниматься сельским хозяйством и гордились своей многовековой независимостью, теперь были чуть ли не рабами. Их разорили поборы, они ненавидели турок, чья религия отличалась от их собственной; недовольство тлело повсюду и было готово вспыхнуть. И это недовольство усиливалось из года в год, когда караванщики возвращались из своих долгих путешествий в Аден и рассказывали о величайшем чуде, о котором когда-либо слышали — о праведном правительстве и месте, где справедливость нельзя было *купить*, но она принадлежала каждому — даже чернокожим невежественным сомалийцам. Если вспомнить, что более 300 000 верблюдов с погонщиками ежегодно входят в Аден с севера, то можно понять, насколько широко распространилась эта новость. Я могу засвидетельствовать всемирную разницу между муниципальным правительством Адена и правительством столицы Йемена под властью турок, как я видел это в 1891 году. Когда турки обвинили Англию в разжигании недавних восстаний в Йемене , они были правы в той мере, что если бы йеменское крестьянство не видела благословенного союза свободы и закона в Адене, оно не стало бы восставать против турок.

Летом 1892 года отряд из 400 турецких солдат был отправлен, чтобы силой взыскать налоги с племени Бни Меруан, проживающего на побережье к северу от Ходейды. Турки были застигнуты врасплох большим отрядом арабов и почти полностью уничтожены. Везде, где доходили эти новости, люди поднимались на оружие. Давно убранные племенные знамена были развернуты, и крик «Да здравствует имам!» разносился по горам и долинам. Был провозглашен новый джихад, и Ахмед-эд-Дин был вынужден взять на себя руководство борьбой против турок. Когда началось восстание, у турок было всего около 15 000 человек во всем Йемене, и холера нанесла им огромный ущерб. Плохо питаемые, плохо одетые и не получавшие жалованья, плохо размещенные в дождливых и холодных горных деревнях, они, тем не менее, могли сражаться как бесы, когда их вели их командиры. Имам бежал из Саны, и через несколько дней столица была осаждена огромными силами арабов. Все города без крепостных стен легко пали жертвой повстанцев, Менаха была взята после короткой борьбы; Ибб, Джиблех, Таиз и Йерим все объявили о своей поддержке имама. Арабы после победы относились к своим врагам с уважением[71]; они кормили турецких пленных за счет имама, а во многих случаях давали солдатам деньги, чтобы те могли бежать в Аден.

Тем временем из Саны и Ходейды в Константинополь были отправлены телеграммы с просьбой о помощи. Весь Йемен, за исключением столицы и двух небольших городов на севере с Ходейдой на побережье, был в руках повстанцев. Экспедиция под командованием Ахмеда Фейзи-паши, бывшего губернатора Мекки, достигла Ходейды и, после бомбардировки деревень на побережье к северу от Ходейды, двинулась на помощь Сане. Без сопротивления армия достигла Менахи и взяла город штурмом; мушкеты и ружья с фитилем не могли противостоять полевым орудиям и обученным войскам. Примерно в тридцати милях от города была предпринята отчаянная попытка остановить армию помощи; в узком ущелье повстанцы под командованием Сейида эш-Шераи заняли свои позиции и в течение двенадцати дней сдерживали атаки кавалерии, пехоты и артиллерии; затем они

были оттеснены и отступили в горы. Быстрым маршем войска достигли Саны и взяли город. Был введен военный закон и произошла массовая расправа над пленными. За голову каждого повстанца была объявлена награда. Каждый день в Сану привозили верблюдов, груженных головами. Войскам было разрешено грабить деревни. В мире нет нации, которая могла бы так быстро подавить восстание, как турки, когда у них есть армия достаточного размера, но они категорически не хотят, чтобы кто-либо видел этот процесс.

К концу января 1893 года все города Йемена были отвоеваны, и главные дороги вновь открылись. Но дух восстания жил, и отважные горцы ушли в недоступные ущелья и на вершины, чтобы замышлять новые злодеяния. Были перерезаны телеграфные провода, на дорогах расстреливали солдат, и снова и снова предпринимались смелые попытки взорвать дом паши в Сане с помощью пороха. В 1895 году на севере произошло восстание. В 1897-98 годах весь Йемен снова поднялся на оружие, и неопределенные и противоречивые сообщения, доходящие до побережья, только подчеркивают серьезный характер восстания.

На карте и в официальных турецких отчетах границы Йемена соединяются с границами Хиджаза и простираются на многие мили *к востоку* от Саны. Это никогда не было и не является правильным. В двадцати пяти милях к северу и востоку от Саны нет никого, кто заботился бы о турецком паспорте или осмеливался бы собирать турецкие налоги.

Что касается будущего Турции в Йемене, то его трудно предсказать. Вместо того чтобы рисковать новыми восстаниями, султан может принять политику примирения. Но Йемен находится слишком далеко от Кон stantinople, чтобы им можно было управлять оттуда. Вымогательство — единственный способ для паши обогатиться, а для солдат — получить хлеб насущный, когда жалованье не выплачивается вовремя. Когда паша наполнит свои карманы, его преемник попробует сделать то же самое и потерпит неудачу. Восстания будут хроническим явлением в Йемене, пока Турция правит в Сане. Леопард не может изменить свои пятна.

Теперь мы обратимся к правлению турок в Северо-Восточной Аравии и в их недавно приобретенной провинции Хасса. Багдад был захвачен турками в 1638 году, и с тех пор этот город является столицей турецкой провинции. Нет необходимости вдаваться здесь в подробности о смене паш и правителей и попытках подчинить бедуинских арабов. В 1830 году великая чума поразила всю Месопотамию, и когда эпидемия достигла своего пика, река вышла из берегов, и за одну ночь погибло 15 000 человек. В 1884 году вилайет Бусра был отделен от Багдада и с тех пор остается под управлением собственного губернатора. В обеих провинциях функционирует весь аппарат османского правления. За исключением редких вспышек среди арабов-монтефиков, Турция без труда удерживает Месопотамию в своих руках. Она также не желает, чтобы эта богатая провинция даже мечтала о переходе под власть других правителей. В 1891 году в Турецком официальном вестнике был опубликован общий доход от налогообложения только в вилайете Багдад в размере 246 304 турецких фунтов.

Интересно отметить различные источники налоговых поступлений. Вкратце они включают: налог на арабские палатки, освобождение от военной службы, налог на овец, буйволов, верблюдов, налог на шахты (соль), налог на особые привилегии, налог на леса и древесину, налог на рыболовство, таможенные пошлины, налог на судоходство, ирригацию, усовершенствование сельского хозяйства; «поступления от судов» (3000 фунтов стерлингов налога на правосудие!) и, помимо всего этого, «различные налоги» и «различные доходы» для пополнения бюджета. Все это законное, обычное налогообложение. Но фактические

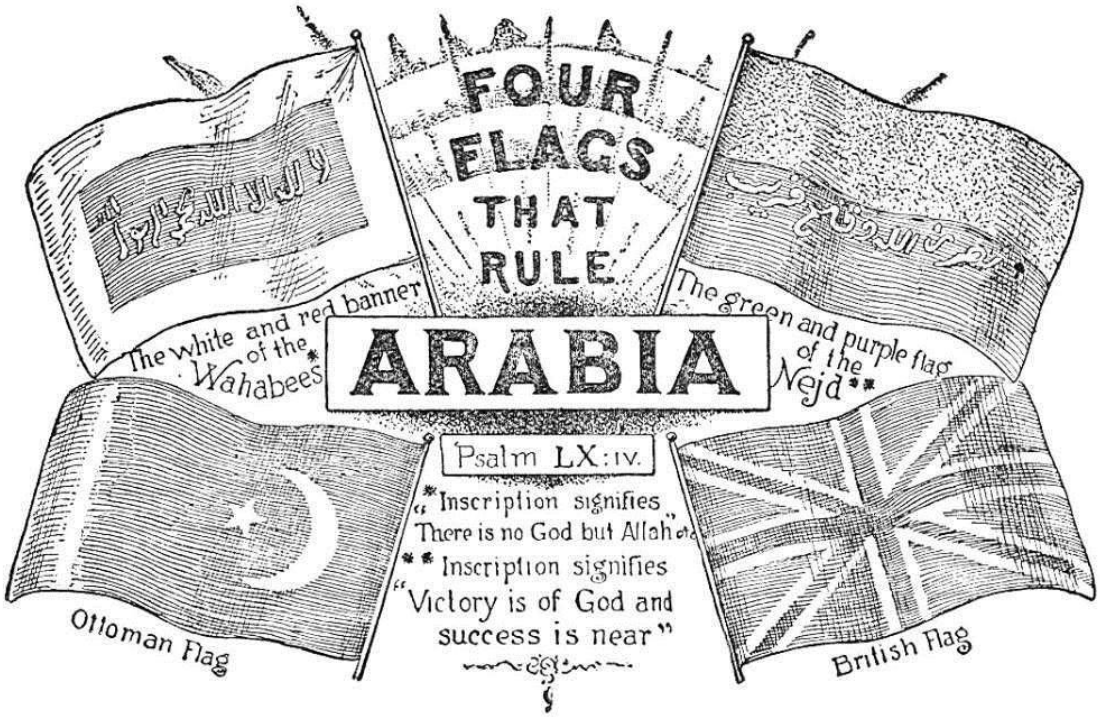
условия турецкого бесправия делали невозможным осуществление неотъемлемых прав «на жизнь, свободу и стремление к счастью» без постоянных взятков каждому чиновнику.

Население Месопотамии, мусульмане, евреи и христиане, полностью утомлено турецким бесправием, но никто не осмеливается поднять голос в знак протеста. Они привыкли к этому и не могут ничего другого, как терпеливо с этим мириться. Что касается кочевников, то они либо, как монтефики, поселились вдоль рек, чтобы возделывать землю и вести жалкое существование, либо, как племена анейза и шаммар, остаются столь же полностью независимыми от султана, как и в то время, когда они впервые появились на его территории.

Турецкая Аравия на севере на большинстве карт представлена правильной изогнутой линией, начинающейся от Персидского залива и заканчивающейся в заливе Акаба, но эта линия является чисто воображаемой. Турецкое правление не распространяется далеко на юг от берегов Евфрата, и вся пустынная область от Кербелы до Мертвого моря и Хаурана практически независима[72]. За пределами Багдада и Бусры даже речные города часто подвергаются угрозе со стороны кочевников, и турецкие солдаты часто вынуждены охранять речные пароходы от пиратов. Двести лет после оккупации страны военное правление по-прежнему в моде, а кочевники остаются кочевниками. Главнокомандующий шестым корпусом Османской армии проживает в Багдаде, и значительное число солдат занимает казармы в городе старых халифов.

В Турции все мусульмане старше двадцати лет подлежат призыву на военную службу, и эта обязанность продолжается более двадцати лет. Немусульмане платят ежегодный освобождающий налог в размере около шести шиллингов с человека. Армия состоит из *Низама (Nizam)* или регулярных войск, *Редифа (Redif)* или резервистов и *Мустаффуза* ( ) или национальной гвардии. Пехота должна быть вооружена винтовками Martini-Peabody, но в Месопотамии все еще используются старые модели. Жизнь турецкого солдата не вызывает зависти, и никто из них не пойдет добровольцем на государственную службу. Турецкий флот ( ) представлен в Персидском заливе и на реках одним или двумя крейсерами третьего класса и небольшой речной канонерской лодкой.

Результатом вмешательства Турции в ваххабитскую ссору между двумя сыновьями Фейсула стала оккупация Катифа и Хассы османским правительством. С тех пор (1872 г.) Хасса является частью вилайета Бусра, а паша, проживающий в Хофхуфе, носит титул мутасериф-паши Неджда. История оккупации Хассы отмечена постоянными беспорядками с арабами; караванные пути не так безопасны, как в владениях эмира Неджда; вся страна находится в упадке и страдает от отсутствия правительства; налогообложение жемчужников заставило многих из них уехать в Бахрейн; полуостров Катар оккупирован гарнизоном, но это не мешает постоянным кровным междоусобицам и сражениям между арабскими племенами. Османское правительство установило наземную почтовую службу между Хофхуфом и Бусрой, как между Багдадом и Дамаском, но оба маршрута небезопасны и медленны. Большинство купцов Хофхуфа пользуются услугами британской почты в Бахрейне, как и правительственные чиновники.



Четыре флага Аравии.

XXII
БРИТАНСКОЕ ВЛИЯНИЕ В АРАВИИ

«Англичане, — ответил старый арабский шейх, — похожи на муравьев: если один находит кусочек мяса, за ним следуют сотни». — *Эйнсворт*.

«Оман, действительно, можно по праву считать британской колонией. Мы субсидируем его правителя, диктуем ему политику, не должны терпеть никакого иностранного вмешательства. Я лично почти не сомневаюсь , что наступит время, когда над замками Маската будет развеваться британский флаг».

«Я бы расценил предоставление России каким-либо государством порта на Персидском заливе как умышленное оскорбление Великобритании, как беспричинное нарушение *статус-кво* и как международную провокацию к войне; и я бы подверг импичменту британского министра, виновного в согласии на такую сдачу, как предателя своей страны».

—*Лорд Керзон*, вице-король Индии.

Описывая отношения Англии с полуостровом, мы рассмотрим: ее арабские владения и протектораты; ее господство в арабских водах, ее торговлю с Аравией; ее договоры с арабскими племенами; и ее консульства и агентства в Аравии.

Из всех британских владений в Аравии Аден является самым важным из-за своего стратегического положения как ключа не только ко всему Йемену, но и к Красному морю и

всей Западной Аравии. Аден был посещен еще в 1609 году капитаном Шарки с корабля «Асценшн» Ост-Индской компании. Сначала его хорошо приняли, но потом заключили в тюрьму, пока жители не получили большой выкуп. Двое англичан с борта, отказавшиеся платить, были отправлены к паше в Сану. В 1610 году английский корабль снова посетил Аден, и экипаж подвергся вероломному обращению. В 1820 году капитан Хейнс из индийского флота « » посетил Аден, а в 1829 году Совет директоров рассматривал идею сделать Аден угольной станцией, но от этой идеи отказались. В результате надругательства над пассажирами и экипажем бугало, потерпевшего крушение недалеко от Адена, в 1838 году правительство Бомбея отправило туда экспедицию. Было решено, что полуостров Аден должен быть уступлен британцам. Однако переговоры были далеко не дружественными, и в январе 1839 года отряд из 300 европейцев и 400 местных солдат на кораблях «Волаж» и «Круизер» подверг место бомбардировке и взял его штурмом.

Это было первое новое присоединение территории во время правления королевы Виктории. Огромные суммы денег были потрачены на укрепление этого естественного Гибралтара и улучшение его гавани. Четыре раза арабы пытались захватить Аден с суши, каждый раз с ужасающими потерями и без успеха. С моря Аден неприступен; только посвященные знают о силе его молов, мин, фортов и других укреплений; и каждый год строятся новые укрепления и укрепляются старые. Аден стал крупным торговым центром и одним из главных угольных складов в мире. Он преграждает путь дальнейшему продвижению Турции в Южную Аравию, гарантирует независимость и хорошее управление всем соседним мелким государствам и является примером хорошего управления для всей Аравии и африканского побережья. Политически поселение подчиняется президентству Бомбея и управляется резидентом с двумя помощниками. С момента открытия Суэцкого канала торговля неуклонно растет, а турецкие таможенные поборы в Ходейде все больше и больше направляют караванную торговлю из всех частей Йемена в Аден.

Остров Сокотра и острова Курия-Мурия также присоединены к Адену, наряду с сомалийским побережьем в Африке. Сокотра имеет площадь 1382 квадратных миль и около 10 000 жителей. В 1886 году она перешла под британскую защиту по договору с султаном. Группа островов Курия-Мурия была уступлена британцам султаном Маската с целью прокладки кабеля через Красное море; островов пять, и на них имеются богатые залежи гуано ( ). Остров Камаран также относится к Британской империи. [73] Это небольшой остров в Красном море, в нескольких милях к северу от Ходейды; его длина составляет всего пятнадцать миль, а ширина — пять, на нем расположено семь небольших рыбацких деревень. Однако он имеет хорошую защищенную гавань и является карантинной станцией для всех мусульманских паломников, направляющихся на юг в Мекку.

Острова Бахрейн также входят в состав Британской империи, хотя Турция по-прежнему считает их своей собственностью, а местный правитель воображает, что он независим. «Нынешний вождь шейх Иса обязан своим троном исключительно британской защите, которая была установлена в 1867 году. Шейх Иса вновь был поставлен под британскую защиту в 1870 году, когда его соперники были депортированы в Индию». Политический резидент в Бушире контролирует управление островами в той мере, в какой это считается дипломатически целесообразным.

Остров Перим на южной оконечности Красного моря был захвачен в 1799 году Ост-Индской компанией, и из Бомбея была отправлена войсковая часть для гарнизона острова. Однако в то время он был признан непригодным для военных целей, и войска были выведены. Перим был вновь оккупирован в начале 1857 года. В 1861 году был построен маяк и постройки для постоянного гарнизона.[74]

Мы также можем считать владения Египта в Аравии практически находящимися под английской защитой. С момента британской оккупации полуостров Синай и побережье Красного моря на аравийской стороне, почти до самого Йембо, находятся под управлением генерал-губернатора Суэцкого канала.

Англия не только владеет ключевыми позициями на побережье Аравии, но и на протяжении многих лет удерживает морское превосходство во всех аравийских водах. Как голландцы сменили португальцев и основали торговые посты в Персидском заливе и на Красном море, так и Англия последовала за голландцами. В начале XVII века Ост-Индская компания была представлена в Адене и Моке, а в 1754 году Английская Ост-Индская компания обосновалась в Бундер-Риге, к северу от Бушера, а позже и в самом Бушире, вытеснив голландцев. Остров Карак на севере залива дважды занимали англичане, в 1838 и 1853 годах. После бомбардировки Бушира в 1857 году и Мохаммеры в том же году военные действия прекратились, и Карак был вновь эвакуирован. Остров Кишм, расположенный в южной части залива, на протяжении большей части нынешнего столетия был британской военной или военно-морской базой. Штаб индийской военно-морской эскадры сначала находился в Эль-Кишме, затем в Деристане и, наконец, в течение многих лет в Бассадоре. В 1879 году из-за нездорового климата последняя рота сепоев была выведена в Индию. Но остров в некотором смысле по-прежнему считается британским. Еще в 1622 году персы и британцы изгнали португальцев из Ормуза и вскоре после этого вместе с голландцами и французами основали торговые фактории в Гомбруне (ныне Бундер-Аббас). В 1738 году Английская компания открыла агентство в Бусре, и большая часть ее бизнеса в Персидском заливе была перенесена в этот порт. С 1869 года в Джаске работает телеграфная станция с шестью английскими служащими; здесь сходятся наземные и морские линии индоевропейского телеграфа, соединяя Индию с Персидским заливом.

С 1822 года Султанат Оман поддерживает самые тесные отношения с британским флотом. В несколько критических периодов истории Омана именно Великобритания помогала урегулировать государственные дела. В 1861 году британский комиссар выступил арбитром между двумя претендентами на власть в Маскате и Занзибаре, которые тогда составляли одно королевство, и разделил султанат. С 1873 года султан Маската ежегодно получает субсидию от британского правительства. Недалеко от мыса Мусендум, на аравийской стороне залива, британцы когда-то занимали место под названием Малкольмс-Инлет, когда в 1864 году прокладывали телеграфный кабель от Карачи до залива. Пять лет спустя оно было перенесено в Джаск. С 1805 по 1821 год британские военно-морские силы ( ) вели боевые действия с пиратами Персидского залива, и с тех пор пиратство в этих водах прекратилось[75]. Британское военно-морское превосходство установило мир в Бахрейне и с 1847 года защищает местное правительство ( ). Когда в 1867 году местный правитель, «хитрый старый лис», как его называет Керзон, нарушил договор, бомбардировка Менамы стала еще одним доказательством британского морского превосходства. Кувейт в течение некоторого времени (1821-22) был штаб-квартирой британского резидента в Бусре; и, будучи полунезависимым от Турции, теперь становится полностью зависимым от Англии — еще одно свидетельство британского морского превосходства. Даже в Фао, Бусре и Багдаде британские канонерские лодки часто поддерживают мир или, по крайней мере, подчеркивают свою власть. Одним словом, Великобритания держит в руках весы правосудия для всего побережья Персидского залива. Она гарантирует *pax Brittanica* для торговли, она научила арабские племена, что грабежи и разбои — не безопасная религия; там, где они когда-то бороздили море на работорговых дау и пиратских судах, теперь они занялись сушкой рыбы и добычей жемчуга. Для достижения этой цели Англия потратила много как денег, так и человеческих жизней. Свидетельством тому служат могилы британских солдат и

морских пехотинцев во многих портах Персидского залива. Свидетельство постороннего наблюдателя приводится в недавней статье в *Cologne Gazette*, в которой так описывается политическое и военно-морское превосходство Англии в Восточной Аравии и Персидском заливе:

«Скрытый протекторат над Оманом и контроль над действиями султана Маската; фактический протекторат над Бахрейном; угольная станция на острове Кишм в Ормузском проливе; присутствие политического резидента в Бушире, который с помощью ассоциации под названием «Лига перемирия» разрешает все споры между турецкими, арабскими и персидскими вождями в Персидском заливе... Эта лига дает англичанам постоянный повод для вмешательства; цель поддержания мира и охраны порядка в заливе является лишь прикрытием... Все события в Персидском заливе, какими бы несвязанными они ни казались, на самом деле зависимы друг от друга через Лигу перемирия. Это запутанный клубок ненависти и ревности, нити которого соединяются в руках резидента в Бушире... Россия проявляет совершенно непонятное безразличие, учитывая ее интерес к этим делам. Можно привести множество примеров, когда английские агенты наносили ущерб интересам России, не встречая никакого сопротивления. Российский консул в Багдаде оттеснен на второй план активностью своего британского коллеги. Южная Персия, Персидский залив, Восточная Аравия и Оман полностью попали в сферу влияния Англии. Это положение дел не было официально утверждено, но существует как факт. Оно будет сохраняться до тех пор, пока не произойдут какие-то изменения, восстанавливающие надлежащий баланс. А пока англичане являются хозяевами положения. Они настолько привыкли управлять всем Персидским заливом, что при малейшем событии, которое они не предвидели или не организовали сами, полностью теряют самообладание».

Но господство Англии в Персидском заливе и на других побережьях Аравии обусловлено не только канонерскими лодками и порохом. Прежде всего, она установила и упрочила свою власть на аравийском побережье благодаря искусству мира. Нельзя забывать, например, что великолепные съемки всего 4000 миль аравийского побережья были выполнены британскими и индийскими морскими офицерами; благодаря этим съемкам, выполненным с большими затратами, была оказана помощь торговле и обеспечена безопасность судоходства в опасных водах к востоку и западу от Аравии. Англия также является единственной державой, которая установила маяки, *например*, в Адене, Периме, в Красном море и недавно на Сокотре. Англия проложила кабели, опоясывающие Аравию: от Индии до Бушера и Фао, соединяющиеся с турецкой наземной телеграфной системой; от Адена до Бомбея и от Адена до Суэца через Красное море. Эти кабели были проложены не за один день, а с большими затратами и несмотря на сопротивление тех самых правительств, которым они должны были принести пользу.

Опять же, в Аравии есть две почтовые системы и только две. В турецкой провинции Йемен есть еженедельная почта между столицей и главными городами на побережье; в Хиджазе есть почта в Мекку; а в Месопотамии и Хаса есть еще одна турецкая почтовая система, известная своей медлительностью и ненадежностью. В остальном вся Восточная и Южная Аравия зависит от индийской почтовой системы; во всей внутренней части страны нет ни почтовых отделений, ни почтальонов. Правительство Индии имеет почтовые отделения в Маскате, Бахрейне, Фао, Бусре и Багдаде с регулярной почтовой службой и лучшей администрацией в мире. Английская почта доставляет основной объем почты между Бусрой и Багдадом, а Бахрейн фактически является почтовым отделением для всей Восточной

Аравии; торговцы жемчугом в Катаре и Хасе отправляют свои письма в Бахрейн, и даже турецкое правительство нуждается в английской почте для связи с Бусрой из Хасы.

Англия также завоевала свое господство в арабских водах благодаря честным попыткам положить конец работорговле в соответствии с договорами о борьбе с работорговлей, заключенными между державами. Она является единственной державой, чей флот занимался захватом работорговых дау, освобождением рабов и патрулированием побережья. Эта работа не всегда выполнялась тщательно или энергично, но то, что она вообще выполнялась, ставит Англию на первое место среди держав, плавающих в арабских водах.

Там, где флаг Великобритании провозглашает морское превосходство, за ним следует красный торговый флаг Англии, несущий торговлю; они идут вместе, и, хотя имеют разный цвет, для англичан это один и тот же флаг. Мировая торговая деятельность Великобритании затронула все части аравийского побережья, а британские товары из Манчестера и Бирмингема проникли во все уединенные деревни Неджда и можно найти в каждой долине Йемена.

Торговое судоходство в Персидском заливе в его нынешнем виде является творением последних тридцати лет и в значительной степени связано с государственным искусством сэра Бартла Фрера. Именно он, будучи членом Верховного совета лорда Каннинга в Калькутте ( ), подружился с молодым шотландцем Уильямом Маккинноном, который планировал новый судоходный бизнес, превышающий его скромные средства, и Маккиннону была предоставлена субсидия на его новую линию пароходов. Так была основана Британско-индийская пароходная компания, которая первой открыла торговлю не только с Занзибаром, но и с Персидским заливом. В 1862 году ни один торговый пароход не курсировал по Персидскому заливу. Затем было начато шестинедельное обслуживание, за которым последовало ежемесячное, двухнедельное и, наконец, еженедельное. Из Бусры есть две линии английских пароходов, идущих прямо в Лондон. British India была пионером и до сих пор занимает первое место, хотя есть и другие линии, занимающиеся прибрежной торговлей с Индией.

Таким образом, английская торговля контролирует не только рынки по обе стороны залива, но и всю Северо-Западную Аравию и все территории за Багдадом, куда можно доставить на верблюдах ткани и изделия из железа. В Неджде нет ни одной катушки ниток, а в Джебель-Шаммаре нет ни одного перочинного ножа, которые не были бы доставлены в Персидский залив на английском корабле. Вся Хасса ест рис из Рангуна, и тысячи мешков доставляются на британских кораблях в Бахрейн, откуда караваны везут их вглубь страны. Не только пароходство в основном находится в руках англичан, но и многие местные бунгало плавают под британским флагом, а главные купцы — англичане или британские подданные из Индии. Рупия является стандартом стоимости на всем аравийском побережье от Адена до Бусры. В глубине страны долгое время господствовал доллар Марии Терезии, но даже он становится редкостью среди бедуинов, и они не имеют особых предпочтений между *«абу* бинт» (рупия с головой девушки) и *«абу* таир» («отец птицы» — орел на австрийском долларе). Некоторое время в Персидском заливе курсировала французская линия пароходов, но проект был закрыт, хотя сейчас ходят слухи о его возобновлении[76].

Аден является торговым центром всей Южной Аравии, и огромный рост его торговли с 1839 года является доказательством того, что английская торговля сделала для Йемена. Мока мертва, а Ходейда давно прикована к постели, но Аден жив и нуждается только в железной

дороге до Саны, чтобы стать торговой столицей всей Западной и Южной Аравии. Эта железная дорога будет построена, как только турки покинут столицу Йемена; да ускорит Бог этот день. После оккупации Адена в 1839 году до 1850 года таможенные пошлины взимались как в Индии, но в то время он был объявлен свободным портом. В течение первых семи лет общая стоимость импорта и экспорта в среднем составляла около 1 900 000 рупий в год, в следующие семь лет среднегодовой показатель вырос до 6 000 000 рупий и с тех пор продолжает расти, достигнув в настоящее время более 30 000 000 рупий; причем этот среднегодовой показатель не включает в себя торговлю по суше, которая также является значительной.

Суэцкий канал — еще одно свидетельство престижа английской торговли в Красном море и на торговых путях, опоясывающих Аравию. В 1893 году валовая вместимость судов, прошедших через канал, составила 10 753 798 тонн; из них 7 977 728 тонн прошли под английским флагом, что означает, что почти четыре пятых торговли приходится на долю Англии. В том же году количество судов, прошедших через канал, составило 3 341, из которых 2 405 принадлежали Великобритании.

Предлагаемая англо-египетская железная дорога через север Аравии соединит Персидский залив со Средиземным морем. Сокращение времени связи между Англией и ее Восточной империей, очевидно, имеет первостепенное значение не только для торговли и почты, но и в случае войны, мятежа или другой чрезвычайной ситуации. Первые изыскания для этой наземной железной дороги были проведены еще в 1850 году экспедицией по Евфрату под руководством генерала Чесни. Этот проект горячо поддерживали в Англии сэр У. П. Эндрю, герцог Сазерленд и другие ( ), но, хотя он все еще ожидает реализации, план вновь возникает каждые несколько лет с новыми сторонниками и новыми усовершенствованиями. Когда-то это должна была быть железная дорога по долине Евфрата, идущая в Багдад и Бусру или в Кувейт (Гране) через Мосул. Теперь предлагается открыть железную дорогу из Порт-Саида на восток через полуостров вдоль тридцатой параллели до Бусры. Ветка будет немного отклоняться к югу к порту Кувейт, который также был предложен в качестве конечной станции линии долины Евфрата, над которой двадцать пять лет назад заседал специальный комитет Палаты общин. От Бусры главная линия будет пересекать Шатт-эль-Араб и Карун по поворотным мостам и следовать по побережью Персидского залива и Макрана до Карачи. Такая линия сократила бы время в пути между Лондоном и Карачи до восьми дней[77]. Будет ли выбран этот маршрут или какой-либо другой, не имеет большого значения. Тот факт, что с 1874 года Англия занимает лидирующие позиции в вопросе строительства наземной железной дороги, не оставляет сомнений в том, что когда железная дорога будет построена, ее конечная станция, по крайней мере, будет находиться под контролем Англии, а, скорее всего, и вся дорога будет представлять английский капитал и предпринимательство.

Между тем поступают сведения, что Турция предоставила немецким капиталистам концессию на продление Анатолийской железной дороги до Багдада. Линия, проходящая от азиатского побережья Босфора до Ангоры, находится в руках немецкого синдиката, и условия концессии содержат обязательные положения, в соответствии с которыми в определенных случаях турецкое правительство может заставить синдикат продлить линию до Сиваса и, в конечном итоге, до Багдада[78]. Но с политической точки зрения Великобритания не имеет оснований опасаться распространения немецкого влияния в Леванте и Месопотамии. Редактор влиятельной английской газеты пишет: «Каждая марка, потраченная немцами на общественные работы в азиатских владениях султана, помогает укрепить бастион против угрозы со стороны России. А создание немецкой железной дороги в Малой Азии в определенной степени будет способствовать сближению интересов

Германии и Великобритании ( )». Тем не менее Англия никогда не предоставит немецкому железнодорожному синдикату конечную станцию или гавань на Персидском заливе.

Великобритания имеет договоры или соглашения с каждым племенем и поселением арабов от Адена до Маската и оттуда до Бахрейна. Англия имеет двух королей для Аравии; первый живет в Бушире и называется британским резидентом и генеральным консулом, другой с аналогичным титулом живет в Адене. О резиденте в Бушире лорд Керзон писал: «В распоряжении британского резидента в Бушире находится одна или несколько канонерских лодок, а также депешная лодка для его личного использования в случае чрезвычайной ситуации. Не проходит и недели, чтобы персы и арабы не обращались к нему с спорами для арбитражного решения, и его можно с большей правдивостью, чем иногда выражает эта фраза, назвать некоронованным королем Персидского залива». Этому королевскому трону обязаны своим основанием энергия и политические способности полковника Росса и его способного предшественника сэра Льюиса Пелли. Все договоры, заключенные Англией с арабскими племенами на восточном побережье Аравии, интерпретируются и исполняются здесь.

Договоры, заключенные с вождями Бахрейна и племенами на так называемом Пиратском побережье, содержат положения о поддержании морского мира в Персидском заливе, недопущении иностранных держав к владению территорией, регулировании или отмене работорговли и пресечении пиратства. С 1820 года с воинственными арабами на побережье к югу от Катара были заключены различные договоры о перемирии, которые часто обновлялись или укреплялись. В 1853 году был заключен Договор о вечном мире с другими племенами[79], который предусматривал полное прекращение военных действий на море и передачу всех споров на рассмотрение британскому резиденту. Договаривающиеся стороны назывались «вождями перемирия», а договор известен как «Соглашение о перемирии» или «Лига». Помимо этих договоров, англичане заключили с шейхом Бахрейна эксклюзивный договор, в результате чего острова фактически стали британским протекторатом.

Хотя с племенами, проживающими вдоль побережья Хассы и Катара, не заключено никаких официальных договоров, поскольку они находятся под властью Турции, этот регион не игнорируется Великобританией, более того, Неджд сам по себе фигурирует в административных отчетах Персидского залива, Политическое агентство, всякий раз, когда на горизонте в этой части полуострова появляется грозовая туча, пусть даже она не больше ладони. Притязания Порты на суверенитет над Эль-Катаром не признаются британским правительством[80] и являются причиной не только дипломатических споров, но и фактического вмешательства со стороны Великобритании, когда это необходимо.

Огромные выгоды, которые принесли мирные договоры с арабскими племенами, наиболее очевидны при сравнении той части аравийского побережья, которая находится под английским контролем, с длинным участком от Катифа до Бусры, который принадлежит Турции. Первая часть наслаждается миром, племена занялись торговлей и рыболовством, путешественники и приезжие повсюду чувствуют себя в безопасности; вторая часть находится в постоянном состоянии войны, там нет ни торговли, ни сельского хозяйства, и все побережье совершенно небезопасно из-за политики *невмешательства* Турции.

Обращаясь к Оману, мы видим, по словам лорда Керзона, что, благодаря заключению одного договора за другим, «его можно по праву считать британской колонией». Недавняя история Маската только ускорила день, когда «Union Jack будет развеваться над замками Маската». Восстание бедуинов и их оккупация города привели к тому, что несчастный султан

был вынужден оплатить большой счет за ущерб, нанесенный британским подданным. Эпизод с французской угольной станцией стоил султану его годовую субсидию. Таким образом, с финансовой точки зрения он вдвойне зависит от милости Англии.

Второй британский король Аравии проживает в Адене. Там он является одновременно политическим резидентом и командующим войсками. Его власть распространяется не только на поселение Аден, но и включает в себя надзор за территорией длиной 200 миль и шириной 40 миль с населением 130 000 человек. Многие из соседних племен получают субсидии, и все они связаны договором с Великобританией. То, чем резидент Бушира является для Персидского залива, тем резидент Адена является для южного побережья полуострова. Кроме того, остров Сокотра также находится под управлением резидента в Адене и острова Перим. Правитель Макаллы в Хадрамауте находится под особым договором с Англией, хотя газетные сообщения о том, что Великобритания объявила протекторат над всей Южной Аравией, не имеют под собой оснований[81].

В племенах, связанных договором с Великобританией, преобладает патриархальная система надзора. Хорошие дети вознаграждаются, а плохие наказываются. Ничто не ускользает от внимания политического родителя; достаточно прочитать ежегодные отчеты администрации, чтобы найти много поразительных и иногда забавных примеров. Мы цитируем дословно из отчета резидента Маската за 1893-94 годы: «Имел место один случай нарушения морского мира в Персидском заливе, в связи с которым султану было рекомендовано наложить штраф в размере 50 рупий (около шестнадцати долларов) на Мехдибина-Али, шейха племени Камазара из Хассаба, за то, что он отправился с группой вооруженных людей по морю в Шаам с целью предъявить определенные претензии, которые его жена имела к имуществу своего покойного отца. После нескольких месяцев задержки шейх был принудительно доставлен в Маскат, и штраф был взыскан». В том же отчете рассказывается, как правительство Индии выразило признательность султану Маската за доброту, проявленную к экипажу потерпевшего кораблекрушение парохода «Хива» в апреле 1893 года, «подарив Его Высочеству красивый телескоп и часы». Каждый год все вожди племен, которые проявили себя «хорошими мальчиками», получают несколько ярдов яркой фланели, новое ружье или пару армейских пистолетов. Но патриархальная система работает хорошо, и немногие арабы хотели бы, чтобы влияние Англии в Персидском заливе или вблизи Адена уменьшилось; все выражают восхищение английским *правлением*, если не английской политикой. В Аравии тоже старое обещание Ноя сегодня находит свое исполнение. «Бог расширит Яфета, и он будет жить в шатрах Сима». Сим никогда не принимал в своем шатре лучшего гостя, чем когда он подписал договор о вечном мире с Англией на своих берегах.

Англия имеет консульства и консульских агентов в большем количестве мест в Аравии, чем любая другая держава, и ее консулы обладают большей властью и престижем. Практически во всех случаях они были назначены первыми и, следовательно, имели больше времени для расширения своего влияния. В Джидде, Ходейде и на острове Камаран есть британские консульства или вице-консульства, а также есть сообщения о консульстве в Сане. В Макалле есть британский агент. В Маскате, Багдаде, Бусре, Бушире и Мохаммере есть консульства с разной степенью власти и положения, все они обладают той или иной властью в Аравии. В Бахрейне, Линге, Шарке, Бундер-Аббасе и других точках Персидского залива есть британские агенты. В Джидде, Ходейде и Адене, помимо английского, есть несколько консульств. В Маскате уже несколько лет есть американский консул, а в 1894 году французы открыли там консульство. Россия не имеет представителей в Персидском заливе, за

исключением Багдада; Германия также не имеет представителей. Ни одна из европейских держав, за исключением Англии, не имеет агентов в арабских портах Персидского залива, и корабли их флотов редко посещают эту часть мира. На самом деле арабы так мало знают о других консулах, кроме английских, что их слова «агент» (*wakil*) и «консул» (*baljoz*) всегда означают для них британских чиновников или назначенных лиц.

XXIII
СОВРЕМЕННАЯ ПОЛИТИКА В АРАВИИ

«Признаки времени достаточно ясно показывают, что произойдет. Все дикие земли мира будут подчинены христианским правительствам Европы. Чем скорее это произойдет, тем лучше для дикарей». — *Марк Твен*.

Пока Турция остается у власти, на западном побережье Аравии не произойдет никаких изменений, и в Хиджазе все будет спокойно. Однако если конфликт между шерифами Мекки и Высокой Портой достигнет кризисной точки или мусульманский фанатизм в Джидде поставит под угрозу жизнь христиан, можно ожидать, что Англия, а возможно, и Франция с Голландией, вмешаются, как это сделала Англия в 1858 году.[82] Что касается Йемена, то вероятность крупных политических изменений в ближайшем будущем . Аден — это куча пепла, но Сана имеет прекрасный прохладный климат и является столицей богатого горного региона, способного к необычайному развитию. Есть те, кто хочет, чтобы Англия взяла под свою опеку весь Йемен, и если арабы когда-нибудь изгонят турок, Англия будет практически вынуждена вмешаться и сохранить мир для своих союзных племен вблизи Адена. Армия в Адене давно ощущает необходимость в горной базе, и только Полумесяц удерживает английские войска в заброшенном кратере, где жизнь в лучшем случае является мучением.

Южная часть Аравии имеет такой географический характер, а побережье настолько бесплодно, что не представляет никакого интереса даже для самых амбициозных захватчиков земель. Оман, как и Йемен, плодороден и, кроме того, имеет определенные возможности для добычи полезных ископаемых. До недавнего времени Англия была единственной иностранной державой, которая проявляла интерес к наследию султана Маската. Теперь на сцену вышла Франция, которая, по-видимому, не желает, чтобы британское влияние в Омане или Персидском заливе усиливалось. Предполагаемая аренда султаном Маската у Франции угольной станции в феврале 1899 года была лишь началом явного противодействия со стороны Франции. Открытие ею консульства в Маскате, ее отношения с работорговлей, попытка субсидировать линию французских пароходов в Персидском заливе, недавние поездки ее секретных агентов в Персидский залив — все это были лишь рябь на воде, показывающая, в каком направлении течет течение. До сих пор Англия имела свободу действий в Омане, но теперь появилась еще одна держава. Инцидент с угольной станцией был вскоре урегулирован к удовлетворению всех англичан и в чисто английском стиле. Под угрозой бомбардировки султан отказался от соглашения с французами, и в качестве наказания за его проступок ( ) его ежегодная стипендия была прекращена. Остается неизвестным, будет ли Франция и дальше стремиться к увеличению своего влияния в Персидском заливе. Несомненно, что английская политика решительно

противостоит передаче хотя бы одного квадратного фута территории Омана в руки Франции или любой другой иностранной державы.

В апреле 1899 года было объявлено, что Россия вошла в Персидский залив как политическая держава и приобрела порт Бундер-Аббас в Персии в качестве конечной станции для своей планируемой железной дороги. С тех пор это было официально опровергнуто как в Тегеране, так и в Санкт-Петербурге, а также решительно подтверждено с новыми доказательствами английской и индийской прессой. Если это правда, то это, несомненно, сенсационная новость. Присутствие России в Персидском заливе, вероятно, изменит будущую историю всего его побережья и поможет решить вопрос о будущем разделе Аравии и Месопотамии. Все, похоже, движется к кризису в этом регионе Востока. И если битва за империю и за владение ключами к воротам Индии будет вестись в Персидском заливе, то возможные последствия слишком велики, чтобы их можно было предсказать. Какой будет политика Англии в случае, если предполагаемая агрессия России окажется правдой, кратко изложено в недавней статье в *Times* of India:

«Остается рассмотреть, какие шаги должна предпринять Великобритания в свете новых событий в политике Персидского залива. Можно с уверенностью предположить, что Россия не будет пытаться захватить Бундер-Аббас в течение значительного времени. Она приложит все усилия, чтобы отрицать наличие полученного преимущества, пока не представится удобная возможность для реализации своего плана. Тем временем Великобритания может спокойно оставаться в стороне и подражать своему противнику, играя в ожидание. Возможно, будет высказано предположение, что повторная оккупация Кишма и захват Ормуза могут сразу же в значительной степени нейтрализовать значение Бандер-Аббаса для России. Это, несомненно, верно, но важно отметить ( ), что поспешные действия принесут мало пользы, что эти выгодные позиции можно легко занять в любое время и что истинная политика Великобритании заключается в том, чтобы стремиться сохранить *статус-кво* как можно дольше.

Между тем существует много способов защитить власть и влияние Великобритании в Персидском заливе. Насколько нам известно, Адмиралтейство уже приняло решение усилить военно-морские силы, дислоцированные в персидских водах, и адмирал, командующий эскадрой в Ост-Индии, в будущем будет уделять больше внимания Персидскому заливу. Но этого недостаточно. Необходимо увеличить штат политических сотрудников в Персидском заливе... Кроме того, необходимо проложить больше телеграфных кабелей. Маскат в настоящее время отрезан от связи с остальным миром, хотя когда-то этот порт был соединен с Аденом кабелем. Необходимо немедленно проложить линию от Маската до Джаска, а еще одна ветка должна соединить Джаск с Бундер-Аббасом и Лингахом. В глубинке между Бундер-Аббасом и Сестаном необходимо разместить больше политических агентов, при необходимости с передвижными комиссиями. Еще один вопрос требует неотложного внимания. Россия в настоящее время обладает исключительным правом на строительство железных дорог в Персии в соответствии с соглашением, которое, просуществовав десять лет, истекает в этом году. Предпринимаются ли какие-либо меры для предотвращения продления этой нежелательной концессии, которая глубоко противоречит интересам Великобритании в владениях шаха? Крайне важно, чтобы Великобритания обеспечила себе долю в концессиях на строительство автомобильных и железных дорог, которые, несомненно, будут предоставлены персидским правительством в ближайшем будущем. К сожалению, внимание британской общественности настолько сосредоточено на Китае, что она не в состоянии увидеть опасности, угрожающие империи в гораздо более важных местах. Скоро должно произойти резкое пробуждение. Центр политической борьбы

и международного соперничества в Азии вскоре будет находиться не в Китае, а в Персии и Персидском заливе».

С учетом событий в Персидском заливе и политики России в отношении Персии, с учетом зависти Франции к растущему престижу Англии на Востоке, с учетом строительства железных дорог Германией и приближающегося конца Турции, каким будет будущее плодородных провинций Бусра и Багдад? Сохранит ли Англия свое превосходство во всех частях Аравии и сможет ли какой-нибудь будущий лорд Кромер превратить долину Евфрата и Тигра во второй Египет? Дипломатическая борьба продолжается. Европейские кабинеты министров, опирающиеся на огромные армии и флоты, ведут игру, в которой ставки огромны — не только для них самих и для населения Аравии и Персии, но и для другого Царя и величайшего Царства. Событие, к которому до сих пор вела история и недавняя политика в Аравии, — это «далекое Божественное событие» Сына Божьего. Не только для миссионеров, но и для всех христиан изучение политики Аравии ясно показывает великую промыслительную руку Бога в истории полуострова за последнее столетие. Иисус Христос держит ключ к этой ситуации. Все цари земли находятся в Его руке, и кому бы Он ни дал власть или привилегию, конечным результатом будет слава Его имени и пришествие Его царства, в том числе и в Аравии.

XXIV
АРАБСКИЙ ЯЗЫК

«Арабские грамматики должны быть прочно переплетены, потому что учащиеся очень часто бросают их с яростью на землю» — *Кит Фалконер*.

«Это язык, который больше всего распространен на земле и который больше всего повлиял на судьбу человечества, за исключением английского». — *Реверенд Дж. Э. Пост, доктор медицины*, Бейрут.

«Мудрость сошла на три вещи — мозг франков, руки китайцев и язык арабов». — *Мохаммед эд-Дамири*.

Две религии борются за господство в мире: христианство и ислам. Две расы стремятся к владению темным континентом: англосаксы и арабы. Два языка на протяжении веков соперничают за распространение по всему миру на основе колонизации и пропаганды — английский и арабский. Сегодня около семидесяти миллионов человек говорят на каком-либо диалекте арабского языка как на своем родном, и почти столько же знают что-то о его литературе в Коране, потому что они мусульмане. На Филиппинских островах первая глава Корана повторяется до того, как рассвет окрасит небо в красный цвет. Этот рефрен повторяется в мусульманских молитвах в Пекине и по всему Китаю. Его слышат в долинах Гималаев и на «крыше мира». Через несколько часов персы произносят эти арабские слова, а затем по всему полуострову муэдзины призывают «верующих» к молитве. На берегах Нила снова раздается крик *«Аллаху* акбар», который несет арабскую речь на запад через Судан, Сахару и Барбарийские государства, пока его не слышат в мечетях Марокко.

Арабский Коран является учебником в дневных школах Турции, Афганистана, Явы, Суматры, Новой Гвинеи и юга России. Арабский язык является разговорным не только в самой Аравии, но и за пределами этого полуострова, простираясь на 300 миль к северу от Багдада до Диарбекра и Мардина, и используется по всей Сирии, Палестине и всей Северной Африке. Даже в Капской колонии есть люди, ежедневно читающие на языке Мухаммеда. Еще в 1315 году арабский язык начали преподавать в университетах Европы под влиянием миссионера Раймунда Лулла, и сегодня этот язык более точно изучают, а его литературу более критично исследуют в Лейдене, чем в Каире, и в Кембридже, чем в Дамаске.

Миссионер в Сирии, который является мастером арабского языка, так характеризует его: «Чистый и оригинальный язык, обладающий величайшей гибкостью, с огромным словарным запасом, с большими грамматическими возможностями, приспособленный для передачи теологических, философских и научных идей таким образом, что ему не может сравниться ни один язык, кроме английского и небольшой группы языков, которые так удачно культивировались христианством в Центральной Европе». Эрнест Ренан, французский семитолог, выразив удивление тем, что такой язык, как арабский, мог возникнуть в пустынных регионах Аравии и достичь совершенства в кочевых лагерях, говорит, что арабский язык превосходит все родственные ему семитские языки по богатству словарного запаса, тонкости выражений и логике грамматического построения[83].

Семитская семья языков обширна и древняя, хотя и не столь обширна географически и разнообразна, как индоевропейская семья. Некоторые утверждают[84], что семиты были древними иммигрантами из региона к северо-востоку от Аравии. Они считают, что до образования различных семитских диалектов семиты повсеместно использовали одно и то же название для верблюда (*jemel*), которое до сих пор встречается во всех диалектах. Однако у них нет общих названий для финиковой пальмы, плодов пальмы и страуса, поэтому в своей первой родине семиты знали верблюда, но не знали пальму. Теперь регион, где нет ни финиковой пальмы, ни страуса, но где верблюд жил с древнейших времен, — это центральное плато Азии около Оксуса. Фон Кремер считает, что из этого региона семиты мигрировали в Вавилон еще до эмиграции ариев; долина Месопотамии — древнейшее место семитской культуры.

Другие[85] считают, что первоначальная родина семитов находилась на юге Аравии, откуда они постепенно распространились по полуострову, так что, как выражается Спренгер, «все семиты являются последовательными слоями арабов». Аргументы в пользу этой теории кратко изложены Сейсом:[86] «Все семитские традиции указывают на Аравию как на первоначальную родину этой расы. Это единственная часть мира, которая осталась исключительно семитской. Расовые характеристики — сила веры, жестокость, исключительность, воображение — лучше всего объясняются пустынным происхождением». Де Гоедже подчеркивает мягкий климат Центральной Аравии и великолепное физическое развитие арабов в качестве дополнительного доказательства наряду с неоспоримым фактом, что «из всех семитских языков арабский наиболее близок к первоначальному родному языку, что было окончательно доказано профессором Шрадером из Берлина».

Следующая таблица наглядно показывает положение арабского языка ( ) в семитской языковой семье, *мертвые языки выделены курсивом*. Арабский язык, древний и современный, принадлежит к южной семитской группе и в ранний период вытеснил химяритский язык в Йемене, хотя диалекты махри и эхкели все еще используются в горах

Хадрамаута.[87] Это был практически единственный завоевательный язык в списке и единственный, который продолжает распространяться.

ТАБЛИЦА СЕМИТСКИХ ЯЗЫКОВ.

СЕВЕРНЫЙ:
ВОСТОЧНЫЙ
Вавилонский.
Ассирийский.
ЗАПАДНЫЙ (арамейский)
Восточный
Сирийский.
Мандейский.
Набатейский.
Западный
Самаритянский.
Иудейский арамейский (как Таргумы и Талмуд).
Пальмирский.
Египетский арамейский.

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ:
Финикийский.
Иврит.
Моавитский и *ханаанский диалекты*.

ЮЖНЫЙ:
АРАБСКИЙ (Исмаилитский)
Один письменный язык, но современные диалекты в устной речи.
Мальтийский [?].
Марокко.
Алжирский и др.
Египетский.
Сирийский.
Йемен.
Багдади.
Оманский и др.
Химьяриты
Махри.
Экхели.
Эфиопский (Йоктанитский)
Древний геезский.
Тигре.
Тигринья.
Амхарский.
Харари.

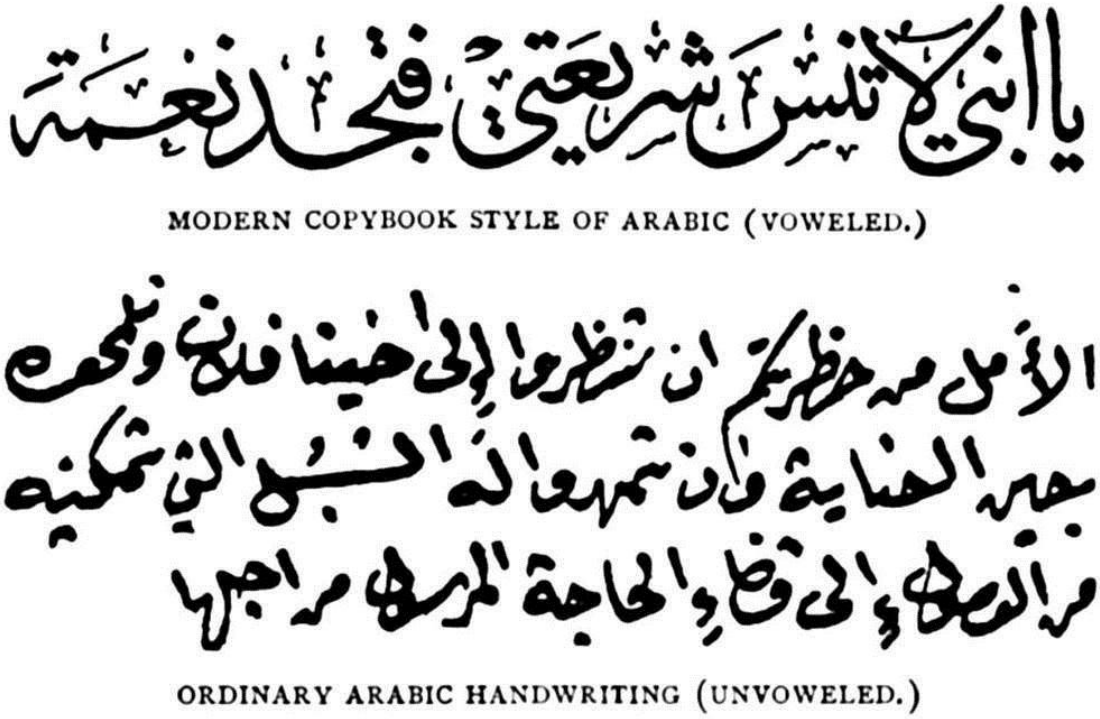
Сегодня регулярно издается более ста арабских газет и журналов, которые в совокупности имеют огромный тираж во всех частях арабоязычного мира.

Хотя арабский язык в настоящее время признан превосходящим все другие языки, в своем историческом и литературном развитии он был последним из них. Только в VII веке нашей эры арабский язык стал в каком-то смысле важным. Этот язык получил свое литературное право и вдохновение благодаря неграмотному пророку, который не умел читать, но заставил весь восточный мир изучать свою книгу. Арабская литература до Мухаммеда имеет высокий литературный характер, но, несмотря на всю свою красоту, она была лишь утренней звездой, возвестившей восход солнца. После провозглашения Корана литература, грамматика и науки стали говорить на арабском языке. Это было возрождение мертвого и умирающего Востока. Какое бы влияние ни оказал Коран на социальную жизнь и нравы народа, никто не отрицает, что именно Коран и только он спас арабский язык от превращения в местный диалект. Опять же, этот Коран был объединяющим фактором новой религии, сметавшим все на своем пути; он не только объединил враждующие племена Аравии, но и слил все их диалекты в один и установил вечный классический стандарт для самых отдаленных изучающих язык откровения. Конечно, мы не считаем, как арабы, что арабский язык Корана абсолютно не имеет себе равных в грамматической чистоте и стилистике. Противоположное доказано Нёльдеке и Дози. Последний утверждает, что Коран «полн , поскольку грамматики любезно сформулировали правила или исключения, чтобы включить даже их в список недостижимого стиля и совершенства».

Происхождение и история арабского алфавита чрезвычайно интересны. Изначально все письменность была изобразительной, следующим этапом стало появление идеограмм. Возможно, следы этой самой ранней письменности все еще сохранились в *васмсах,* или племенных знаках бедуинов. Ученые утверждают, что самой ранней семитской письменностью, о дате которой мы имеем достоверные сведения, является надпись на Моавитском камне, обнаруженном миссионером Кляйном в 1868 году. Почти такого же возраста являются алфавит Кипра и Сидона ( ) и алфавит финикийцев, найденный на древних монетах и памятниках. Дата этой письменности устанавливается на 890 год до н. э. На этих памятниках и монетах система правописания уже настолько тщательно разработана, что доказывает, что семиты понимали это искусство за несколько веков до этой даты. Самые древние формы этих семитских алфавитов, в свою очередь, происходят (Халеви, Нёльдеке) от египетских иератических знаков. Самые древние надписи, найденные в Северной Аравии Доути и Энтингом, написанные набатейским шрифтом, и в Южной Аравии Халеви и другими, написанные химяритским шрифтом, написаны, как и современный арабский язык, справа налево. Хотя символы не похожи друг на друга, это, по-видимому, указывает на их общее происхождение. Тесная связь современного арабского алфавита с еврейским или финикийским проявляется не только в форме букв, но и в их более древнем числовом порядке, называемом арабами *«абджад»* и соответствующем еврейскому порядку.

КУФИЧЕСКИЕ СИМВОЛЫ.

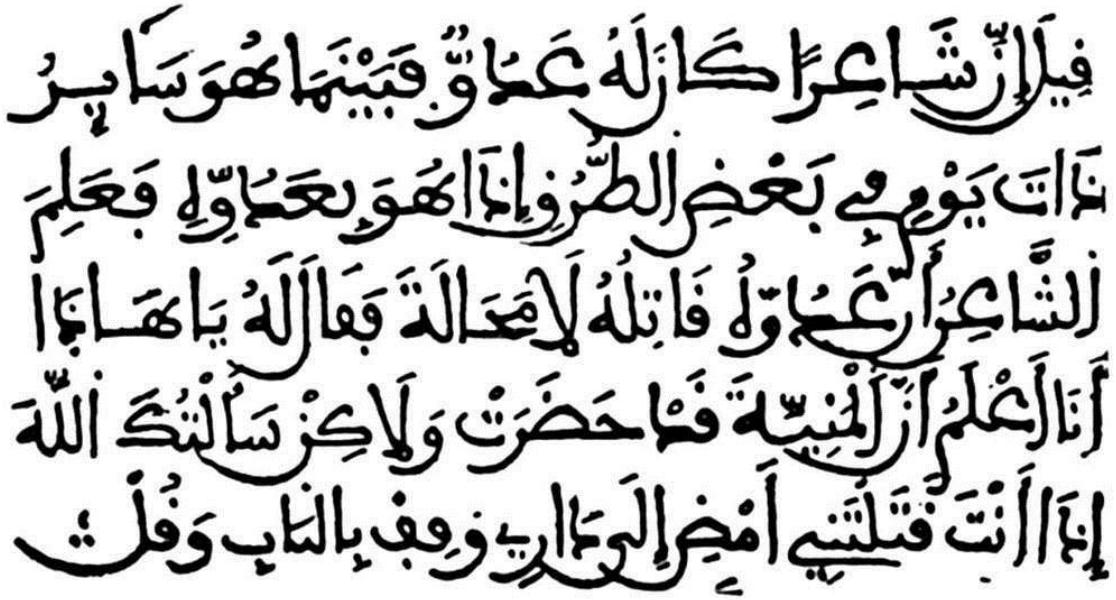
Даже среди арабов существуют разные мнения о том, кто адаптировал или изобрел современный арабский алфавит на основе более древних куфических форм. Некоторые даже считают, что оба алфавита развились одновременно из химяритского. Куфический алфавит, действительно, встречается на старинных памятниках и монетах от Персидского залива до Испании и представляет собой квадратный, по-видимому, более грубый вид письма. Но курсивный шрифт (ныне называемый *насхи*) по-видимому использовался еще задолго до времени Мухаммеда, несмотря на утверждения арабских историков, для нужд повседневной жизни. То, что этот шрифт был известен в Мекке до эпохи Мухаммеда, подтверждается мусульманской традицией, а тесные связи с Йеменом задолго до того времени, безусловно, указывают на некоторое знание химяритского языка. Сирийский и иврит также были известны в Мекке и Медине из-за еврейского населения, и не исключено, что это могло повлиять на современную форму арабского алфавита.



СОВРЕМЕННЫЙ СТИЛЬ АРАБСКОГО ПИСАНИЯ (С ГЛАСНЫМИ).
ОБЫЧНЫЙ АРАБСКИЙ ПЕЧАТНЫЙ ШРИФТ (БЕЗ ГЛАСНЫХ).

Не без основания прозвище, которое Мухаммед дал евреям и христианам, было «люди *Книги*». Сначала, как и иврит, арабский язык не имел гласных знаков или диакритических знаков. В самых ранних рукописях Корана, написанных куфическим шрифтом, они имеют форму акцентов, горизонтальных линий или даже треугольников. Арабы рассказывают много интересных историй о причине и обстоятельствах их изобретения Абу Асвадом ад-Дуили или Насром бин Асимом. В каждом случае ужасный грех неправильного произношения слова в Коране приводит к появлению гласных точек как меры предосторожности на будущее. Согласно другой традиции, именно Хасан-эль-Басри (умер в 110 г. х.) первым добавил гласные точки в текст Корана с помощью Яхья бин Ямара. Так называемые гласные знаки на самом деле были сокращенными слабыми согласными и размещались в соответствии с произношением этих букв. Гласные знаки и диакритические знаки всегда встречаются в копиях Корана, но редко в других книгах и никогда в эпистолярной письменности. Сами арабы считают их в лучшем случае необходимым злом, за исключением грамматиков и

пуристов. Рассказывают, что однажды губернатору Хорасана при халифе аль-Мамуне был преподнесен изысканный образец арабского каллиграфического искусства, и он воскликнул: «Как это было бы прекрасно, если бы на нем не было так много семян кориандра!».



МОГРЕБСКИЙ АРАБСКИЙ ЯЗЫК СЕВЕРНОЙ АФРИКИ (БЕЗ ГЛАСНЫХ).

Требование абсолютной точности при копировании Корана в каждой детали и акценте привело арабов к прославлению искусства каллиграфии, и, поскольку они не занимались ни живописью, ни скульптурой из-за своего вероисповедания, они естественно вложили весь свой художественный вкус в свои рукописи. Ярко раскрашенные и украшенные золотом на тонко окрашенном пергаменте или бумаге, причудливые заголовки глав и изящные узоры каждой буквы в книге делают такой старинный рукописный Коран настоящим произведением искусства. Известны три имени тех, кто в ранние дни ислама были Рафаэлями и Микеланджеломи тростникового пера: Вазир Мухаммед бин Али, Али бин Хилал аль-Бауваб и Абу-д-Дур бин Якут аль-Мустасами. Со временем возникли различные школы этого искусства, которые в основном различались как магрибско-берберский или западный стиль ( ) и турецко-арабский или восточный стиль. В украшениях Альгамбры западная школа демонстрирует некоторые из своих самых совершенных произведений, в то время как мечети Дамаска и Каира демонстрируют изящные «арабески» более легкой восточной школы. Однако лучшие работы можно найти в рукописях; некоторые из них имеют бесценную ценность и необычайную красоту. Даже сегодня есть арабские каллиграфы, чьи работы ценятся как *произведения искусства* и обеспечивают им высокое положение в обществе, как это было с обезьяной, описанной в «Арабских ночах», которая импровизировала стихи в пяти стилях каллиграфии для изумленного короля.

قال ابن بطوطه كنت سمعت بمدينة بلغار فاردت
التوجه اليها لارى ما ذكر عنها من انتهاء قصر الليل
بها وقصر النهار ايضا فى عكس ذلك الفصل وكان

ПЕРСИДСКИЙ СТИЛЬ, ШИРОКО ИСПОЛЬЗУЕМЫЙ В ВОСТОЧНОЙ АРАВИИ.

Арабский язык отличается среди тех, кто его знает, своей *красотой*, а среди тех, кто его изучает, своей *сложностью*. Для арабов их язык — это не только язык откровения, но и сам Откровитель. Аллах говорит по-арабски на небесах, и в день суда будет судить мир на этом «языке ангелов». Все другие языки значительно уступают ему в грамматическом строении, и как могло быть иначе, ведь Коран с его классическим совершенством существовал до всех слов, несотворенный, записанный на сохранившейся скрижали на небесах, ежедневно радующий бесчисленное множество ангелов! Как говорит Ренан, «среди народа, столь увлеченного языком, как арабы, *язык* Корана стал как бы второй религией , своего рода догмой, неотделимой от ислама». Но врожденная красота этого языка признается всеми, кто его изучал, будь то рожденные на аравийской земле или получившие образование в европейских университетах. Со времен голландских ученых Де Дье, Шультенса, Шредер и Шайда, а также швейцарца Хоттингера до эпохи Нёльдеке, Гезениуса и Ренана в Европе прославляли арабский язык и изучали его с преданностью, граничащей с страстью.

В этом языке много элементов красоты. Во-первых, это его логическая структура, которая, как нам говорят, превосходит структуру любого другого языка. Даже порядок алфавита более логичен с точки зрения формы, чем в иврите; его грамматика в целом логична; исключения из его правил можно сформировать, так сказать, в силлогизм. Грамматики Палмера и Лансинга показывают, как эту логическую структуру можно обнаружить в мельчайших деталях, так что, *например*, три коротких гласных контролируют не только формы, но и значение корней и являются ключом к интерпретации всех грамматических загадок.

Второй элемент красоты заключается в лексическом богатстве арабского языка. Его безграничный словарный запас и богатство синонимов всемирно признаны и восхищают. Словарь называется *Kamoos* или «Глубокий океан», где «множество драгоценных камней чистейшего сияния, темные непостижимые пещеры» скрывают для прилежного ученика. Ренан рассказывает об арабском лингвисте, который написал книгу о 500 названиях льва в литературе; другой приводит 200 слов для обозначения змеи. Фирозабади, арабский Вебстер, как говорят, написал своего рода приложение к словам, обозначающим мед, и оставил его незавершенным на *восьмидесятом* слове; тот же авторитет утверждает, что в арабском языке существует более 1000 различных терминов для обозначения меча, и, судя по его использованию арабами, это кажется правдоподобным. Немецкий ученый Де Хаммер Пургсталл написал книгу о словах, относящихся к *верблюду*, и нашел их в арабской литературе в количестве 5744. Но эта замечательная выставка теряет часть своего великолепия ( ), когда правда заставляет нас признать, что многие из так называемых

синонимов являются эпитетами, превращенными в существительные, или тропами, случайно использованными каким-то поэтом для соответствия рифме. Также верно, что богатство синонимов в арабском языке ограничено определенным классом слов; в других областях мышления, например, в этике, язык крайне беден, не имея даже отдельного слова для обозначения совести.

Третьим аспектом красоты арабского языка является его чистота по сравнению с другими семитскими языками и даже со всеми другими языками. Отчасти это было связано с географическим положением арабов, а отчасти — с их ранней литературой и Кораном, который дал классический стандарт каждому школьнику и предотвратил, с помощью закона религии, как развитие, так и ухудшение. «В то время как другие языки той же семьи умерли, а многие из их форм и значений изменились или исчезли, арабский язык остался сравнительно чистым и нетронутым, за исключением, возможно, временного разложения, которое неизбежно произошло во время мусульманских завоеваний и иностранных приложений первых четырех халифов»[88].

Арабская раса сначала занимала ограниченную территорию и мало контактировала с окружающими народами, поэтому силы, вызывающие языковой упадок, отсутствовали. Единственное, что может сохранить язык в чистом виде, помимо изоляции, — это классическая литература. Английский язык изменился меньше со времен Шекспира, чем в период между ним и Чосером. То же самое и с арабским языком. Если бы не Коран и связанная с ним литература, к настоящему времени жители Сирии, Египта, Марокко и Омана, возможно, едва ли понимали бы друг друга, а их письменный язык сильно различался бы; но существование этой литературы сохранило письменный язык единым и постоянно сдерживало капризы диалектов.

Последним и главным элементом красоты арабского языка , несомненно, является его замечательная литература. Только в поэзии арабы могут бросить вызов всему миру; в грамматике, логике и риторике количество их работ огромно; в Багдаде и Кордове арабские историки и биографы заполнили целые библиотеки своими трудами; в Кордове королевская библиотека содержала 400 000 томов. Алгебра и астрономия особенно обязаны арабам; все науки получили внимание, а некоторые из них — дополнение от арабского ума.

Арабский язык не только красив, но и сложен, чрезвычайно сложен для всех, кто пытается по-настоящему его освоить. Один из ветеранов-миссионеров Египта написал в 1864 году: «Я скорее пересеку Африку от Александрии до мыса Доброй Надежды, чем во второй раз возьмусь за освоение арабского языка». Первая трудность заключается в правильном произношении. Некоторые арабские буквы не могут быть транслитерированы на английский язык, хотя некоторые грамматики прилагают бесконечные усилия, чтобы достичь невозможного. Гуттуральные звуки принадлежат пустыне и, без сомнения, были заимствованы у верблюда, когда он жаловался на перегрузку. Есть также одна или две другие буквы, которые сильно испытывают терпение начинающего и в некоторых случаях остаются непоколебимыми до конца. Затем студент быстро учится, и чем раньше, тем лучше, что арабский язык полностью отличается по структуре от европейских языков и что «как далеко Восток от Запада», настолько он должен изменить свои представления о правильном способе выражения мысли; а это означает игнорировать все понятия индоевропейской грамматики при общении с сыновьями Сима. Каждое слово в арабском языке относится к корню из трех букв. Эти корни модифицируются приставками, вставками и суффиксами в соответствии с определенными моделями, так что из одного корня можно построить множество слов и наоборот, из сложного слова необходимо удалить все служебные буквы и слоги, чтобы найти исходный корень. Это поиск корней и построение корней не является

развлечением вначале из-за обширности «сада корней». *Дополнение* Дози к монументальному арабскому лексикону Лейна насчитывает 1714 страниц . Словарный запас арабских писателей настолько велик, что классические произведения требуют обширных пояснительных примечаний для самих арабов, и некоторые из них написали примечания к примечаниям, чтобы объяснить сложные слова, используемые для объяснения других, более сложных слов. Кроме того, арабская литература настолько обширна, что знакомство со словарным запасом дюжины авторов одного литературного направления еще не позволяет студенту оценить язык других произведений. Вы можете достаточно хорошо читать Коран и понимать его стиль, но когда вы обращаетесь к арабскому Шекспиру или Милтону, вы буквально теряетесь в *Камусе* и не можете понять ни одной строки.

Регулярный глагол в арабском языке имеет пятнадцать спряжений, два залога, два времени и несколько наклонений; нерегулярных глаголов много, и они загадочны для начинающих, хотя грамматисты пытаются сделать их более понятными, демонстрируя, что все их нерегулярности строго логичны, а не являются результатом лингвистической извращенности, а преднамеренным расчетом и провидением. Разве это не «язык ангелов»? — даже с его неполными множественными числами?

В качестве окончательного свидетельства сложности арабского языка послушайте Иона Кита Фальконера. После сдачи экзамена по семитским языкам в Кембридже под руководством доктора Райта и прохождения специального курса арабского языка в Лейпциге он пишет из Асьюта в Египте: «Я прогрессирую в арабском, но это ужасно сложно… Я многому научился и могу объясниться с слугами и носильщиками. У меня каждый день по два часа занятий с учителем, и я перевожу детскую книжку для чтения». После *пяти лет* дальнейшего изучения он снова пишет из Адена (17 января 1886 г.): «Я довольно хорошо учусь говорить по-арабски, но пройдет много времени, прежде чем я смогу вести настоящие беседы». А этот человек был универсальным ученым с страстью к языкам. Без сомнения, арабский язык — один из самых сложных языков в мире, который трудно освоить на достаточном уровне, и прогресс в его изучении означает неустанный труд и бесконечное усердие.

XXV
ЛИТЕРАТУРА АРАБОВ

Литература арабов делится на доисламскую и постинсламскую; главными классическими произведениями первой являются Муаллакат, или семь подвешенных стихотворений, а вторая находит свое ядро и вершину, а также свое происхождение и вдохновение в Коране. Семь древних стихотворений, сохранившихся до наших дней, также называются *Мутахабат*, или «золотые стихотворения», и арабские ученые общепризнанно считают, что это был действительно золотой век арабской литературы. Зухайр, Зарафа, Имру-л-Кайс, Амру-ибн-Кульсум, Аль-Харис, Антар и Лабид были авторами этих стихотворений, и все, кроме последнего, были идолопоклонниками и принадлежали к тому, что в исламе называется «Временем невежества». Эти стихотворения послужили образцом для более поздних писателей и, по словам барона де Слейна, отличаются совершенством формы и высоким уровнем языковой культуры.

Но Коран затмил все, что было до него и после него, в глазах арабов. Он является образцом литературного совершенства, а также нравственной красоты. Его стиль неподражаем, потому что он божественен в высшем смысле этого слова. Критиковать его стиль — значит быть виновным в богохульстве, а сравнивать его с другой литературой — значит совершать святотатство. Нет сомнений, что главная привлекательность Корана с литературной точки зрения заключается в его музыкальном ритме и каденции. Именно это арабы, первые мастера рифмы, любят и рабски подражают во всех своих более поздних прозаических произведениях. Наши английские переводы Корана, хотя и точные (и даже идиоматические, как перевод Палмера), не могут воспроизвести это; в результате книга кажется безвкусной, монотонной и в высшей степени утомительной и неинтересной. Бертон и другие предпринимали попытки познакомить английских читателей с этим элементом красоты в откровении Мухаммеда. Следующий текст[89] почти не уступает арабскому оригиналу и, по крайней мере, звучит более интересно, чем прозаическая версия того же отрывка, выполненная Сейлом:

«Клянусь великолепием света

И тишиной ночи

Что Господь никогда не покинет тебя

И не возненавидит тебя;

Ибо для тебя победа

Лучше, чем все начало

Скоро Господь утешит тебя, горе больше не будет владеть тобой,

И страх больше не будет тебя угнетать.

Ты был сиротой, но Господь нашел место для твоей головы.

Когда твои ноги сбились с пути, разве они не были приведены на правильный путь?

Разве Он не нашел тебя бедным, но богатство вокруг тебя распространилось?

Тогда на сироту-мальчика пусть твоя гордая нога никогда не наступит,

И никогда не отворачивайся от нищего, просящего хлеба,

Но всегда воспевай и прославляй щедрость Господа».

Не стоит ожидать, что все превосходные достоинства и чудесная красота, которые мусульманские комментаторы находят в Коране, откроются холодному, несочувственному западному взгляду, но никто, кто читал эту книгу в оригинале, не может отрицать, что она обладает определенной литературной красотой. Как говорит Пенрис в предисловии к своему «Словарю Корана»: «В нем много великолепных красот; высокопоэтические идеи облечены в богатый и уместный язык, который нередко поднимается до возвышенности, недостижимой для любого перевода; но, к сожалению, многие из тех прелестей, которые вызывают восхищение опытного ученого, являются камнями преткновения для начинающего; удивительная лаконичность, которая так сильно усиливает силу и энергию его выражений, не может не сбивать его с толку, а частое использование эллипсиса оставляет в его уме ощущение неопределенности, что не совсем нехарактерно для произведения оракульного и *самопровозглашенного* пророческого характера».

Величайшим литературным сокровищем арабов после Корана является *«Макамат»* Аль-Харири. Ни один уважающий себя ученый не осмелится признаться в незнании этого великого классического произведения, а читатель «Собраний» знакомится со всеми отраслями мусульманской науки — поэзией, историей, древностями, теологией и правом. Недавно «Макамат» Аль-Харири был переведен на английский язык Ченери, а также был напечатан более ранний перевод Престона. Стэнли Лейн-Пул, рецензируя эти переводы, так характеризует этого Шекспира арабского мира:

«Без сомнения, большинству западных людей трудно оценить красоту этого прославленного классического произведения. В нем нет связности, нет связующей идеи между пятьюдесятью отдельными «Собраниями», кроме регулярного появления вопиющего Тартюфа по имени Абу-Зейд, богемного человека с блестящими способностями и абсолютно без совести, который последовательно выманивает милостыню у собраний людей в различных городах, проповедуя красноречивые речи о высшей набожности и нравственности, а затем уходит со своей добычей, чтобы тайно предаться триумфальным и нечестивым развлечениям. Даже в этой структуре нет попытки оригинальности; она заимствована у Хамадани, «Чуда века». Превосходство заключается в совершенной отделке: содержание не имеет значения; очарование заключается исключительно в форме. Однако для английских читателей эта форма экзотична и искусственна. Одной из ее особых достоинств, по мнению восточных читателей, является постоянное использование рифмованной прозы. Нам это может показаться одновременно монотонным и натянутым, с его антитетическим балансом в смысле и звонким звучанием; но для арабов, как и для многих первобытных народов, рифмованная или ассонантная проза с древних времен была естественной формой страстной и впечатляющей речи. Это стиль, постоянно и без натуги используемый в Коране, и это стиль, к которому историк, такой как Ибн-эль-Атир, естественно прибегает, когда он красноречиво описывает великую победу или знаменитый поступок...

«Но если нам не нравится рифмованная проза, у Харири есть многое другое, что может удовлетворить самые разные вкусы. В этих замечательных «Собраниях» мы найдем все виды литературных форм, за исключением хаотичных и вульгарных. Языческая риторика, мусульманские наставления, простые стихи, сложные оды, все, что может достичь неизмеримая гибкость арабского языка и любопытное искусство придирчивого ученого — все это здесь, и мы можем выбирать».

То, что говорит этот ученый-критик Харири, верно для большей части арабской поэзии: ей не хватает единства идеи и сдержанности выражения. Все интенсивно. Каждый красивый глаз — нарцисс; слезы — жемчужины; зубы — жемчужины или градины; губы — рубины; десны — цветы граната; пронзительные глаза — мечи, а веки — ножны; родинка — муравей, ползущий, чтобы выпить мед с губ; красивое лицо — полная луна; прямая фигура — буква «алиф», написанная Вазиром Мухаммедом; черные волосы — ночь; талия — ветка ивы или копье, а любовь — всегда страсть. В тексте изобилуют надуманные аллюзии, и *смысл* на каждом шагу должен подчиняться *звучанию*. По мнению барона де Слейна, двумя заметными исключениями из этого правила являются Аль-Мутанабби и Ибн Эль-Фарид, которые демонстрируют смелую и удивительную оригинальность, часто приближающуюся к возвышенному, а в случае последнего — мистические грезы и духовную красоту недюжинного порядка.

Влияние арабского языка на другие языки и народы также было велико с момента возникновения ислама. Персидский язык перенял арабский алфавит и большое количество арабских слов и фраз, так что, как отмечает Ренан, в некоторых персидских книгах все слова арабские, и только грамматика остается на родном языке. Что касается хиндустани, то три четверти его словарного запаса состоит из арабских слов или арабских слов, заимствованных через персидский язык. Турецкий язык также обязан арабскому языку многими словами и использует арабский алфавит. Малайский язык, с мусульманским завоеванием, также подвергся арабскому влиянию и также перенял его алфавит. В Африке его влияние было еще более сильным. Язык распространился по всей северной половине континента и до сих пор продолжает расти в использовании . Географическая номенклатура внутренних районов является арабской, и арабы предшествовали Ливингстону, Стэнли и Спику во всех их путешествиях. Языки южного Судана, хауса и даже языки Гвинеи в значительной степени заимствовали из арабского. Сама Европа не избежала влияния завоевательного семитского языка. Испанский и португальский языки содержат огромное количество арабских слов и идиом. Французский и английский языки также в немалой степени обязаны арабскому языку за многие научные и технические слова, введенные во время крестовых походов и даже раньше. Вот неполный список слов, которые мы получили прямо или косвенно от арабского языка, как приведено в Этимологическом словаре Скита и сгруппировано в предложения; каждое слово, выделенное курсивом, имеет арабское происхождение.

«Журнал *Nabob Mohammedan Magazine* сообщает, что через несколько лет после *Хегиры сарацинский халиф* или *мамелюкский султан* сидел со своим *мусульманским эмиром*, *адмиралом*, *визирем*, *мусульманским муфтием* и *коран-мунши* (который знал *алхимию* и *алгебру* и мог *вычислить азимут* и *надир* до *нуля*), *шейхом гарема*, *муэдзином* и *тарифным драгоманом арсенала*, под рожковым деревом, на *диванах* с *мохеровыми матрасами*, покрытыми *шкурами джербоа* и *газелей*, пили *кофе*, *шафрановый эликсир*, *арак*, *алкоголь* и *сироп* из *сенны, тмина* и *сумаха*. В качестве тонизирующего средства они также употребляли *розовый аттар*, *артишоки*, *щелочной нитрат* в *мирре*, *одуванчик*, *шербет отто* и *нафту* в *янтарных* чашах. Младенческая дочь *султана* была одета в *карминовую хлопковую и муслиновую сорочку-* , или *пеленку,* с *талисманом из циветты* и *амулетом из яшмы*; она играла на *татарской лютне*. Внезапно *бедуинский убийца-giaour* с *ассагаем* и *маской-кальяном* напал на них из-за *ниши* соседнего *минарета мечети с арабесками*, как *сирокко-симун* или *муссон*, и убил их всех».

Большинство этих слов пришло из арабского языка через другие языки, такие как французский и испанский; другие были перенесены из арабского языка непосредственно в английский; а третьи прошли долгий путь из арабского языка в греческий, латинский, итальянский ( ), французский и оттуда в английский. Слово *magazine,* возможно, является лучшим примером того, как арабский корень нашел приют в почве всех европейских языков и приобрел многообразные значения, отклоняясь от своего первоначального значения у арабов, *ghazana* = собирать или хранить.

В наши дни, особенно после открытия Суэцкого канала, английский язык начинает оказывать влияние на арабский. В Египте, Сирии и Персидском заливе многие английские коммерческие термины входят в обиход, а газеты распространяют их использование повсеместно.

И, наконец, не менее важное значение имеет огромное, не поддающееся оценке влияние на арабский язык, которое навсегда оставило в себе труды и жертвы первых миссионеров в Сирии, которые через свой колледж и типографию подарили миру современную

христианскую и научную литературу, а также венцом их работы стала арабская Библия, переведенная докторами Эли Смитом и К. В. А. Ван Дайком. Миссионерская типография в Бейруте имеет в своем каталоге четыреста восемьдесят три тома и печатает около двадцати пяти миллионов страниц в год[90]. Арабская Библия, «один из самых благородных литературных памятников эпохи», еще окажет огромное влияние на очищение и облагораживание языка и сохранение его классического словаря в самых отдаленных уголках арабского мира. Был только один Коран, и будет только одна арабская Библия — конечный продукт американской науки и ее лучший подарок мусульманскому миру.

النشرة الاسبوعية

فتح كلامك ينير

اسماء الوكلاء
في بيروت ولبنان وصيدا وطرابلس وماردين والشام وبلاد مصر
المرسلون الاميركان
في القدس وحوارها
حنا افندي غرغور
في يافا
يوسف افندي ابو نادر

قيمة الاشتراك
٢٥ غرشاً
في بيروت ولبنان
و٣٣ غرشاً
في سائر جهات المملكة العثمانية
و٧ فرنكات
في البلاد الاجنبية
ثمن الجزء الواحد ٢٠ پارة

عدد ١٦٤٩ بيروت السبت في ٤ ايلول سنة ١٨٩٧

ТИТУЛЬНЫЙ ЛИСТ ХРИСТИАНСКОЙ ГАЗЕТЫ, НАПЕЧАТАННОЙ НА АРАБСКОМ ЯЗЫКЕ.

XXVI
АРАБЫ

«Дети Сима! Первенцы рода Ноя

И все еще вечно дети; у входа

Эдема, не осознающие позора,

И бездельничающие, пока все ушли вперед;

Слишком горды, чтобы копать, слишком беспечны, чтобы быть бедными

Принимая дары Бога без благодарности,

Не отдавая ничего, не прося большего,

И не споря с Ним, если Он скрывает Свое лицо.

Ваш дождь и солнце, и путь

Старой мудрости, забытой нашим миром,

Мужество дня, который не знал смерти;

Мы, сыновья Иафета, в смятении,

Остановиться в нашей тщетной безумной борьбе за жизнь и дыхание,

Глядя на тебя — я склоняюсь и не спорю» — *Аноним*.

Что касается происхождения племен и народов, которые сейчас населяют Аравийский полуостров, среди ученых нет единого мнения. Обычно считается, что первоначальные племена Северной Аравии являются потомками Измаила. Это также традиция всех арабских историков. Что касается южных арабов, которые занимали свои высокогорья с побережьем Хадрамаута в течение веков до появления измаильтян, существует два мнения. Некоторые считают их потомками Иоктана (араб. *Кахтан*), сына Хевера, и поэтому, как и северные арабы, истинными семитами. Другие полагают, что самыми ранними жителями Южной Аравии были кушиты или хамиты, а некоторые немецкие ученые считают, что в ранних арабах дети Иоктана и Куша смешались в одну расу.

К измаильтянам относятся не только прямые потомки Измаила через двенадцать князей [91], но и эдомиты, моа ites, аммониты, мадианиты и, вероятно, другие родственные племена. Имена сыновей Измаила в связи с их поселениями и следы этих имен в современной Аравии — это тема, которая была затронута в библейских словарях, но все еще представляет интерес для дальнейшего изучения. Сами арабы всегда утверждали, что племена севера являются потомками Авраама. Вековая расовая вражда между йеменцами и маадитами, по-видимому, подтверждает теорию о двух разных расах, населявших полуостров с очень давних времен; и они остаются разными до сих пор, несмотря на общий язык и общую религию. «Вражда этих двух рас друг к другу необъяснима, но непреодолима. Как два химических продукта, которые мгновенно взрываются при контакте, так и йеменцы и маадиты всегда считали невозможным мирно сосуществовать. В настоящее время йеменцы, проживающие в окрестностях Иерусалима, ненавидят маадитов из Хеврона, и когда их спрашивают о причине их вечной вражды, они не могут ответить ничего, кроме того, что так было с незапамятных времен. Во времена халифов территория Дамаска была опустошена двухлетней кровопролитной войной из-за того, что маадит взял лимон из сада йеменца. Провинция Мурсия в Испании была залита кровью в течение семи лет из-за того, что маадит нечаянно сорвал листья с виноградной лозы йеменца. Эта страсть превосходила все узы любви и интереса. «Ты молился за своего отца: почему ты не молишься за свою мать?» — спросили йеменца возле Каабы. «За мою мать?» — ответил йеменец. «Как я мог? Она была из рода маадитов»[92].

Йеменцы в очень ранний период основали сильное и богатое царство Химьяр. Химьяриты были мореплавателями Востока и славились своим мастерством в производстве, а также предприимчивостью в торговле; у них был письменный язык, надписи на котором были обнаружены по всей Южной Аравии в течение нынешнего столетия. Маадиты или измаильтяне-арабы ( ) были, напротив, более кочевыми по своим привычкам и были

хозяевами караванов, которые перевозили огромные объемы товаров по двум великим торговым путям древности, из Востока на Запад. Один из этих путей пролегал от Адена (Аравийский Эмпориум Птолемея) вдоль западной части полуострова и через Йемен в Египет; другой пролегал от Вавилона до Тадмора и Дамаска. Третий маршрут, почти столь же важный, также находился в руках арабов-измаильтян и пролегал через Вади-Румму и Неджд к старой столице химьяритов, Маребу[93]. Эти караваны объединили Аравийский полуостров и слили воедино два его народа: северные арабы в некоторой степени переняли южную цивилизацию, а южные арабы приняли язык севера. Но упадок караванной торговли принес бедствие Аравии; корабль пустыни обрел конкурента в морских судах. Старые поселения были разрушены, великие города, процветавшие благодаря сухопутной торговле, были заброшены, а целые племена из богатства скатились в нищету. В этот переходный период, задолго до рождения Мухаммеда, арабская нация, как она известна современной истории, по-видимому, сформировалась.

Современные арабы делят себя на бедуинов и горожан; или, по-своему поэтично, на *ахль эль-бейт* и *ахль эль-хейт*, «люди палаток» и «люди стен». Но эта классификация едва ли достаточна, хотя она и была в целом принята писателями, посвятившими свои труды Аравии. Эдсон Л. Кларк в своей книге «Арабы и турки» выделяет пять классов: «Начиная с самого нижнего уровня лестницы, мы сначала имеем оседлых арабов... которые, хотя многие из них все еще живут в палатках, стали земледельцами. Их кочевые братья презирают этих оседлых арабов, считая их деградировавшими и утратившими национальную идентичность из-за изменения образа жизни. Во-вторых, это кочевые племена, проживающие вблизи оседлых районов и постоянно взаимодействующие с их жителями ( ). Оба эти класса, но особенно второй, полностью деморализованы... Третий класс состоит из арабов турецких городов и деревень, но они тоже являются дегенеративным классом как по языку, так и по характеру... Четвертый класс состоит из жителей городов и деревень собственно Аравии, которые в силу своего особого положения остались более изолированными от остального мира, чем даже кочевые племена... Наконец, великие кочевые племена внутренних районов, все еще сохраняющие неизменными первобытный характер, привычки и обычаи своей расы». Только этот последний класс и только он является настоящими бедуинами.

В дополнение к этой классификации по цивилизациям существует универсальная генеалогическая классификация; и ни один народ в мире не любит генеалогии больше, чем арабы. Названия племен и семей во многих случаях восходят к доисламским временам. Поэтому самые ранние названия племен либо взяты от животных, либо являются тотемными именами, такими как Пантеры, Собаки, Ящерицы, *например*, *Анмар Килаб*, *Дибаб* и т. д.; географические названия, впоследствии преобразованные генеалогами в имена предков, *например*, *Хадрамаут*, *Хауаб*; или от идолов и идолопоклонства, *например*, *Абд эль-Каис*, *Абд аль-Лат* и т. д. Но более поздняя система генеалогий, представленная арабами, совершенно ненадежна, поскольку она явно искусственна. Основой этой системы была родословная Мухаммеда, которая, как известно, не заслуживает доверия. «Фиктивные предки» были вставлены для того, чтобы связать конкретное, но неважное племя с известным, и сам Хамдани рассказывает нам, что он обнаружил, что неизвестные группы, проживающие в пустыне, часто называли себя по имени какого-нибудь более известного племени[94].

Характер трудно определить. Описать моральный облик нации и ее физические черты таким образом, чтобы ничего важного не было упущено и ни одна характеристика не была преувеличена в ущерб другим. Эта трудность усугубляется в случае арабов их двойным происхождением и их двойной цивилизацией. То, что верно для городских жителей, не

всегда верно для бедуинов, и наоборот. Кроме того, необходимо учитывать влияние соседних стран. Восточная Аравия приобрела свой колорит благодаря длительному контакту с Персией; это видно по речи, архитектуре, еде и одежде. Южная Аравия, особенно Хадрамаут, впитала в себя идеи Восточной Индии. Западная Аравия, особенно Хиджаз, во многих отношениях демонстрирует свою близость к Египту. Не упуская из виду эти различия, которые объясняют многие исключения из общих утверждений, каков же характер арабов?

Физически они, несомненно, являются одной из самых сильных и благородных рас в мире. Барон де Ларрей, главный хирург первого Наполеона, в своих экспедициях в Египет и Сирию говорит: «Их физическое строение во всех отношениях более совершенное, чем у европейцев; их органы чувств необычайно острые, их рост выше среднего для мужчин в целом, их фигура крепкая и элегантная, цвет кожи коричневый; их интеллект соразмерен их физическому совершенству и, без сомнения, превосходит, при прочих равных условиях, интеллект других народов».

Типичное арабское лицо круглое-овальное, но общая худоба черт лица умаляет его регулярность; кости выступающие; брови длинные и густые; глаза маленькие, глубоко посаженные, огненно-черные или темно-коричневые. Лицо выражает наполовину достоинство, наполовину хитрость, и не является недобрым, хотя и никогда не улыбается и не бывает благожелательным. Зубы белые, ровные, короткие и широкие. Арабы, как правило, имеют очень редкие бороды, но жители городов часто отращивают патриархальные бороды, подобные традиционной бороде пророка. Фигура хорошо сложена, мускулистая, длинноногая, никогда не тучная. Руки и ноги тонкие, почти иссохшие, но с мышцами, похожими на веревки. В молодости бедуины часто бывают красивыми, с яркими глазами и темными волосами, но постоянная привычка хмуриться, чтобы защитить глаза от яркого солнца, скоро придает лицу суровый вид; в сорок лет их бороды седеют, а в пятьдесят они выглядят стариками.

Распространенной ошибкой является считать арабов демократичными в своих представлениях об обществе. Настоящий араб был и остается аристократом. Феодальные войны возникают из-за превосходства одной семьи или племени над другим; брак разрешен только между племенами или кланами равного положения; вся система правительства шейхов является аристократической идеей; и в качестве окончательного доказательства в Южной Аравии до сих пор существует своего рода каста, в то время как в Северной Аравии мааданы арабы Месопотамии и *сулейбы* пустыни мало чем отличаются от парий по отношению к своим соседям. Любой араб с тяжелым сердцем воспринимает то, что над ним стоит человек менее благородного происхождения, чем он сам. Религия Аравии сделала ее народ фанатичным, хотя, по словам Нёльдеке, «фанатизм характерен для всех семитских религий». Но он забывает о реальном различии между нетерпимостью к другой религии по этическим соображениям, как в случае с иудаизмом, и бесконечно жесткой, односторонней, грубой исключительностью ислама.

Арабы редко обладают способностью с первого взгляда воспринимать сложные целостные образы; у них отсутствует талант к систематизации. Арабский плотник не может начертить прямой угол, арабский слуга не может ровно накрыть стол скатертью. У старого арабского храма, называемого кубом (Кааба), *нет* равных сторон или углов; их дома и сегодня демонстрируют такое же отсутствие «плотницкого глаза». Улицы редко бывают параллельными, даже так называемая улица в Дамаске не была *прямой*. Арабский ум любит единицы, а не единство; они хорошие солдаты, но плохие генералы; в бизнесе нет

партнерства и нет общественного духа; каждый человек живет для себя. Это причина, по которой Йемен не может сбросить иго турок, и это объясняет, почему в самых маленьких городах Аравии есть очень много маленьких мечетей. Арабы обладают острым взглядом на детали, большой субъективностью, нервной беспокойностью, глубокой страстью и внутренними чувствами, но в то же время они отличаются сильным консерватизмом и любовью к прошлому. Во всем они следуют старым образцам и традициям; свидетельством тому служит их поэзия и их жизнь в палатках, которые арабы называют «домами из волос» и «домами поэзии». В результате структуры своего языка арабы имеют естественную склонность к остроумной, резкой речи с эпиграмматической лаконичностью, но также доходят до другой крайности — витиеватой тавтологии. Первое характерно для пустыни, второе — для городов. Красноречие и поэзия по-прежнему почитаются. Единственное изящное искусство, которым восхищаются арабы, — это каллиграфия; и те, кто видел законченные образцы работы арабского мастера-каллиграфа, должны признать, что в них присутствуют все элементы живописи и скульптуры.

Арабы вежливы, добродушны, живы, мужественны, терпеливы, смелы и чрезмерно гостеприимны. Они также склонны к спорам, неправдивы, чувственны, недоверчивы, алчны, горды и суеверны. Общаясь с арабами, всегда нужно помнить об этом парадоксе. Как выразился Кларк, «араб будет лгать, обманывать и давать ложные клятвы в денежных сделках, но как только он даст слово, ему можно доверять безоговорочно, даже в самой крайней ситуации». Существуют арабские клятвы, такие как *«валлах»*, которые предназначены для подтверждения лжи и не имеют никакого значения. Есть и другие, такие как тройная клятва, с частицами *«ва»*, *«би»* и *«ти»*, которую не осмеливается нарушить даже самый подлый разбойник. Грамматически эти две клятвы почти одинаковы.

Грабеж — это высокое искусство среди кочевников, но благородный араб грабит законно, честно и достойно. Он не нападает на своих жертв ночью, он старается избежать кровопролития, приходя с подавляющей силой, и если его предприятие терпит неудачу, он смело входит в первую попавшуюся палатку, заявляет о своем истинном характере и просит защиты. *Дахейл*, или привилегия убежища, соляной завет, кровный завет и святость гостя — все это доказывает, что арабы заслуживают доверия. И все же в обычных жизненных делах ложь и обман являются правилом, а не исключением. Настоящий араб скуп при покупках и будет часами торговаться, чтобы снизить цену, но при этом он расточителен и щедр, раздавая свои товары, чтобы доказать свое гостеприимство.

По мнению Буркхардта, араб — единственный настоящий ценитель Востока ( ); если он ограничивает это бедуинами-арабами, то он прав. В вопросах любви и брака араб из города — это то, чем был Мухаммед, мекканский купец, после смерти старой леди Хадиджи. Но арабская поэзия времен невежества иногда дышит истинной историей любви и рыцарства; и арабы пустыни, как правило, не являются полигамными и не склонны к разводам.

У древних арабов существовал закон, согласно которому тот, кто пролил кровь человека, должен был за это ответить кровью семье убитого. Этот закон кровной мести был подтвержден Кораном и является священным правом во всей Аравии. Араб, который соглашается на штраф или какое-либо другое возмещение, кроме крови за кровь, считается дегенератом. Этот закон является как причиной постоянных вражды, так и средством их прекращения без большого кровопролития. Арабы из городов и пустынь могут часами

ссориться, не доходя до рукоприкладства; открытой схватке мешает не трусость, а страх пролить кровь и кровная месть.

Семейную жизнь арабов лучше всего изучать, наблюдая за жизнью детей в пустыне и положением женщин среди бедуинов и городских жителей. Нигде в мире новорожденный ребенок не встречает меньшей подготовки к своему появлению, чем среди бедуинов. Земля, лишенная многих благ, всеобщая бедность и закон выживания сильнейшего сделали арабскую мать суровой. В открытой пустыне, в тени акации или за верблюдом, арабский ребенок впервые видит дневной свет. Сразу после рождения мать сама трет и очищает ребенка песком, кладет его в свой платок и несет домой. Она кормит ребенка грудью в течение короткого периода, и в возрасте четырех месяцев он уже пьет много верблюжьего молока. Младенцу сразу дают имя, обычно связанное с каким-нибудь незначительным событием, связанным с его рождением, или с каким-нибудь предметом, который привлекает внимание матери. Мусульманские имена, такие как Хасан Али или Фатима, крайне редки среди истинных бедуинов, хотя иногда дают имя Мухаммед ( ). Помимо своего собственного имени, каждый бедуинский мальчик носит имя своего отца и племени. И что еще более примечательно, мальчиков часто называют в честь своих сестер, *например*, *Аху Нура*, брат Нуры. Имена девочек берутся из созвездий, птиц или пустынных животных, таких как *газель*.

В вопросах воспитания араб — истинный дитя природы. Родители оставляют его на произвол судьбы; они редко наказывают и редко хвалят. Воспитанные с рождения в суровой школе кочевой жизни, усталость и опасность вносят большой вклад в их образование. Буркхардт говорит: «Я видел группы обнаженных мальчиков, играющих в полдень на раскаленном песке в середине лета, бегающих до изнеможения, и когда они возвращались в палатки своих отцов, их ругали за то, что они не продолжали упражнения. Вместо того чтобы учить мальчика хорошим манерам, отец хочет, чтобы он бил и забрасывал камнями незнакомцев, приходящих в палатку, крал или прятал какие-нибудь мелочи, принадлежащие им. Чем дерзче и наглее дети, тем больше их хвалят, поскольку это считается признаком будущей предприимчивости и воинственного характера. Дети бедуинов, мальчики и девочки, ходят обнаженными и играют вместе до шести лет. Первый праздник ребенка — это обрезание. В возрасте семи лет назначается день, убивают овец и готовят большое блюдо. Женщины сопровождают операцию громкими песнями, а после этого следуют танцы, верховая езда и сражения на копьях. Девочки украшают себя дешевыми украшениями, а палаточные шесты украшают страусиными перьями. В целом это праздничный день.

ВЗБИВАНИЕ МАСЛА В БЕДУИНСКОМ ЛАГЕРЕ.

У бедуинских детей мало игрушек, но они умудряются развлекаться множеством игр. Я видел группу счастливых детей, у каждого из которых на веревочке сидела домашняя саранча, и они наблюдали, чья лошадка выиграет гонку. Мальчики делают музыкальные инструменты из пустынной травы, скручивая ее странным образом, чтобы она напоминала рог, и называют их «*масур*». В Йемене и Неджде праща, подобная праще Давида, с камушками из ручья — первое оружие мальчика . Позже он приобретает копье и, возможно, старый выброшенный нож. У детей пустыни нет книг. Но у них есть книга природы. Эту великолепную иллюстрированную книгу ничто не изучает так усердно, как маленькие темные глазки, которые наблюдают за овцами на пастбище или считают звезды в голубой бездне, сидя на высоком верблюжьем седле во время полуночных путешествий.

Когда бедуинский мальчик вырастает и начинает клясться несколькими редкими волосками на подбородке, он не умеет читать, но он знает людей и знает пустыню. Разговоры, которые слышатся ночью вокруг палатки шейха или у костра из акации, очень похожи на мудрость книги Иова. Философия покорности миру таким, каков он есть; обожествление стоицизма или терпения; глубокая вера в то, что в конце концов все закончится хорошо. Печально, но даже маленькие кочевники, не знающие ничего о религии, разделяют фанатичную враждебность своих старших к христианской религии и христианам. Одна из их игр в Неджде заключается в том, чтобы нарисовать крест на песке пустыни, а затем осквернить его; они учатся, что все, кто не принадлежит к вере Мухаммеда, являются *кафирами*, и, чтобы угодить Аллаху, с радостью бросают камни в любого путника-насрани. Однако бедуины и тем более их дети мало знают о религии ислама. Коран — не книга для детских умов, как и царство Мухаммеда.

Бедуинский ребенок рано отказывается от детских забав. Западным глазам дети Аравии кажутся маленькими стариками и старушками, а взрослые люди имеют умы, как у детей. Это еще один парадокс арабского характера. В десять лет мальчика отправляют пасти верблюдов, а девочку — овец; в пятнадцать лет они оба уже на пути к браку. Он носит мужскую одежду и хвастается мушкетом; она прядет верблюжью шерсть и поет песни

прошлого « ». Их короткое детство закончилось. В городах браки заключаются еще раньше — ; есть восемнадцатилетние юноши, которые уже развелись с двумя женами.

Среди бедуинов полигамия не распространена, как и среди бедных арабов в городах. Церемония бракосочетания у бедуинов проста, в отличие от долгой и сложной церемонии у горожан. После переговоров, предшествующих брачному договору, жених приходит с ягненком на руках в шатер отца девушки и там перерезает ягненку горло в присутствии свидетелей. Как только кровь падает на землю, договор считается заключенным; затем следуют пир и танцы, а ночью невесту проводят в шатер жениха, где он ждет ее прибытия. Приданое чаще и в большем размере выплачивается в городах, чем в пустыне. Среди некоторых арабских племен требование денег за руку невесты считалось бы скандальным. С западной точки зрения, женщины-бедуины находятся на более высокой ступени свободы и справедливости, чем женщины в городах, где Коран оказал свое влияние на половину общества, подавляя интеллект, унижая чувства и доводив сексуальные отношения до крайней степени чувственности. С другой стороны, развод, возможно, более распространен среди бедуинов[96], чем среди городских арабов. Буркхардт встречал арабов, которым еще не было сорока пяти лет, но которые, как было известно, имели более пятидесяти жен. Что касается брачного контракта в городах, церемонии, процедуры развода и методов, с помощью которых это становится законным, что осуждается даже нестрогим законом ислама, то чем меньше об этом говорить, тем лучше.

О положении женщин в Аравии мы цитируем четырех безупречных свидетелей, которые не имеют ничего общего, кроме знания предмета; в том, где они расходятся, есть правда с обеих сторон; там, где они согласны, нет никакой уверенности в фактах.

Доути, христианский исследователь, чьи книги являются кладезем информации, говорит:[97] «Женщина — лучшее из всех животных, говорят арабы, за исключением только человечества. Семиты возлагают всю вину на женщину. Они считают, что она имеет злобную природу, и арабы жалуются, что «у нее семь жизней». Арабы враждебно относятся к женщинам, на которых они накликают проклятие Бога; некоторые, по их словам, отравляют своих мужей, а многие изменяют им... Они хотят подчинить себе *хорму* [*т. е.* женщину]; если ей предоставить равенство, то проявится несостоятельность ее злой природы. Они контролируют ее весь день дома и не дают ей освободиться от рабства. Завеса и решетка из-за ревности — скорее результат непристойной мусульманской строгости в городах; среди мягких жителей палаток в открытой пустыне домохозяйки имеют свободу, как и все родственники; однако сейчас в большинстве арабских племен их гаремы видны полузавуалированными».

Буркхардт, авторитетный специалист по арабским вопросам, пишет: «Бедуины ревниво относятся к своим женщинам, но не мешают им смеяться и разговаривать с незнакомцами. Редко когда бедуин бьет свою жену; если он это делает, она громко зовет своего *васи* или защитника, который умиротворяет мужа и заставляет его прислушаться к голосу разума... Жены и дочери выполняют всю домашнюю работу. Они мелют пшеницу в ручной мельнице или толкут ее в ступе; готовят завтрак и ужин; замешивают и пекут хлеб; делают масло, носят воду, работают на ткацком станке, чинят покрывала палаток и, надо признать, неутомимы. А муж или брат сидит перед палаткой и курит трубку».

Леди Энн Блант, которая путешествовала по племенам долины Евфрата вместе со своим мужем, высказывается с женской точки зрения: «О бедуинских женщинах достаточно будет краткого описания. В детстве они красивы в диком, живописном смысле и почти всегда имеют веселые, добродушные лица. Они трудолюбивы и много работают, выполняя всю

работу в лагере… Они живут отдельно от мужчин, но ни в коем случае не заперты и не подвергаются ограничениям со стороны . Утром все они выходят собирать дрова на день, и всякий раз, когда мы встречали их за этим занятием, они казались в самом приподнятом настроении… По умственным качествам женщины пустыни значительно уступают мужчинам, их кругозор чрезвычайно ограничен. Однако некоторые из них приобретают реальное влияние на своих мужей и даже, через них, на свои племена. В более чем одной палатке шейха именно в женской половине решаются политические вопросы племени».

Снук Хургрондже, голландский путешественник, проведший целый год (1884-85) в Мекке, так характеризует положение женщин в арабских городах:[98]

«Какая польза молодой девушке от хвалебных песен, которые однажды в жизни звучат для нее из уст певицы, но которые вводят ее в общество, в котором она, как и все ее половые, подвергается презрению? Мусульманская литература, правда, содержит отдельные проблески более достойной оценки женщины, но более позднее мнение, которое становится все более распространенным, является единственным, которое находит свое выражение в священных традициях, которые представляют ад как полный женщин и отказываются признавать в женщине, за редким исключением, либо разум, либо религию, в стихах, которые относят все зло в мире к женщине как его корню; в пословицах, которые представляют тщательное воспитание девочек как пустую трату времени. В конечном итоге, женщине признается только то очарование, которым наделил ее Аллах, чтобы дать мужчине время от времени в его земной жизни возможность насладиться удовольствиями рая и родить ему детей».

Стихотворений, в которых поносят женщин и о которых говорит голландский путешественник, бесчисленное множество. Вот два примера в английском переводе от Бертона:

«Они сказали: «Женись!» — Я ответил:

Далеко от меня

Принять в свою грудь мешок с змеями.

Я свободен, зачем же становиться рабом?

Да не благословит Аллах женщин».

«Они провозглашают женщину раем для мужчины;

Я говорю: Аллах, дай мне Джеханнум, а не этот рай».

В Аравии есть три вида жилищ. Это *палатка*, хижина из финиковых пальм и дом, построенный из камня или глиняных кирпичей. Палатка, в общем смысле, характерна для внутренних районов и северной Аравии; хижина из пальм — для побережья и южной Аравии; а дома из кирпича и раствора есть во всех городах. Эволюция дома прошла путь от козьей шерсти к матам, а от матов — к глиняной крыше. Каждое из этих жилищ называется *beit*, «место, где проводят ночь».

Бедуинская палатка[99] состоит из девяти шестов, расположенных по три, и широкого черного покрытия из козьей шерсти, образующего две части: мужская комната находится слева от входа, а женская — справа, они разделены белым шерстяным ковром, свисающим с

конька. Столбы имеют высоту от пяти до семи футов; длина палатки составляет от двадцати до тридцати футов ( ), а глубина — не более десяти футов. Единственная мебель состоит из кухонных принадлежностей, вьючных седел, ковров, мехов для воды, мешков с пшеницей и жерновов.

Хижины из финиковых пальм бывают разных форм. В Хиджазе и Йемене они построены как огромные ульи, круглые и с остроконечной крышей. В Восточной Аравии они представляют собой квадратное ограждение с четырехскатной крышей, обычно крутой и покрытой матами или соломой. В Бахрейне арабы очень искусно сплетают листья финиковой пальмы и уплотняют все щели, благодаря чему хижины отлично защищают от ветра и дождя. Средняя финиковая хижина может быть построена за двадцать или тридцать рупий (семь-десять долларов) и прослужит несколько лет.

Каменные жилища Аравии так же разнообразны по архитектуре и материалам, как и по обстоятельствам и вкусам. В Йемене большие замки-жилища венчают каждую гору и возвышаются над каждой долиной; камень здесь в изобилии, а архитектура унаследовала изящество и прочность от древней цивилизации химьяритов. В Багдаде, Бусре и Восточной Аравии преобладает персидская архитектура с арками, ветряными башнями, узорами и верандами-окнами. Архитектура Мекки и Медины приобретает свой особый характер в связи с потребностями паломничества. Вообще говоря, арабы строят свои дома без окон, выходящих на улицу, и с открытым двором; система гарема диктует строителям даже установку высокого парапета на плоской крыше, чтобы защититься от ревнивых взглядов. Суровая религия также требует, чтобы стены были без украшений и картин. Вся мебель простая и обычная, за исключением тех случаев, когда влияние западной цивилизации пробудило вкус к зеркалам, столам с мраморными столешницами и музыкальным шкатулкам.

В одежде в Аравии также наблюдается большое разнообразие. Турецкое влияние прослеживается в османских провинциях, а индо-персидское — в Омане, Хассе и Бахрейне. Примерами являются турецкий *фес* и *тюрбан* (которые не являются арабскими). Обычная одежда бедуинов — это тип, лежащий в основе всех разновидностей. Она состоит из грубой хлопчатобумажной рубашки, поверх которой надевается абба или широкий квадратный плащ. Головной убор изготавливается из квадратного куска ткани, сложенного пополам и закрепленного на макушке головы с помощью ободка из шерстяной веревки, называемого «*акал*». Цвет одежды и ее украшения зависят от местности; то же самое касается пояса и оружия. Используются сандалии всех форм; обувь и сапоги на побережье свидетельствуют о иностранном влиянии. Одежда бедуинской женщины представляет собой широкое хлопковое платье с открытыми боками, обычно темно-синего цвета, и ткань для головы. Завеса бывает разных форм; в Омане она имеет типичный египетский носовой элемент, скрывающий только среднюю часть лица; в турецких провинциях Восточной Аравии тонкая черная ткань скрывает все черты лица. Носовые украшения и серьги распространены . Все арабские женщины также делают татуировки на руках и лице, а также на других частях тела, красят волосы хной и используют сурьму на ресницах в качестве украшения.

Основными продуктами питания в Аравии являются хлеб, рис, ги (или топленое масло, которое арабы называют *сему*), молоко, баранина и финики. Их можно найти повсюду, а кофе является универсальным напитком. Другие продукты и фрукты мы рассмотрели в нашем исследовании провинций. Чай сейчас широко распространен, но еще двадцать лет назад он был практически неизвестен. Табак курят в каждой деревне, и бедуины также страстно любят

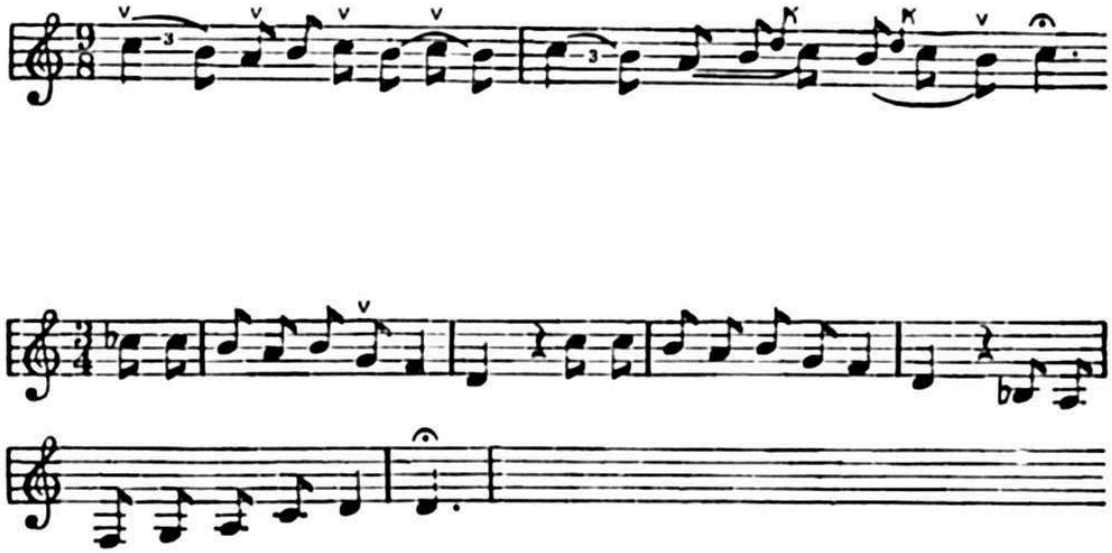
эту траву; даже религиозный запрет ваххабитов не смог изгнать тягу к этому всеобщему наркотику. Есть один продукт питания, о котором мы еще не упомянули, — *саранча*. Она является основным продуктом в продуктовых магазинах всех внутренних городов Аравии. Ее готовят к употреблению, варя в соленой воде, после чего сушат на солнце. На вкус она похожа на несвежие креветки или сушеную сельдь. Жители побережья по-прежнему питаются в основном рыбой, и во времена Птолемея их называли *Ichthiophagoi*.

XXVII
АРАБСКОЕ ИСКУССТВО И НАУКА

Даже ислам не смог подавить любовь арабов к музыке и не смог уменьшить их уважение к великим поэтам «веков невежества». Ведь известно, что, хотя на базаре в Джидде можно купить австрийские губные гармошки, а в игрушечном магазине в Хофхуфе — гармошки из Германии, мусульмане и сегодня считают музыку противоречащей учению пророка. Мафия рассказывает, что когда он гулял с Ибн Омаром и они услышали звуки флейты, тот заткнул уши пальцами и пошел другой дорогой. На вопрос, почему, он ответил: «Я был с пророком, и когда он услышал звук музыкальной флейты, он заткнул уши пальцами; и это произошло, когда я был ребенком». Так случилось, что по железному закону традиции, который для набожных мусульман часто является более обязательным, чем сам Коран, мусульманский мир считает музыку по крайней мере сомнительным развлечением для истинных верующих. И все же как до, так и после появления мрачного законодателя, в Аравии существовала своя музыка и песни. Но музыка в мусульманских странах всегда существует вопреки их религии и никогда, как в случае с христианством, не поощряется ею.

У древних арабов поэзия и песня были тесно связаны между собой. Поэт читал или пел свои собственные сочинения на вечерних межлисах или, чаще, на публичных ярмарках и фестивалях, особенно на национальном, который ежегодно проводился в Окаце. Именно здесь семь благородных фрагментов, сохранившихся до наших дней из их самой ранней литературы, были впервые прочитаны и встречены аплодисментами, и признаны достойными (если эта часть истории не является выдумкой) того, чтобы быть вывешенными, написанными золотом, в Каабе.

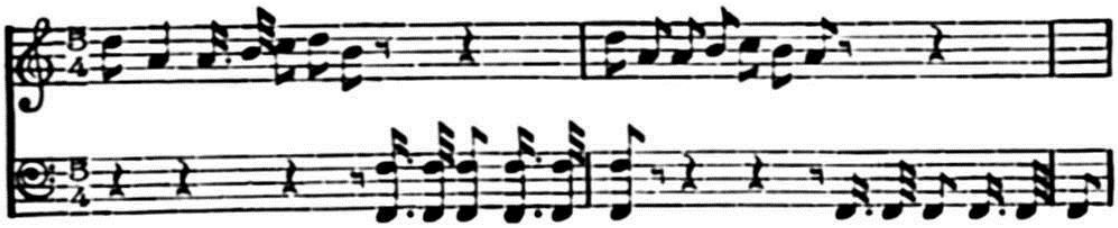
К сожалению, арабы, при всем богатстве своего языка и литературы, не имеют нотной записи, поэтому мы можем только предполагать, какими были их древние мелодии. Были ли ранние военные песни Омара и Халида исполнялись в той же тональности, что и современная военная песня племени Гомусса, как ее интерпретирует леди Энн Блант?



И пел ли моряк Синдбад ту же мелодию во время своих путешествий по Персидскому заливу в Индию, которую теперь энергично поют лодочники Линга, выгружая груз с британского индийского парохода? Или это была песня моряков на Красном море? На оба эти вопроса единственным ответом является неизменность Востока; и это дает, по крайней мере, вероятность того, что современные моряки могли бы легко присоединиться к хору Синдбада.

По словам Буркхардта, жители Джауфа в Северной Аравии в настоящее время наиболее известны своей музыкой. Они особенно искусно играют на *ребабе*. Этот инструмент можно считать национальным музыкальным инструментом. Он практически повсеместно распространен на всей территории полуострова и так же хорошо известен всем арабам, как волынка шотландцам. Я слышал, как пастушки из горного Йемена играли на наборе тростниковых трубок, грубо скрепленных между собой кусочками кожаных ремешков. Барабан *табл* распространен среди городских арабов и используется на их свадебных и обрядах обрезания, но по всей пустыне слышно только ребабу. Она очень проста в конструкции, когда ее изготавливают бедуины; более изысканные декоративные экземпляры производятся в городах. Изготавливается коробчатая рама, в нее вставляется палка ( ), в которой проделывается отверстие для одного колышка; затем на полые коробки натягивается кожа козленка; струна берется из хвоста кобылы, под нее подкладывается изогнутая веточка в качестве мостика, и музыкальный инструмент готов.

Время и размер часто бывают очень своеобразными и трудно уловимыми, но они соблюдаются с максимальной точностью, и Али-бей приводит пример, который, по его словам, «демонстрирует необычность такта, разделенного на пять равных частей, что Ж. Ж. Руссо считал возможным, но так и не смог осуществить». Вот как он это описывает; это поразительно напоминает песню лодочников в Бахрейне:



Однако песня, которую обычно слышишь, гораздо более монотонна, чем эта, и мелодия почти всегда зависит от прихоти исполнителя или певца, а иногда, увы, от его неспособности дать больше определенного количества вариаций!

Антар, один из их поэтов, сказал, что песня арабов похожа на жужжание мух. Это неплохое сравнение для тех, кто видел «мушиный базар» в Ходейде или Менаме во время сезона сбора фиников и слышал их бесчисленное жужжание. Однако Антар жил в «века невежества» и, скорее всего, имел в виду пение верблюдоводов, которое и без того достаточно плохо. Представьте себе, что следующее песня поется высоким монотонным тоном с бесконечным повторением.

«Я Руб саллимхум мин эль тахдид

Ва иджаад кавайхум амд хадид».

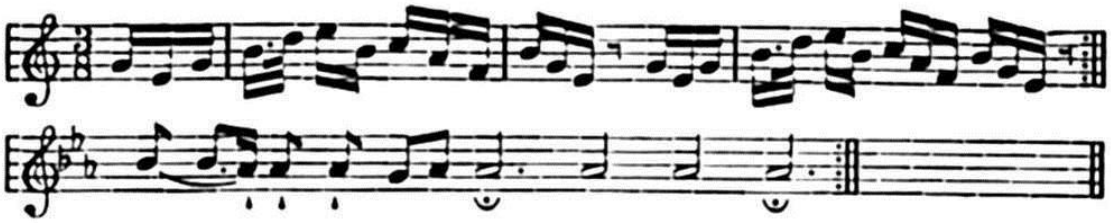
То есть, в свободном переводе:

«О Господи, убереги их от всех опасностей, которые проходят

И сделай их длинные ноги столбами из меди».

Для постороннего человека самым необычным в арабских песнях являются их протяженные тона в конце такта или припева, иногда равные трем целым нотам или любому количеству ударов. Доути, по-видимому, не оценил это, поскольку он пишет: «Некоторые, чтобы развеселить незнакомца, пели под хриплое аккомпанемент арабской виолы, создавая для себя музыку, подобную музыке Давида, и вытягивая голос в носу до несоразмерной длины, что не могло не вызвать у нас зевоту или смех». Однако есть певцы и певцы. Я помню румяного йеменского парня, который пел нам *касиды* во время сильного ливня в старом арабском кафе недалеко от Ибба. Певец был мастером своей изношенной ребабы, и ее музыка, казалось, овладевала им. То его рука нежно касалась струн, то снова скользила по ним сильным нервным движением, пробуждая музыку. Его голос тоже был чистым и сладким, хотя я не был достаточно сведущ в арабской поэзии, чтобы понять полный смысл его слов. Возможно, это было окружение или веселое общество дружелюбных арабов после моего уединения в Таизе и утомительного путешествия по горным перевалам, но я никогда не слышал более сладкой музыки в Аравии и часто слышал худшую в других местах. Да благословит Бог этого странствующего трубадура из Йемена!

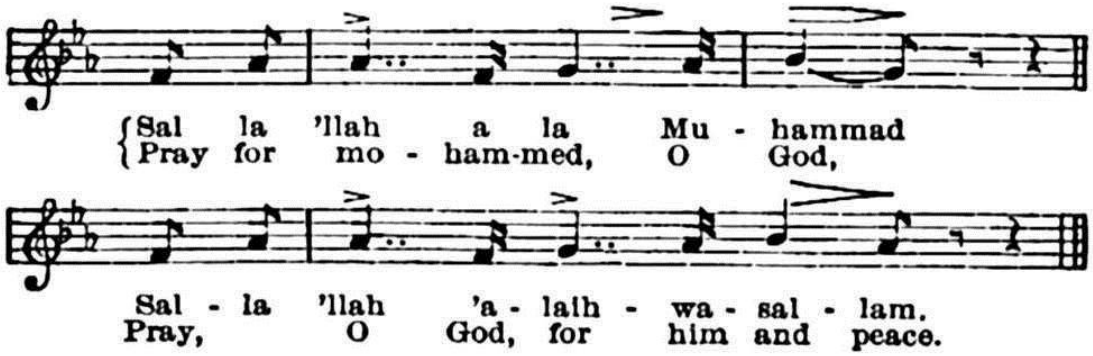
Вот песня из Мекки для женских голосов, приведенная Али-беем в его путешествиях (1815), и вторая, исполняемая женщинами Хиджаза в более монотонном стиле:



Такие песни называются *асамер*; любовные песни называются *ходжейни*, а военные песни известны как *хаду*. Арабская просодия и наука о метрах чрезвычайно обширны и, казалось бы, сложны. То, что мы называем рифмой, практически неизвестно, и все же каждый стих заканчивается одинаковым слогом в строфе стихотворения.

В Мекке, как и в других «религиозных» центрах, существует своего рода священная музыка, несколько образцов которой приводит Хургронье. Это песнопения в честь пророка или

молитвы за него ( ), которые поются на *Моледах* или праздниках в память о Мухаммеде. Вот два из них.

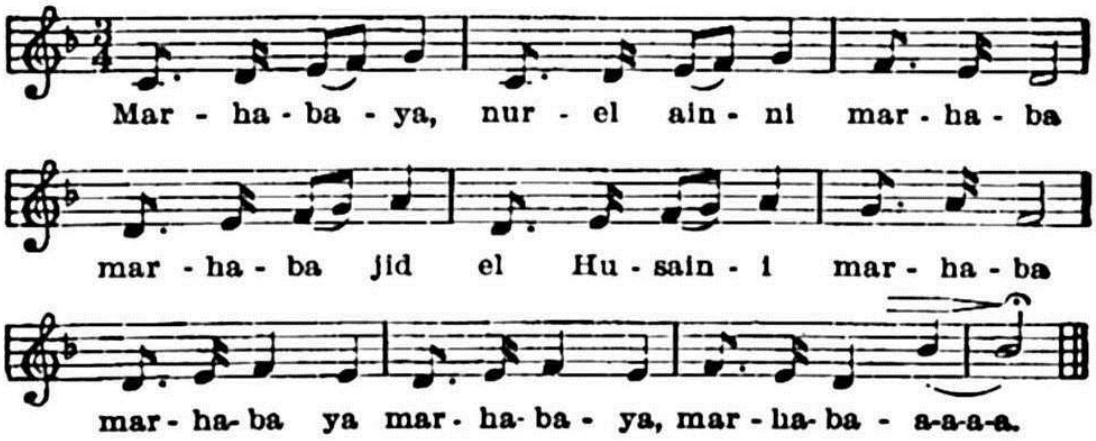


{Sal la ’llah a la Mu-hammad

{Молись за Мухаммеда, о Боже,

Сал-ла ’ллах ’а-лайх-ва-сал-лам

Молись, о Боже, за него и мир.



Мар-ха-ба-я, нур-эль айн-ни мар-ха-ба

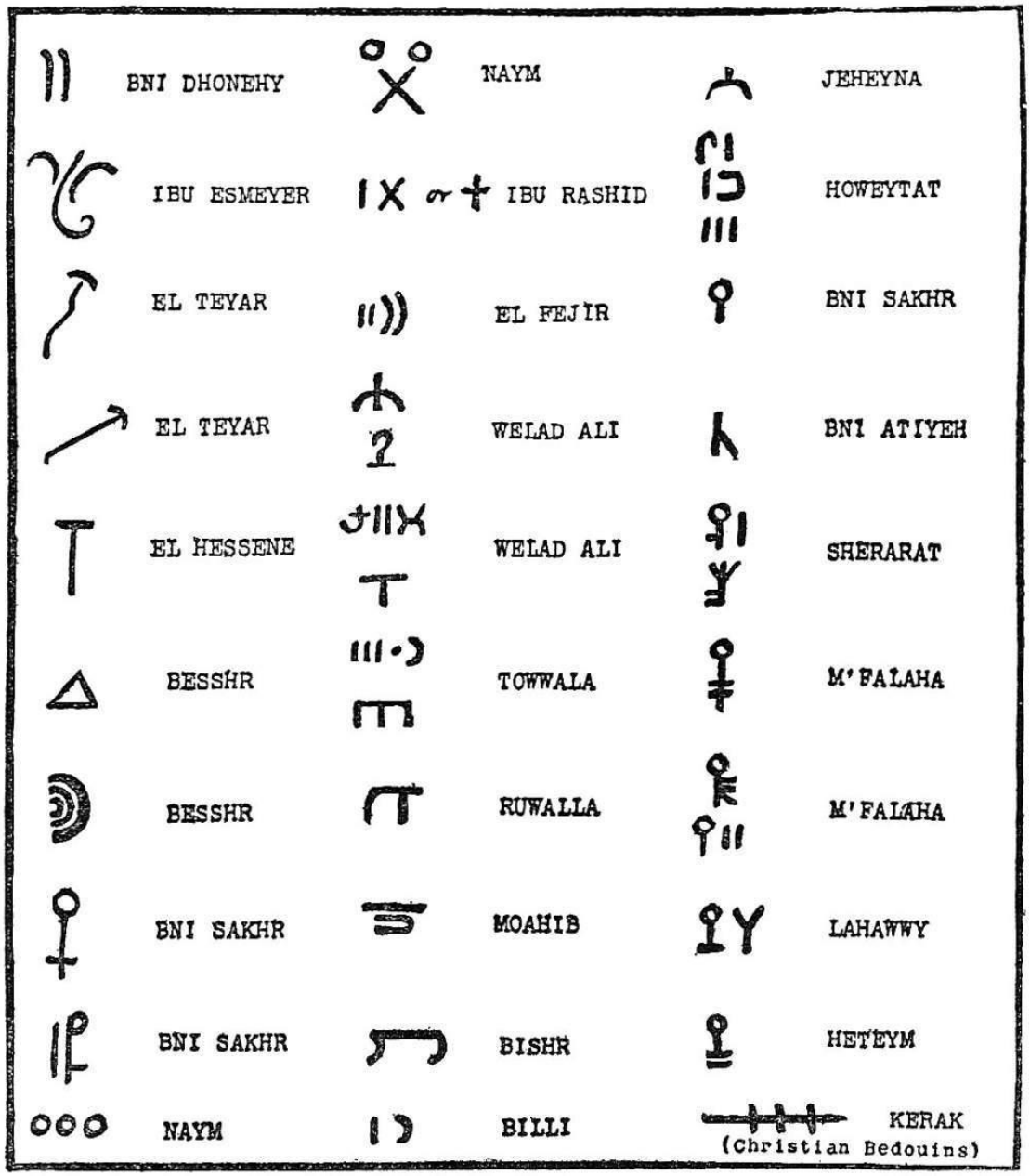
Мар-ха-ба джид эль Ху-сайн-и мар-ха-ба

Мар-ха-ба я мар-ха-ба-я, мар-ха-ба-а-а-а-а.

Однако в целом музыка считается явно светской, особенно инструментальная. Арабы, живущие в пустыне, не знают религиозных песен и поют только о любви и войне в старом диком стиле. Только вдали от мечети и каравана Ганим прочищает горло и поет голосом, который слышен за милю, когда мы оставляем его позади:

Арабы пустыни имеют свою собственную книгу для чтения, называемую *Атар*, и свой собственный вид письма, называемый *васм*. Нет такого бедуина, который был бы настолько невежественен, чтобы не уметь читать *Атар*, и нет такого тупого, чтобы не уметь писать *васм*.

Атр или *ильм эль-атхар* — это наука о следах; и, как свободные индейцы Америки, арабы увлечены изучением и быстро судят по следам на песке, оставленным людьми и животными. Настоящий араб, изучавший *athar*, может отличить следы друга от следов врага, а также определить племя или даже клан; по глубине следа он знает, был ли верблюд груженым или хромым; прошел ли человек вчера или неделю назад; по регулярности или нерегулярности следов он судит об усталости или преследовании. Если передние ноги верблюда вдавлены глубже, чем задние, он делает вывод, что у животного была слабая грудь; по отходам он узнает, откуда пришли верблюды и каков характер их пастбища. Буркхардт пишет о случаях, когда верблюдов удавалось отследить через шесть дней после кражи и идентифицировать.



ПЛЕМЕННЫЕ МЕТКИ или WASM АРАБОВ.

Чтобы идентифицировать собственность, ее необходимо маркировать, поэтому здесь находит применение родственная наука *wasm*. *Wasm* — это бедуинский товарный знак или

идеограмма, обозначающая его собственность, недвижимую и личную. Их происхождение неизвестно, хотя Доути говорит, что они часто напоминают химяритские буквы и, следовательно, могут происходить из Йемена. Каждая семья или племя имеет свой собственный клеймо или знак для скота. *Васм* маркируют не только личное имущество, такое как скот, но и бедуины ставят свои знаки на скалах возле любимых колодцев или пастбищ. Эти знаки являются единственными достоверными свидетельствами прежнего проживания племен. Многие племена имеют два или три разных *васма*; они принадлежат семейным группам.

Медицинские знания и лечение арабов заслуживают некоторого внимания. Арабы считают себя всегда больными и никогда не упускают возможности проконсультироваться с *хакимом* или врачом. Предполагается, что хаким знает как их болезнь, так и ее лечение по простому наблюдению; сказать врачу, по какой причине они обращаются к нему, было бы оскорблением его мудрости, а если он спросит их об этом, то это означает, что он не настоящий хаким. Согласно арабской номенклатуре, распространенными заболеваниями в Аравии являются: *Эль-Кибд*, *т. е.* печень, или все заболевания внутренних органов; *эр-рих*, буквально «ветер», или ревматизм и невралгия; *хумма*, лихорадка; *тахал* или малярия; *эль-хаса* или камни; офтальмия; «очарование» или истерика (например, когда говорят, что мужчина одержим джинном или на ребенка посмотрели сглазом); проказа, туберкулез, водянка, stranguria, язвы и старческий зуд. Для лечения всех этих заболеваний, а также других, не столь распространенных, но иногда эпидемических, таких как оспа и холера, арабы обращаются к хакиму. Все лекарства, за исключением амулетов, оберегов и экзорцизмов ( ), называются *дава (dawa)*. Их фармакопея не обширна, но весьма примечательна; в дополнение к простым травам пустыни, которые собирают и сушат их харимы, в крайних случаях они используют то, что является харам (запретным) и нечистым. К мне приходили пациенты за небольшим кусочком свинины (которую, как они полагают, едят все христиане), чтобы вылечить кого-то, кто находится в отчаянном положении. Доути рассказывает, как среди бедуинов больным дают есть мясо падальщика и даже варят ослиный помет для приготовления зелья.

Кей, или каутеризация, является излюбленным средством лечения всех видов болезней; так же как и *хелал,* или прокалывание поверхности кожи раскаленным железом, а затем продевание нити через отверстие для облегчения нагноения. Едва ли найдется один араб из ста, у которого на теле нет следов кей; даже младенцев жестоко обжигают таким образом, чтобы избавить их от детских болезней. Когда *кей* не помогает, они прибегают к словам, написанным на бумаге, либо из Корана, либо, по закону противоположностей, к словам со злым, зловещим смыслом. Пациент «принимает» их, либо проглатывая вместе с бумагой, либо выпивая чернильную воду, в которой смывают надписи. Кровопускание также является верным средством от многих недугов. Арабский цирюльник одновременно является флеботомистом, каутеризатором и стоматологом. Его инструменты — их трудно назвать инструментами — очень примитивны, и он использует их с некоторым мастерством, но без всякой пощады. Пойдя в нужное место в любом крупном арабском городе, вы всегда увидите ряд мужчин, сидящих на корточках с согнутой спиной, чтобы им пустили кровь; баночный массаж и скарификация — два самых популярных метода, хотя некоторые довольно искусно вскрывают вены. Медицина в городах не намного опередила медицину в пустыне — больше теории, но еще меньше естественного интеллекта. Чтобы болезнь считалась серьезной, она должна быть связана с одним из четырех темпераментов или «гуморов Гиппократа».

Лекарства бывают горячими и холодными, влажными и сухими; и та же четверная классификация различает все недуги. Существует только четыре элемента, и звезды должны

быть благоприятны, чтобы вызвать быстрое излечение. Все, что назначается, должно быть твердым и материальным; если оно горькое и болезненное, тем лучше. Грубые меры сильнее воздействуют на воображение, и в таких случаях исцеление верой становится реальностью. Бертон приводит этот образец правильного рецепта:

«А.»[100]

«Во имя Аллаха, милосердного, милостивого, и благословения и мира да будут с нашим Господом, апостолом, его семьей и всеми его сподвижниками. Но после этого пусть он возьмет пчелиный мед, корицу и яичный белок, по половине части каждого, и имбирь, целую часть, которые пусть он растолчет и смешает с медом и сформирует в шарики, каждый шарик весом в митхал, и из него пусть он использует каждый день митхал, натощак (то есть на голодный желудок, первым делом утром). Воистину, его эффект чудесен. И пусть он воздерживается от мяса, рыбы, овощей, сладостей, вызывающих вздутие живота продуктов, кислот всех видов, а также от большого омовения и живет в полной тишине. Так он будет исцелен с помощью Царя-целителя, *то есть* Всемогущего. И мир».

Мед всегда считался панацеей в Аравии, согласно Корану и традиции. Единственное упоминание о медицине в откровении Мухаммеда — это следующее невежественное утверждение: «Из живота пчелы выделяется жидкость разного цвета, которая служит лекарством для человека» (Сура XVI, 71). Поскольку это единственное лекарство, предписанное Аллахом, неудивительно, что традиция подтверждает его эффективность следующим образом: «Однажды к Мухаммеду пришел человек и рассказал ему, что его брат страдает от сильной боли в животе; на что пророк велел ему дать ему немного меда. Человек последовал его совету, но вскоре вернулся и сказал, что лекарство не помогло. Мухаммед ответил: «Иди и дай ему еще меда, ибо Бог говорит правду, а живот твоего брата лжет», и после повторного приема дозы человек выздоровел».[101] Семена кориандра, перец мята, корица, сенна, корень ириса, шафран, алоэ, нитраты, мышьяк, кожура граната, сироп из фиников и уксус — вот некоторые из распространенных домашних лекарств Аравии. Все арабские женщины владеют знаниями о травах и искусством лечения, так что «хаким» едва ли может заработать на жизнь, если он придерживается исключительно своей профессии. Хургронье говорит, что «доктор медицины» из Мекки был также часовщиком, оружейником и производителем духов; чтобы заполнить свободное время, он занимался серебрением и торговал старыми монетами! Тем не менее, этот человек был главой своей профессии в Мекке и, как говорили, умел превращать неблагородные металлы и писать очень сильные заклинания.

В Аравии в качестве амулетов используются: маленький Коран, подвешенный на плечо; глава, написанная на бумаге и сложенная в кожаный футляр; некоторые имена Бога или их числовые значения; имена пророка и его сподвижников; зеленые камни без надписей; бусы, старые монеты, зубы, святая земля в маленьких мешочках. Амулеты носят не только сами арабы и их дети для защиты от сглаза, но и верблюды, ослы, лошади, рыбацкие лодки, а иногда их вешают над дверями жилищ. Арабы очень суеверны во всех отношениях. В Хиджазе, если ребенок очень болен, мать берет семь плоских хлебов и кладет их под его подушку; утром хлебы отдают собакам — и ребенок не всегда выздоравливает. Кольца носят для защиты от влияния злых духов; в комнате больного сжигают ладан или даже пахнущие смеси, чтобы прогнать дьявола; с той же целью на стены пишут мистические символы. Любовные зелья используются повсеместно и пользуются большим спросом; совершаются безымянные абсурдные поступки, чтобы обеспечить успешные роды. Все матери боятся

детей-ведьм, называемых *Ум-эль-субьян*; наркотики свободно используются для успокоения непослушных младенцев, и, естественно, смертность очень высока. Арабы, как правило, совершенно не знакомы с хирургией и акушерством, и если их медицинское лечение является чисто смешным, то их хирургия — жалко жестокой, хотя и никогда не намеренно. Во всей восточной Аравии *слепые* женщины предпочитаются в качестве акушерок (mid), и они используют каменную соль против послеродового кровотечения. Огнестрельные ранения в Бахрейне лечат припаркой из фиников ( ), лука и тамаринда; а от несчастных случаев в будущем защищаются ношением «свинцового амулета».

Существует много других суеверий, никак не связанных с лечением больных. Поклонение деревьям и камням все еще существует во многих частях Аравии, несмотря на так называемый «чистый монотеизм» ислама. Обе эти формы поклонения восходят к временам идолопоклонства и сохраняются в том же виде, частично благодаря санкции самого Мухаммеда, ведь разве не он сделал черный камень в Каабе центром своей системы молитвы? Священные деревья называются *Манахил*, местами, куда спускаются ангелы или джинны; ни один лист с таких деревьев не может быть сорван, и их почитают жертвоприношениями из кусочков мяса, в то время как они выглядят весело с кусочками ситца и бусин, которые каждый поклоняющийся вешает на святыню. Сразу за воротами Мекки в Джидде стоит одно из таких деревьев с толпой паломников; в Йемене их можно найти на каждой обочине дороги. [102]

XXVIII
ЗВЕЗДОЧТИТЕЛИ МЕСОПОТАМИИ [103]

«В далекой древности сабеизм распространился по Азии благодаря науке халдеев и оружию ассирийцев. Они поклонялись семи богам или ангелам, которые управляли движением семи планет и оказывали непреодолимое влияние на Землю... Они молились три раза в день, а храм Луны в Харане был местом их паломничества». — *Гиббон*.

В городах вдоль нижнего течения Евфрата и Тигра, особенно в Амаре, Сук-эш-Шухе, Бусре и Мохаммере, проживает интересный народ, известный под разными названиями: сабеи, назореи или христиане Святого Иоанна. Они называют себя мандеями и, хотя их число составляет всего четыре-пять тысяч человек, они всегда были и остаются совершенно отличными от евреев, мусульман и христиан, среди которых они проживают на протяжении веков. Их происхождение теряется в тумане неизвестности, хотя немногие ученые, изучавшие этот вопрос, прослеживают их историю через лабиринт их религии до древней Вавилонии и Халдеи. В этом остатке расы и религии мы, по-видимому, имеем пример древнейшей формы идолопоклонства, поклонения звездам, и многие из их таинственных обычаев могут пролить боковой свет на культ древней Вавилонии. Мандеизм представляет глубокий интерес не только как «единственная существующая религия, состоящая из христианских, языческих и иудейских элементов»[104], но и как еще одно доказательство раннего распространения религиозных идей на Востоке и вавилонского происхождения большей части того, что считается александрийским гностицизмом в полухристианском, полуязыческом обличье.

В английской Библии название *«сабеи»* вызывает недоумение, и хотя оно используется в отношении трех разных племен или народов, ни один из них не имеет никакого отношения к современным мандеям, за исключением упомянутых в Книге Иова. Термин «сабеи» также используется в Коране, где он, несомненно, относится к народу и доказывает, что к моменту возникновения ислама их численность и поселения были далеко не незначительными. Коран признает их отличными от идолопоклонников и ставит их в один ряд с иудеями и христианами как народ книги[105]. Из этого очевидно, что сабеи не могли быть, как утверждают некоторые, незначительной христианской сектой или идентичны с гемеро-баптистами. Хотя они и отдают особое почтение Иоанну Крестителю, *их ни в коем случае нельзя назвать христианами*.

Изолированные своим вероучением, культом и языком, сабеи[106] любят свою изоляцию и не вступают в браки с чужаками, а также не принимают прозелитов в свою веру. Почти все они занимаются одним из трех ремесел. Они производят лучшие молочные продукты Месопотамии, строят особый вид легких каноэ, называемых *машхуф*, а все остальные являются серебряными дел мастерами. Ни один путешественник не должен посещать их деревни, не увезти с собой образцы их прекрасной инкрустации ( ) — черного металла на серебре и золоте. Это мирный народ, трудолюбивый, хотя в основном бедный и редко доставляющий хлопот своим турецким правителям. И мужчины, и женщины имеют замечательную физическую форму; высокие, смуглые, с хорошими чертами лица и длинными черными бородами, некоторые мужчины — типичные патриархи, даже такие, как мы представляем себе Авраама, который покинул их нынешнюю страну и ушел в Харан. В обычные дни их одежда не отличает их от мусульман или евреев, но в праздничные дни они носят только белое. Их женщины ходят без покрывала; они довольно высокие и имеют более мужественные черты лица, чем мусульманские женщины.

Образцы курсивного письма мандаитов *( ) с транслитерацией и переводом*.

= Àssooda hāvilak	=	peace be to you.
= kethkŭm skawee	=	how much is it?
= ana libba kabeelak	=	I love you much.
= kasbah we dahwah	=	silver and gold.
= hofshaba rabba	=	great day (Sunday)
= atran hofshaba	=	Monday.
" = aklatha	=	Tuesday.
" = arba	=	Wednesday
" = hamsha	=	Thursday.
" = shitta	=	Friday.
" = shuvah	=	Saturday.

- Àssooda hāvilak = мир вам.
- kethkŭm skawee = сколько это стоит?
- ana libba kabeelak = я очень люблю тебя.
- kasbah we dahwah = серебро и золото.
- хофшаба рабба = великий день (воскресенье)
- atran hofshaba = понедельник.
- аклата = вторник.
- арба = среда
- хамша = четверг.
- шитта = пятница.
- шува = суббота.

Две великие вещи, которые отличают сабеев, — это их язык и их религия. Обе они замечательны. Первая — из-за ее долгого сохранения среди умирающего народа, а вторая — как наиболее замечательный пример религиозного синкретизма.

Естественно, что на базарах всей речной страны говорят на арабском языке; все сабейцы говорят на нем, и значительная часть из них умеет читать и писать; но помимо этого у них есть свой собственный домашний язык, язык их священных книг, который называется мандаитским. Он настолько близок к сирийскому, что его можно было бы назвать диалектом, но у него есть свой алфавит и грамматика, и их письменность и речь не вполне понятны сирийскоязычным христианам из Мосула. Райт говорит, что их алфавитные символы больше всего похожи на набатейские, а их язык — на язык вавилонского Талмуда.[107] Одной из

особенностей является то, что буквы называются с помощью гласной ā, а не специальными именами, как в других семитских языках. Самые старые рукописи на мандаитском языке датируются XVI веком и хранятся в европейских библиотеках (Париж и Оксфорд). Но, по мнению Нёльдеке, золотой век их литературы, когда их религиозные книги приобрели окончательную и нынешнюю форму, пришелся на 650-900 годы нашей эры. В настоящее время немногие могут читать или писать на их языке, хотя все могут на нем говорить, и из религиозных соображений они отказываются учить тех, кто не принадлежит к их вере, даже первому уроку, за исключением тайных занятий.

Несмотря на то, что я много лет встречался с сабеями и был их гостем во время частых путешествий вверх и вниз по рекам, я не смог найти удовлетворительного ответа на вопрос, в чем заключалась их настоящая вера и культ. Популярная история о том, что они обращаются к Полярной звезде, когда молятся, и «крестятся» каждое воскресенье, была всем, что могли рассказать мусульмане или христиане. Книги о путешествиях давали фрагментарные, противоречивые и часто грубо ошибочные сведения. Согласно , по некоторым сведениям они были идолопоклонниками, по другим — их относили к христианам. Анонимная статья в лондонской газете *«Стандарт»* от 19 октября 1894 года под названием «Молитвенное собрание поклонников звезды» любопытным образом дала мне ключ к разгадке их молчания. Тот, кто ее написал, должно быть, был прекрасно знаком с их религиозными обрядами, потому что, когда я перевел ее группе сабеев в Амаре, они были ошеломлены. Зная, что я *что-то* знаю, им было легче рассказать мне больше. Статья, о которой идет речь, частично гласила следующее:

«Так случилось, что в последний день года отмечается праздник поклонников звезд, известный как *Каншио Захло*, или день отречения. Это канун нового года, великая ночь бдения секты, когда проводится ежегодное молитвенное собрание и совершается торжественное жертвоприношение Аватеру Рамо, судье подземного мира, и Птахиэлю, его коллеге; а фигуры в белых одеждах, которые мы наблюдаем внизу, у реки, — это члены секты, которые готовятся к молитвенному собранию и сопутствующим ему церемониям.

«Сначала они должны воздвигнуть свою *Мишкна*, свой скинию или открытый храм; ведь, как ни странно, у секты нет постоянного дома поклонения или места собраний, но они воздвигают его перед своим праздником и как раз к моменту его празднования. И именно этим они сейчас заняты в нескольких метрах от воды, когда мы подъезжаем к этому месту. Старейшины под руководством *шкандо*, или диакона, который руководит ими, собирают пучки длинных камышей и прутьев ( ), которые они быстро и ловко плетут в своего рода корзины. Прямоугольное пространство длиной около шестнадцати футов и шириной двенадцать футов отмечается более крепкими тростниками, которые плотно вбиваются в землю и затем связываются прочной веревкой. К ним прочно прикрепляются квадраты из плетеных тростников и прутьев, образуя наружные стены скинии. Боковые стены проходят с севера на юг и имеют высоту не более семи футов. Два окна, или, вернее, проемы для окон, оставлены на востоке и западе, а на южной стороне сделано место для двери, так что священник , входя в здание, сразу же видит Северную звезду, великий объект их поклонения. В центре огороженного тростником пространства воздвигнут алтарь из утрамбованной земли, а промежутки между стенами хорошо замазаны глиной и мягкой землей, которая быстро затвердевает. С одной стороны алтаря размещается небольшая печь из темной глины, а с другой — небольшая ручная мельница, которая обычно используется на Востоке для помола муки, вместе с небольшим количеством древесного угля. Рядом с южной стеной в земле выкопана круглая чаша диаметром около восьми футов, к которой от реки проложен короткий канал или русло. В него течет вода из ручья и вскоре

наполняет маленький резервуар до краев. Затем грубо сооружаются две крошечные хижины или лачуги, также сделанные из тростника и лозы, каждая из которых достаточно велика, чтобы вместить одного человека: одна рядом с бассейном с водой, другая — на дальнем конце южной стены, за входом. Вторая из этих хижин или лачуг является священной для *Ганзивро*, или первосвященника поклонников звезд, и ни один мирянин не имеет права даже прикоснуться к ее стенам руками после того, как она построена и установлена на место. Дверные и оконные проемы здания теперь завешены белыми занавесками; и задолго до полуночи, часа, когда начинается молитвенное собрание, маленькая *Мишкна*, или скиния под открытым небом, готова к торжественной церемонии.

«Ближе к полуночи поклонники звезд, мужчины и женщины, медленно спускаются к *Мишкне* у реки. Каждый, по прибытии, входит в крошечную хижину из прутьев у южной стены, раздевается и купается в маленьком круглом резервуаре, а *тармидо*, или священник, стоит рядом и произносит над каждым формулу: *«Эшмо д'хай, Эшмо д'манда хай мадхкар* элах» («Имя живого, имя живого слова, да будет запомнено о тебе»). Выйдя из воды, каждый надевает *раста*, церемониальную белую одежду, характерную для поклонников Звезды, состоящую из *садро*, длинной белой рубашки, достигающей земли; *нассифо*, шарфа- , или палантина, обернутого вокруг шеи и спадающего до колен; *хиниамо*, или пояса из шерстяного материала; *габуа*, квадратного головного убора, достигающего бровей; *шалуал*, или белый плащ; и *канзоло*, или тюрбан, обернутый вокруг головного убора *габуа*, один конец которого свисает с плеча. *Раста* обладает особой святостью, поскольку одежды, из которых он состоит, являются теми, в которых хоронят каждого поклонника Звезды, и в которых он, по его вере, предстанет перед судом Аватара в подземном мире *Матерото*. Каждый, как только он так одевается, переходит на открытое пространство перед дверью скинии и садится там на землю, приветствуя присутствующих обычным *Sood Havilakh*, «Благослови тебя», и получая в ответ обычный ответ *Assootah d'haï havilakh*, «Благослови тебя живой».

«По мере приближения часа церемонии число участников увеличивается, и к полуночи перед *Мишкной* выстраивается около двадцати рядов этих фигур в белых одеждах, мужчин и женщин, которые в тишине ожидают прихода священников. Пара *тармидо*, с лампами в руках, охраняет вход в скинию и не отрывает глаз от созвездия Большой Медведицы на небе. Как только они достигают положения, обозначающего полночь, священники дают сигнал, помахивая лампами, которые они держат, и через несколько мгновений духовенство секты выходит в процессии. Впереди идут четыре из *« » шкандос*, молодые диаконы, одетые в *расту*, с добавлением шелковой шапки, или *тага*, под тюрбаном, чтобы обозначить их звание. За ними следуют четыре *tarmidos*, рукоположенные священники, прошедшие крещение мертвых. Каждый из них носит золотое кольцо на мизинце правой руки и несет крест в форме тау из оливкового дерева, чтобы показать свой статус. За *tarmidos* идет духовный глава секты, *Ganzivro*, священник, избранный своими коллегами, который полностью отрекся от мира и считается мертвым и находящимся в царстве блаженных. , сопровождают четыре других диакона. Один из них держит над головой большой деревянный крест в форме буквы «тау», известный как *derashvod zivo*, который символизирует его религиозную должность; второй несет священные писания поклонников Звезды, *Sidra Rabba*, «великий Орден», две трети которого составляют литургию живых, а одна треть — ритуал мертвых. Третий из диаконов несет двух живых голубей в клетке, а последний — мерку ячменя и кунжута.

«Процессия проходит через ряды сидящих верующих, которые наклоняются и целуют одежды *Ганзивро*, когда он проходит мимо них. *Тармидос*, охраняющие вход в скинию,

отдергивают занавес над дверью, и священники входят в ряд, диаконы и *тармидос* справа и слева, оставляя *Ганзивро* стоять в одиночестве в центре, перед земляным алтарем, обращенным к Полярной звезде. Священная книга *Сидра Рабба* кладется на алтарь, сложенная в том месте, где литургия живых отделена от ритуала мертвых. Первосвященник берет одного из живых голубей, поданных ему *шкандо*, протягивает руки к Полярной звезде, на которую он устремляет свой взгляд, и выпускает птицу, громко восклицая: *«Бшмо д'хай рабба мшабба зиво кадмайя Элаха Эдмен Нафши* Эпра», «Во имя живого, благословенно первозданное свечение, древнее свечение, самосозданное Божество». Слова, ясно произнесенные внутри, отчетливо слышны верующим снаружи, и все в один голос фигуры в белых одеждах поднимаются со своих мест и падают ниц на землю в сторону Полярной звезды, на которую они молча смотрели.

«Без шума верующие возвращаются на свои места на земле снаружи. Внутри *Мишкны*, или скинии, *Ганзивро* отступает в сторону, и его место немедленно занимает старший священник, *тармидо*, который открывает *Сидра Рабба* перед собой на алтаре и начинает читать *Шомхотто*, «исповедь» секты, модулированным пением, его голос то повышается, то понижается по мере чтения, и время от времени заканчивает « » громким и нарастающим *«Mshobbo havi eshmakhyo Manda* d'*haï*», «Благословенно имя твое, о источник жизни», которое прихожане снаружи подхватывают и повторяют, склонив головы и закрыв глаза руками.

«Пока идет чтение, два других священника поворачиваются и готовят *Peto elayat*, или высшую тайну, как они называют свое причастие. Один разжигает угольный огонь в глиняной печи рядом с алтарем, а другой измельчает часть ячменя, принесенного диаконом. Затем он отжимает масло из кунжутных семян и, смешивая ячменную муку с маслом, готовит тесто, которое он замешивает и разделяет на небольшие лепешки размером с двухшиллинговую монету. Их быстро кладут в печь или на печь и выпекают, а снаружи продолжается пение литургии *Шомхотто* с ее ровным напевом и ответом *«Мшоббо хави эшмакхио»*. Четвертый из *тармидос* берет голубя, оставшегося в клетке, у стоящего рядом с ним *шкандо*, или диакона, и быстро перерезает ему горло очень острым ножом, стараясь не пролить кровь. Затем его коллега приносит ему маленькие лепешки, и, все еще держа умирающего голубя, он наклоняет его шею над лепешками таким образом, чтобы на каждую из них упало по четыре капли, образуя священный *тау*, или крест. Во время продолжения чтения литургии лепешки разносят верующим снаружи два главных священника, которые их приготовили, и которые сами кладут их прямо в рот прихожанам со словами *«Rshimot bereshm d'haï»*, «Будь отмечен знаком живого». Четыре диакона внутри *Мишкны* обходят алтарь сзади и роют небольшую ямку, в которой затем хоронят тело мертвого голубя.

«Пение исповеди теперь завершается ведущим *тармидо*, и первосвященник, *Ганзивро*, возвращаясь на свое прежнее место перед Священной Книгой, начинает чтение *Массахто*, или «отречения» от умершего, направляя свои молитвы к Полярной звезде, на которую взгляд поклоняющихся снаружи остается устремленным на протяжении всего церемониального обряда и молитв. Эта звезда — *Олма д'нура*, буквально «мир света», первобытное солнце теогонии поклонников звезд, рай избранных и обитель благочестивых в загробной жизни. В течение трех часов продолжается чтение «отречения» первосвященником, прерываемое лишь изредка словами *Mshobbo havi eshmakhyo*, «Да будет благословенно имя твое», произносимыми участниками, сидящими снаружи, пока на рассвете громко и звонко раздается *Ano asborlakh ano asborli ya Avather*, «Я помню тебя, помни меня, о Аватер», — и это знаменует окончание молитв.

«Прежде чем Полярная звезда исчезает в бледном пепельно-сером свете приближающегося рассвета, овца, проведенная ночь в загоне у реки, приводится в скинию одним из четырех *шкандо* для жертвоприношения Аватеру и его спутнику, божеству Птахиэлю. Это баран, поскольку поклонники Звезды никогда не убивают овец и не едят их мясо, когда они убиты. Животное кладут на тростник, головой на запад, а хвостом на восток, а *Ганзивро* стоит за ним, лицом к Звезде. Сначала он орошает водой свои руки, затем ноги, воду ему приносит диакон. Один из *тармидос* становится рядом с ним и кладет руку на плечо *Ганзивро*, говоря: «*Ана* шаддах», что означает «Я свидетельствую». Первосвященник наклоняется к Полярной звезде, достает острый нож из-за пояса и, произнося формулу «Во имя Алахи, Птахиэль создал тебя, Хибель Сиво разрешил тебя, и я убиваю тебя», перерезает овце горло от уха до уха и позволяет крови стекать на соломенные маты, на которых лежит животное. Четыре диакона выходят наружу, омывают руки и ноги, затем снимают с овцы шкуру и разрезают ее на столько частей, сколько есть причастников снаружи. Куски теперь распределяются между верующими, священники покидают скинию в том же порядке, в котором они пришли, и с прощальным благословением от *Ганзивро*, *Ассутад д'хай хавилах*, «Благословение живого сопровождает тебя », молитвенное собрание заканчивается, и поклонники Звезды тихо возвращаются в свои дома, прежде чем багровое солнце успевает выглянуть из-за горизонта».

Какая мозаика церемоний и какое смешанное культовое богослужение на этом молитвенном собрании на берегу реки! Сабеи из Амары говорят мне, что каждая мелочь описана верно, но сами не дают ключа к разгадке этого лабиринта. Здесь можно увидеть иудаизм, ислам и христианство, как бы привитые к одному старому халдейскому стволу. Гностицизм, поклонение звездам, крещения, любовные пиры, жертвоприношения, орнитомантия и многое другое в одной путанице. Жертвоприношение голубя внешне очень похоже на то, что описано в законе Моисея об очищении прокаженного и его вещей, и, возможно, заимствовано из этого источника[108]. Но насколько антиеврейским является употребление крови и поклонение звездам[109]! Крест крови кажется христианским элементом, как и причастие хлебом, но с точки зрения Нового Завета это не согласуется со всем, что предшествует этому.

Тем не менее, за этим любопытным культом стоит целая система догм, и без нее невозможно понять сам культ. Сабеизм — *это религия книг*, и у него есть такой объем священной литературы, что немногие когда-либо имели терпение изучить даже ее часть. Первое место занимает *Сидра Рабба*, или Великая Книга. Экземпляр, который я изучал, содержит более пятисот больших страниц текста в формате quarto, разделенных на две части: «правое» и «левое» завещание; они начинаются с разных концов книги и скреплены вместе так, что когда читаешь «*пра*вое» завещание, «левое» оказывается вверх ногами. Другое название Великой книги — *Гинза*, Сокровище. Именно из этого сокровищницы мы в основном черпаем элементы их космогонии и мифологии[110].

Первым из всех был Пера Рабба, великая Бездна. Вместе с ним «Сияющий эфир» и Дух Славы (*Мана Рабба*) образуют первоначальную триаду, подобную гностической и древней аккадской триаде. Кесслер заходит так далеко, что утверждает, что это одно и то же. От Мана Раба, который является царем света, исходит *Ярдана Рабба*, великий Иордан. (Это элемент

гностицизма.) Мана Рабба призвал к жизни первый из эонов, Первоначальную Жизнь, или *Хайе кадема*. Это действительно главное божество сабеев, и все их молитвы начинаются с призыва к нему. От него снова исходят вторичные эманации, *Юшамим* (*т. е.* Ях небесный) и *Манда Хайе*, посланник жизни. Последний является посредником в их системе, и от него все те, кто принимают его посредничество, называются *мандаистами*. Юшамим был наказан за попытку возвыситься над Первоначальным Светом и теперь правит миром низшего света. Манда все еще «покоится в лоне Первородного света» (*ср.* Иоанн i. 18) и имел серию воплощений, начиная с Авеля (Хибила) и заканчивая Иоанном Крестителем! Помимо всех этих, есть еще третья жизнь, называемая *«Атика»*, которая создала тела Адама и Евы, но не могла дать им дух или заставить их стоять прямо. Если вавилонская троица или триада имеет свой аналог в мандейских *Пера*, *Айар* и *Мана Рабба*, то *Манда Хайе* явно является ни чем иным, как древним вавилонским Мардуком (Меродахом), первенцем, посредником и искупителем. *Хибил*, первое воплощение Манды, также борется с тьмой в подземном мире, как и Мардук с драконом Тиамат.

В сабейском подземном мире есть множество правителей, среди которых первые места занимают: *Зартай*, *Зартанай*, *Хаг*, *Маг*, *Гаф*, *Гафан*, *Анатан* и *Кин*, с многочисленными адами и вестибюлями в обильном кон ном слиянии. Хибил спускается сюда и из четвертого вестибюля уносит женского дьявола *Руху*, дочь Кина. Кесслер утверждает, что эта Руха на самом деле является антихристианской пародией на Святого Духа, но из разговоров с сабеями я не могу поверить, что это правда. Благодаря своему сыну *Уру* Руха становится матерью всех планет и знаков зодиака. Они являются источником и управляющими всего зла в мире и поэтому должны быть умилостивлены. Но небо и неподвижные звезды чисты и ясны, они являются обителью Света. Центральным солнцем является Полярная звезда с драгоценной короной, стоящая перед дверью Абатура, или «отца великолепия». Эти «великолепия», эоны или первичные проявления божества, по преданию, насчитывают триста шестьдесят (семитский способ выражения множества), с именами, заимствованными из парсийской ангелологии (зороастризм). Мандеи считают всех святых Ветхого Завета, кроме Авеля и Сета, ложными пророками (гностицизм).[111] Истинную религию исповедовали древние египтяне, которые, по их словам, были их предками. Еще одним ложным пророком был *Ишу Машиха* (Иисус Христос), который на самом деле был воплощением планеты Меркурий. Иоанн Креститель, *Яхья*, появился за сорок два года до Христа и был на самом деле воплощением Манды, как и Хибил. Он крестил в Иордане и по ошибке также совершил обряд крещения Иисуса.

Около 200 года н. э., как они говорят, в мир пришло 60 000 святых из войска фараона и заняло место мандеев, которые были истреблены. Не является ли это возможной аллюзией на распространение гностической ереси и слияние некоторых гностиков с тогдашней сабейской общиной? Говорят, что их первосвященник тогда проживал в Дамаске; то есть их религиозный центр находился между Александрией и Антиохией, двумя школами гностицизма.

Мухаммед, согласно их системе, был последним ложным пророком, но божественная сила удержала его от нанесения им вреда, и они процветали до такой степени, что во времена Аббасидов у них было четыреста центров поклонения в Вавилонии.

Мандейское священство имеет три степени: *тармида* или *таамида* («ученик» или «крещение»), *шканда* («диаконы») и *ганзивра* («верховный священник», буквально хранитель Гинзы или Великой Книги). Покойный Ганзивра был шейхом Яхья, человеком многогранным и хорошо разбирающимся в их литературе, который долгое время жил в Сук-эс-Шиукхе. Их нынешний первосвященник называется шейхом Сахном и в свое время был заключен в

тюрьму в Бусре по обвинению в подстрекательстве к восстанию арабских племен около Курны, на слиянии Тигра и Евфрата.

Сабеи отмечают шесть великих праздников помимо еженедельного субботнего дня (воскресенья). Один из праздников посвящен победе Авеля в мире тьмы, другой — утоплению армии фараона, но главный праздник, *Пантша*, посвящен крещению. Он отмечается летом, и все сабеи обязаны креститься, окропляясь водой три раза в день в течение пяти дней. Регулярные воскресные крещения погружением в проточную воду в основном являются добровольными и заслуживающими похвалы: последние соответствуют мусульманским законам очищения и проводятся после прикосновения к мертвому телу, рождения ребенка, брака и т. д.

Моральный кодекс сабеев почти во всех деталях соответствует Ветхому Завету. Полигамия разрешена в пределах пяти жен и даже рекомендуется в Сидра Рабба, но редко практикуется. Они не практикуют обрезание; это важно, поскольку доказывает, что они не имеют арабского происхождения. У них нет святых мест или церквей, кроме тех, которые мы описали, построенных на одну ночь на берегу реки.

История о том, что они отправляются в паломничество в Харан[112] и посещают пирамиды как гробницу Сета[113], по-видимому, является мифом. Они дружелюбно относятся к христианам всех сект и любят создавать впечатление, что, поскольку они почитают Иоанна Крестителя, они более близки к нам, чем евреи и мусульмане. Конечно, они отрицают, что не признают Иисуса истинным пророком, как и все другие статьи своей веры, которые считают мудрым или безопасным держать в тайне.

Все наши исследования заканчиваются так же, как и начинались: мы приходим к выводу, что сабеи «поклоняются тому, чего не знают», и исповедуют вероучение, происхождение которого для них остается тайной, а элементы которого, собранные со всех концов земли, столь же разнообразны, сколь и несочетаемы. Кто способен классифицировать эти элементы или среди столь разнородных *обломков* докопаться до первоначальных основ структуры? Если бы мы могли, разве мы не вернулись бы, как и во многих других случаях, к Вавилонии и ее памятникам?

XXIX
РАННЕЕ ХРИСТИАНСТВО В АРАВИИ

«А некоторые упали среди терний» — *Матфей*, XIII, 7.

«Но пока люди спали, пришел враг его и посеял между пшеницей плевелы и ушел. Когда же выросла трава и принесла плод, тогда появились и плевелы. Тогда пришли слуги хозяина дома и сказали ему: господин, разве ты не сеял доброго семени на поле твоем? Откуда же на нем плевелы? Он сказал им: враг сделал это». — *Матфея* xiii. 25-28.

В Деяниях апостолов записано, что арабы, или арабские прозелиты, присутствовали на иудейском празднике Пятидесятницы. Поэтому мы должны вернуться к временам апостолов, чтобы найти истоки христианства в Аравии. Остается неизвестным, были ли эти арабы из северной части полуострова, граничащей с Сирией, из владений аравийского царя Харета (Аретаса) или же они были еврейскими прозелитами из дальних еврейских колоний Йемена. В любом случае, они, без сомнения, унесли с собой домой что-то из пятидесятнического послания или благословения. Упоминания о Аравии в Новом Завете не являются отрывочными и единичными, но тесно связаны со всем откровением Ветхого Завета о Божьих отношениях с Измаилом и его потомками.

В Послании к Галатам[114] Павел пишет: «Я не пошел в Иерусалим к тем, кто был апостолами до меня, но пошел в Аравию и снова вернулся в Дамаск». Что делал великий апостол язычников в Аравии? Рассмотрение этого вопроса даст нам лучшую точку зрения для анализа более позднего подъема христианства не только в Северной Аравии, но и в Неджране и Йемене. «Завеса густой тьмы», — говорит Лайтфут, — «окутывает посещение Святым Павлом Аравии». Конкретная часть Аравии, которую он посетил, продолжительность его пребывания, мотив его поездки, маршрут и то, что он там делал, — все это остается неизвестным. Мы можем нарисовать карту и рассказать историю всего, кроме первого великого путешествия апостола. Безусловно, первое путешествие нового Савла из Тарса не могло быть без какой-то великой цели. Вероятная продолжительность его пребывания, которую некоторые оценивают всего в шесть месяцев, но которая могла составить и два года[115], также указывает на некоторую важность этого события.

Возможно, во время пребывания в пустыне этому Илии и Моисею нового завета были явлены видения и откровения, но вряд ли можно предположить, что в этот критический момент в истории ранней церкви столь длительное время было занято только этим. Поэтому мы видим, что самые ранние комментаторы считают, что посещение Павлом Аравии было его первым миссионерским путешествием и что он «не советовался с плотью и кровью», а отправился в Аравию проповедовать Евангелие[116]. «Посмотрите, как горяча была его душа, — говорит Златоуст, — он стремился занять еще не возделанные земли, он сразу же напал на варварский и дикий народ, выбрав жизнь, полную конфликтов и тяжелого труда». Идея о том, что Павел отправился проповедовать сразу после своего обращения, естественна; и то, что он, как апостол язычников, должен был сначала искать тот народ, который также был сыном Авраама и наследником многих ветхозаветных обещаний и чьи представители присутствовали в день Пятидесятницы, не является невероятным.

Но если Павел отправился в Аравию и проповедовал Евангелие, то куда и к кому он пошел? Определенный ответ на эти вопросы недостижим, поскольку откровение молчит, но (1) Местом, скорее всего, был Синайский полуостров или область к востоку от Синая (Роулинсон). (2) Есть более одной причины согласиться с Иеронимом и более поздними авторами в том, что он отправился к племени, где его миссия не увенчалась успехом с точки

зрения видимых результатов. (3) Единственными жителями пустыни тогда, как и сейчас, были арабские бедуины, и о вероятности того, что Павел также знал их жизнь и обычаи, Робертсон Смит дает любопытную иллюстрацию в аллюзии к Галатам 6:17, говоря о татуировках в религии. [117]

Существовало ли во времена Павла арабское племя в регионе к юго-западу от Дамаска, к которому пришел миссионер с новым и странным посланием, которое не было благосклонно принято, но которое эти арабы не могли забыть?

Мы находим любопытную легенду, включенную вместе с другими кочевыми обрывками в водоворот бормотаний Мухаммеда, которая может помочь ответить на этот вопрос. Речь идет о Неби Салихе, или «добром пророке», который пришел к народу Тамуд[118] и чья личность и миссия являются такой же загадкой для мусульманских комментаторов, как и посещение Павлом Аравии для нас. Европейские критики предполагают, что он тождественен Шелаху из Бытия xi. 13! Но и этимология, и хронология дают для этого весьма скудные основания. Палмер выдвигает теорию, что Неби Салих — это не кто иной, как «праведный пророк» Моисей[119]; но трудность заключается в том, что это отсылает легенду слишком далеко в историю. Маловероятно, что народ Тамхуда «высекал дома в горах», подобные тем, которые можно найти сегодня, еще во времена Моисея. Старый Завет также не указывает время, когда Моисей пришел к арабам с Божественным посланием. Кроме того, легенда, очевидно, является местной, о которой узнал Мухаммед, иначе она была бы более известна ему, который так много заимствовал от прежних пророков; и если это *местная* легенда, то она не является легендой о Моисее, поскольку он упоминается более семидесяти семи раз в Коране ( ), и его история была хорошо известна в Аравии, по крайней мере, до Йемена.

Суть легенды лежит в основе текста; что говорит Коран? Неби Салих пришел как «брат»[120] и сказал: «О, мой народ, поклоняйтесь Богу. У вас нет другого Бога, кроме Него[121]. К вам пришел явный знак от вашего Господа[122]... И помните, как Он сделал вас наместниками после Ада и утвердил вас на земле... и помните о благодеяниях Бога[123]. Вождь тех, кто был полон гордости *из числа его народа* (фарисеи или иудеи из Дамаска?), сказал тем, кто верил из их числа: «Знаете ли вы, что Салих послан от своего Господа? (*т. е.* его Господь не является вашим истинным Богом). Они сказали: «Мы верим в то, с чем он послан (Евангелие?)». «Сказали те, кто был полон гордости: «Воистину, мы не верим в то, во что вы верите». Этот отрывок снова имеет важное значение: «И он отвернулся от них (вернулся в Дамаск?) и сказал: «О, мой народ, я проповедовал вам послание моего Господа[124] и давал вам добрые советы, но вы не любите искренних советников». Разве эта история не имеет точек соприкосновения с тем, что могло быть опытом такого человека, как Павел, среди подобного народа?

Тот факт, что в Эль-Ватие (Палмер) находится так называемая гробница Неби Салиха, не имеет большого значения для любой теории относительно личности пророка. В Аравии есть гробницы Иова на Верхнем Евфрате, Евы в Джидде, Каина в Адене и других «пророков», где в этом есть потребность. Но интересно узнать от ученого автора книги «*Пустыня Исхода*»: «Происхождение и история Неби Салиха совершенно неизвестны нынешним бедуинским жителям, но тем не менее они относятся к нему с большим национальным почитанием, чем даже к самому Моисею». Если его почитают больше, чем Моисея, почему бы ему не быть более поздним, чем Моисей, — величественнее Моисея, — даже *Саулом из Тарса*? Является ли эта теория лишь надуманной или , подтверждается ли она ранним распространением христианства в Северной Аравии, покажет продолжение.

Историческое христианство в Аравии имело два центра, поэтому изучение его раннего возникновения и развития приводит нас сначала к племенам, проживавшим на крайнем севере, в королевствах Хира и Гассан, а затем к плодородным Йемену и Неджрану.

Несмотря на расширение Римской империи на восток во времена Помпея, арабы Сирии и Пальмиры сохранили свою независимость и сопротивлялись всем посягательствам. Под властью Оденатуса Пальмирское царство процветало и достигло зенита своей мощи при его жене и преемнице, знаменитой Зенобии. Она была побеждена Аврелианом, и Пальмира с ее зависимыми территориями стала провинцией Римской империи. Поэтому естественно ожидать, что христианство было введено в этот регион в ранний период. Так и было. Агбар, столь прославленный в анналах ранней церкви, был князем территории Эдессы, и христианство достигло некоторых успехов в пустыне во времена Арнобия [125]. Епископы Бостры, в северо-западной Аравии (не путать с Бусрой), упоминаются как присутствовавшие на Никейском соборе (325 г. н. э.) вместе с пятью другими арабскими епископами.[126] Арабские историки говорят о племени Гассан как о приверженном христианской вере за несколько веков до хиджры. Именно об этом племени стало ходить пословица: «Они были господами в дни невежества и звездами ислама». Они владели пустыней к востоку от Палестины и южной Сирии. Имя Мавия или Муавия упоминается церковными писателями как арабская царица, которая обратилась в веру и в результате заключила союз с императором и приняла христианского епископа по имени Моисей, рукоположенного приматом Александрии. Ее обращение произошло около 372 года н. э. Таким образом, мы видим, что прогресс христианства увеличивался пропорционально тому, как арабы становились более тесно связанными с римлянами.

Неблагоприятным обстоятельством для распространения христианства в Северной Аравии было ее расположение между соперничающими державами Рима и Персии. Она была своего рода буферным государством и страдала от обеих сторон. Персидские монархи преследовали христиан-арабов, а один из их арабских союзников, язычник по имени Нааман, запретил своим подданным любые отношения с христианами. Как нам сообщают[127], этот указ был вызван успехом примера и проповеди Симеона Стилитского, святого-столпа, прославленного в поэме Теннисона. Этот пустынник, сам по происхождению араб, был проповедником по душе суровых, аскетичных, полуголодных бедуинов. Его слава распространилась даже на далекую Аравию Феликс[128]. Однако суровый указ Наамана был отменен, и только страх перед персидским царем помешал ему принять веру.

Одним из первых монахов, проповедовавших кочевым племенам, был Евфимий, который, по-видимому, был медицинским миссионером, совершавшим чудеса исцеления среди невежественных бедуинов. Один из обращенных арабов, Аспебет, принял имя Петра, был «посвящен» Ювеналом, патриархом Иерусалима, и стал первым епископом племен в окрестностях Южной Палестины.

Развитие и даже само существование христианства в королевстве Хира, по-видимому, всегда было неопределенным, поскольку зависело от благосклонности персидских хосров. Некоторые арабы в Хире и Куфе были христианами уже в 380 году нашей эры. Один из первых обращенных, Номан абу Камус, доказал искренность своей веры, переплавив золотую статую аравийской Венеры, почитаемой его племенем, и раздав вырученные деньги бедным. Многие из племени последовали его примеру и приняли крещение.[129] Чтобы понять важность распространения христианства в Северной Аравии, мы должны помнить, что это был век караванов, а не мореплавания. Пальмира, центр торговли из Персидского залива,

обязана была своим значением и могуществом трансаравийскому торговому сообщению с Персией и Востоком. Ирак и Месопотамия тогда были частью Аравии и находились под властью арабских династий.

Однако именно в юго-западной Аравии христианство проявило еще большую силу и совершило еще более значительные завоевания. Мы не можем не желать, чтобы история его успехов, испытаний и исчезновения была представлена нам в более чистом виде, с большим упором на Евангелие и меньшим на церковность. Если бы то раннее христианство было золотом, а не блеском, оно не погибло бы так легко в печи гонений и не исчезло бы так полностью под ударом торнадо ислама.

Картина христианской церкви этого периода (323-692 гг. н. э.), нарисованная верными историками, действительно мрачна. «Церковь все больше ассимилировалась и приспосабливалась к миру, церковная дисциплина ослабевала, а моральный упадок быстро прогрессировал. Страстные споры, ссоры и расколы между епископами и духовенством наполняли общественную жизнь партийными распрями, враждой и горечью. Безнравственность двора отравляла столицу и провинции. Разгул и разврат процветали... Лицемерие и фанатизм заменили благочестие среди тех, кто стремился к чему-то более высокому, в то время как массы утешали себя мыслью, что не каждый может быть монахом... Темная сторона этого периода достаточно мрачна, но яркая сторона и благородные личности, отличавшиеся глубокой набожностью, нравственной серьезностью, решительным самоотречением и отречением от мира, конечно же, не отсутствовали»[130]. Не только религиозная жизнь во всех частях христианского мира находилась на низком уровне, но и ереси постоянно возникали, нарушая мир или вводя гигантские заблуждения. Аравия в одно время называлась «матерью ересей». Наиболее вопиющим примером были колридианцы в IV веке, которые представляли собой языческое искажение мариолатрии ( ). Святой Деве приносили в жертву пироги, как в языческие времена приносили их Церере.

Неизвестно, когда христианство впервые было введено в Аравию Феликс. Эта часть Аравии была в некоторой степени отрезана от мира римлян до экспедиции Элия Галла. До прихода христианства йеменцы были либо идолопоклонниками, либо сабеями. Большое количество евреев в Йемене было дополнительным препятствием для раннего распространения веры, поскольку они всегда были яростно враждебны миссионерам. Легенду о том, что святой Варфоломей проповедовал в Йемене по пути в Индию, не стоит принимать во внимание; то же самое касается и более вероятной легенды о Фрументиусе и его успехе в качестве первого епископа Химьяра. Во время правления Констанция император послал Теофила, диакона Никомедии, ревностного арианина, в составе великолепной посольской миссии ко двору Химьяра, и, как говорят, он убедил аравийского царя принять христианство. Он построил три церкви в разных частях Йемена, в Зафаре, Адене и Сане, а также в Ормузе в Персидском заливе. Было основано не менее четырех епископств, и племена Рабиа Гассан и Кодаа были обращены в веру. Арабский историк Ибн Халикан перечисляет в качестве христианских племен бахра, танух и таглаб. В Неджране, к северу от Саны, и Ясрибе также были христиане.

Арабское идолопоклонство было очень терпимым и на протяжении III и IV веков предоставляло одинаково безопасное убежище преследуемым зороастрийцам, иудеям и христианам, которые поселились в разных частях полуострова. Цари Химьяра сами были идолопоклонниками, но предоставляли всем другим сектам, включая христиан, большую свободу. Но как только последователи иудаизма пришли к власти, начались гонения. Около 560 года Дзу Новасс, правитель Химьяра, восстал против своего господина, абиссинского царя Элесбаана, и, подстрекаемый иудеями, начал преследовать христиан. Все, кто отказывался отречься от своей веры, были казнены без учета возраста и пола, а деревни

Неджрана были преданы разграблению. Были вырыты большие ямы ( ), заполненные топливом, и многие тысячи монахов и дев были брошены в огонь.

Однако быстрое наказание настигло Дзу Новасса, когда абиссинские войска вторглись в Йемен. Христианские завоеватели с языческой яростью отомстили за массовое убийство его виновникам, евреям. Вся плодородная местность вновь стала ареной кровопролития и разрушений. Церкви, построенные до правления Дзу Новасса, были вновь восстановлены на месте своих руин, а на место мучеников были назначены новые епископы. Короткая, хотя и отчаянная гражданская война, в результате которой Абраха был провозглашен королем Йемена, не помешала устойчивому росту христианства. Платя дань только абиссинской короне и находясь в мире со всеми арабскими племенами, Абраха был любим всеми своими подданными за свою справедливость и умеренность и почитаем христианами за его горячую преданность их религии. Большое количество евреев, убежденных публичным спором и чудом в Дафаре, приняли крещение. К церкви присоединилось много идолопоклонников; были введены новые программы благотворительности; в Сане закладывались фундаменты великолепного собора; короче говоря, христианский Йемен в 567 году нашей эры казался на заре своего Золотого века.

Что задержало его наступление и как власть Абрахи потеряла свой престиж? Эта история почерпнута из мусульманских и христианских писателей; это последняя печальная глава в короткой истории раннего христианства в Аравии и предисловие к хроникам ислама. Она считается настолько важной, что ее краткое изложение воплощено в Коране для вечного удовольствия мусульман. (Сура «Слон»).

В начале осени 568 года караваны арабов, которые шли по ровной дороге, ведущей из Роды, окруженной богатыми виноградниками и фиговыми садами, остановились при входе в Сану из-за толпы, которая стояла и смотрела на большой кусок пергамента, прибитый гвоздями к боковой стене входа в город. Это было королевское провозглашение, написанное большими химяритскими буквами. Горожанин в длинной одежде публичного учителя стоял перед ним и читал вслух разношёрстной толпе, которая остановилась, направляясь на утренний рынок из соседних деревень. Величественные верблюды, несущие огромные грузы фиников, подгонялись погонщиками, которые добродушно обменивались приветствиями со своими христианскими братьями; ослы, почти скрытые между корзинами с сочными виноградинами, толкались в группе еврейских менял, сидящих у ворот; двадцать женщин с темными глазами и в живописных крестьянских платьях несли свои пустые мешки к колодцам — но все без исключения двигались с любопытством, останавливались на мгновение, чтобы послушать.

Пресвитер, ибо таковым он был, прочитал следующее:

«Я, Ибраха, по милости Бога и Иисуса Христа, нашего Спасителя, король Йемена, посоветовавшись с добрым Грегентием, епископом Дафара, и завершив строительство собора во славу Бога и в память о нашей победе над идолопоклонниками, настоящим провозглашаю, что все арабские племена, ежегодно посещающие языческое святилище в Мекке, должны прекратить свои поездки туда и приезжать со своими караванами с товарами, чтобы поклоняться истинному Богу, совершая более короткое и удобное путешествие в нашу великолепную церковь в столице Сане, под угрозой штрафа, который я наложу на все караваны племен, отказывающихся подчиниться этому провозглашению. И да будет это известно всем племенам Корейш...» Читателя грубо прервала группа бедуинов, которые прогнали своих дромадеров прямо через ворота и по улице с такой яростью, что некоторые из толпы едва успели увернуться, чтобы не быть сбитыми.

«Это отряд проклятых кенанеев», — сказал Ибн Чоза своему спутнику. «Они родились без манер — дикие ослы пустыни». «Да», — ответил другой, — «и они оскорбляют нашего доброго короля своим прозвищем Эль-Ашрам — раздвоенный нос — из-за шрама, оставшегося после его встречи с язычником Арятом». «Если такие, как эти, Абуд, не подчинятся последнему приказу нашего христианского короля, мы испытаем копья моих модаритов, и тогда горе их караванам с сеном и их плодородным пальмам. Даже все триста богов Каабы не смогут спасти их от праведного гнева Абрахи».

Новый собор, разрушенные фундаменты которого до сих пор свидетельствуют о его размерах и прочности, был построен несколько месяцев назад, и на следующий день из Дафара должен был прибыть добрый епископ, чтобы проповедовать толпам, собравшимся в столице Йемена на праздник. В этом году рынки были переполнены как никогда раньше; многие прибыли, подчинившись прокламации, даже из далекого Ятриба и из-за пределов Неджрана, чтобы одновременно заниматься торговлей и религией — всеобщим обычаем арабов. Осенние дожди закончились, и свежий ветер с Джебель-Нокума усилил холод, который особенно ощущали те приезжие, которые впервые прибыли с жаркого побережья на высоту 9000 футов.

Ночь опустилась на башни и дворцы Саны, и на улицах не было никакого света, кроме звезд, сияющих северным блеском из-за плывущих облаков. Незадолго до полуночи одинокий араб спешил по одной из узких тропинок, слишком узких, чтобы их можно было назвать улицами, которая вела от караван-сарая к церкви. Его лицо и фигура были закутаны в длинный плащ из овечьей шкуры, но его прямая осанка, энергичная походка и резной серебряный рукоятка изогнутого кинжала, наполовину скрытого в его поясе, выдавали его принадлежность к племени Кенанех. Оглядываясь по сторонам, он остановился перед одним из окон собора, поднялся на гранитный выступ, ловко использовал кинжал, чтобы удалить одно из больших стекол из талькового камня (которые до сих пор используются во всей Сане), и прыгнул внутрь. Он задержался всего на несколько мгновений, вышел так же, как и вошел, и поспешил к северным воротам.

На следующий день ранние прихожане подняли крик, который разнесся по губам всех христиан Саны, пока не эхом не разнесся по рынку и улицам: *«Церковь Абрахи осквернена!* На алтаре лежит навоз, а святой крест испачкан нечистотами! Это дело рук проклятых Кенанех — сигнал к восстанию для идолопоклонников Севера!» В Сане поднялся шум. Грегентий тщетно пытался успокоить народ своей красноречивой речью ( ). Масла в огонь подлила новость, поступившая в тот же день, о поражении модаритов и смерти Ибн Чозы, которого король послал в поход на мятежное племя в Вади Дауасир. Гнев Абрахи был вдвойне разжижен осквернением его церкви и смертью его капитана. Он публично поклялся уничтожить идолопоклонников Корейш, а также Кенанех, и разрушить их храм в Мекке. До наступления ночи эта клятва стала боевым кличем в солдатских казармах и тостом в каждой еврейской винотеке Саны.

Экспедиция вскоре выступила в путь. Абраха ехал впереди, сидя на своем молочно-белом слоне, украшенном золотыми пластинами. На голове у него была льняная шапка, покрытая золотой вышивкой, с которой свисали четыре цепи. Он носил свободную тунику, покрытую жемчугом и йеменским камнем акик, поверх своей обычной одежды; его мускулистые руки и короткая шея были почти полностью скрыты браслетами и цепями из золота в абиссинском стиле; в качестве оружия он имел щит и копья. За ним следовала группа музыкантов, а затем знатные вельможи и воины под командованием доблестного Каиса. Лучшего вождя, чем он, выбрать было невозможно. Скорбя о безвременной смерти своего брата Ибн Чозы, убитого вероломной стрелой Орвы, он стремился к личной мести даже больше, чем к чести своей

религии и своего короля, и был готов рискнуть всем ради успеха экспедиции. Армия, пополненная добровольцами из каждой деревни на своем пути, после форсированного марша по горной дороге длиной более двухсот миль, достигла Джебель-Орры уставшей и с мозолями на ногах. То, что для бедуинов севера было обычным путешествием, для йеменских войск, привыкших к горному воздуху, обилию воды и плодородию родных долин, было чередой испытаний. Не меньше страдали от усталости, вызванной дальним путем и нехваткой пастбищ и воды, стада слонов. С каждым днем продвижение становилось все труднее.

Тем временем корейши не сидели сложа руки. Слухи никогда не распространяются так быстро, как в пустыне. Все, кто любил Мекку, старейший исторический центр всей Западной Аравии, собрались под знаменем корейшей. Это была Кааба с ее тремястами шестьюдесятью идолами против Креста. Как только стало известно о приближении Абрахи, Дзу Неффер, Ибн Хабиб и другие вожди, возглавлявшие племена Хамедан и Четама, собрались, чтобы противостоять наступлению. Последовал отчаянный конфликт, но верблюды испугались при виде слонов, а пустынные арабы не смогли противостоять нападению столь многочисленных сил.

Известие о поражении поразило корейцев величайшим смятением, и Абд-уль-Муталиб, дед будущего пророка, который был хранителем Каабы, созвал совет всех вождей союзников. Быстрый гонец был отправлен к Абрахе с предложением отдать треть богатств всего Хиджаза в качестве выкупа за священную Бейт-Уллах. Однако царь был непреклонен, и его последователи восклицали: «Месть за оскверненный крест в нашем святилище! Никакого выкупа от идолопоклонников! Долой Каабу!» Наконец, сам Абд-уль-Муталиб пришел просить аудиенции. Его приняли в присутствии Абрахи и удостоили чести сесть рядом с ним; но арабская традиция гласит, что он пришел только для того, чтобы спросить о потере нескольких верблюдов, и сказал Абрахе, что Господь Каабы сам будет ее защищать! (Такую возвышенную веру мусульманская традиция вкладывает в уста предков пророка, хотя анахронизм доказывает ее ложность).

На следующий день Кайс возглавил наступление через узкую долину, ведущую в город. Здесь на войско Слона ждал печальный сюрприз. Чтобы подкрепить веру Абд-уль-Муталиба, арабы устроили засаду, и до рассвета каждый из корейшей занял свое место на высотах по обе стороны перевала, скрывшись за грубыми массивами валунов и ловушек, которые до сих пор делают весь склон холма естественной батареей. Как только слоны и их всадники вошли в ущелье, на них обрушился непрерывный град камней и валунов, бросаемых их нападавшими. Неповоротливые животные, обезумевшие от страха и боли, затоптали раненых насмерть, и за суматохой последовало бегство, хотя неравная битва продолжалась до заката солнца. Это была Термопилы арабского идолопоклонства, навсегда воспетые в главе Корана «*Слон*». Однако для мусульманского комментатора эта битва является чудом благодаря простому изменению гласной, которое превращает «чудесных птиц» с камнями ада в клювах в мстителей Бога, а не в «верблюжьи войска» корейцев. Через два месяца после победы родился пророк, чей характер и карьера определили судьбу раннего христианства в Аравии, уже решенную в тот роковой день, когда Абраха сел на своего слона и покинул Сану, чтобы отомстить.

Разделение северных племен между персами и римлянами, за которым последовало поражение йеменских войск, привело к анархии во всей центральной Аравии. Идолопоклонники из Хиры и Гассана захватили юг, и слабое правление Йексума, сына Абрахи, не смогло остановить упадок христианского государства. Даже персидский протекторат лишь отсрочил его окончательный упадок. Внезапный подъем ислама с его

политическим и социальным превосходством нанес окончательный удар. «Смертью Мухаммеда, — говорит Райт, — погасли последние искры христианства в Аравии, и можно с полным основанием сомневаться, остались ли тогда христиане на всем полуострове»[131].

В 1888 году исследователь Эдвард Глейзер посетил почти все районы Йемена и среди своих находок обнаружил множество древних надписей. Из Мареба, старой столицы Сабеи, он привез более трехсот надписей, одна из которых датируется 542 годом н. э. и считается профессором Фрицем Хоммелем самой поздней сабейской надписью. Она состоит из ста тридцати шести строк, рассказывающих о подавленном восстании против эфиопского правления, установленного в то время в Йемене. Надпись начинается со слов: «Во имя Всемилостивого, Его Мессии и Святого Духа». Эта надпись и едва различимые руины собора в Сане — единственные остатки христианства, сохранившиеся в Аравии Феликс.

XXX
РАССВЕТ СОВРЕМЕННЫХ АРАБСКИХ МИССИЙ

«Несомненно, не без цели эта широко распространенная и могущественная раса [арабы] сохранялась на протяжении четырех тысяч лет непокоренной и невыродившейся, сохраняя до сих пор энергию и простоту своего характера. Она, безусловно, способна к великому будущему; и, безусловно, великое будущее ждет ее впереди. Возможно, она будет одним из последних народов Юго-Западной Азии, поддающихся преобразующему влиянию христианства и христианской цивилизации. Но со временем она непременно поддастся этому влиянию» — *Эдсон Л. Кларк*.

«У каждого народа есть свое назначенное время, и когда наступает его назначенное время, он не может отсрочить его ни на час, ни приблизить». — *Коран*.

Ислам возник в 622 году нашей эры, но первым христианским миссионером среди мусульман был Раймунд Лулль, который был забит камнями до смерти за пределами города Бугия в Северной Африке 30 июня 1315 года. Он также был первым и единственным христианином своего времени, который ощущал всю важность и срочность призыва к евангелизации мусульманского мира. Его постоянным аргументом в спорах с мусульманскими учителями было: ислам ложен и должен умереть. Его преданность и чистый характер в сочетании с такой интенсивной моральной серьезностью привлекли некоторых новообращенных, но его главной целью было свергнуть власть ислама как системы путем логического доказательства его ошибочности; в этом он потерпел неудачу. Его два духовных трактата интересны, но его *Ars Major* не убедит мусульманина сегодня так же, как и в XIV веке. Его жизнь представляет романтический интерес, а его неутомимый энтузиазм всегда будет образцом и вдохновением для миссионеров среди мусульман.[132] Но он жил раньше своего времени, и его эпоха была недостойна его.

С момента появления Раймунда Лулла до появления Генри Мартина, первого современного миссионера среди мусульман, ничего не было сделано для того, чтобы нести Евангелие в Аравию или мусульманам. Истории этих двух людей содержат все, что можно написать о миссионерской работе в мусульманском мире с 622 по 1812 год, настолько мало Церковь

Божья чувствовала свою ответственность перед миллионами людей, идущих во тьме за ложным пророком.

Для протестантской церкви XVIII века Аравия и Левант не представляли никакого интереса. Турок, как представителей мусульманского мира, упоминают еще в 1549 году в английской Книге общей молитвы, в молитве на Страстную пятницу [133] (которая восходит к Сарумскому миссалу). Однако никаких усилий по распространению Евангелия среди них или в любой части их империи не предпринималось до тех пор, пока не были достигнуты другие, гораздо более отдаленные регионы. Даже Кэри не включал мусульманский мир в свою обширную программу. Первым, кто пробудил интерес к нуждам мусульманского мира, был Клавдий Бьюкенен. По возвращении из Индии 25 февраля 1809 года в своей проповеди в Бристоле он рассказал историю двух обращенных в христианство мусульман, один из которых умер мучеником за Христа. В своей *книге «Христианские исследования»* он предлагает всеобъемлющий план евангелизации Леванта. Церковное миссионерское общество направило миссионеров, и в 1819 году Американский совет начал работу с мусульманами, отправив Плиния Фиска и Леви Парсонса в Сирию.

Это современное начало Евангелия в Малой Азии оказало косвенное влияние на будущую евангелизацию Аравии и было частью Божественного замысла. Путешествия Илая Смита и Х. Г. О. Дуайта поставили американские церкви перед лицом всей проблемы миссий в этом регионе. Сирийская миссия через свою типографию на Мальте (1822) начала наступление на цитадель исламского образования. В 1833 году типография была перенесена в Бейрут, и с того дня и до сих пор она разбрасывает листья исцеления по всему арабоязычному миру. Когда в 1865 году доктор Ван Дайк написал последний лист «копии» арабского перевода Библии и передал его наборщику, он ознаменовал эпоху, важную не только для Сирии и Малой Азии, но и для всей Аравии, более значимую, чем любое вступление на престол или свержение султанов. Эта Библия сделала возможными современные миссии в Аравии; она была результатом семнадцати лет труда; «и здесь верно изречение: один сеет, а другой пожинает... другие трудились, а вы вошли в их труд». Какие бы особые трудности и препятствия ни встречали или встретят миссионеры в Аравии, великое дело подготовки Слова Божьего на языке народа и полной христианской литературы для всех областей деятельности уже было выполнено другими; и выполнено таким образом, что арабская Библия Бейрута всегда будет Библией для Омана и Неджда, а также для самых отдаленных деревень Йемена и Хадрамаута.

История прямых усилий по достижению великого Аравийского полуострова начинается с Генри Мартина. Очень интересно следить за постепенным раскрытием Божественного Провидения в повторном введении Евангелия в Аравию через тринадцать веков после того, как христианство было искоренено в этой стране мечом Мухаммеда ( ) и его преемников. В более чем одном смысле Генри Мартин был пионером миссионерской деятельности в Аравии. Он впервые вступил в контакт с арабами благодаря изучению их языка и найму замечательного человека по имени Сабат в качестве своего помощника и соратника. Сабат и его друг Абдулла были двумя арабами знатного происхождения, которые после посещения Мекки решили увидеть мир. Сначала они отправились в Кабул, где Абдулла поступил на службу к знаменитому эмиру Земан Шаху. Благодаря усилиям армянского христианина он отрекся от ислама и был вынужден бежать в Бухару, чтобы спасти свою жизнь. «Сабат прибыл туда раньше него и сразу узнал его на улице. «Я не проявил пощады, — сказал Сабат позже, — я выдал его королю Морад Шаху». Ему предложили сохранить жизнь, если он отречется от Христа. Он отказался. Тогда ему отрубили одну руку и снова стали принуждать к отречению. «Он не ответил, но устремил взор к небу, как Стефан, первый мученик, и слезы

потекли из его глаз. Он посмотрел на меня, но его взгляд был полным прощения. Затем ему отрубили вторую руку. Но он не изменился, и когда он склонил голову, чтобы принять смертельный удар, весь Бухара, казалось, воскликнул: «Что это за новость?» Раскаяние заставило Сабата отправиться в долгое странствие, в ходе которого он прибыл в Мадрас, где правительство назначило его муфтием, то есть толкователем исламского права в гражданских судах. В Визагапатаме он наткнулся на экземпляр арабского Нового Завета, пересмотренного Соломоном Негри и отправленного в Индию в середине прошлого века Обществом по распространению христианского знания. Он сравнил его с Кораном, и истина обрушилась на него, как поток света. Он обратился к крещению в Мадрасе от рук преподобного доктора Керра и получил имя Нафанаил. Ему тогда было двадцать семь лет. Когда эта новость дошла до его семьи в Аравии, его брат решил уничтожить его и, переодевшись азиатом, ранил его кинжалом, когда тот сидел в своем доме в Визагапатаме. Он отправил его домой с письмами и подарками для матери, а затем посвятил себя распространению истины, которую он когда-то в лице своего друга Абдуллы, преследуемого до самой смерти».[134] Эти двое, без сомнения, были первыми плодами современной Аравии для Христа.

Несомненно, в значительной степени именно Сабат направил мысли и планы Мартина в сторону Аравии и арабов. В последний день 1810 года он написал в своем дневнике: «Теперь я переезжаю из Индии в Аравию, не зная, что меня там ждет». Его целью при отъезде из Индии было отчасти ухудшение здоровья, но в большей степени — его сильное желание нести мусульманам Аравии и Персии слово Божье на их родных языках. Во время путешествия из Калькутты в Бомбей он сочинял трактаты на арабском языке, беседовал с арабскими моряками и изучал Коран и путешествия Нибура по Аравии. Из Бомбея он отплыл в Аравию и Персию на одном из кораблей старого индийского флота, отправлявшемся в круиз по Персидскому заливу. 20 апреля 1811 года он прибыл в Маскат и описал свои первые впечатления в письме к Лидии Гренфелл: «Я сейчас нахожусь в Аравии Феликс; судя по внешнему виду страны, она не очень-то соответствует своему названию, если только жгучие, бесплодные скалы не вызывают ощущение счастья; но поскольку для сыновей Иоктана есть обещание, их земля может однажды действительно стать благословенной». Он попытался пройти немного вглубь страны, но солдаты султана Маската ему это запретили.

Каждое слово из дневника Генри Мартина об Аравии бесценно, но мы можем процитировать только еще один отрывок: «24 апреля. Пошел с одной английской группой, двумя армянами и арабом, который служил охранником и проводником, чтобы посмотреть на замечательный перевал примерно в миле от города и сад, засаженный индусом в маленькой деревне за ним. Там не было ничего интересного, только небольшой участок зелени в этой пустыне казался арабу большим диковинным явлением. Я много разговаривал с ним, но особенно с его африканским рабом, который был очень осведомлен в вопросах религии. Последний знал о своей религии не меньше, чем большинство горцев, и был настолько заинтересован, что не прекращал спорить, пока я не покинул берег».

Мартин не задержался надолго в Маскате, но его визит был «небольшим клочком зелени в этой пустыне», и молитвы, которые он там вознес, нашли ответ в Божьем провидении много позже. Во время всего своего путешествия в Бушир он был постоянно занят переводом на арабский язык; народ Аравии по-прежнему занимал первое место в его сердце, поскольку он выражает желание в конце концов «отправиться в Аравию окольным путем через Персию». Его желание дать арабам Священное Писание зародилось в Индии и усилило его преданность изучению иврита. Если бы главный помощник Мартина в переводе на арабский язык, Сабат, был более опытным ученым, их версия Нового Завета оказалась бы неизменно

полезной. Поскольку знание языка Сабатом оказалось очень слабым, их арабский Новый Завет не остался в употреблении. Он был впервые напечатан в Калькутте в 1816 году, и хотя он выполнил хорошую работу наряду с другими старыми переводами, все они были заменены удивительно совершенным переводом Эли Смита и Ван Дайка. Однако не по вине Мартина арабский язык не имел достойного перевода Библии до 1860 года. В его дневниках за 8 и 9 сентября 1810 года мы читаем следующие замечательные записи: «Если моя жизнь будет пощажена, нет никаких причин, почему арабский язык не должен быть переведен в Аравии, а персидский — в Персии, а индийский — в Индии». ... «Аравия будет скрывать меня, пока я не выйду с утвержденным Новым Заветом на арабском языке». ... «Позволит ли правительство мне уехать на три года до наступления срока моего отпуска? Если нет, я должен уйти со службы, и я не могу посвятить свою жизнь более важной работе, чем подготовка арабской Библии».

Эти факты из жизни Мартина показывают, как много он был связан с Аравией: его цели, молитвы, исследования, переводы, соратники и посещение Маската. Но более всего для Аравии значимым было влияние Мартина и сила его духа, вдохновлявшего других.

В 1829 году Энтони Н. Гровс, дантист из Эксетера, буквально восприняв заповеди Христа, продал все, что имел, и, следуя духу Мартина, начал свою замечательную миссионерскую работу в Багдаде. Его работа дважды прерывалась из-за чумы и преследований, и история его жизни показывает, насколько велики были препятствия, которые он тщетно пытался преодолеть.[135] С того дня и в течение многих лет Северная и Восточная Аравия вновь ждали света. Единственной попыткой в Персидском заливе была попытка доктора Джона Уилсона из Бомбея, который до 1843 года неоднократно посылал разносчиков Библии в Аден и в Персидский залив; «он призвал Шотландскую церковь отправить миссию к евреям Аравии, Бусры и Бомбея. Миссионер был готов в лице Уильяма Бернса, который впоследствии отправился в Китай, поддержка миссионера в Адене была гарантирована другом, и Уилсон нашел добровольца «для исследования Аравии», когда распад Шотландской церкви остановил это движение»[136]. Именно жизнь Генри Мартина вдохновила Джона Уилсона в 1824 году. Именно Свободная церковь Шотландии впоследствии взяла на себя работу Иона Кита Фальконера, пионера Йемена. Так исполняются планы Бога.[137] Даже Маскат не остался без свидетелей в те годы ожидания. Похоже, что капитан американского корабля, который каждый год заходил в Маскат за грузом фиников, был благочестивым человеком и раздавал арабские Библии и Новый Завет еще до того, как Библейское общество распространило свою деятельность на это место.

Еще в 1878 году Британское и зарубежное библейское общество отправило Антона Гибраила из Бомбея в Багдад с целью распространения Библии. Примерно в то же время агент общества в Южной России, г-н Джеймс Уотт, посетил Персию и Багдад и доложил комитету библейского общества о потребностях этого региона. Его усилия поддержал преподобный Роберт (ныне каноник) Брюс, миссионер Церковного миссионерского общества в Индии. Между двумя обществами были достигнуты договоренности, в соответствии с которыми в Багдаде под руководством г-на Брюса была начата библейская работа. В декабре 1880 года был открыт библейский склад. С тех пор работа продолжается непрерывно и распространилась через Аравийскую миссию на все восточное побережье Аравии.

Первое упоминание о потребностях и возможностях для работы в Западной Аравии появляется в годовом отчете Британского Библейского общества за 1886 год, где

объявляется об открытии библейского склада в Адене с надеждой, что это приведет к «распространению Священного Писания в более широком масштабе и на различных языках». Ибрагим Абд эль-Масих был первым руководителем этого склада, и его имя было указано в призыве к молитве из Южной Аравии, опубликованном после смерти Кита Фалконера. Колпореры из Египта и Адена из Британского и зарубежного библейского общества неоднократно посещали аравийские порты на Красном море и проникали в Сану, столицу Йемена.

В период с 1880 по 1890 год было сделано более одного призыва о помощи Аравии. Старый доктор Лансинг из Американской миссии U. P. в Египте, который более тридцати лет трудился там, ожидая наступления лучших дней, когда услышал об одном из этих призывов, был весь в огне, чтобы отправиться в Йемен. «В течение нескольких лет, — писал американский священник на Дальнем Западе, — я и мой народ молились за Аравию».

Реформация ваххабитов в свое время привлекла интерес тех, кто изучал политический горизонт. Бомбардировка Джидды в 1858 году привлекла внимание к Мекке и паломничеству, а с 1838 года, когда Англия стала хозяйкой Адена, до 1880 года торговля и исследования были особенно активными на всем аравийском побережье. Именно в этот период англо-индийские морские офицеры Моресби, Хейнс, Элвон, Сондерс, Карлесс, Уэллстед и Круттенден тщательно обследовали все аравийское побережье. То, что они сделали для торговли, генерал-майор Ф. Т. Хейг сделал для миссий в Аравии. Именно он первым совершил обширное путешествие по всему побережью Аравии и вглубь Йемена. Его статьи, призывающие к оккупации полуострова, дошли до Кита Фальконера и окончательно определили его выбор конкретной области в обширном мусульманском мире, к которой уже были обращены его мысли. Именно опыт и советы этого человека Божьего помогли определить окончательное местоположение, а также предварительные исследования американских миссионеров арабской миссии в 1890-92 годах. Отчеты генерала Хейга и сегодня остаются лучшим кратким изложением потребностей и возможностей давно забытого полуострова, а его описание проблем, с которыми придется столкнуться, и подходящих для их решения людей всегда будет иметь неоценимое значение, пока евангелизация Аравии не станет свершившимся фактом.

В 1886 году комитет Церковного миссионерского общества попросил генерала Хейга провести исследование побережья Красного моря в Аравии и Сомалиленде с целью выяснить возможности для миссионерской деятельности. Он выехал из Лондона 12 октября 1886 года, 19 октября прибыл в Александрию и продолжил путь по побережью Красного моря на египетском пароходе до Адена, заходя в Тор, Янбо, Джидду, Суакин, Массауа и Ходейду. Доктор Харпур и его жена из Церковного миссионерского общества уже находились в Адене в поисках возможностей для миссионерской деятельности; доктор Харпур сопровождал генерала Хейга обратно в Ходейду и некоторое время занимал эту должность, став первым *медицинским* миссионером в Аравии. Затем генерал Хейг отправился вглубь страны по прямому маршруту в Сану вместе с Ибрагимом, распространителем Библии из Британского и иностранного библейского общества, а из Саны они направились прямо через Йемен в Аден. Вскоре после этого генерал Хейг отправился в Маскат и вверх по Персидскому заливу , заходя во все порты. Из Бусры он путешествовал по реке до Багдада, а оттуда через сирийскую пустыню по сухопутному почтовому маршруту до Дамаска. Именно это долгое и трудное путешествие легло в основу двух статей[138] под названием «По обе стороны Красного моря» и «Аравия как миссионерское поле»[139].

Несколько кратких выдержек из этих документов заинтересуют читателя и покажут характер этого первого призыва к евангелизации земли арабов. Писая о Йемене, он говорит: «В этой

юго-западной части Аравии мы имеем великую горную страну с умеренным климатом и выносливым трудолюбивым народом. Эта горная страна и ее народы простираются на север до Асира, на восток до Хадрамаута на неопределенное расстояние, а на северо-восток они простираются вглубь материка до границ великой пустыни. Самые прекрасные и воинственные народы обитают к северу и северо-востоку от Саны. Они до сих пор не подчинились турецкому игу; на самом деле границы турецкой территории к востоку от Саны находятся всего в нескольких милях от этого места. Разве не чрезвычайно важно в связи с евангелизацией всей Южной Аравии проповедовать Евангелие и нести Слово Божье этим выносливым горцам? В основном они являются зеидитами, сектой, близкой по учению к шиитам, но я не видел среди них никаких признаков фанатизма, напротив, они повсюду казались готовыми слушать истину. Я подозреваю, что в большинстве своем они плохо соблюдают предписанные исламом религиозные обряды. За все время моего путешествия по Йемену я ни разу не видел молящегося мужчину, и только в нескольких крупных деревнях есть мечети. Женщины особенно доступны; в деревнях они не покрывают лицо, а те, которых мы встречали в ханах, или гостиницах, всегда были готовы подойти и поговорить. Маленькие девочки часто вбегали в нашу комнату и, если их приглашали, садились рядом с нами. Я бы сказал, что невежество — это доминирующая черта всего населения: невежество в отношении своей собственной религии, невежество в отношении простейших элементов истины. Я верю, что евангелист, в совершенстве владеющий арабским языком, мог бы ходить от деревни к деревне по всему Йемену, проповедуя или тихо *рассказывая* о Евангелии».

Это свидетельство верно. Но этот вызов до сих пор не был принят, и все высокогорья все еще ждут первых вестей о Евангелии. Говоря о столице Йемена, в отчете далее говорится: «Сана — очень важный пункт. *С миссионерской точки зрения невозможно переоценить его значение.* Он находится в центре лучших народов Южной Аравии, и если бы там удалось основать миссию, ее влияние распространилось бы на все стороны, на множество племен, которые иначе были бы лишены Евангелия».

После подробного обзора открытых дверей во всех частях Аравии и обсуждения особых препятствий в каждой точке вместе с лучшими методами начала работы, он пишет в конце своего отчета: *«В той или иной степени, я считаю, что вся Аравия открыта для Евангелия.* Она открыта для него в той же степени, в какой был открыт мир в апостольские времена, то есть она доступна евангелистам во многих разных точках, во всех которых они найдут мужчин и женщин, нуждающихся в спасении, некоторые из которых примут их послание, а другие отвергнут его и будут преследовать их. В некоторых частях страны он не будет подвергаться преследованиям или вмешательству со стороны правящих сил; в других, как, например, в турецкой Аравии, он может быть арестован и даже депортирован. Опасные фанатики, по моему мнению, встречаются редко, но иногда миссионер может столкнуться с такими людьми, и тогда последствия могут быть более серьезными. Но что, если его судьба будет еще хуже, если его будут преследовать от деревни к деревне и гонить из города в город? Наш Господь не предполагал иного приема для Своих учеников, когда посылал их. Это было, по сути, Его идеалом миссионерской жизни… «Когда будут преследовать вас в этом городе, (покинуть страну? Нет.) бегите в другой». Евангелист в Аравии не должен ожидать ничего худшего, чем это, и даже это, вероятно, будет редким явлением… Таким образом, нет никаких трудностей в проповеди Евангелия в Аравии, если найдутся люди, готовые принять на себя последствия. Настоящая трудность заключалась бы в защите обращенных. Скорее всего, они подверглись бы насилию и смерти. Молодая церковь могла бы сначала быть церковью мучеников, как в Уганде, но это не помешало бы распространению истины и ее окончательной победе». Самым замечательным в этом отчете,

который занимает всего сорок страниц, является его пророческий характер, его постоянная ценность и тот факт, что он затрагивает все аспекты проблемы, которая все еще стоит перед нами.

Непосредственным результатом отчета генерала Хейга стало решение Церковного миссионерского общества оставить Аден и Шейх-Осман Киту Фалконеру и Свободной церкви Шотландии, а доктор Харпур с женой отправились в Ходейду, чтобы попробовать свои силы в этом городе. Там навыки христианского врача имели бы большее стратегическое значение, чем в самом Адене, где было две больницы, находившиеся на государственном обслуживании. Вначале все было обнадеживающим, и люди массово стекались в амбулаторию. Проводилась евангелизационная работа, и доктор Харпур писал: «Я стараюсь читать о рождении, смерти и воскресении Христа, включая Исаию 53, и самые простые притчи». Один или два араба проявили особый интерес и очень увлеченно читали Библию. Но турецкий губернатор высказал возражения и потребовал от миссионера турецкий диплом или признание его диплома в Константинополе. Работа была остановлена. Доктор Харпур был вынужден вернуться в Англию из-за тяжелой болезни, и в Ходейду больше не возвращался. В его письме в *Church Missionary Intelligencer* от 12 апреля 1887 года мы читаем:

«Если путь *сейчас* закрыт, мы верим, что Бог откроет его в Свое время, и когда бы это ни было, я хочу сказать, что с тех пор, как я приехал сюда, моим великим желанием было и будет, чтобы мне позволили жить и работать среди народа Йемена. Бог знает лучше, где нам работать. В связи с неопределенностью, связанной с утверждением моих дипломов, и тем, что в настоящее время мы фактически лишены возможности работать, нам, по-видимому, целесообразно вернуться в Аден и ждать там указаний от Комитета, используя время для изучения языка. Здесь есть возможность, что касается самих людей, и я верю, что нам не придется покидать этих бедных людей, которые не отвергли Евангелие. Какая причина для молитвы за них к Тому, Кто есть Царь царей и Господь господствующих!

Примерно в то же время замечательный призыв к молитве был разослан небольшой группой работников в Южной Аравии, которые скорбели о внезапной смерти своего духовного лидера Иона Кита Фальконера. Это был первый призыв к молитве, обращенный к Аравии, и он не остался без внимания:

Молитва за распространение Евангелия в Южной Аравии.

«Мы искренне призываем всех объединиться в молитве к Всемогущему Богу за народ этой земли, чтобы Он открыл двери для проповеди Евангелия и подготовил сердца всех к его принятию.

Мы верим, что многие откликнутся на эту просьбу и присоединятся к нам, выделяя каждое вторник специальное время для молитвы о вышеуказанной цели. С уважением,

(Подпись) Ф. И. Харпур, М. Б.,

Церковное миссионерское общество.

Алекс Патерсон, М. Б. К. М.,

Свободная церковная миссия.

Мэтью Локхед,

Миссия Свободной церкви.

Ибрагим Абд Эль Мессия,

Йемен, Саудовская Аравия.

Библейское общество Б. и Ф.

Хотя Церковное миссионерское общество не продолжало работу в Ходейде, оно уже занимало крайний северо-восточный угол Аравии и начало работу в Багдаде, старинном городе халифов, с его выгодным расположением на Тигре и большим арабским населением. В 1882 году Багдад был занят в качестве аванпоста их Персидской миссии по рекомендации доктора Брюса. Первым миссионером там был преподобный Т. Р. Ходжсон, но впоследствии он перешел на службу в Британское и зарубежное библейское общество и значительно расширил его работу в Персидском заливе. Его сменили доктор Генри Мартин Саттон и другие. Миссия вела тяжелую борьбу с турецкими чиновниками, и ее новообращенные были вынуждены бежать. Медицинская работа оказала огромное и широкое влияние на весь окружающий регион, и в настоящее время штат миссии больше, чем когда-либо, а недавно открытая школа процветает. Мосул был передан Американскому пресвитерианскому совету от Церковного миссионерского общества, и, по словам одного из их миссионеров, «мы ждем возможности нести Евангелие в самое сердце Центральной Аравии, где правит независимый принц Неджда, через чью территорию проходит один из главных путей паломников в Мекку».

Еще в 1856 году преподобный А. Штерн совершил миссионерские путешествия в Сану, Багдад и другие части Аравии, чтобы посетить евреев с Евангелием. Этот замечательный миссионер евреев, Иосиф Вольф, сын баварского раввина, крещенный бенедиктинским монахом в 1812 году, также посетил евреев Йемена и Багдада во время своих странствий [140].

В 1884 году г-н Уильям Летаби, методистский проповедник из Англии, вместе со своей верной женой начал миссию среди диких арабов в Кераке, в горах Моава; эта горная крепость настолько густонаселена и важна в глазах кочевников, что они называют ее Эль-Медина, «город». Эта пионерская миссионерская деятельность ( ) после нескольких лет борьбы была подхвачена Церковным миссионерским обществом в связи с их миссией в Палестине. Г-н Летаби, после путешествия по Восточной Аравии и тщетной попытки пересечь полуостров из Бахрейна на запад (1892), в настоящее время руководит складом Библейского общества в Адене.

Еще в 1886 году Североафриканская миссия предприняла попытку обратиться к бедуинским племенам Северной Аравии в окрестностях Хомса. Г-н Сэмюэл Ван Тассел, молодой голландец из Нью-Йорка, прошедший обучение в Институте Граттана Гиннеса, отправился под их руководством и сопровождал бедуинского вождя в его ежегодной миграции в пустыню в 1890 году. Он обнаружил среди кочевников хорошие возможности для евангелизационной работы, так что дверь для него казалась «широко открытой», но ревность турецких чиновников ко всем иностранцам, имеющим дело с бедуинскими племенами, положила конец его работе и вынудила его отказаться от нее. Однако его опыт, как первого человека, который жил и работал для Христа среди кочевников в черных палатках Кедара, ценен для будущего. Дверь доступа была закрыта не самими бедуинами, а турками. Г-н Ван Тассел обнаружил, что арабы очень дружелюбны и готовы слушать чтение Библии, особенно Ветхого Завета. Он не обнаружил фанатизма, характерного для городов, и даже убедил

шейхов давать своим караванам отдых в субботний день. Интересно отметить, что миссия Северной Африки была приглашена в Северную Аравию по представлению генерала Хейга, который в то время был одним из членов их совета. В настоящее время у них нет работников в Аравии, хотя это название по-прежнему фигурирует в их ежемесячных отчетах с патетическим повторением:[141] «Северная Аравия населена бедуинами, потомками Измаила; они не являются фанатичными мусульманами, как сирийцы, но готовы к просвещению. Эта часть поля печально нуждается в работниках».

В 1898 году Христианский и миссионерский союз Нью-Йорка вновь привлек внимание к нуждам Северной Аравии через г-на Фордера, бывшего сотрудника миссии в Кераке. Он пытался проникнуть вглубь страны через Дамаск, но попал в аварию, которая помешала ему осуществить это предприятие.

Прежде чем описать жизни двух великих пионеров-миссионеров в Аравии, мы должны рассказать о призыве к помощи темному полуострову, который прозвучал из сердца Темного континента. Не только потому, что этот призыв относится к раннему периоду арабских миссий, но и из-за его замечательного характера и его автора. Генри Мартин в 1811 году писал в Маскате: «Есть обещание, приготовленное для сынов Иоктана»; Александр Маккей из Уганды в 1888 году подхватил эту мысль и, завершая свое долгое обращение с призывом к миссии среди арабов Маската, написал: «Да будет скоро сказано: «Сегодня спасение пришло в этот дом, ибо и он сын Авраама»».

Это обращение, написанное всего за два года до смерти Маккея и датированное августом 1888 года в Усамбиро, Центральная Африка, является великим миссионерским документом по двум причинам: оно проникнуто духом христианства, показывая любовь к врагам, и указывает на реальное средство против работорговли. И все же Маккей сопроводил свою тщательно написанную статью этим скромным письмом: «Прилагаю несколько строк на тему, которая уже некоторое время не дает мне покоя. Я не буду разочарован, если вы отправите их в корзину для мусора, и буду только рад, если, благодаря более убедительным аргументам со стороны других, эта тема будет поднята и будет сделано что-то конкретное для этих бедных арабов, которых я уважаю, но которые доставили мне много хлопот в прошлые годы. Лучший способ, которым мы можем обратить их сопротивление в свою пользу и превратить их богохульство в благословение, — это сделать все возможное для их спасения»[142].

В этой статье Маккей выступает в защиту Аравии ради Африки и просит, чтобы «Маскат, который в более чем одном смысле является ключом к Центральной Африке», был занят *сильной* миссией. «Я не отрицаю, — пишет он, — что задача эта трудна; и люди, выбранные для работы в Маскате, должны быть наделены не в малой мере Духом Иисуса, помимо обладания такими языковыми способностями, которые позволяют им достигать не только ушей, но и самых *сердец* людей». Он просит выделить полдюжины человек, лучших из английских университетов, чтобы они с верой взялись за это дело. Он постоянно повторяет, что такая миссия крайне необходима, поскольку она окажет сильное влияние на Африку благодаря арабским торговцам. «Почти не нужно говорить, что перспективы в Африке значительно улучшатся благодаря созданию миссии для арабов в Маскате». «Арабы часто помогали нам и столь же часто мешали нам. Поэтому мы в двойном долгу перед ними, и я не вижу более эффективного способа его погасить, чем немедленное создание сильной миссии в их самом центре — в самом Маскате».

Маккей не был не осведомлен о больших трудностях работы среди мусульман и в Аравии; он называет это «гигантским проектом» и называет Аравию «колыбелью ислама». Но его вера настолько сильна, что в самом начале своей статьи он цитирует замечательное решение

Церковного миссионерского общества, принятое 1 мая 1888 года, относительно работы с мусульманами [143].

Результатом призывов Маккея стало то, что ветеран епископ Френч принял вызов и отдал свою жизнь в Маскате. Эта жизнь обладает «такими языковыми способностями, что способна» всегда «достигать не только ушей, но и самых *сердец* людей» способом, который даже превосходит мысли Александра Маккея из Уганды.

XXXI
ИОН КИТ ФАЛКОНЕР И МИССИЯ В АДЕНЕ

«Я отдаю свой меч тому, кто придет мне на смену в моем паломничестве, а свою храбрость и мастерство — тому, кто сможет их обрести. Мои шрамы и следы я несу с собой, чтобы они были свидетельством того, что я сражался в Его битвах, и теперь Он будет моим наградителем... Так он перешел, и все трубы зазвучали для него на другой стороне». — *«Путешествие пилигрима» Буньяна*. (Смерть Валианта за истину.)

Ион Кит Фальконер и Томас Валпи Френч оба отдали свою жизнь за Христа после короткого периода труда на земле, которую они так любили. Кит Фальконер умер в возрасте тридцати лет, прожив всего *десять месяцев* на арабской земле; епископ Френч был шестьдесят шесть лет, когда он прибыл в Маскат, и прожил всего девяносто пять дней после своего прибытия. Но оба они отдали

«один насыщенный час славной жизни»

делу Христа в Аравии и оставили после себя влияние, силу и вдохновение, которые

«стоит целой эпохи без имени».

Ион Грант Невилл Кит Фалконер[144], третий сын покойного графа Кинтора, родился в Эдинбурге, Шотландия, 5 июля 1856 года. В тринадцать лет он поступил в Харроу, чтобы побороться за вступительную стипендию, и добился успеха. Он не был обычным мальчиком ни в своих методах обучения, ни в своих взглядах на религию. Обладая здоровой амбицией превосходить других и , но при этом оставаясь доброжелательным и скромным, он дружил с теми, кого превосходил, и любил тех, кто был ниже его. Мужественность, великодушие, благочестие и бескорыстность, редкие качества для юноши, были в нем заметны. Он любил спортивные игры на открытом воздухе и преуспевал как в легкой атлетике, так и в учебе. В двадцать лет он был президентом Лондонского велосипедного клуба, а в двадцать два — чемпионом Великобритании по велоспорту.

Один абзац, взятый из конца одного из его писем, дает нам представление о мальчике в школе и проливает свет на его будущий выбор профессии. Он датирован 16 июля 1873 года: «... Вчера Чаррингтон прислал мне книгу, которую я прочитал. Она называется *«Следуя* полностью»... о человеке, который так усердно работает среди больных холерой в Лондоне, что в конце концов сдается и умирает. Но каждая страница пропитана Иисусом Христом, поэтому мне она понравилась. И мне нравится Чаррингтон, потому что он полностью предан Ему и действительно отдал все для Его славы. Я должен пойти и сделать то же самое в

ближайшее время: как — я еще не знаю». В том же году он покинул Харроу и, проведя год с репетитором, занимающимся исключительно математикой, поступил в Кембридж. Сначала он намеревался бороться за почетные звания в области математики, но после тщательного размышления изменил свои планы и начал готовиться к почетным званиям в области теологии.

Во время учебы в колледже он также прославился как мастер в двух своих любимых занятиях: велоспорте и стенографии. По последнему предмету он написал статью в Британской энциклопедии. Он обладал прекрасным интеллектом, огромной силой воли и гениальной способностью к упорному труду. Его знание иврита было исключительным; он писал открытки на этом языке своему профессору на всевозможные темы и переводил гимн «Lead Kindly Light» в качестве развлечения. Неудивительно, что он получил высшую награду в этом языке, которую может присудить Кембридж, и с легкостью сдал экзамен по семитским языкам в конце курса.

Но во всех своих исследованиях и увлечениях он не переставал показывать, что он прежде всего христианин и обладает миссионерским духом . Осуществляя евангелизационную работу в Барнвелле и Майл-Энде, в одиночку и вместе со своим другом Ф. Н. Чаррингтоном, он трудился, чтобы донести слово Божье до бедных и угнетенных. Для работы в Лондоне он сразу же стал казначеем и пожертвовал 10 000 долларов, а его работа на Майл-Энд-Роуд хранится в любви и памяти нынешних работников. Несомненно, именно здесь его мысли впервые обратились к дальним странам. В письме от 12 июня 1881 года из Степни-Грин он пишет: «Ошеломляет мысль о безграничности поля для жатвы по сравнению с леностью, равнодушием и нежеланием со стороны большинства так называемых христиан даже в умеренной степени стать работниками на этом поле. Я принимаю это упрек на себя. ... Наслаждаться благословениями и счастьем, которые дает Бог,
и никогда не протягивать руку помощи бедным и нечестивым, — это самое ужасное, что может быть. Когда мы умрем, для нас будет ужасно, если мы оглянемся на жизнь, прожитую исключительно для себя, но, поверьте мне, если мы хотим прожить свою жизнь иначе, мы должны быть готовы к тому, что нас будут считать «странными», «эксцентричными» и «необщительными», что нас будут высмеивать и избегать...Обычным центром является «Я», а истинным центром — Бог. Поэтому, если человек живет для Бога, он находится *вне центра* или *является эксцентричным* по отношению к людям, которые так не живут.

После сдачи выпускных экзаменов в Кембридже он полностью сосредоточился на изучении арабского языка; почему, он сам не знал, кроме того, что любил этот язык; это был Божий план в его жизни. Чтобы получить особые преимущества, он сначала отправился в Лейпциг в октябре 1880 года, а затем в Асьют, Египет. Семитский ученый становился арабом и уже тогда влюбился в пустыню. Через несколько месяцев учебы он написал из Асьюта: «Я подумываю о путешествии на верблюде по пустыне. Я собираюсь поехать отсюда в Луксор на ослике, ночуя в палатках, а из Луксора в Косаир на Красном море на дромадере. ... Это путешествие научит меня двум вещам:
арабский язык и кулинарию». Приступ лихорадки помешал путешествию, и Фальконер вернулся в Англию. Даже там его увлекательным занятием оставался арабский язык ( ), на котором он теперь читал такие сложные книги, как «Моаллакат» и «Аль-Харири»; как он сам выразился: «Я надеюсь, что буду заниматься арабским словарем до последнего дня своей жизни».

В марте 1884 года он женился на мисс Гвендолен Беван; они отправились в путешествие по Италии, а затем поселились в Кембридже, где Кит Фалконер читал лекции и занимался научной деятельностью. Весной 1885 года он опубликовал свою книгу «Калила и Димна»,

переведенную с сирийского языка, с примечаниями; это было вечное свидетельство его семитской учености и пример его обширных общих знаний. [145]

К концу 1884 года его мысли впервые начали определенно обращаться к миссионерской деятельности за рубежом, но пока без какого-либо конкретного выбора направления. Краткое изложение статей о Аравии, написанных генералом Хейгом для журнала *«Church Missionary Intelligencer»*, было опубликовано в *журнале «The* Christian» в феврале 1885 года и попало на глаза Киту Фалконеру. Идея евангелизации Аравии захватила его с божественной силой. Вся его душа ответила: «Вот я, пошли меня». Непосредственным результатом этого стало просьба о встрече с генералом Хейгом, с которым он соответственно встретился в Лондоне 21 февраля 1885 года, «чтобы поговорить об Адене и Аравии». Он решил поехать в Аден и лично осмотреть местность. Он остановился, чтобы обдумать только два вопроса: во-первых, насколько это место благоприятно для здоровья, и во-вторых, следует ли ему ехать в качестве свободного миссионера или же более или менее тесно связаться с каким-либо существующим обществом. С детства горячо привязанный к Свободной церкви Шотландии, он встретился с Комитетом по зарубежным миссиям этой церкви, и его проект был ими одобрен. 7 октября он вместе со своей молодой женой отправился в Аден, куда прибыл 28 октября. Они оставались там до 6 марта следующей весны.

Первый миссионерский отчет этого пионера в Южной Аравии показывает, что он думал об этом регионе и почему он решил сделать шейха Османа, а не Аден, центром своей будущей работы; в нем также излагаются методы, которые Кит Фалконер предлагал применять для евангелизации Аравии. Особый интерес представляют следующие выдержки:

«Население Адена состоит из (1) арабов, все из которых являются мусульманами, в основном суннитами секты Шафии; (2) африканцев, в основном сомалийцев, которые все являются мусульманами-шафиитами; (3) евреев; (4) уроженцев Индии, в основном мусульман, остальные — индусы, несколько парсов и несколько португальцев из Гоа. В 1872 году на каждые пять арабов приходилось менее трех сомалийцев, но, как мне сказали, сейчас их число равно. Арабы и сомалийцы вместе составляют большую часть — около четырех пятых — всего населения. В 1872 году евреев насчитывалось 1435, сейчас их число превышает 2000. Европейцы, гарнизон и сопровождающие лагеря насчитывают около 3500 человек. Климат Адена необычайно здоровый для тропиков. Портовый хирург, проработавший здесь пять лет, уверяет меня, что миссионеры не должны опасаться за свое здоровье. Это объясняется скудностью дождей и растительности, а также постоянными морскими бризами. Летняя жара сильная и угнетающая, но не вредная для здоровья. Нет сомнений, что Аден, благодаря тому, что он является британской колонией, благодаря своему географическому положению, политическим отношениям с внутренними районами, торговле с Йеменом, здоровому климату и смешанному арабо-сомалийскому населению, с человеческой точки зрения является хорошим центром для христианской работы среди мусульман Аравии и Африки.

«Следующий вопрос: как и где именно начать? Моя идея состоит в том, чтобы открыть школу, промышленный приют для сирот и медицинскую миссию в Шейх-Османе. Дети гораздо более полны надежды, чем взрослые, и возможность оказывать медицинскую помощь будет не только очень полезна в Шейх-Османе, но и неоценима для продвижения вглубь страны. В Адене есть много брошенных сомалийских детей, родители которых только рады, что их кормят и о них заботятся другие. Их, а также сирот, можно собрать и воспитать в вере во Христа, если *никто* не будет *против*. Необходимо научить детей работать руками, и я думаю, что в штат миссии должен входить плотник или какой-нибудь ремесленник из дома или из Индии. Но главной целью учреждения было бы обучение местных евангелистов и учителей; и

часть их обучения должна была бы быть *посвящена медицине*. Имея небольшие, но практические знания в области медицины и хирургии, они обнаружили бы, что перед ними открывается много дверей. В школе всех будут учить чтению по арабской Библии и христианским книгам, письму и арифметике, а более способных детей — английскому языку, исторической географии, геометрии, алгебре и естествознанию. Местный учитель, которого можно найти в Сирии или Египте, будет очень ценен и, я думаю, необходим на первых порах. Если бы в глубине страны стало известно, что в Шейх-Османе проживает компетентный врач и хирург, арабы, которые сейчас приезжают за советом в Аден, останавливались бы в нашем миссионерском доме, и хирург имел бы значительные возможности как в Шейх-Османе, Эль-Хауте, так и в маленьких деревнях, не говоря уже о противоположной африканской стране. Конечно, лечение хирургических случаев потребует наличия нескольких коек. Медицинский миссионер должен быть высококвалифицированным специалистом, поскольку местные жители часто откладывают обращение за консультацией до тех пор, пока болезнь не станет серьезной и сложной. Портовый хирург несколько раз подчеркивал мне это. Следует упомянуть, что местный помощник в диспансере Шейха Османа часто сталкивается с тем, что арабы приезжают в Шейх Осман на лечение, но, не получая помощи, отказываются ехать в Аден и возвращаются домой. Учреждение должно располагаться на возделанном участке или в саду. Это сделало бы его гораздо более привлекательным и принесло бы большую пользу детям. Это можно было бы организовать в Шейх-Отмане, где много воды и хорошая почва, но не в Адене, где повсюду царит почти полная бесплодность.

«Итак, мои причины предпочесть Шейх-Отман следующие:

«1. Мы не должны серьезно конкурировать с государственными учреждениями. На самом деле, мне сказали, что правительство было бы рады избавиться от необходимости содержать диспансер в Шейх-Османе.

«2. Климат здесь более свежий и менее изнурительный, чем в Адене. Благодаря своему расположению, он пользуется морским бризом, а почва поглощает тепло, не отдавая его обратно. С другой стороны, в Адене высокие черные скалы, похожие на шлак, часто преграждают путь бризу, накапливают тепло днем и отдают его ночью. Таким образом, ночи в Шейх-Отмане заметно прохладнее, чем в Адене.

«3. Здесь много воды, и почва пригодна для возделывания — об этом свидетельствуют два прекрасных частных сада, не говоря уже о правительственном саду. Но в Адене почва совершенно бесплодна, и за всю воду приходится платить. Она либо конденсируется, либо добывается с помощью акведука, либо из колодца, пробуренного на глубину 120 футов в твердой скале. Вода из последнего довольно сладкая, и иногда ее подают после ужина в бокалах для вина!

«*4*. Мне сообщили из достоверных источников, что в Адене будет очень сложно найти подходящий участок, тогда как в Шейх-Османе их много. Помимо множества участков под застройку, есть два очень больших участка под сады. Я осмотрел последние, и тот, который мне порекомендовали как имеющий лучшую почву, прекрасно расположен между старой деревней и новым поселением. Он занимает пространство между ними. Я могу получить всю или половину этой земли за символическую арендную плату.

«5. Шейх Отман находится в восьми милях по дороге вглубь страны, поэтому он находится в более тесном контакте с племенами и далек от влияния плохого и нехристианского примера, подаваемого многими европейцами.

С другой стороны, следует иметь в виду, что население Шейха Отмана — около 6500 человек — сравнительно невелико, хотя и может несколько увеличиться, и что оно очень непостоянно: не более 1500 человек проживают здесь постоянно. Однако последнее возражение относится и к Адену».

В другой части того же отчета, рассказав о важности Адена как миссионерского центра, он подчеркивает тот факт, что «более четверти миллиона верблюдов с погонщиками ежегодно въезжают в Аден и выезжают из него с продукцией со всех частей Йемена. Подавляющее большинство из них проходит через Шейх-Осман, где они делают остановку на несколько часов по пути в Аден». Никто, кто знаком с Аденом и его окрестностями и читал письма Кита Фалконера, не может не быть поражен тем фактом, что с самого начала он имел планы *по поводу внутренних районов*, а Шейх-Осман был лишь первым этапом, который он намеревался использовать в качестве базы для своих операций. Примерно в то же время, когда он написал свой отчет, он написал генералу Хейгу: «Я решил, что подходящим местом для меня будет не Аден, а Шейх-Осман. Это оставит Аден и Стимер-Пойнт открытыми для Церковного миссионерского общества. Хотя я не думаю, что медицинский миссионер найдет широкое применение в Адене, я полагаю, что там можно открыть библейскую комнату, комнату для распространения брошюр и зал для проповедей... Я надеюсь вскоре посетить Лахедж, но боюсь, что не смогу поехать в Сану. Я не знаю, где оставить свою жену. Когда у меня появится коллега в Шейх-Османе с женой, две дамы смогут остаться вместе, пока их мужья будут в Сане и других местах. Если миссионеры Церковного миссионерского общества приедут сюда, я уверен, что мы найдем способы сотрудничать и помогать друг другу».

В феврале 1886 года Кит Фалконер вместе со шотландским военным врачом отправился в Лахедж, первую крупную деревню за Шейхом Османом, расположенную посреди оазиса и управляемую в то время независимым «султаном». В марте, завершив предварительное изучение местности и определившись с выбором места, он отплыл в Англию, не для того, чтобы задержаться там, а чтобы подготовиться к окончательному исходу в Аравию. «Ибо, — говорит его биограф, — воин Креста рассчитал все затраты, с крайней тщательностью взвесил все риски и принял окончательное решение. То, как он сообщил об этом своим друзьям, было очень характерно для человека, который отправляется на битву, готовый потратить и потратить себя во имя Христа». В мае он встретился с Генеральной ассамблеей Свободной церкви и выступил со своей знаменитой речью о мусульманстве и миссиях среди мусульман. Для начала работы в Адене требовался второй миссионер, врач. Хотя такого человека еще не нашли, Кит Фалконер сделал щедрое предложение выплачивать Свободной церкви 300 фунтов стерлингов (1500 долларов) в год в качестве зарплаты нового миссионера. Он уже предложил оплатить расходы на себя и свою жену и согласился взять на себя все расходы по строительству миссионерского дома. Он положил на миссионерский алтарь не только свой талант ученого, но и деньги, и был по-настоящему «почетным миссионером».

Время между прибытием Кита Фалконера в Англию и его возвращением в Аравию было наполнено жизнью и деятельностью, но можно рассказать только о самых важных событиях. Он получил приятное, но совершенно неожиданное предложение занять должность профессора арабского языка в Кембридже, которую он принял, став преемником Эдварда Х. Палмера и Робертсона Смита. Он подготовил необходимые лекции, выбрав в качестве темы «Паломничество в Мекку». Он прочитал все книги по этой теме на многих языках, даже выучил голландскую грамматику, чтобы понять работу на этом языке. Он посетил больницы в

поисках помощника для Аравии. Он отобрал свою библиотеку и мебель, чтобы взять их с собой в Аден, и расторг договор аренды своего дома. Он выступал в качестве судьи на гонках велоклуба Молодежной христианской ассоциации в Кембридже. Он поехал в Глазго, чтобы встретиться с доктором Стюартом Коуэном, который был назначен его соратником в Аравии. Он попытался застраховать свою жизнь в пользу миссионерской работы в Майл-Энде, но, хотя страховая компания объявила его «первоклассным», она отказалась выдать полис, когда узнала о его предполагаемом месте жительства. Он произнес несколько прощальных речей в Шотландии и прочитал свои кембриджские лекции накануне отъезда в Аравию. Вся эта работа была выполнена за шесть месяцев человеком, который, как Наполеон, не знал слова *«невозможно»* в своем словарном запасе. О том, насколько хорошо была выполнена эта работа, свидетельствуют его лекции, статья в энциклопедии и прощальные речи. Что может быть прекраснее и сильнее, чем последние предложения из его прощальной речи в Глазго, которые до сих пор звучат с особой силой:

«У нас есть великое и внушительное военное министерство, но очень маленькая армия… в то время как огромные континенты погружены в почти полную тьму, а сотни миллионов людей страдают от ужасов язычества или ислама, на вас лежит бремя доказательства того, что обстоятельства, в которые Бог вас поместил, были предназначены Им для того, чтобы удержать вас от участия в зарубежных миссиях».

Доктор Коуэн прибыл в Аден 7 декабря 1886 года, а Кит Фалконер — на день позже на австрийском пароходе «Беренис». Он писал: «Мы остановились в Джидде, но, к моему большому разочарованию, карантин не позволил мне сойти на берег. Я долго смотрел на холмы, которые скрывали от нас Мекку».

Миссис Кит Фалконер прибыла две недели спустя. Но с самого начала новые миссионеры не смогли найти подходящее жилье. Каменный бунгало, который они надеялись занять в Шейх-Османе до постройки миссионерского дома, не удалось арендовать; после значительных трудностей им удалось найти большую хижину площадью около сорока квадратных футов, которая, с некоторыми изменениями, показалась подходящей для экстренной ситуации. Навес, построенный Китом Фальконером, служил им амбулаторией, и 11 января он написал: «Наше временное жилье очень удобное, а книги выглядят очень красиво». Некоторое время все шло хорошо, и были приняты меры для начала строительства миссионерского дома. Была организована поездка в Бир-Ахмед, и Евангелие проповедовалось каждый день словом и делом, хотя некоторые из участников группы почти все время были больны лихорадкой.

В начале февраля 1887 года их подбодрил визит генерала Хейга, возвращавшегося из путешествия по Йемену, но очень скоро все начало омрачаться. 10 февраля, возвращаясь из поездки по внутренним районам, Кит Фалконер заболел высокой лихорадкой, которая продолжалась три дня, а затем начала спадать, но не прошла полностью. Миссис Кит Фальконер также перенесла сильный приступ лихорадки, и оба уехали на три недели в Стимер-Пойнт, после чего вернулись в свою «хижину» в Шейх-Отмане. 1 мая Кит Фальконер написал своей матери: «Тебе будет грустно узнать, что я перенес еще один приступ… это уже седьмой приступ. Эта довольно убогая лачуга, в которой мы вынуждены жить, в значительной степени является причиной нашей лихорадки… мы надеемся начать жить в новом доме примерно 1 июня, хотя к тому времени он еще не будет готов». Но это письмо дошло до нее только после того, как телеграмма сообщила новость о том, что Бог призвал Своего слугу к Себе. Во вторник, 10 мая, после продолжительной лихорадки и двух бессонных ночей, он уснул, а утром… «один взгляд сказал все. Он лежал на спине с полуоткрытыми глазами. Все его положение и выражение лица свидетельствовали о внезапной и безболезненной кончине, как будто это произошло во сне, поскольку не было

никаких признаков того, что он пытался пошевелиться или заговорить». Вечером следующего дня он был похоронен «на кладбище в Адене британскими офицерами и солдатами — достойные похороны для воина Христа, который, облаченный в доспехи и с неустрашимым мужеством, пал лицом к врагу. Мученик Адена вошел в Божий Эдем. И так Великобритания принесла свою первую жертву — дорогостоящую жертву — для евангелизации Аравии».

Кит Фалконер прожил недолгую жизнь, но он прожил достаточно долго, чтобы сделать то, что он намеревался (и сделать это по Божьему плану, а не по своему собственному) — *«привлечь внимание к Аравии»*. Работник пал, но работа не прекратилась. Свободная церковь попросила одного добровольца занять его место, и тринадцать выпускников Нью-Колледжа откликнулись на этот призыв. Благодаря истории жизни Кита Фалконера десять тысяч жизней были духовно пробуждены , чтобы думать о зарубежных миссиях и их потребностях. Он, «умерший, но все еще говорящий», будет продолжать говорить, пока Аравия не будет евангелизирована. Каждый будущий миссионер в Аравии и каждый друг миссий, который прочитает историю жизни Фалконера, одобрит уместность простой надписи на его могиле в Адене:

ДОРОГАЯ
ДОРОГОЙ ПАМЯТИ
ПОЧТЕННОГО ИОНА КИТА ФАЛКОНЕРА,
ТРЕТЬЕГО СЫНА
ГРАФА И ГРАФИНИ КИНТОР,
КОТОРЫЙ УШЕЛ В ВЕЧНОСТЬ
В ШЕЙХ-ОТМАНЕ 11 МАЯ 1887 ГОДА
В ВОЗРАСТЕ 30 ЛЕТ.

«Если кто служит Мне, тот да следует за Мною; и где Я, там будет и слуга Мой; если кто служит Мне, того почтит Отец Мой».

Влияние посвящения Кита Фальконера было широко ощутимо во время его смерти и ощущается до сих пор. Его биография стала классическим произведением миссионерской литературы и выдержала шесть изданий. В октябре 1887 года пресвитерия Шотландской церкви в Кафаррии, Южная Африка, постановила «принять меры по подготовке мемуаров покойного достопочтенного Иона Кита Фальконера, которые будут напечатаны на *языке кафиров* в виде брошюры для распространения среди местных приходов с целью впечатлить их примером самопожертвования».

Миссия в Шейх-Османе была продолжена. Благодаря щедрости матери и вдовы Кита Фальконера были гарантированы стипендии для двух миссионеров. Доктор Коуэн вернулся в Англию, но на место пришли преподобный В. Р. В. Гарднер и доктор Александр Паттерсон. На некоторое время к ним присоединился также мистер Мэтью Локхед из миссии среди кабилов в Марокко. Была открыта школа для спасенных рабов, но из-за ухудшения здоровья детей их перевели в Ловедейл в Восточной Африке ( ). В 1893 году преподобный Дж. К. Янг, доктор медицины, был отправлен в качестве медицинского миссионера для помощи преподобному Гарднеру, который в то время остался один с миссис Гарднер; доктор Патерсон и мистер Локхед уехали по состоянию здоровья. Преподобный и миссис Гарднер отправились в Каир в 1895 году, а в следующем году к доктору Янгу присоединились доктор и миссис У. Д. Миллер. В 1898 году миссис Миллер умерла, и доктор Миллер вернулся домой. В настоящее время штат миссии состоит из преподобного доктора Янга и доктора Морриса, который присоединился к миссии в 1898 году.

Несмотря на эти частые изменения и короткие сроки службы, миссия Кита Фальконера не останавливалась. Каждый из верных членов группы использовал свой особый талант и индивидуальность, чтобы устранить часть огромной горы мусульманских предрассудков и противодействия, «чтобы проложить в пустыне дорогу для нашего Бога». Непосредственные окрестности Адена часто посещались; миссионерская амбулатория известна за сотни миль за Шейхом Османом. Мы с сожалением отмечаем, что желание Кита Фалконера поехать в Сану осталось невыполненным со стороны миссии. Была открыта школа для мальчиков, а небольшая «лачуга» для больных превратилась в полностью оборудованную миссионерскую амбулаторию, которая в 1898 году приняла более 17 800 амбулаторных пациентов. В Стимер-Пойнт (Аден) ведется очень нужная и обнадеживающая работа среди солдат, а церковь памяти Кита Фальконера каждую субботу заполняется теми, кто любит слушать старое Евангелие.

XXXII
ЕПИСКОП ФРЕНЧ, ВЕТЕРАН-МИССИОНЕР В МУСКАТЕ

Если жизнь и смерть Кита Фалконера закрепили миссионерскую любовь церкви к Адену, то смерть Томаса Валпи Френча[146] привлекла внимание многих к Маскату. Именно епископ Френч ознаменовал завершение своего сорокового года миссионерского служения, в одиночку атаковав казавшуюся неприступной крепость ислама в Омане. Евгений Сток называет его «самым выдающимся из всех миссионеров Церковного миссионерского общества».

Нам хочется описать раннюю миссионерскую деятельность этого человека, связанную с основанием колледжа в Агре и защитой местных христиан во время мятежа; его пионерскую работу в Дераджате; основание им Свято-Иоанновской духовной семинарии в Лахоре; его споры с мусульманами; и его многогранную деятельность в качестве первого епископа Лахора, но здесь мы можем только описать последние годы его плодотворной жизни. После сорока лет «обильных трудов» и «частых путешествий» он сложил с себя епископский сан, чтобы путешествовать среди арабоязычных народов и лучше изучить их язык. Он посетил Святую Землю, Армению, Багдад и Тунис, везде усердно стремясь выучить арабский язык и убедить мусульман в истинности христианства. Он стал, как кто-то выразился, «христианским факиром» ради Евангелия и желал закончить свою жизнь так же, как и начал ее, — пионерской миссионерской работой.

Как мы уже сказали, именно Маккей из Уганды привлек внимание епископа к Маскату. Такая просьба из таких уст не могла не тронуть сердце такого ветерана. Никто другой не вызвался, так как же он мог отказаться? Он знал, что к нему приближаются старость и немощь, но хотел умереть миссионером среди мусульман. У него было, по его собственным словам, «невыразимое желание» проповедовать арабам. Он был готов начать эту работу самостоятельно, надеясь, что Церковное миссионерское общество подхватит ее.

Каким был этот человек с львиным сердцем, который осмелился высоко поднять свою седую голову и *в одиночку* откликнуться на призыв Маккея о «полудюжине мужчин, лучших из английских университетов, чтобы совершить это предприятие в вере»? Один из его друзей и

соратников по миссионерской деятельности, с которым он проработал много лет, писал: «Жить с ним означало впитывать атмосферу, которая духовно бодрила. То, что воздух Энгадина для тела, то его близость была для души. Быть с ним было как образование. Только ради того, чтобы приобрести что-то, приближающееся к его чувству долга, стоило посетить Индию. Он требовал безоговорочного повиновения от тех, кем руководил, и часто цена этого была значительной. Если кто-то не хотел идти на риск, он сильно падал в глазах епископа. Он считал, что человек должен пожертвовать всем — домом, женой, здоровьем — если Бог явно призывает его. Но все знали, что он просил от них только то, что сам сделал и всегда делал. Как описать его неземность? В Индии полно рассказов об этом, о поступках, которые часто приводили к довольно забавным результатам. Для него не было ни сезона, ни несезона. Он всегда был занят делами своего Господа. Говорят, что ни одна биография не будет полной, если в ней не будет показана эта сторона его характера. Посторонним часто казалось, что это приводит его к непоследовательности. Для него не было ничего странного в том, чтобы на большом обеде обратиться к даме, сидящей рядом, и начать обсуждать небесную Невесту Христа; не было ничего странного и в том, что на большом приеме, который он устроил в резиденции правительства (любезно предоставленной епископу для проживания), раздавали сборники гимнов ( ), а вечерняя вечеринка завершилась гимнами и молитвой».

Преподобный Роберт Кларк из Пенджаба, Церковное миссионерское общество, свидетельствует: «Когда он только начинал свою работу в Агре, он учился около шестнадцати часов в день. Он преподавал в своей школе, проповедовал на базарах, обучал желающих креститься, готовил катехизаторов к рукоположению, занимался написанием книг и в то же время изучал арабский, персидский, урду, санскрит и хинди с мунши. Такого совершенства могут достичь немногие, потому что немногие могут безопасно следовать его стопам в этом отношении. Но все могут последовать его примеру молитвенного труда. Когда он проводил отпуск в путешествиях и проповеднических поездках по ближним и дальним местам, он показал нам, как провести каждый час отдыха с максимальной пользой. Когда он отказался от даже самого обычного средства передвижения, потому что считал, что миссионер должен ходить пешком, и отказался использовать для своего дома что-либо, кроме самой обычной мебели, он показал нам пример самоотречения и продемонстрировал, каким, по его мнению, должно быть отношение миссионера к миру. Когда он проводил свои ранние утра с Богом, с еврейской Библией и греческим Заветом перед собой, он часто приглашал какого-нибудь друга сесть рядом с ним, чтобы поделиться с ним богатыми мыслями, которые Слово Божье внушало его уму».

Это был человек, который в одиночестве, без единого друга, стоящего рядом, водрузил и поддерживал до самой смерти знамя креста там, где оно никогда раньше не было водружено. В самый жаркий сезон года, с маленькой палаткой и двумя слугами, он готовился продвигаться вглубь страны, когда смерть вмешалась и дала покой шестьдесят шестилетнему ветерану. «Мы, глупцы, считали его жизнь безумием, но он причислен к детям Божьим, и его удел среди святых» (Мудрость Соломона, 5:4-5). Только Иуда может «возмущаться, говоря: для чего эта трата?» Это разбитое сосудище с драгоценным миром дало благоухание всему миру.

Мы позволим епископу Френчу рассказать свою короткую историю о работе в Маскате, начиная с того момента, когда мы вместе путешествовали по Красному морю в поисках Божьего плана для нас в Аравии. [147]

Около Адена, 22 января 1891 года.

«Буйные ветры и бурное море сильно измучили мой мозг, и я редко испытывал такие мучения в этом отношении. Но мы близки к проливу Баб-эль-Мандеб и надеемся достичь Адена примерно через двенадцать часов. Мне было бы жаль пропустить Ходейду, где я провел долгий день (несмотря на трудности с добираться туда на *самбуке* или небольшой лодке широкой и тяжелой конструкции), вернувшись на корабль вечером. Я расстался со своими друзьями, Мейтлендом и молодым американским миссионером, и направился прямо через ворота одной из крепких городских стен в загородную местность, где растут пальмовые рощи и стоят довольно внушительные оштукатуренные загородные дома купцов и знатных людей. Под аркадой (поскольку солнце было слишком жарким) я собрал небольшую группу людей, одни из которых были образованными, а другие — необразованными, и более часа обращался к ним, вызывая сопротивление одного или двух *улума*, или образованных людей. Впервые за всю эту часть моего путешествия мой рот как будто немного раскрылся, а сердце расширилось, чтобы свидетельствовать о Христе, и некоторые из них, казалось, были действительно поражены и заинтересованы. Я попытался попасть в одну или две мечети, как в старые времена в афганские мечети с Гордоном и другими, но не смог найти внутри подходящих имамов. Я занял нижние ступени лестницы, ведущей к частной резиденции высокопоставленного турецкого офицера в богатой форме, генерала армии, не зная, чьи ступени я занимаю. Однако старый джентльмен спустился вниз (как в старые времена мог бы сделать римский центурион) и сел вместе с несколькими другими на пороге своего дома, слушал с необычайной покорностью и благодарностью и просил моего благословения на его должность и выполнение его трудных обязанностей. После первого прощания он послал мне красивую трость из лимонного дерева, и я был вынужден подняться по ступенькам, чтобы выразить свою благодарность и признательность за его необыкновенную любезность и дружбу. Затем последовало еще более восторженное и сердечное прощание и теплое поцелуи рук, к удивлению Мейтленда. Я, конечно, никогда раньше не испытывал такой доброты и дружбы со стороны турецких чиновников нигде. Я верю, что это послание тронуло его сердце. В любом случае, он с радостью принял экземпляр всей Библии — это один из самых фанатичных арабских городов.

«На этой неделе здесь был отличный разносчик Библии из Библейского общества, Стефанос, еврейский новообращенный, как я полагаю, и прекрасный знаток арабского языка. Вали, или наместник города, запретил ему перевозить арабские Библии вглубь страны, хотя еврейские Библии для евреев в Сеннаа пропускаются в горы примерно за шесть дней. В самой Джидде я получил некоторое ободрение, но не такое сильное, как в Ходейде, которая теперь обогнала Моку как процветающий торговый центр в этих краях».

Маскат, Оманский залив,
13 февраля 1891 года.

«Я прибыл сюда в прошлое воскресенье вместе с мистером Мейтлендом из Кембриджской миссии в Дели, с которым я познакомился в Египте и который по состоянию здоровья проведет со мной несколько недель, возможно, до Пасхи. Мы не хотели навязываться британскому консулу, так как думали, что ему может быть неудобно принимать христианских миссионеров, впервые прибывших сюда; и нам было очень трудно найти даже самое скромное жилье на первые день или два, но теперь мы живем в соседней деревне, в более приемлемых с точки зрения необходимых удобств помещениях, принадлежащих американскому консулу, который является агентом нью-йоркской торговой компании. Я написал в Индию, чтобы заказать палатку типа «швейцарский коттедж» на случай, если здесь не найдется подходящего жилья или чего-то, похожего хотя бы на английскую деревенскую гостиницу или персидский караван-сарай. В соседних холмах такая палатка

могла бы служить укрытием в жаркую погоду, если арабы потерпят присутствие христианского миссионера. «О возможностях вступления в миссию, по-моему, пока говорить преждевременно. Мы продолжаем изучать арабский язык, и я рад, что мои уроки арабского гораздо понятнее, чем в Тунисе и Египте. Я надеюсь вскоре найти шейха, обладающего некоторыми знаниями, чтобы под его руководством продолжить переводы на арабский язык, если жизнь и здоровье позволят. Я очень благодарен за то, что снова нахожусь в определенном временном центре, по крайней мере, миссионерской деятельности. Я искренне и от всего сердца желаю культивировать в себе «терпение и долготерпение с радостью», как наиболее подходящие для моего нынешнего положения и обстоятельств. Британский консул, очень вежливый, обходительный и принципиальный человек, не надеется на какое-либо влияние на арабов Омана и считает, что его положение не позволяет ему присоединиться к каким-либо усилиям по обращению их в свою веру. Поэтому, когда Мейтленд уедет, я буду здесь довольно одинок, однако не в первый раз, и я только молюсь, чтобы одиночество помогло мне более полно осознать благословенное Присутствие, которое наполняет, укрепляет, оживляет и поддерживает».

Его последнее письмо, написанное из Маската в Церковную миссионерскую общество, датировано 24 апреля 1891 года. Вот его отрывок:

«Терпение здесь, как и везде (и даже больше, чем в большинстве мест, которые я посещал), является важным условием. Я по-прежнему живу один в арендованном доме, принадлежащем американскому консулу, и, несмотря на его скромность, он вполне подходит для миссионера и находится в центре города. Я не могу привлечь многих — на самом деле, очень немногих — в мой дом для чтения, что, естественно, является одной из моих главных целей. Иногда они приглашают меня в свои магазины и дома, чтобы посидеть и обсудить важный вопрос, который нас разделяет, — некоторые из них белуджи, в основном арабы; я гораздо больше предпочитаю последних и считаю их более многообещающими. На переполненных базарах есть несколько индусов, но я их почти не вижу — отчасти из-за шума узких улочек и движения, а отчасти потому, что не хочу отвлекаться от арабского языка ( ). Большинство из немногих индусских торговцев, живущих здесь, понимают арабский.

«Здесь широко распространены внешние проявления религиозных обрядов; есть множество мечетей; довольно большая доля образованных мужчин и женщин; последние проявляют особый интерес к религиозным вопросам и иногда возглавляют оппозицию Евангелию. У них есть большие школы для девочек и учительницы. Недалеко от города находится деревня прокаженных. Сегодня утром я во второй раз занял выделенный мне сарай с хорошей крышей, и эти бедные прокаженные, мужчины и женщины, собрались в достаточном количестве, чтобы послушать. Однако в основном я обращаюсь к образованным мужчинам на обочине дороги или в портике дома, иногда даже в мечети, что для меня является новым опытом. Все еще существует значительная застенчивость, иногда ожесточенное сопротивление; но яркие лица, приветствующие меня, иногда подбадривают меня и помогают мне, и я только удивляюсь, что так многое терпится. Я приложил особые усилия, чтобы попасть в мечети, но чаще всего мне отказывают. Муллы и муаллимы, кажется, боятся помогать мне в моих переводах или сталкиваться со мной с более сложными отрывками из лучших классических произведений. Это меня несколько удивило и смутило, но в целом я был избавлен от чего-либо похожего на депрессию и получил счастливые и утешительные доказательства благодатного присутствия Спасителя со мной. Псалмы, как обычно, кажутся наиболее подходящими и отвечающими потребностям такой пионерской и одинокой работы...

«Если я не смогу найти верного слугу и проводника для путешествия вглубь страны, хорошо разбирающегося в отношениях с арабами и приобретении необходимых общих припасов (мне нужно совсем немного), я могу попробовать Бахрейн, или Ходейду и Сенну, а если это не удастся, то снова Северную Африку, в каком-нибудь высокогорье; потому что без собственного дома климат будет для меня невыносимым — по крайней мере, в очень жаркие месяцы — и работа будет стоять на месте. Но я не откажусь, да поможет мне Бог, даже временно, от своих планов по поводу внутренних районов, если только, когда все пути будут закрыты, попытка их осуществить не будет чистым безумием».

Он так и не добрался до внутренних районов, поскольку получил солнечный удар по дороге из Маската в соседнюю деревню Маттра на открытой лодке. Его доставили в консульство, но он едва пришел в сознание, чтобы произнести «Да благословит вас Бог» консулу, полковнику Моклеру. Он умер 14 мая 1891 года. Сам способ его смерти более, чем он когда-либо думал, оправдал его собственные слова в одном из писем из Маската: «В память о мольбах Генри Мартина за Аравию, арабов и арабский язык, я, кажется, почти пытаюсь следовать по его стопам и под его руководством, чем даже в Персии или Индии, как бы ни было неисчислимо расстояние, на котором ведомый следует за лидером!»

Могила епископа Френча находится на дне узкого ущелья, окруженного черными скалами, и до нее можно добраться на лодке, обогнув скалистый мыс к югу от Маската. Здесь находится много могил моряков Королевского флота и других людей, погибших на этом жарком и негостеприимном побережье. Здесь также покоится тело преподобного Джорджа Э. Стоуна, американского миссионера, который был призван на небеса летом 1899 года после короткого периода служения.

В память о Томасе Валпи Френче, епископе-миссионере.

Где Маскат встречает восточное солнце

Между бурным морем и скалистым утесом,

Едва начав свою миссию милосердия,

Святая душа уснула:

Кто придет поднять крест вместо него?

Кто возьмет знамя от мертвого?

Где, под ярким небом Индии,

Гордая Агра и сильный Лахор,

Поднимают крыши и сверкающие купола ввысь,

Его «семиголосный язык» больше не слышен:

Кто придет, чтобы забить тревогу?

Кто берет трубу у мертвых?

Где белые лагеря отмечают границы Афганистана,

От Инда до гор Сулеймана,

Через многие ущелья и возвышенности — звучит

Весть о божественной радости:

Но там они скучают по его быстрым шагам;

Кто же тогда будет трудиться за мертвых?

Где улыбаются челтонские холмы и долины,

Где Эрит тянется вдоль берега

Вдоль берега Темзы, окаймленной лесами и усеянной парусами,

Его святой голос больше не слышен

Неужели он умер зря?

Пошлите своих детей вместо него!

Вдали от прекрасных рощ и башен Оксфорда

Ее ученый епископ умирает в одиночестве;

Он осуждает безмятежность культурных часов

Тихим голосом смерти, который сотрясает сердце.

Храбрый святой! За мертвую темную Аравию!

Я пойду сражаться вместо него!

О, восточный любовник с Запада!

Ты превзошел эти тюремные решетки;

Твоя память, на груди твоего Учителя,

Возвышает нас, как манящие звезды.

Мы следуем за тобой, как ты вел нас;

Крести нас, Спаситель, за умерших!

—*Архидиакон А. Э. Моул*.

XXXIII
АМЕРИКАНСКАЯ АРАБСКАЯ МИССИЯ

«Наша конечная цель — занять внутренние районы Аравии» — *План арабской миссии*.

«На такой призыв может быть только один ответ. Голландская реформатская церковь, когда она взяла на себя миссию, первоначально начатую на независимой основе как Аравийская миссия, сделала это с полным пониманием планов и целей ее основателей, которые, как показывает само название миссии, включали в себя не что иное, как всеобъемлющую программу евангелизации, описанную выше». — *Генерал-майор Ф. Т. Хейг.*

«Не снижение расходов, а поддержание веры и энтузиазма дает чистый баланс. Обеспечьте Церкви героическое руководство, поставьте перед ней высокие идеалы, держите ее на пути к большим завоеваниям, и финансовая проблема решится сама собой. Если Церковь увидит, что мы не доверяем Богу настолько, чтобы рискнуть каким-либо делом для Него, пока у нас нет денег, она, вероятно, проявит такую же осторожность при внесении пожертвований, и наше хорошее финансирование будет сопровождаться большими потерями дохода». — *The Christian Advocate*.

«Арабская миссия была организована 1 августа 1889 года, и ее первый миссионер, преподобный Джеймс Кантин, отплыл на место назначения 16 октября того же года. Чтобы проследить шаги, которые привели к организации этой первой американской миссии в Аравию, мы должны вернуться на год назад.

В Теологической семинарии Реформатской (голландской) церкви в Нью-Брансуике, штат Нью-Джерси, миссионерский дух был особенно активен в 1888 году. Это было поддержано членами профессорско-преподавательского состава, которые горячо любили эту работу, недавно открытой миссионерской лекционной программой, выпускниками семинарии, ставшими миссионерами, и некоторыми самими студентами, которые выдвинули миссионерскую деятельность на первый план. Среди этих студентов были Джеймс Кантин и Филип Т. Фелпс из старшего класса « » и Сэмюэл М. Звемер из среднего класса, которые индивидуально решили работать за границей, если Бог позволит, и которые собирались для молитвы и консультаций по поводу выбора области деятельности. Первое собрание этой группы состоялось 31 октября 1888 года, и обсуждаемой темой было: «Что составляет призыв к работе за границей?». После этого они встречались почти каждую неделю, и постепенно сформировалась идея объединиться, чтобы начать пионерскую работу в одной из незанятых областей. Были упомянуты Тибет и Центральная Африка, но их мысли, как правило, сходились на какой-нибудь арабоязычной стране, особенно Нубии или верхнем Ниле. Библиотека семинарии была перерыта в поисках информации об этих областях, но без определенных результатов. В конце ноября группа решила проконсультироваться со своим профессором иврита и арабского языка, преподобным Дж. Г. Лансингом, доктором богословия, который, будучи потомком миссионеров и полным миссионерского энтузиазма, тепло приветствовал их доверие и с того момента стал участвовать в их планах. Через некоторое время было взаимно решено, что Бог призвал их к пионерской работе в какой-то части мусульманского мира в Аравии или рядом с ней.

Напротив этого Божественного призыва возникла большая человеческая трудность: церковь, к которой они принадлежали и которой были верны, не проводила миссионерской деятельности в мусульманском мире. Миссионерский совет этой церкви уже был обременен долгом в 35 000 долларов, и поэтому было маловероятно, что они начнут такую работу в дополнение к своей другой миссионерской деятельности. Однако, несмотря на эти препятствия, 11 февраля 1899 года было решено подать официальное заявление в Совет, и 23 мая был составлен следующий план и представлен Совету по зарубежным миссиям:

«Мы, нижеподписавшиеся, желая заняться пионерской миссионерской работой в какой-либо арабоязычной стране, и особенно в интересах мусульман и рабов, с самого начала признаем следующие факты:

1. Большую необходимость и поддержку этой работы в настоящее время.

2. Отсутствие в настоящее время такой миссионерской работы под надзором нашего Совета по зарубежным миссиям.

3. Тот факт, что до сих пор в указанных направлениях было сделано очень мало.

4. Неспособность нашего Совета начать эту работу в его нынешнем статусе.

Поэтому, чтобы желаемая цель была достигнута, мы с уважением представляем Совету, а с его одобрением и всей церкви, следующие предложения:

1. Начало этой работы в кратчайшие сроки.

2. Областью деятельности будет Аравия, верхнее течение Нила или любая другая область, с учетом положений преамбулы, которая будет считаться наиболее выгодной после должного рассмотрения.

3. Расходы на указанную миссию должны покрываться (*а*) ежегодными взносами в размере от пяти до двухсот долларов; подписчики, вносящие одинаковые суммы, должны составлять синдикат с такой организацией, которая будет сочтена желательной; (*б*) синдикатами таких лиц, церквей и организаций, которые возьмут на себя поддержку отдельных миссионеров или будут вносить вклад в такие конкретные цели, которые будут требоваться миссией.

4. Эти синдикаты должны быть сформированы, а финансовые обязательства должны быть выполнены в течение пяти лет.

5. По истечении этого пятилетнего периода миссия переходит под непосредственный надзор нашего Совета, как и в случае с другими нашими миссиями. Если Совет по-прежнему не будет иметь финансовых возможностей, синдикаты будут переформированы, а обязательства перезаключены.

6. В то же время миссия будет находиться под общим контролем Совета, через руки которого будут проходить ее средства.

7. Нижеподписавшиеся просят Совет одобрить данное предприятие в целом и, в частности, в вопросе привлечения подписок.

(Подписано) Дж. Г. Лансинг,
Джеймс Кантин,
П. Т. Фелпс,
С. М. Звемер».

Этот план был впервые представлен Совету 3 июня, когда он был предварительно принят для передачи на рассмотрение Генеральному Синоду. 11 июня Синод, после долгого и жаркого обсуждения, вернул весь вопрос на рассмотрение Совета, попросив его «тщательно рассмотреть весь вопрос и, если Совет сочтет это целесообразным, уполномочить его начать

реализацию предложенной миссии». 26 июня Совет собрался и принял следующее решение:

«*Решено*, что, хотя Совет проявляет большой интерес к предложению о миссионерской работе среди арабоязычных народов, работа, которой Совет уже занимается, настолько велика и постоянно растет, а финансовое положение Совета таково (его долг на тот момент составлял 35 000 долларов), что Совет вынужден отказаться от принятия на себя какой-либо ответственности в этом вопросе.

Однако, если в течение следующих четырех месяцев в церквях проявится такой интерес к зарубежным миссиям, что сумма, на которую в настоящее время перерасходованы средства казны, сократится до небольшой доли, то Совет будет склонен поддержать это важное предприятие».

Между тем план был подробно обсужден в церковных газетах, и хотя были горячие сторонники этого предприятия, которые искренне выступали за его начало с помощью пера и кошелька, общее мнение было категорически против этого предложения, и на предприятие было вылито много холодной воды. [148]

Чувства тех, кто был наиболее заинтересован в принятии этого решения, были выражены профессором Лансингом от их имени следующими словами: «Автор и названные лица глубоко благодарны Генеральному Синоду за его радушный прием и поддержку предложенной миссии. С другой стороны, они не только не имеют никаких претензий к действиям Совета, но и благодарны ему за тщательное рассмотрение этого вопроса и глубоко сочувствуют ему в связи с печалью, которую он и все должны испытывать в связи с принятым неблагоприятным решением. Но это не снимает ответственности. Ответственность, возложенная Богом, не снимается никаким признанием существующих человеческих трудностей... Когда Бог призывает, мы должны повиноваться, а не возражать. А также, когда Бог призывает к какой-то конкретной работе, то у Него должен быть какой-то способ, с помощью которого эта работа может быть выполнена».

После долгих размышлений и молитв был принят план проведения этой работы. Девиз новой миссии появился в заголовке: «О, если бы Исмаил мог жить перед Тобой». После преамбулы, аналогичной первоначальному плану, следуют следующие разделы:

«1. Это миссионерское движение будет называться «Аравийская миссия».

2. Поле деятельности, насколько это можно определить на данный момент, будет охватывать Аравию и прилегающее побережье Африки.

3. По выбору и при участии нижеподписавшихся будет создан Консультативный комитет, состоящий из четырех членов, для содействия продвижению интересов данной миссии.

4. Учитывая тот факт, что данная миссия по своему составу и деятельности является неконфессиональной, пожертвования принимаются от всех, кто может их сделать, независимо от их конфессиональной принадлежности.

5. Сумма, необходимая для осуществления работы этой миссии, будет равна сумме, необходимой для покрытия расходов на оборудование и работу лиц, одобренных и направленных для участия в работе этой миссии. Не будет взято никаких долгов и не будет выплачиваться никакая заработная плата, кроме миссионеров.

6. Желательно, чтобы сумма пожертвований *не влияла на регулярные пожертвования отдельных лиц на зарубежные миссии*…

7. Первый из нижеподписавшихся будет казначеем и будет осуществлять общий надзор за интересами миссии на родине и в этом качестве будет представлять годовой отчет, в то время как миссионеры на местах будут руководить этими интересами за рубежом…».

Черновой вариант этого плана был составлен в коттедже Пайн-Хилл в Катскиллс 1 августа. Через несколько дней, когда группа находилась в старом поместье Кантин, Стоун-Ридж, Нью-Йорк, доктор Лансинг сочинил гимн Арабской миссии, который всегда будет вдохновлять тех, кто любит Аравию; но он никогда не будет исполняться с большей чувственностью, чем в первый раз, в верхней комнате, тремя голосами.

There's a land long since neglected
There's a people still rejected
But of truth and grace elected
In his love for them.
Softer than their night winds fleeting
Richer than their starry tenting
Stronger than their sands protecting
Is his love for them.
To the host of Islams leading
To the slave in bondage bleeding
To the desert dweller pleading
Bring his love to them.
Through the promise on Gods pages
Through His work in history stages
Through the Cross that crowns the ages
Show his love to them.
With the prayer that still availeth
With the power that prevaileth
With the love that never faileth
Tell his love to them.

Till the deserts sons now aliens
Till its tribes and their dominions
Till Arabias captured millions
Praise his love of them.

ГИМН АРАБСКОЙ МИССИИ. Факсимиле оригинальной копии, сочиненной профессором Дж. Г. Лансингом в 1889 году в Стоун-Ридж, штат Нью-Йорк.

Когда план был опубликован, Рубикон был пересечен, хотя и не без потери одного имени из числа подписавшихся. Начали поступать пожертвования, был избран Комитет по оказанию консультативной помощи ( ), и миссия была зарегистрирована. Среди других знаков благосклонности, которые миссия получила в этот момент, было наследство от Кэтрин Крейн Халстед в размере почти пяти тысяч долларов — самый крупный подарок и единственное наследство, полученное Аравийской миссией за последнее десятилетие. Это неожиданное и провиденциальное пожертвование было обнадеживающим и позволило миссии немедленно приступить к работе.

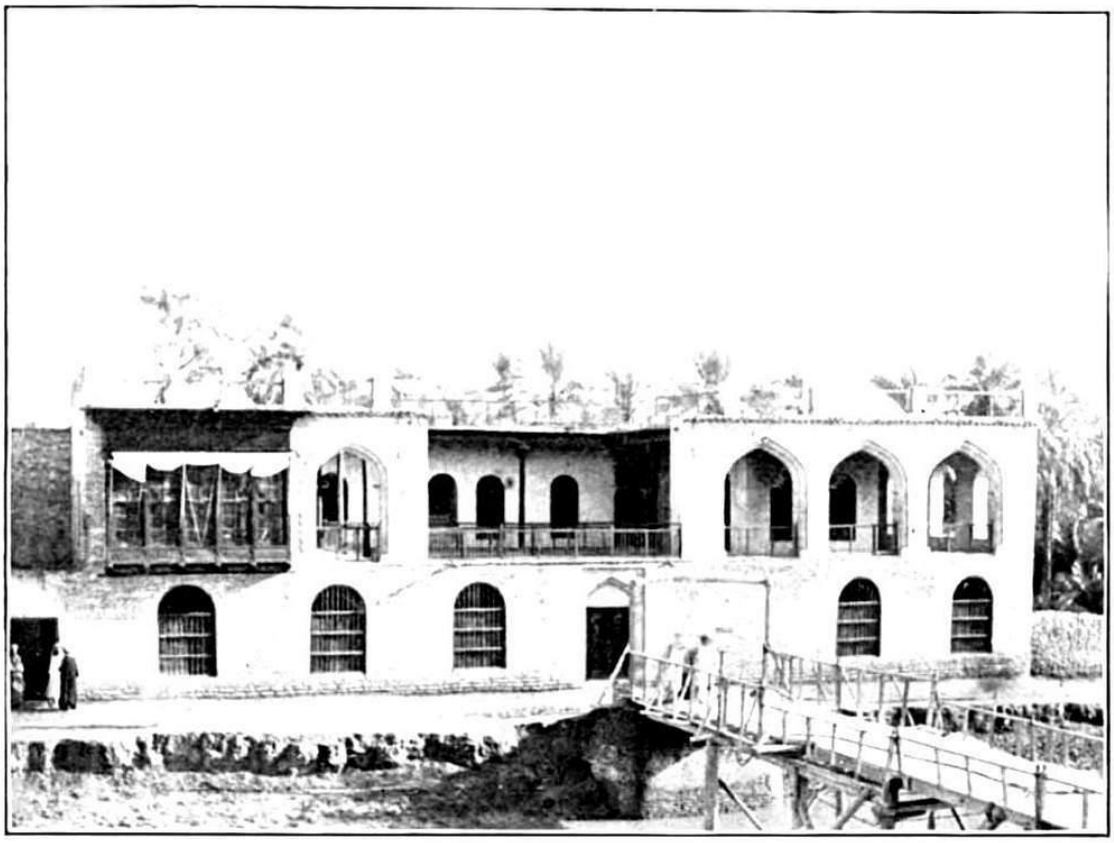
1 октября Джеймс Кантин был рукоположен Классисом Кингстона в Реформатской церкви на Фэр-стрит и 16 октября отплыл в Сирию, остановившись в Эдинбурге, чтобы проконсультироваться с Комитетом Свободной церкви Шотландии по поводу сотрудничества с их миссией в Адене. Предложение было тепло встречено, но не было реализовано, поскольку в Шейх-Османе впоследствии было взаимно согласовано, что, вероятно, будет достигнуто больше, если миссии будут работать отдельно. Второй член группы, отправившийся на место работы, был рукоположен Классисом Айовы в Орандж-Сити и отплыл 28 июня 1890 года.

В конце ноября два пионера покинули Сирию и отправились в Каир, чтобы встретиться с профессором Лансингом, который находился в Египте по состоянию здоровья. 18 декабря г-н Кантин отплыл прямым пароходом в Аден, а 8 января 1891 года автор последовал за ним на египетском прибрежном пароходе, желая зайти в Джидду и Ходейду и встретиться с генералом Хейгом, который в то время находился в Суакине и руководил работой по спасению сирот после войны.[149] Мое путешествие по Красному морю прошло в компании пожилого епископа Френча, хотя ни один из нас не слышал о другом до нашей встречи в поезде, который вез нас на один и тот же корабль в Суэц. Тогда мы впервые узнали, что оба направляемся в одну и ту же точку с одной и той же целью — проповедовать Христа арабам.

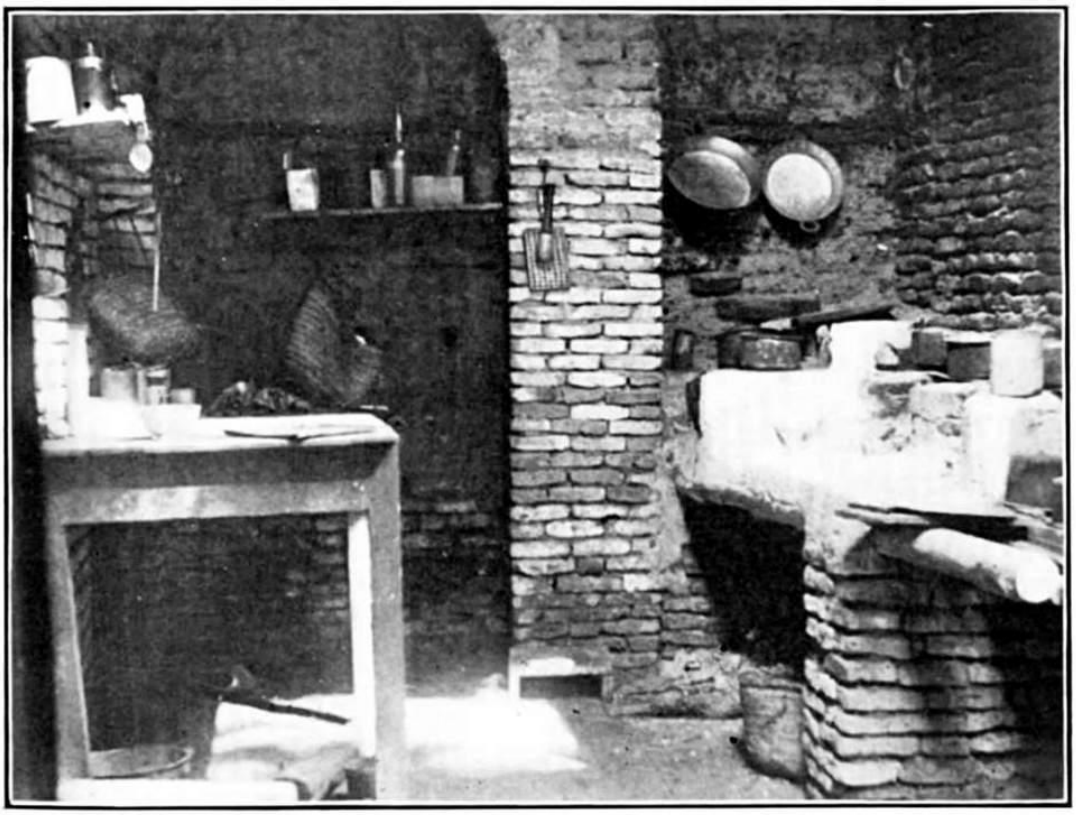
Из Адена два американских миссионера поставили перед собой первоочередную задачу — исследовать места, предложенные генералом Хейгом для миссионерской деятельности. Один из них, мистер Кантин, отправился на север, в сторону Лахаджа, в страну султана Лахаджа, а другой — по южному побережью в компании Камиля, сирийца, обратившегося из ислама. Этот искренний молодой ученик познакомился с мистером Кантином в Сирии и рано выразил желание присоединиться к работе в Аравии. Он любил Священное Писание и никогда не отступал перед препятствиями, стоявшими на пути веры или служения. Его биография, написанная доктором Генри Джессапом, показывает, чем он пожертвовал ради Христа; только день дней покажет, как много он сделал для Аравии. 26 мая 1891 года мистер Кантин отплыл в Маскат и Персидский залив, договорившись, что его соработник тем временем попытается добраться до Саны и изучить возможности для работы в Йемене. Весть о смерти епископа Френча уже дошла до Адена. Г-н Кантин пробыл в Маскате две недели, после чего посетил Бахрейн и другие порты Персидского залива, а затем отправился в Бусру и Багдад. Важность Бусры как миссионерского центра была очевидна. По численности населения, доступности и стратегическому положению она превосходила другие места в Восточной Аравии. Здесь, казалось, было место, где можно было забить первый клин.

Между тем, двадцатидневное путешествие в Сану и деревни Йемена по маршруту Ходейда показало важность Саны как центра операций, о чем свидетельствует следующее, написанное в то время: «Она имеет преимущества в виде большой численности населения,

центрального расположения, важности положения и здорового климата. Почта приходит еженедельно, а телеграф связывает ее с внешним миром. Ее недостатки заключаются в турецком правительстве и связанных с этим трудностях открытой и активной работы. Как и дорога из Ходейды в Сану, это будет тяжелая работа, через горы и крепости, но в обоих случаях вы достигнете Аравии Феликс». Однако после встречи с г-ном Кантином в Бусре аргументы в пользу Йемена были отброшены, и было решено, что лучше всего сделать Бусру первой штаб-квартирой. В то время никто и не думал, что через десять лет в высокогорьях Йемена все еще не будет миссионеров.



СТАРЫЙ МИССИОНЕРСКИЙ ДОМ В БУСРЕ.



КУХНЯ СТАРОГО МИССИОНЕРСКОГО ДОМА, БУСРА.

Доктор М. Юстас тогда находился в Бусре, занимаясь лечением бедных и работая врачом для европейской общины. Он радушно принял миссионеров и искренне сотрудничал с ними, пока не был переведен в больницу Церковного миссионерского общества в Кветте. Его отъезд подчеркнул важность медицинского миссионера среди мусульман, и миссионеры настоятельно просили, чтобы к ним присоединился врач. В январе 1892 года Совет попечителей направил доктора К. Э. Риггса, человека с отличными рекомендациями как врача и члена евангелической церкви, но вскоре после прибытия на место он заявил о своем неверие в божественность Христа. Его полномочия были отозваны, и он вскоре вернулся в Америку. После нескольких странных приключений этот необычный, но симпатичный человек прибыл в Чикаго, обратился в веру под влиянием проповеди Д. Л. Муди на Всемирной выставке и умер в своем доме в Новом Орлеане примерно через год. Это был долгий путь к дому Отца, но он доказал силу молитвы и то, что Бог никогда не забывает Своих детей.

24 июня того же года верный Камиль, правильно названный Абд Эль Мессия (слуга Христа), был призван к своей награде. Его болезнь была настолько внезапной, а обстоятельства его смерти настолько подозрительными, что мы не можем не верить, что он умер мучеником от отравления. Он был самым сильным человеком в миссии в спорах с мусульманами и самым милым человеком, так что в отчете за тот год правдиво сказано: «Наша потеря в его смерти неизмерима».

Эти два последовательных удара были очень серьезными, и теперь последовали еще две потери. Якуб, еще один обращенный в ислам, который работал в миссии и чья жена приняла крещение в Бусре, был арестован и не смог вернуться на наше поле деятельности. Также один из двух эффективных разносчиков книг, нанятых миссией, уехал искать счастья в

Америке. Продолжающаяся болезнь доктора Лансинга на родине и сокращение пожертвований также бросили тень на работу. Но вера укрепилась благодаря испытаниям. В ежеквартальном письме, написанном ближе к концу этого года , мы читаем: «Опыт миссионеров с момента их прибытия в Аден, их поездки по побережью и вглубь страны, возможности для работы вдоль Евфрата, Тигра и Персидского залива, а также глубокое осознание того, что наша миссия призвана Богом нести Евангелие вглубь Аравии, — все это побуждает нас в настоящее время обратиться с особой просьбой о дополнительных работниках. Есть несколько точек недалеко от Бусры, где следует без промедления начать постоянную работу, а такие места, как Бахрейн, Маскат или Сана, в равной степени, а может быть, и в большей степени, открыты для Евангелия, чем сама Бусра... *Если арабская миссия хочет быть верной своему названию и цели, она должна занять всю Аравию*». За этим последовал призыв о пяти новых сотрудниках и просьба, чтобы в случае нехватки средств для их отправки были сокращены зарплаты, «уверенные, что лучший способ увеличить пожертвования — это расширить нашу работу и довериться Богу, который обеспечит нас в будущем».

В это время миссия переживала период решительного противодействия и открытой враждебности со стороны турецких местных властей. Арестовали разносчиков книг, запечатали библейский магазин, конфисковали книги и поставили охрану у дверей дома, в котором жили миссионеры. В Высокую Порту была отправлена петиция с просьбой изгнать миссию. Но противодействие было недолгим, и петиция так и не достигла своей цели. В декабре к миссии в Бусре присоединился преподобный Питер Дж. Звемер. Сначала было очень трудно найти жилье, и частые переезды мешали работе. В том же году были приняты меры для продолжения всей библейской работы Британского и иностранного библейского общества в регионе, где работала миссия.

Главным событием следующего года стало открытие второй станции в Бахрейне. Хотя первая попытка открыть библейский магазин и найти жилье на островах была сопряжена с огромными трудностями и сильным сопротивлением, она увенчалась успехом, и к концу первого года было продано более двухсот экземпляров Священного Писания ( ). Было совершено путешествие в провинцию Хасса, и таким образом миссионер впервые пересек восточную границу Аравии. В Бусре евангелизационная работа и распространение Библии продвигались, но медицинская работа была остановлена. Холера поразила обе станции и сильно помешала работе; многие люди бежали из Бусры, а в Бахрейне общее число смертей превысило пять тысяч. Питер Звемер в то время одиноко дежурил на островах; его единственный слуга умер от холеры, а сам он не мог уехать, так как ни один корабль не брал пассажиров.

В начале 1894 года пришла хорошая новость о том, что доктор Джеймс Т. Уайкофф был назначен для участия в миссии. Отплыв 6 января и пройдя через Константинополь, чтобы получить турецкий диплом, он прибыл в Бусру в марте. Но радость от приветствия медицинского миссионера была недолгой, поскольку после краткого пребывания в Бусре он отправился в Бахрейн, где тяжелый приступ хронической дизентерии вскоре вынудил его вернуться в Бусру, а затем в Карачи и Америку. Таким образом, миссия потеряла своего третьего медицинского миссионера, а его преемник прибыл только в следующем году.

Мускат был посещен Питером Звемером еще в декабре 1893 года, и его отчеты об этом порту как о перспективном центре для работы в Омане были настолько обнадеживающими после нескольких исследовательских путешествий, что было решено разрешить ему занять эту станцию.

Летом 1894 года автор, по просьбе и за счет миссии Милдмей для евреев, совершил поездку в Сану, чтобы распространять Новый Завет на иврите. Также надеялись, что ему удастся перебраться из Саны в Бахрейн через Вади Дауасир. Но кража всех его денег еще до прибытия в Сану и арест турками помешали этой попытке.

После многих испытаний, связанных с экономическим управлением миссией на родине, в июне 1894 года были завершены переговоры ( ), в результате которых миссия была передана под управление и опеку Совета по иностранным миссиям Реформатской церкви. Отдельное существование корпорации по-прежнему сохраняется, но попечители выбираются из числа членов Совета по иностранным миссиям. Никаких других отклонений от прежних методов не было, за исключением того, что управление теперь находилось в опытных руках и обходилось дешевле, чем раньше. Это изменение было тепло принято почти всеми миссионерами и спонсорами; теперь никто не сомневается в его целесообразности и пользе.

1895 год был еще одним тяжелым годом для миссии, но были и благословения. Отъезд преподобного Джеймса Кантина в Америку в отпуск после почти семи лет пребывания в Аравии потребовал перевода автора в Бусру, в результате чего Бахрейн остался практически без присмотра. Миссионеры и местные помощники страдали больше, чем обычно, от изнурительного климата, а поездки из Маската и Бахрейна были невозможны в течение большей части года из-за межплеменных войн и беспорядков. В феврале бедуины атаковали Маскат и захватили город; место было предано грабежу, более двухсот человек погибли; миссионерский дом и магазин были разграблены, а Питер Звемер укрылся в британском консульстве. В Бахрейне в течение нескольких месяцев угрожали аналогичные беспорядки, и царил террор, но беспорядки так и не достигли островов, а непокорные арабы были наказаны английскими канонерскими лодками. В Бусре библейская работа была остановлена турецкими властями; магазин закрыли, а разносчиков книг арестовали. Прибытие доктора Х. Р. Лэнкфорда Уорралла в Бусру 21 апреля с турецким дипломом вновь дало миссии золотой ключ к сердцам людей. Доктор Уорралл верно использовал его, хотя его тяжелая болезнь в первое лето почти лишила миссию надежды на здоровье врачей.

Г-н Кантин посетил церкви в Америке и значительно стимулировал интерес, молитвы и пожертвования, хотя новых миссионеров, готовых и подходящих для этой работы, найдены не были.

В конце года Амара была открыта как внешняя станция среди большого сопротивления, но еще большего благословения. Даже в течение этого года искренние искатели в этой фанатичной речной деревне радовали сердца работников.

Работа с женщинами Восточной Аравии была начата в 1896 году Эми Элизабет Уилкс Звемер, которая покинула миссию Церковного миссионерского общества в Багдаде, чтобы выйти замуж за преподобного С. М. Звемера. Сначала в Бусре, затем в Бахрейне и Катифе она начала работу, которую только женщина может выполнять в мусульманских странах. Колпорторы и Питер Звемер совершили обширные поездки. Весь регион к северу от Маската до Сомейла и Растака, даже до Джебель-Ахдара, был проникнут миссионерами и разносчиками. Один из последних посетил так называемое «пиратское побережье» к югу от Катара и продал более ста экземпляров Священного Писания. В следующей таблице показано увеличение продаж Священного Писания миссией на всех ее станциях. Более пяти шестых этих экземпляров было продано мусульманам:

1892	1893	1894	1895	1896	1897	1898	1899	1900
620	825	1760	2313	2 805	1 779	2 010	2 464	более 3700

В Бусре первые плоды были собраны после этих лет сеяния в двух замечательных случаях. Солдат из Амары принял Христа и пришел в Бусру для обучения; с тех пор этот человек «потерпел утрату всего» и «сдал добрую исповедь» везде, где его таскали в изгнании или гнали как отступника. Другим обращенным был перс средних лет, который глубоко осознал свой грех, прочитав Евангелие от Луки в амбулатории в Бусре. Он был чахоточным, и, обретя покой во Христе, уехал из Бусры в Шираз.

Осенью мистер Кантин вернулся на место своей работы, но в следующем феврале мистер и миссис С. М. Звемер уехали в отпуск, так что без подкрепления штат миссии остался недостаточным. Работа в Бахрейне не только остановилась, но и из-за неверности местного помощника пошла на спад. Напротив, Маскат приобретал все большее значение. Г-н П. Дж. Звемер открыл школу, когда ему передали на попечение восемнадцать беспомощных африканских мальчиков, спасенных с работоргового дау. Небольшая ручная печатная машина в миссионерском доме выпустила свое первое послание — трактат, сравнивающий Христа и Мухаммеда, который вызвал как размышления, так и противодействие. Это было первое христианское сочинение, когда-либо напечатанное в Аравии, и его простое послание носит пророческий характер: «Мухаммед или Христос, на кого вы полагаетесь?»

Примерно в это же время Американское библейское общество взяло на себя работу по распространению Библии в Бахрейне и Маскате, выделяя ежегодные средства на миссию, что позволило ей расширить этот направление деятельности.

В Бусре медицинская работа привлекла многих к Евангелию, и доктор Уоррал смог начать работу в Насарии. В Амаре семя снова упало на добрую почву, и небольшая группа интересующихся собралась для молитвы, но урожай еще не созрел.

В конце 1897 года преподобный Ф. Дж. Барни, поддерживаемый молодыми людьми из Мраморной коллегиальной церкви в Нью-Йорке, прибыл на место и начал изучать язык.

1898 год свеж в памяти всех, кто интересуется Аравийской миссией. В течение этого года Питер Звемер, после поездки в Америку, был призван к своей награде, и четыре новых миссионера были отправлены на поле жатвы, чтобы сеять семена Царства. Двое из них, мисс Маргарет Райс (ныне миссис Барни) и преподобный Джордж Э. Стоун, отплыли вместе с мистером и миссис С. М. Звемером, когда те возвращались в августе. Двое других, доктор Шарон Дж. Томс и доктор Марион Уэллс Томс из Мичиганского университета, прибыли на место в декабре 1898 года. Мистер Стоун теперь также получил свою награду — он стал третьим членом Аравийской миссии, отдавшем свою жизнь за Аравию.

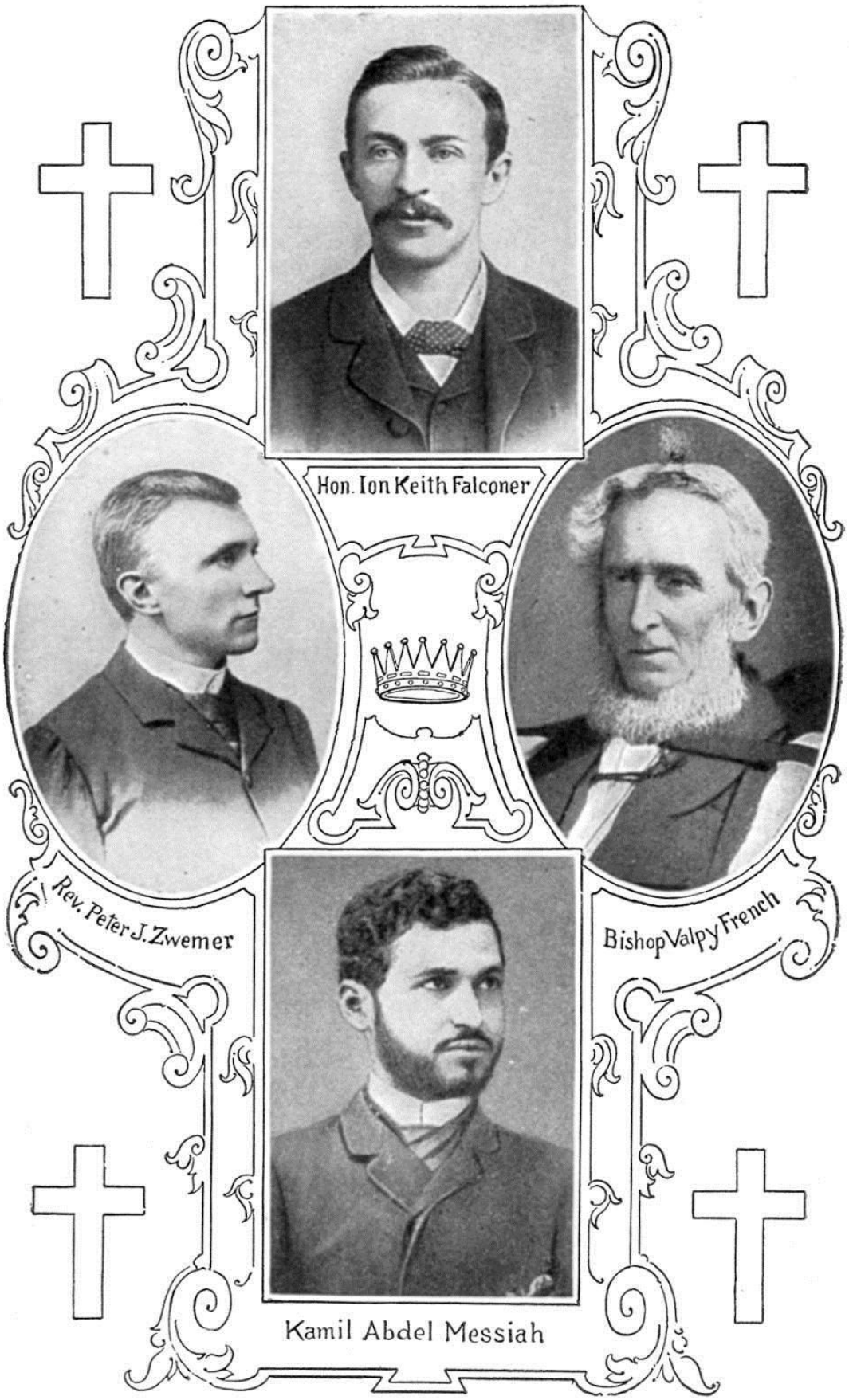
XXXIV
В ПАМЯТЬ — ПЕТЕР ДЖ. ЗВЕМЕР И ДЖОРДЖ Э. СТОУН

Умелая и любящая рука возложила венок из бессмертников на неизвестную могилу Камиля; его биография будет жить. Мы можем только кратко зафиксировать нашу любовь и восхищение двумя другими членами Аравийской миссии, которые «не любили свою жизнь до смерти», но «рисковали своей жизнью во имя Господа нашего Иисуса Христа».

Питер Джон Звемер родился в Южной Голландии, штат Иллинойс, недалеко от Чикаго, 2 сентября 1868 года. Его детство прошло в любящей христианской семье, окруженной благодатным влиянием и молитвами благочестивых родителей. В 1880 году он поступил в подготовительный отдел Хоп-колледжа в Голландии, штат Мичиган, и в 1888 году окончательно окончил колледж. Он был единственным в своем классе, кто выбрал зарубежную миссию, и для этого он искал специальной подготовки после окончания колледжа, работая распространителем Библии в западной Пенсильвании и Нью-Йорке, а также год преподавал в Айове. В 1892 году он окончил теологическую семинарию в Нью-Брансуике, а 14 сентября того же года был рукоположен в Гранд-Рапидс, штат Мичиган, и 19 октября отплыл в Аравию. С дня своего прибытия на место и до самой смерти его главной заботой была евангельская работа среди арабов. Он был практичным человеком, не имел никаких фантастических идей и не стремился к мученичеству, но имел твердую и непоколебимую цель — сделать свою жизнь значимой. Он с энтузиазмом знакомился с людьми, стремился использовать все возможности, был космополитом в душе всегда и везде. Он больше изучал характеры людей, чем книги, и предпочитал совершить два трудных путешествия, чем отчитаться об одном. Он любил учить и знал, как это делать. Сочувствие к слабым и страдающим и ненависть ко всему фальшивому были его отличительными чертами. Он завоевывал симпатию даже тех, с кем он расходился во мнениях или поведении, своей искренностью и серьезной защитой своих взглядов. Аравия была для него школой веры; его христианский характер созрел до полного плодоношения через много страданий. Г-н Кантин писал о нем:

«Наши личные отношения были, пожалуй, более близкими, чем те, которые обычно бывают у миссионеров наших разбросанных по миру станций. Я был в Бусре, чтобы приветствовать его, когда в 1892 году он откликнулся на наш первый призыв о добровольцах, и я же был тем, кто прощался с ним несколько месяцев назад, когда он оставил позади скалы и холмы Маската и Омана, среди которых драгоценный сосуд его силы был разбит для служения Господу. Его путь был более трудным, чем у других членов нашей компании, поскольку он присоединился к нам, когда импульс и энтузиазм, связанные с началом новой работы, начали угасать, и до того, как наш опыт позволил нам уменьшить некоторые испытания и неудобства, связанные с пионерскими усилиями. Будучи истинным американцем, ценившим и бережно хранившим память о цивилизации, которую он оставил позади, он тем не менее легко приспособился к условиям, которые он здесь обнаружил. Будучи человеком чувствительным, он остро ощущал любую грубость со стороны друзей или врагов, но я никогда не видел, чтобы он из-за этого проявлял горечь или уклонялся от выполнения каких-либо признанных обязанностей.

«Он обладал многими качествами, которые приносят успех в нашей сфере деятельности. Его социальные инстинкты сразу же привели его к дружбе с арабами, и, хотя его словарный запас был еще очень ограничен, он часами проводил время в кофейнях и местах сбора города. Его исключительные музыкальные таланты также привлекали и приносили ему много знакомых среди тех, к кому он стремился, помимо того, что доставляли постоянное удовольствие его коллегам и были важнейшей помощью во всех наших общественных делах. Многие трудности были преодолены благодаря его оптимизму и жизнерадостности, которые не могли уничтожить даже боль и болезнь».



ЧЕТЫРЕ МИССИОНЕРА-МУЧЕНИКА АРАВИИ. Почетный Ион Кит Фальконер
Преподобный Питер Дж. Звемер

Епископ Валпи Френч
Камиль Абдель Мессия

Его короткий период служения в Аравии был дольше, чем у Кита Фальконера или епископа Френча, и хотя их жизнь, возможно, оказала гораздо более широкое влияние, его жизнь принесла больше плодов на аравийской земле. О его болезни и смерти преподобный Х. Н. Кобб, доктор богословия, секретарь миссии, написал:

«Когда в 1893 году была открыта станция в Маскате, она была поручена ему. С того времени и до мая этого года Маскат был его домом. Там он большую часть времени оставался один. Частые приступы лихорадки изнуряли его, его окружали антисанитарные и неприятные условия, постоянная и сильная жара часто одолевала его; тем не менее он героически держался за свой пост, не произнося ни слова жалобы, и покидал его только тогда, когда это было необходимо для миссии, или когда предстояли поездки по побережью или вглубь страны, или когда длительные приступы лихорадки и сохранение жизни делали ограниченное отсутствие неизбежным. Если учесть все, что он перенес, удивительно не то, что он умер, а то, что он прожил так долго. Никто в Сантьяго не проявил большего героизма, не боролся, не страдал и, в конце концов, не пал. Повторные приступы лихорадки и ревматизма настолько ослабили его, что в прошлом году было решено, что ему следует покинуть Аравию и вернуться домой. Он хотел остаться до следующего года, 1899-го, но в начале этого года стало очевидно, что он не может остаться. Когда в конце мая он покинул Аравию, он был настолько слаб, что его понесли на борт парохода. По дороге домой, хотя он и писал веселые письма о своем выздоровлении тем, кого он оставил, его состояние постепенно ухудшалось, и когда он прибыл в эту страну вечером 12 июля, его сразу же доставили в пресвитерианскую больницу благодаря любезной помощи студента, готовящегося к священническому сану в римско-католической церкви. Те, кто навещал его там, а их было много, были поражены его бодростью, его надеждой и мужеством, его страстным желанием выздороветь, чтобы он мог вернуться на свое поле и к своей работе, и в то же время его добровольным подчинением воле Отца».

Он цеплялся за жизнь с железной хваткой и смеялся над мыслью врачей о его приближающейся смерти, потому что не мог поверить, что его работа закончена. «Я еще ничего не сделал, и когда я вернусь в этот раз, я буду готов приступить к работе», — такими были его слова. Тем не менее, он не боялся смерти. Его взгляд никогда не отрывался от Аравии; он жаждал снова вонзить плуг в каменистую почву Омана и научить самых невежественных людей жизненному пути. С смертного одра он послал комитету отчет о необходимых изменениях в доме в Маскате. Его рука, почти неспособная держать перо, 7 октября написала: «Дорогой отец, я медленно, но верно поправляюсь и, возможно, скоро вернусь домой. Теперь совет уполномочил меня завершить сбор средств на строительство. Я только что получил 100 долларов на туристический катер в Маскате. Доктор и миссис Томс отплыли сегодня утром в Аравию, *laus Deo!* Мне было жаль, что я не мог разделиться и поехать с ними… терпеливо ожидая, я жду Его времени».

Еще позже, когда он уже не мог писать, он диктовал письма, касающиеся работы дома и в поле. Вечером во вторник, 18 октября 1898 года, через шесть недель после своего тридцатилетия, он тихо уснул. «Его время» пришло. После короткой службы тело было с любовью перевезено в Холланд, штат Мичиган, и похоронено в твердой и уверенной

надежде на славное воскресение. Но его сердце покоится в Аравии, и память о нем надолго останется там, где он больше всего страдал и где его общение было таким благословенным.

«О, благословенное общение! Божественное общение!

Мы слабо боремся, они сияют во славе

Но все едины в Тебе, ибо все Твои.

Аллилуйя!

«И когда борьба ожесточается, война затягивается,

В уши доносится далекая песня триумфа

И сердца снова становятся смелыми, а руки — сильными.

Аллилуйя!»

Джордж Э. Стоун.

Двадцать шестого июня 1899 года Джордж Э. Стоун скончался от теплового удара в прибрежном городке Бирка, в нескольких милях к востоку от Маската. В четверг, двадцать второго числа того же месяца, в компании с разносчиком книг он покинул Маскат, чтобы провести несколько дней в другом месте. Он был в довольно хорошем здоровье, хотя и страдал от фурункулов. В понедельник утром у него поднялась небольшая температура; днем она поднялась снова, и через несколько часов он скончался. Его тело было доставлено в Маскат разносчиком книг и похоронено там рядом с могилой епископа Френча.

Преподобный Джордж Э. Стоун родился 1 сентября 1873 года в Мексико, округ Осуиго, штат Нью-Йорк. В 1895 году он окончил Гамильтонский колледж, а в 1898 году — теологическую семинарию в Оберне. К концу учебы его мысли обратились к зарубежной миссии, и он стал «студентом-волонтером». Причина его решения была характерна для этого человека. Как он сам выразился в своей неподражаемой пятиминутной речи на Генеральном синоде: «Я пытался всеми возможными способами избежать поездки за границу, но не мог обрести покой. Я уезжаю из чувства послушания». Впервые он услышал о особых потребностях Аравии от своего бывшего одноклассника, который представлял Юнионскую семинарию на Межсеминарской конференции в Нью-Брансуике в ноябре 1897 года. Вскоре после этого он написал письмо с просьбой предоставить ему информацию об этой стране и, не колеблясь, подал заявку и был принят. Рукоположенный пресвитерией Каюги в Сиракузах, он отплыл с миссионерской группой в августе 1898 года.

Джордж Стоун был человеком многообещающим; в целом, он был цельным характером, без швов и разрывов. Крепкий, мужественный, прямой, скромный и честный до мозга костей. Он был совершенно неконвенциональным и не знал, что такое пытаться произвести хорошее впечатление. Он был просто естественным. К его врожденному такту и янки-юмору присоединялись острое чувство долга и готовность упорно трудиться. Признавая, что никогда не был склонен к лингвистике, он, тем не менее, благодаря упорному труду, добился замечательных успехов в изучении арабского языка. Он легко заводил друзей и был верен своему делу. Никто из тех, кто путешествовал с ним, не мог не заметить, что он был рыбаком человеческих душ, но при этом он никогда не был назойлив в своих методах. Он обладал

прекрасным здоровьем и надеялся прожить долгую жизнь в Аравии, но Бог распорядился иначе.

Он находился в Бахрейне с 9 октября по 14 февраля, когда уехал в Маскат, чтобы заменить преподобного Ф. Дж. Барни, который заболел тифом и уезжал на лечение в Индию. Он был единственным человеком, доступным в то время, хотя для новичка не было приятной задачей внезапно получить приказ заботиться о миссии, о которой он знал лишь ее название. Без единого слова возражения он покинул Бахрейн через три часа после получения известия и отплыл в Маскат. Там он оставался один, но верный до самой смерти, до июня, когда прибыл преподобный Джеймс Кантин, чтобы взять на себя руководство работой. Его письма всегда были веселыми; он, казалось, понимал ситуацию со всеми ее трудностями и видел свет над облаками. Следующие фразы из нескольких его писем показывают, каким человеком он был. Они были написаны в обычной переписке, и он не предполагал, что эти слова когда-нибудь будут цениться:

«Я был почти уверен, что позже меня отправят в Маскат, но не думал, что это произойдет так скоро. Однако все в порядке. Все, о чем так много молились, как о ваших решениях в Бусре, должно быть, было направлено Богом, и я уже некоторое время подчиняюсь Его воле... У меня было два или три приступа лихорадки, но это мелочи, один день болею, а на следующий уже здоров. Больше новостей нет. Я могу только добавить свою благодарность Богу за то, как Он вел меня в течение последних двух месяцев и за то, что с самого начала дал мне возможность участвовать в реальной миссионерской работе... Большое спасибо за отчет. Я могу многому научиться из него, чтобы восполнить свое невежество. Я действительно чувствую себя младенцем перед этой великой работой, но, как пели темнокожие, Господь «постепенно ведет меня вперед»...

«Молитесь за меня, чтобы я имел мудрость и благодать для выполнения этой задачи. Я хочу, чтобы все было сделано правильно».

Своим друзьям из Оберна он написал в характерном для него письме:

«Вы спрашиваете, что я думаю об этом теперь, когда я на месте. Во-первых: что потребность не была преувеличена, и что мусульманство так же плохо, как его описывают. Во-вторых: что у нас есть прекрасная возможность бороться здесь, в Аравии, и земля достаточно открыта, чтобы мы могли войти, если захотим. Если бы человек никогда не выходил за пределы островов Бахрейн, у него была бы приход из 50 000 душ. В-третьих: из-за невежества людей их нужно учить устно, и поэтому, если мы хотим охватить всех, нам нужно много помощников. В-четвертых: я рад, что приехал в Аравию и что мне выпала роль в этой борьбе. Я твердо верю, что сила ислама была переоценена, и что, если Церковь когда-нибудь сможет бросить все свои силы на борьбу с ним, это окажется легче, чем мы думаем — *не то чтобы это не стоило жизней*, так всегда было, но я верю, что ислам обречен».

Возможно, он и не задумывался, *чью* жизнь это будет стоить в первую очередь. Будет ли его призыв услышан и поможет ли Церковь, поможете ли вы, бросить весь вес своих молитв против ислама? «Если пшеничное зерно не упадет в землю и не умрет, то останется одно; а если умрет, то принесет много плода».

«Семя должно умереть, прежде чем появится колос

Из земли в виде стебля и плодоносящих колосьев.

Пусть колосья лежат низко перед серпом,

Прежде чем ты сможешь собрать золотое зерно.

Зерно измельчают, прежде чем испечь хлеб;

И хлеб разламывается, прежде чем дает жизнь человеку.

О, будь доволен смертью, низким положением,

И быть сокрушенным, и быть сломанным,

Если ты можешь стать хлебом на Божьем столе,

Жизнедающая пища для голодных душ».

XXXV
ПРОБЛЕМЫ АРАБСКОГО ПОЛЯ

«Несколько слов о задаче, которую ставит перед собой ваша миссия. Для меня это самая сложная задача из всех, стоящих перед миссией. Покорить ислам — значит захватить трон сатаны, и я думаю, что это влечет за собой величайший конфликт, который когда-либо знало христианство. Нападая на Аравию, вы нацеливаетесь на цитадель высшей ошибки, занятую последним врагом, который должен будет покориться царству Христа». — *Реверенд У. А. Эссери*, почетный секретарь Турецкого общества помощи миссии.

«Хотя трудности на пути миссионерской работы в странах, находящихся под властью мусульман, могут показаться самыми грозными, это собрание твердо убеждено, что до тех пор, пока дверь доступа к отдельным мусульманам открыта, до тех пор ясным и неотъемлемым долгом Церкви Христовой является использование своих возможностей для передачи им евангельского послания, в полной уверенности, что сила Святого Духа, в Божье время, явно проявится в триумфе христианства в этих землях».—*Резолюция Церковного миссионерского общества*, 1 мая 1888 г.

Проблема миссионерской работы в Аравии двояка: (1) общая проблема мусульманства как политико-религиозной системы, которая является общей для Аравии и всех мусульманских стран; и (2) особые проблемы или трудности, которые относятся конкретно к Аравии.

Общая проблема миссий среди мусульман слишком обширна и важна, чтобы рассматривать ее здесь. Доктор Джордж Смит говорит, что «великое дело, к которому провидение Божье призывает церковь во втором веке современных миссий, — это евангелизация мусульман». Это миссионерская проблема будущего. Д-р Х. Х. Джессап, который говорит о ней как о «работе непревзойденной сложности, которая потребует нового крещения апостольской мудростью и энергией, верой и любовью», излагает элементы этой проблемы в своей книге [150]. В качестве неблагоприятных факторов он перечисляет: (1) союз светской и духовной власти, (2) разрыв между моралью и религией, (3) нетерпимость измаильтян, (4) разрушение истинной семейной жизни, (5) унижение женщин, (6) грубая аморальность, (7) неправдивость, (8) искажение христианского учения и (9) агрессивный дух ислама. Среди

благоприятных черт он называет: (1) веру в единство Бога, (2) почитание Ветхого и Нового Заветов, (3) и Христа, (4) ненависть к идолопоклонству, (5) воздержание от опьяняющих напитков, (6) растущее влияние христианских народов, (7) всеобщее убеждение мусульман, что в последние дни произойдет всеобщее отступничество от ислама. В некоторых отношениях проблема изменилась с момента написания книги доктора Джессапа, но в целом она осталась прежней.

Проблему Аравии как миссионерского поля можно лучше всего изучить, рассмотрев в следующем порядке: самая земля с точки зрения ее доступности; климат и другие особые трудности; нынешние миссионерские силы; методы, подходящие для этого поля; и подходящие для этой работы люди. Главы, посвященные географии полуострова, показывают, насколько различаются различные провинции и каковы стратегические центры в каждой из них. Обычно считается, что хорошая миссионерская политика и истинный апостольский принцип заключаются в том, чтобы работать, исходя из *городов* как центров населения и влияния. Это особенно необходимо в Аравии, где население рассеяно и в основном кочевое. Все кочевники часто приезжают в какой-нибудь город или деревню за припасами или, если они не зависят от внешнего рынка, привозят свою продукцию в города. Это в качестве введения.

Во-первых, какие части Аравии действительно *доступны* для миссионерской деятельности? (1) Синайский полуостров с прилегающим побережьем Хиджаза почти до Янбо; население в основном состоит из бедуинов, но хорошим центром для работы могла бы стать египетская карантинная станция Тор в Суэцком заливе. (2) Аден и окружающий регион под британской защитой с населением, возможно, 200 000 душ. (3) Все южное побережье от Адена до Макаллы и Шехра с его *внутренними районами*; этот регион свободно посещают исследователи и путешественники, мужчины и женщины; люди здесь довольно дружелюбны, и естественной базой для деятельности могла бы служить город Макалла. (4) Оман с его прибрежными городами и холмистой местностью, доступной повсюду; везде, где миссионеры пытались проникнуть, они встречали прием, превосходящий все ожидания. (5) Так называемое «пиратское побережье» в Восточной Аравии между Рас-эль-Хеймой и Абу-Туби; много деревень, все под британской субсидией и с постоянными местными агентами. (6) Острова Бахрейн.

Все эти регионы находятся за пределами *Турецкой* Аравии и в той или иной степени находятся под влиянием Великобритании, так что здесь возможна любая миссионерская деятельность. Для путешествий не требуются паспорта, для права заниматься медициной не требуются специальные дипломы, нет цензуры книг, нет официального шпионажа или запрета на проживание.

В Турецкой Аравии дело обстоит иначе, но было бы очень неправильно говорить, что Турецкая Аравия недоступна. «Турки, без сомнения, — как замечает генерал Хейг, — являются большим препятствием, но мы должны отдать им должное и признать, что они далеко не так нетерпимы, как некоторые европейские государства, включая Россию». В настоящее время только одна часть Турецкой Аравии кажется полностью недоступной, а именно два священных города Мекка и Медина. Мы говорим «в настоящее время», потому что не кажется возможным, что эти города-близнецы останутся закрытыми надолго, если церковь будет иметь веру, чтобы подойти к их дверям, и будет готова войти.

Другие части Турецкой Аравии доступны, по крайней мере, в некоторой степени. (1) Доступно все побережье Хиджаза; два города, Джидда и Ходейда, особенно подходят для медицинской миссионерской работы; в то же время вполне вероятно, что при наличии

должной веры и доброго такта прекрасный город Таиф, этот сад Мекки, примет медицинского миссионера. Опыт Доути, похоже, указывает на то, что Таиф не считается святой землей. [151] (2) Йемен, поистине Arabia Felix; с великолепным климатом ( ), превосходным арабским населением, многочисленными деревнями и городами и чудесной плодородностью почвы. Конечно, эти высокогорья не останутся навсегда под гнетом угнетения; когда наступит час освобождения, в каждой деревне должна быть миссионерская школа, а в каждом городе — миссионерская станция. Даже сейчас, под властью турок, работа возможна для многочисленного *еврейского* населения. (3) Хасса со столицей Хофхуф и Катиф на побережье. (4) Вилайеты Бусра и Багдад. Эти четыре региона в турецкой Аравии доступны для миссионерской работы с тремя ограничениями: каждый миссионер должен иметь надлежащие паспорта; ни один медицинский миссионер не может практиковать без диплома Константинополя; и никакие книги или Библии не могут продаваться, если они не были проверены цензором прессы и не имеют печати правительства. Вопрос с паспортами иногда бывает сложным, но не является непреодолимым препятствием; если правительство считает путешествие безопасным, паспорта всегда выдаются. Требование о наличии медицинского диплома не отличается от законодательства Франции и других стран; после получения такого диплома влияние христианского врача скорее увеличивается, чем ограничивается. Третье ограничение запрещает распространение всей спорной литературы, но допускает Библию и многие другие христианские книги; оно довольно обременительно и раздражает терпение, но не закрывает дверь для реальной миссионерской работы. Каждый экземпляр арабских Священных Писаний, напечатанный в Бейруте, имеет *imprimatur* османского правительства — знак и печать «халифа», что Слово Божье будет свободно распространяться в его шаткой империи.

Наконец, есть обширная внутренняя часть страны — Асир, Неджран, Йемама, Неджд, Джебель-Шаммар — доступна ли она? Весь этот регион свободен от османского правления и в основном находится под властью одного независимого князя, Абд-уль-Азиза, преемника Ибн Рашида. Но в остальном вопрос остается без ответа, пока миссионер не попытается проникнуть в эти регионы и не привезет отчет. Для путешественников вся внутренняя часть страны оказалась доступной со времен Палгрева; и предположительно можно считать, что миссионер также мог бы проникнуть повсюду, даже если бы ему сначала не разрешили поселиться в каком-либо из городов. Я не имею ни малейшего сомнения, что должным образом квалифицированный медицинский миссионер с глубоким знанием языка встретил бы не только открытые двери, но и теплый прием в столице Неджда или даже в Эр-Рияде.

Что касается общей доступности Аравии, генерал Хейг в своем отчете написал следующее: «Нет никаких трудностей в проповеди Евангелия в Аравии, если найдутся люди, готовые принять на себя последствия. Настоящая трудность заключается в защите обращенных. Скорее всего, они будут подвергаться насилию и смерти. Молодая церковь сначала может быть церковью мучеников, как в Уганде, но это не помешает распространению истины и ее окончательной победе».

Климат Аравии в настоящее время является препятствием для миссионерской работы, но в горных хребтах Омана и Йемена, а также на всем внутреннем плато Неджда преобладает здоровый, бодрящий климат. Сейчас, увы, пока вся работа по-прежнему ограничивается побережьем, мы имеем, пожалуй, один из самых тяжелых климатов в мире. Интенсивная летняя жара (часто 110 °F в тени) усугубляется влажностью атмосферы и пылью, поднимаемой каждым ветром. Зимой, с декабря по март, ветры в северной части залива и Красного моря часто бывают холодными и резкими, и хотя температура в это время более подходит для европейцев и американцев, она, по-видимому, менее благоприятна для

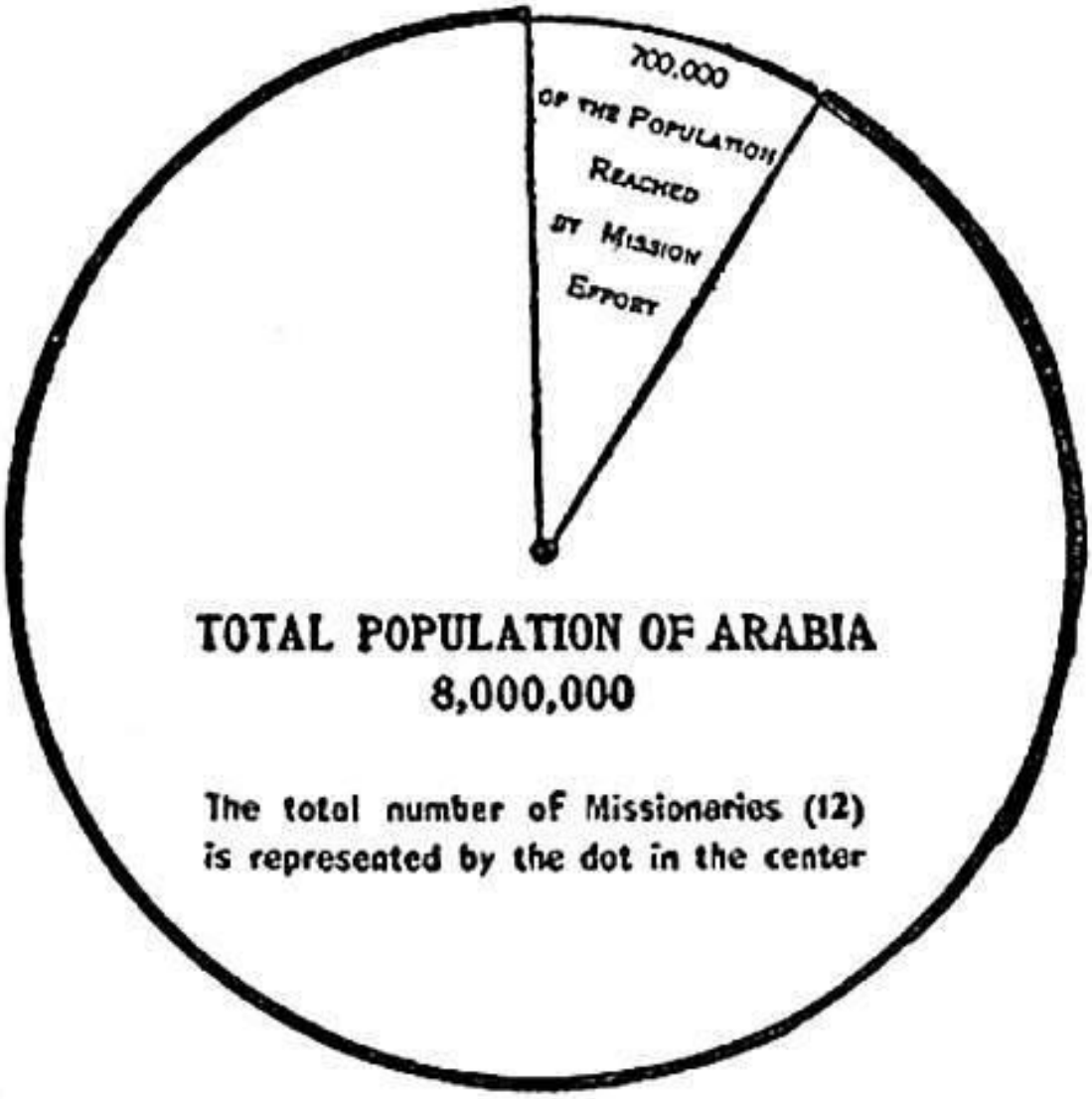
здоровья коренных жителей. Так называемая заливная лихорадка переменного типа очень опасна, и выздоровление порой возможно только при выезде из залива. Холера и оспа не являются редкостью. Распространена офтальмия. Потница в обостренной форме, фурункулы и все насекомые-вредители Египта являются причиной страданий в свой сезон.

Мусульманский фанатизм не является особенностью Аравии и не является здесь более интенсивным или распространенным, чем в любой другой чисто мусульманской стране. Фанатизм арабов был сильно преувеличен. Вахабиты представляют собой крайнюю форму исключительности и предвзятости, но даже среди них миссионер может проповедовать Христа и читать Библию. За десять лет опыта миссионеры практически не сталкивались с насилием в отношении проповедников Евангелия в любой части Аравии, которую они посещали. Иногда Библии и книги собираются фанатичным муллой и отправляются в огонь или на верхнюю полку в его доме, где они погружаются в забвение. Люди низшего сорта иногда оскорбляют и досаждают миссионерам в деревнях или отказывают им в гостеприимстве. Но мы в Аравии никогда не сталкивались с сильным антииностранским настроением, которое, например, преобладает в Китае. Предвзятое отношение редко касается одежды, манер или речи иностранца; даже его еда считается чистой, и ни один араб не откажется поделиться своей трапезой с христианским путешественником. Но часто *существует* сильное предубеждение против некоторых аспектов христианского вероучения, особенно если оно излагается грубо или неразумно. В арабской кофейне было бы небезопасно и неразумно использовать такие слова, как «Сын Божий», «смерть Христа», «Троица» и т. д. без предварительного объяснения. Однако в целом арабы дружелюбно относятся к любому незнакомцу или гостю, и эта дружелюбие особенно сильна по отношению к англичанам и на побережье из-за явного контраста между английским и османским или арабским правлением. Торговля с ее общей честностью и «словом англичанина» в некотором смысле была помощницей миссий, снимая предрассудки и открывая глаза арабов на превосходство западной цивилизации.

С миссионерской точки зрения население Аравии можно разделить на неграмотных и тех, кто умеет читать. Первая категория составляет подавляющее большинство и включает всех бедуинов, за очень редким исключением. Если взять население в восемь миллионов, то сказать, что полмиллиона умеют читать, было бы большой оценкой. По этой причине работа с теми, кто умеет читать, с помощью разносной торговли и книжных магазинов, может быть переоценена с точки зрения ее *общих* результатов; однако никто не станет сомневаться в ее *интенсивной* ценности.

Проблема охвата кочевого населения является очень серьезной . Данные для правильной теории работы среди них еще предстоит собрать. Опыт работы среди них был очень ограничен; фактически, единственной значимой работой была работа Сэмюэля Ван Тассела в Северной Аравии. Как класс, они менее религиозны, чем городские или сельские арабы. Один из исследователей этой темы пишет: «Арабы [бедуины] остаются мусульманами просто потому, что не знают ничего лучшего; бедуины являются мусульманами только по названию, соблюдая предписанные формы в окрестностях городов, но быстро отбрасывая их, когда возвращаются в пустыню. Тем не менее, среди них есть люди, которые с почтением относятся к Создателю, что проистекает из созерцания Его творений, и эти мысли, по словам Палмера, иногда принимают форму торжественной, но простой молитвы». Характер миссионерской работы среди этого кочевого населения (возможно, составляющего четверть

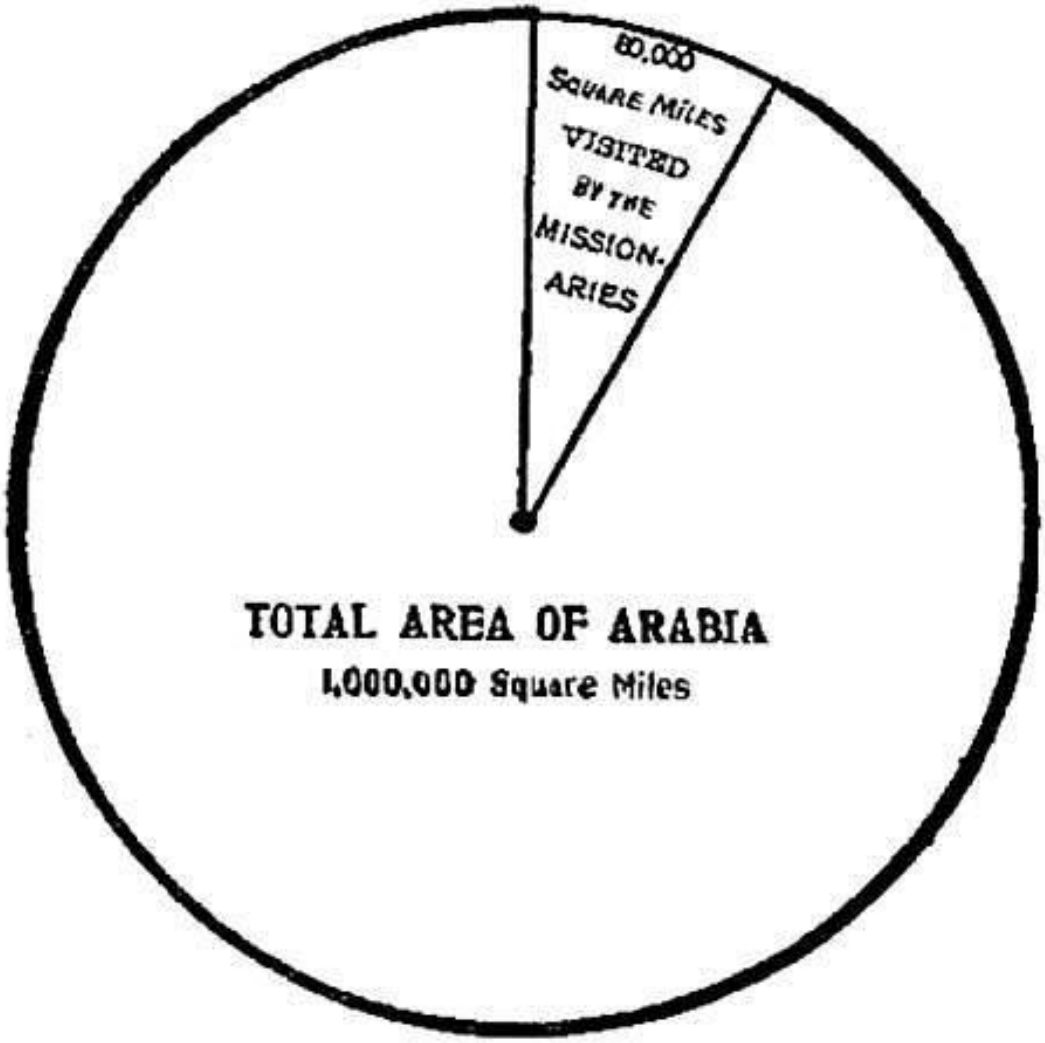
или пятую часть населения полуострова) будет очень похож на работу Джеймса Гилмора среди монголов; и для ее успешного проведения потребуются люди его типа.



Население, затронутое миссионерской деятельностью.

Аден и др.	100 000.	Маскат,	20 000
Бахрейн,	60 000	Бусра и Багдад,	520 000

Нынешняя миссионерская сила в Аравии совершенно недостаточна для удовлетворения потребностей даже той небольшой части поля, которую они занимают. На побережье протяженностью четыре тысячи миль есть только *четыре* пункта, где работают миссионеры. В глубине суши, в десяти милях от побережья, нет ни одного миссионера. Ни один миссионер никогда не пересекал полуостров в любом направлении. Общее число иностранных миссионеров в Аравии составляет менее дюжины — двенадцать работников, мужчин и женщин, скажем так, на население в 8 000 000 душ.



Территория, посещенная миссионерами.
(квадратных миль).

Аден и др.	8000	Маскат,	600
Бахрейн,	400	Бусра и Багдад,	71 000

Миссия Кита Фалконера не так сильна численно, как в момент смерти Кита Фалконера. Аравийская миссия только недавно получила достаточное подкрепление, чтобы постоянно укомплектовать свои три станции. Слишком много было духа эксперимента вместо духа предпринимательства; капрал вышел на охрану, чтобы атаковать главную цитадель врага. Епископ Френч был *один,* когда умер в Маскате. Аравийская миссия ждала годами, прежде чем получила подкрепление. В чем заключается духовная потребность Аравии сегодня? Из общей площади полуострова только около *одной двенадцатой* части каким-либо образом затронута миссионерской деятельностью. Это не означает, что одна двенадцатая часть территории покрыта миссионерскими станциями и путешествиями, но что так или иначе около одной двенадцатой части полуострова «занята» организованной миссионерской работой в ее плане и цели, день за днем. Что касается соотношения миссионеров и населения, то *десять из одиннадцати человек в этой заброшенной стране не имеют возможности услышать Евангелие, даже если бы они этого хотели*.

Единственная часть Аравии, которая достаточно хорошо охвачена, — это речная страна, то есть два вилайета Багдад и Бусра. Здесь есть две станции и две внешних станции на реках; разносчики и миссионеры регулярно посещают крупные деревни; несколько местных работников находятся в постоянной занятости, и Библейское общество ведет активную деятельность. Однако в этих двух вилайетах до сих пор ничего не было сделано для многочисленного бедуинского населения, и на 1 050 000 душ (по данным турецкой переписи) приходится всего шесть иностранных миссионеров, мужчин и женщин.

Если посмотреть на Аравию по провинциям: в Хиджазе нет миссионеров; в Йемене (за исключением шейха Отмана и Адена) нет миссионеров; в Хадрамауте нет миссионеров; в Неджде нет миссионеров; в Хассе нет миссионеров; в Джебель-Шаммаре и всей северной пустыне нет миссионеров; в Омане есть *один* миссионер. Опять же, следующие города и поселки доступны, но не имеют ни одного свидетеля Христа: Сана, Ходейда, Менаха, Зебид, Дамар, Таиз, Ибб, а также сорок небольших городов в Йемене; Макалла, Шехр и Шибам в Хадрамауте; Растак, Сомейл, Сохар, Сур, Абу Туби, Дабай, Шарка и другие важные города в Омане; не говоря уже о важных городах Неджда и Месопотамии, где до сих пор нет миссионеров и которые никогда не посещали евангелисты.

Аравия по-прежнему остается заброшенным полем. До сих пор работа была лишь предварительной; евангелизация Аравии еще не началась; только после того, как будут охвачены все провинции и заняты все стратегические точки, мы сможем по-настоящему говорить об Аравии как о миссионерском поле. Видение проекта ary также не является чем-то недостижимым. Учитывая наличие людей и средств, нет ни малейшей причины, по которой в следующем десятилетии весь полуостров не мог бы стать полем для миссионерской деятельности. Двери открыты или откроются при прикосновении веры. Бог все еще жив и действует.

Что касается лучших методов миссионерской работы в Аравии, то опыт миссионеров в других мусульманских странах имеет огромную ценность. История Церковного миссионерского общества в Пенджабе, история Североафриканской миссии и, прежде всего, работа Рейнского общества на Суматре должны быть хорошо известны каждому аравийскому миссионеру. Медицинские миссии имеют свое особое место и силу, но также и свои особые трудности в пионерской работе, подобной той, что ведется в Аравии. Хирургия имеет гораздо большее значение, чем медицина, среди таких народов, как арабы, где фатализм и пренебрежение больными делают науку медицины сомнительной во многих случаях. Мусульманам больше по душе «убить или вылечить», чем длительное лечение. Но умелый хирург с турецким дипломом имеет ключ ко всем дверям на всем полуострове. В Аравии нет ни одной миссионерской больницы! Конечно, такие центры, как Багдад, Бусра, Бахрейн, Сана, Джидда, Ходейда и Хофхуф, должны иметь эти признанные мощные методы евангелизации. В Адене и Маскате есть индийские государственные больницы.

Образовательная работа по-прежнему отсутствует или находится в зачаточном состоянии в отношении мусульманского населения, поэтому нет данных, на основе которых можно было бы сформулировать теории о ее успехе. В некоторых частях Аравии школы могут быть запрещены правительством; везде они с самого начала будут обязательно очень элементарными.

Христианские женщины, как показывает опыт Йемена и Восточной Аравии, приветствуются везде. Имея или не имея медицинской квалификации, но с сердцами, полными любви и сочувствия к бедным, страдающим и несчастным, они могут войти в каждый дом или хижину. Даже в черных палатках Кедара есть страдающие сердца и несчастные дома, которым

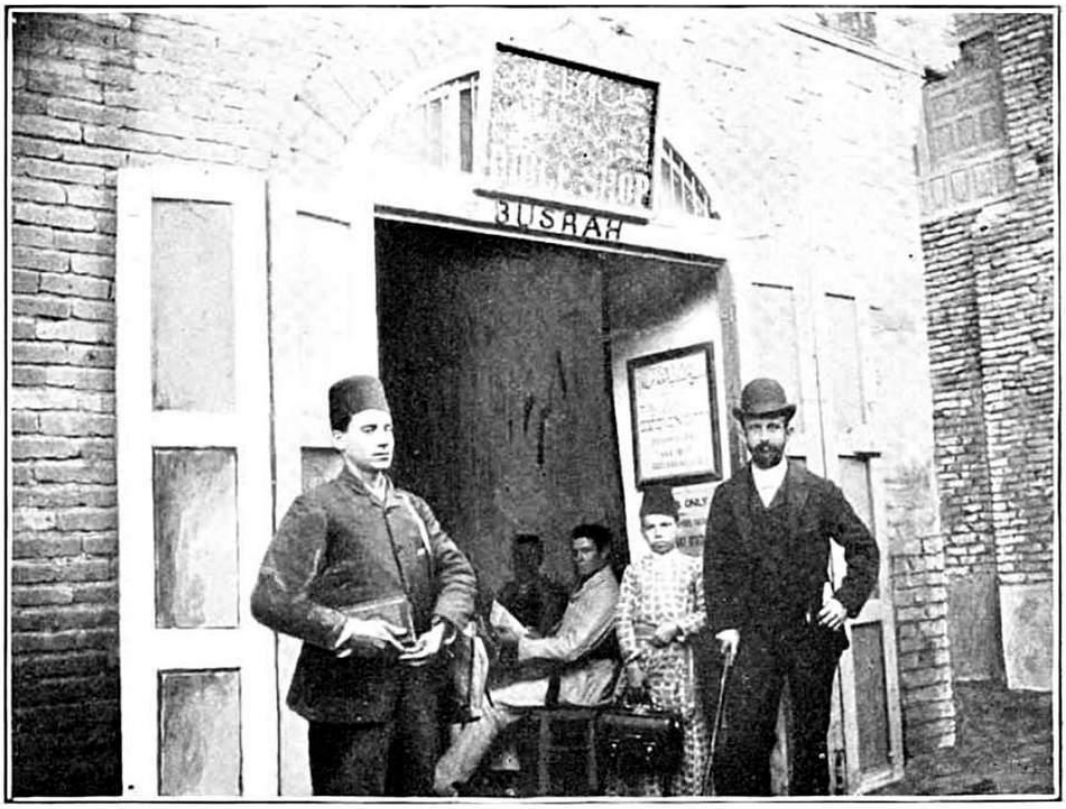
только Евангелие мира и любви может принести облегчение. Леди Энн Блант и миссис Теодор Бент ( ) доказали, что женщины могут сделать в Аравии во имя науки; не найдутся ли христианские женщины, которые проникнут так же далеко вглубь страны во имя своего Спасителя?

Колопортаж — это проверенный метод миссионерской деятельности, особенно в Аравии, поскольку Библия и полный набор образовательной и религиозной литературы уже готовы к использованию благодаря миссиям в Сирии и Египте. В Йемене эта работа была бы особенно полезна и осуществима, но там ее почти не пробовали проводить систематически. Проблема заключается в том, чтобы найти людей, подходящих для этой работы. Людей, которые «готовы терпеть лишения, как добрые воины Иисуса Христа», обладающих тактом, хорошим характером и умением разговаривать с простыми людьми. Любовь для разносчика книг ценнее знаний. Хорошее здоровье и чистый турецкий паспорт — два других необходимых условия. Даже этот метод работы находится в зачаточном состоянии; есть много открытых дверей для Слова Божьего, в которые еще никто не входил.

В рамках евангелизационной работы возникают проблемы уличной проповеди, поездок и использования или злоупотребления полемикой. Лучшее место для проповеди на станциях — это сам миссионерский дом, по примеру Павла (Деяния 28:30, 31). Во время поездок или в деревнях *меджлис* шейха или общественная кофейня становятся отличной трибуной. В небольшом справочнике для миссионеров среди мусульман, написанном преподобным Артуром Бринкманом, который сейчас уже не издается[152], я нашел следующие замечательные советы по публичной проповеди среди мусульман, которые применимы и к Аравии:

«По возможности всегда обращайтесь к аудитории сверху. Иногда сидеть лучше, чем стоять; вы не так легко возбуждаетесь, и ваша поза выглядит менее воинственной. По возможности стойте спиной к стене; для этого есть много причин.

Когда вас втягивают в спор, продолжайте молиться, чтобы вы могли говорить медленно и эффективно. Когда вам задают вопрос, не отвечайте быстро — если вы это сделаете, вас будут считать только острым полемистом; сначала обдумайте свой ответ, а затем дайте его как можно более любезно и медленно. По возможности всегда цитируйте отрывок из начала или конца главы Корана, и тогда его будет легче найти».



МАГАЗИН БИБЛИИ В БУСРЕ.

ИНТЕРЬЕР МЕСТНОГО МАГАЗИНА.

Вопрос о том, какое место занимает *полемика* или должна ли она вообще иметь место в миссионерской работе среди мусульман, имеет первостепенное значение. Мнения тех, кто является столпами истины, решительно расходятся. Лучший и краткий аргумент *против* использования споров приводит Сперджен в одной из своих ранних проповедей в часовне Нью-Парк-Стрит [153]. Он кратко утверждает, что миссионер — это свидетель, а не дебатер, и он несет ответственность только за провозглашение Евангелия своими устами и своей жизнью.

В этом есть доля правды, но с другой стороны, даже апостолы «спорили» в синагогах с иудеями, и со времен святого Мартина (не говоря уже о Раймонде Лулле) и до сих пор христианские миссионеры были вынуждены силой обстоятельств отстаивать честь Христа и устанавливать доказательства христианства с помощью полемики. Когда в июле 1864 года турецкое правительство убедило сэра Генри Булвера подписать смертный приговор всей миссионерской деятельности среди мусульман в Турецкой империи, приняв меморандум, который объявлял споры преступлением, этот факт был немедленно признан. Преподобный Дж. Риджуэй, тогдашний редактор Церковного миссионерского общества, написал в журнале *«Church Missionary Intelligencer»* убедительную статью на тему: *«Миссионерская деятельность среди мусульман невозможна, если полемика запрещена»*. «Под полемикой, — писал он, — мы понимаем не язвительные и раздражающие обвинения, которых миссионеры, хорошо осознавая, насколько они неуместны и вредны, всегда избегали, а спокойное исследование противоречивых религиозных систем, которое необходимо для решения важного вопроса: что является правдой, а что ложью?»[154]

Только в этом смысле полемика оправдана; и такого рода полемика, будь то в печатном виде или устно, не оказалась безрезультатной. Сэр Уильям Мьюр дает полный обзор всех нападок мусульман на христианскую веру и ответов, сделанных в защиту христианства; его критика рассматриваемых книг также представляет большой интерес.[155] С тех пор были новые нападки и новые оправдания как со стороны мусульман, так и со стороны миссионеров. Как плуг взрыхляет почву перед посевом семян, так и подобная литература и аргументы часто взрыхляют залежную почву мусульманских сердец для семян Слова Божьего. Даже пробудившийся фанатизм или активное противодействие дают больше надежды, чем абсолютная стагнация мышления и окаменение чувств. Настоящая проблема заключается в том, как пробудить мусульманскую совесть.

С точки зрения евангелизации Аравии, отношение турецких правителей к христианам менее важно, чем отношение мусульманского сознания к христианству. Преобладающее отношение мусульманского сознания к христианству в любой части Аравии практически определяет судьбу новообращенного. Если бы все мусульмане строго придерживались своих традиций и законов в отношении отступников от ислама, каждый новообращенный стал бы мучеником, а каждый ищущий исчез бы. Османский кодекс мусульманского права дает конкретные указания по суду и казни отступника от веры. «Ему должны быть сделаны три четких предложения о спасении жизни, если он вернется к вере, и после каждого предложения ему должно быть дано время на размышление. Если он остается непреклонным, он должен быть казнен через удушение, а затем его голова должна быть отрезана и положена под его руку. Его тело должно быть выставлено на всеобщее обозрение на три дня»[156]. Но, слава Богу, мусульмане не строго следуют этому закону. В этом, как и в других отношениях, многие из них лучше, чем их религия и превосходят своего пророка.

Обращенные в той части Аравии, которая находится под английским правлением или защитой, находятся в такой же безопасности, как и в Индии, что не означает, что они полностью свободны от преследований. В турецкой Аравии закон исполняется путем тайного убийства или изгнания; однако не во всех случаях, поскольку даже там ищущие и обращенные, если они не являются активными или заметными, остаются на время в покое. Каким будет результат в независимых мусульманских государствах Аравии, мы пока не знаем.

Берлинский договор должен был стать Великой хартией христианской свободы в Турецкой империи, но турки не сдержали своего обещания. Его положения были слишком обидными для мусульманского самолюбия и престижа; реформы так и не вышли за рамки бумаги. Резни 1894–1896 годов доказали, что султан по-прежнему является папой религиозного братства и королем политической империи, основанной на 47-й главе Корана: «Когда вы встретите неверных, срубите им головы, пока не устроите большую резню». А бездействие всех христианских держав в то время доказало, что тщетно доверять князьям. Но несмотря на все возможное противодействие со стороны правительства и даже мученичество каждого отдельного обращенного, «до тех пор, пока дверь доступа к отдельным мусульманам открыта, до тех пор ясным и неотъемлемым долгом церкви Христовой является использование своих возможностей для передачи им евангельского послания».

Отношение арабского ума к христианству не является повсеместно враждебным. Подавляющее большинство равнодушно к религии в любой форме. «Что мы будем есть, что будем пить и во что будем одеваться» — вот и все их мысли. Арабский купец служит Мамоне всем сердцем семь дней в неделю. Религия для него — украшение и условность; он носит ее как свою широкую одежду, и она сидит на нем так же свободно. Он считает, что обсуждать вопросы веры едва ли стоит. «У каждого своя религия» — это замечание часто слышишь в Аравии. Это слабое эхо всеобъемлющей терпимости « » времен невежества, когда триста шестьдесят идолов, включая изображение Христа и Девы Марии, заполняли Каабу!

Есть и более вдумчивые люди, которые знают больше, — искатели истины, — и которые чувствуют, что в христианстве есть сильные стороны, а в исламе — слабые, которые не были должным образом рассмотрены. Примеры этого класса встречаются повсюду, во всех слоях общества и в самых неожиданных местах. В сердце Йемена я встретил муллу, который прекрасно знал арабскую Библию; и экземпляр, который он мне показал, был несовершенным переводом Ричарда Уотсона, датированным 1825 годом! Другой видный мусульманин в Восточной Аравии недавно высказал мнение, что Христос Нового Завета никогда не намеревался основать новую религию, а хотел повсеместно ввести *духовное* поклонение Богу Авраама; он сказал, что к этому мнению его привело длительное и независимое изучение Библии.

Постоянный рост тиража Священного Писания в Аравии также является признаком того, в каком направлении движется течение. За несколько недель до своей смерти преподобный Джордж Э. Стоун, писавший о тираже Библии в Маскате, сказал: «Я не знаю, когда произойдет взрыв, но мы подкладываем динамит под эту скалу ислама, и однажды Бог зажжет его». Библия в Аравии действительно докажет свою силу, изменив все отношение мусульманского ума. «Неужели слово Мое не подобно огню, говорит Господь, и молоту, разбивающему скалу на куски?»

Наконец, есть проблема поиска подходящих людей для этой работы. Это поле во многих отношениях настолько трудно, а сердца мусульман настолько жесткие, что описание идеального миссионера для евреев, данное Аароном Мэтьюсом, подходит и к арабам (за

исключением последнего предложения). Он писал: «Еврейский миссионер должен обладать верой Авраама, терпением Иова, кротостью Моисея, силой Самсона, мудростью Соломона, любовью Иоанна, рвением Павла, знанием Писания Тимо thy и небольшим состоянием барона Ротшильда». Финансовая часть снаряжения не является существенной для миссионера; он должен довольствоваться едой и одеждой. Чем меньше будет видно кармана барона Ротшильда, тем лучше в стране, где люди ложатся спать голодными и где все живут в величайшей простоте.

Кандидат на миссионерскую работу в Аравии должен иметь крепкое и здоровое телосложение. Он должен уметь «выживать» в случае необходимости; чем больше в его характере богемности, тем лучше. Он должен обладать как способностями, так и упорством, достаточным для изучения арабского языка. Другие знания полезны, но не обязательны. Чтобы хорошо ладить с арабами, он должен быть терпеливым. А чтобы не изнурить себя, он должен иметь хороший характер; человек с очень вспыльчивым характером никогда не выдержит трех сезонов в Персидском заливе. Что касается духовных качеств, я не могу привести ничего лучшего, чем торжественные слова в конце статьи генерала Хейга «Аравия как миссионерское поле». Я считаю, что они заслуживают повторения не только ради тех, кто *посылает* миссионеров в Аравию, но и ради тех, кто *является* миссионерами в Аравии. Это высокий идеал.

«Если найти подходящих людей, Аравия может быть завоевана для Христа; если начать с неподходящих людей, мало что будет достигнуто. Но какие качества нужны! Какой энтузиазм, какой огонь любви, какая упорная решимость, какое крайнее самоотверженное рвение для спасения людей и славы Христа! Но по этому поводу я предпочитаю процитировать слова человека, который как никто другой компетентен высказываться на эту тему. Три года назад он написал мне:

«Если у вас нет миссионеров, настолько исполненных духом Христа, что они не ценят свою жизнь, вы, вероятно, тщетно будете искать обращенных, готовых отдать свою жизнь на служении Учителю. В мягком тропическом климате, таком как в Адене, обстоятельства очень неблагоприятны для развития самоотверженного характера или энергичного служения . Чтобы поддерживать его, потребуется немало благодати, потому что мы — сложные существа, и тело оказывает удивительное влияние на душу, так же как и душа на тело. Поэтому в таком деле, как ваше, чрезвычайно важно иметь людей с *правильным* характером — людей, которые принесли некоторые жертвы и которые не считают жертву жертвой, а привилегией и честью, — людей, которые не знают, что такое *уныние*, и людей, которые ожидают от Бога великих дел. Только такие люди окажутся действительно успешными работниками в области, столь полной трудностей. Если вечность не занимает очень большого места в оценке человека, как он может побудить новообращенного местного жителя сделать шаг, который сразу уничтожит все его надежды и перспективы земного характера и, возможно, приведет к тюремному заключению, пыткам и самой смерти? И если у вас нет людей, готовых, если Бог призовет их к этому, вести своих новообращенных в такие опасные и испытательные обстоятельства, то вряд ли они найдут новообращенных, которые пойдут намного дальше них самих. Люди такого типа не *производятся*, они созданы Богом. Их нельзя *найти*, их нужно искать у Бога и получать от Бога. Но Учитель, которому они нужны, способен их предоставить. Нет ничего невозможного для Господа».

«*Просите же Господина жатвы, чтобы Он выслал рабочих на Свою жатву*».

XXXVI
ПЕРСПЕКТИВЫ МИССИИ СРЕДИ МУСУЛЬМАН В АРАВИИ

«Примите это в самом худшем виде. Это мертвые земли и мертвые души, слепые, холодные и жесткие в смерти, как ни один язычник; но мы, которые любим их, видим возможности жертвы, выносливости, энтузиазма *жизни*, которые еще не стерты. Разве Сын Божий, который умер за них, не видит этих возможностей? Думаете ли вы, что Он говорит о мусульманине: «Ему нет помощи в его Боге»? Разве Он не бросает вызов и вашей вере, тот вызов, который отвалил камень от гробницы, где лежал Лазарь? «Разве Я не сказал тебе, что, если ты поверишь, то увидишь славу Божью? Тогда они отвалили камень от места, где лежал мертвец» (*И. Лилиас Троттер*, миссионер в Алжире).

Существуют два широко распространенных мнения относительно безнадежности миссионерской работы среди мусульман в целом, и хотя эти мнения диаметрально противоположны, они сходятся в том, что ехать в мусульманские страны — пустая трата времени и сил, что в лучшем случае это безнадежная затея. Первое мнение принадлежит тем, кто сам находится вне Царства и закрывает его двери перед мусульманами, говоря: опыт доказал, что вмешиваться в дела мусульман и их религию не только бесполезно, но и опасно. Их вера вполне им подходит; она соответствует их образу жизни. Они не поклоняются идолам и имеют моральный кодекс, подходящий для Востока. Мухаммед был пророком Божьим и сделал все, что можно было сделать для таких людей. Любая попытка обратить их в свою веру заканчивается неудачей. Оставьте их в покое. Ислам сам проведет свою реформу. Некоторые, такие как каноник Тейлор и доктор Блайден, которые называют себя христианами, даже считают ислам слугой христианства и особенно подходящим для всей негритянской расы[157].

Противоположное мнение заключается в том, что мусульманство не слишком обнадеживает, чтобы в него вмешиваться, но слишком безнадежно! Те, кто придерживаются этого мнения, заявляют, что верят в Святого Духа как Господа и Жизнедателя для *языческого* мира, но колеблются, когда дело доходит до ислама. Мусульмане, по их словам, погрязли в самоправедности и самонадеянности; даже те, чьи фанатизм преодолен, не осмеливаются принять Христа. Лучше обращаться к язычникам, которые готовы слушать. Миссии в мусульманском мире безнадежны, бесплодны, бесполезны. Невозможно обратить их в христианство, и обращенных, если и были, то очень мало.

Очевидно, что обе эти точки зрения не могут быть правильными, поскольку они противоречат друг другу. То, что первая точка зрения ложна, демонстрирует вся история ислама. «По плодам их узнаете их». Но что же насчет другой точки зрения, которой придерживаются многие, что не стоит ожидать больших результатов там, где так мало надежды?

Профессор Дж. Г. Лансинг, один из основателей арабской миссии, писал в 1890 году: «Если указывать на малое число обращенных из ислама в христианство, то это свидетельствует не столько о недоступности мусульман, сколько о безразличии и бездеятельности христиан. Доктрина фатализма, обычно приписываемая исламу, не настолько фаталистична по своему духу и действию, как та, которая на протяжении тринадцати веков практически поддерживалась христианской церковью в отношении надежды привести множество

мусульман к следованию за Иисусом Христом». Возможно ли, что отсутствие результатов, о котором жалуются, на самом деле является *отсутствием веры*? Хадсон Тейлор несколько лет назад заметил: «Я ожидаю увидеть некоторые из самых замечательных результатов в миссиях среди ислама в течение нескольких лет, потому что именно из-за этой работы враг сказал: это безрезультатно. Бога не обманешь». Правильно ли апостол Китая прочитал знамения времени?

Ни Божье Провидение, ни Его Слово не молчат в ответе на этот вопрос. Во-первых, у нас есть чрезвычайно обнадеживающие результаты недавней миссионерской работы во многих мусульманских странах; во-вторых, верные обещания Бога дать Его Церкви победу над исламом ( ); и, наконец, многочисленные чрезвычайно великие и драгоценные обещания для Аравии, колыбели ислама в частности.

1. Неправда, что среди мусульман не было обращений в христианство. Только в Индии сотни людей публично отреклись от ислама и были приняты в христианскую церковь. Самым первым местным священником Северо-Западных провинций был обращенный в христианство мусульманин. Саяд Вилаят Али из Агры принял мученическую смерть за Христа в Дели. Мирза Гулам Масих из королевского дома Дели стал христианином, а Абдулла Атим, храбрый сердцем из Амбаллы, принял веру. На Чикагском парламенте религий доктор Имад-уд-Дин, сам обратившийся из ислама и плодовитый автор спорных работ, зачитал доклад о христианских усилиях среди индийских мусульман; в этом докладе приводятся имена ста семнадцати видных обращенных из ислама, в основном из Пенджаба. Помимо них, автор говорит: «Есть всевозможные люди, богатые и бедные, высокопоставленные и низкопоставленные мужчины и женщины, дети, образованные и необразованные, торговцы, слуги, все виды и классы мусульман, которых Господь наш Бог призвал в Свою Церковь». Официально заявлено, что почти половина обращенных из высших классов Пенджаба являются мусульманами.

В Персии в последние годы были мученики за веру, и несколько человек были крещены. В Турецкой империи были десятки обращенных, которые были вынуждены бежать, чтобы спасти свою жизнь, или оставаться верующими в тайне. В Константинополе доктор Коэлле собрал общину обращенных мусульман, но один за другим они исчезали — несомненно, убитые за свою веру. В Египте были десятки крещений, и среди прочих студент университета Аль-Азхар и сын бея исповедали Христа. Достаточно пролистать страницы годовых отчетов Церковного миссионерского общества, чтобы прочитать о крещении мусульман в Карачи, Бомбее, Пешаваре, Дели, Агре и на границах Афганистана. В Северной Африке, где эта работа ведется совсем недавно, произошло обращений, а в одном из районов среди мусульман происходит замечательное духовное движение.

На Яве и Суматре голландские и рейнские миссионерские общества с замечательным успехом работают среди мусульманского населения. В четырех станциях Рейнской миссии на Суматре, где работа ведется практически исключительно среди мусульман (а именно в Сипирок-Симангумбане, Бунгабондере, Сипионготе и Симанасоре), общее число членов церкви, по данным *Bombay Guardian*, составляет три тысячи пятьсот десять человек. Общее число крещений из ислама в этих миссиях в 1897 году составило шестьдесят девять, а в первой половине 1898 года уже было зарегистрировано девяносто семь крещений. В некоторых деревнях, где ранее преобладал ислам, он был полностью изгнан. Общее число христиан-баттаков составляет тридцать одну тысячу, большая часть которых ранее были мусульманами. [158] В некоторых частях Явы заявляют о еще более значительных результатах.

В большинстве мусульманских регионов по понятным причинам абсолютно невозможно получить точные статистические данные о количестве обращенных. Угроза смертной казни требует большой осторожности при раскрытии информации об обращенном, свободно публикуя факт его обращения. Везде есть множество тайных верующих, имена которых иногда неизвестны даже миссионерам. Любой, кто читал биографии обращенных в христианство мусульман, таких как Камиль или Имад-уд-Дин, или кто знает из книг, таких как «Сладкие первые плоды», что значит для мусульманина отречься от веры своих отцов, знает, что работу в мусульманских странах нельзя судить по статистике крещений.

Есть и другие признаки проникновения духовной жизни в мусульманский мир. Тысячи мусульманской молодежи получают образование в христианских миссионерских школах; в Египте в одной миссии обучаются 2464 мусульманских ученика. Проникающая сила духовного христианства снова действует в Леванте, как и в то время, когда Павел и Сила совершали свои миссионерские путешествия ( ). Старые церкви Востока своей неверностью стали причиной великого отступничества ислама; *их возрождение является залогом его падения*. Сейчас есть евангелическая церковь в Персии, Египте, Палестине, Сирии и Малой Азии. Группы живых христиан посреди ислама; неудивительно, что их сила начинает ощущаться. Дьявол не принимает никаких антисептических мер против не заразного христианства. Но евангелическое христианство заразно, и весь мрачный горизонт провозглашает в преследованиях, массовых убийствах и яростном сопротивлении повсюду, что ислам чувствует силу христианских миссий, даже несмотря на то, что они только начали атаковать эту крепость сатаны скудными и ничтожными средствами.

Относительно характера обращенных в христианство мусульман епископ Тобурн говорит: «Я верю, что, когда мусульманин искренне обращается в христианство, он становится не только преданным христианином, но в некоторых отношениях и превосходным лидером. Лидерство — это большая потребность в каждой миссионерской области, и мусульмане Индии обладают необходимым потенциалом, если только его можно завоевать для Христа и освятить для Его служения, из которого можно сделать великолепных работников в винограднике Господа». Доктор Джессап высказывает то же мнение: «Мусульманину нелегко принять христианство, но история показывает, что, обратившись в христианство, мусульманин становится сильным и энергичным христианином».

2. В работе миссий среди мусульман, как и среди язычников, мы имеем уверенность в окончательной победе, основанную на обильном свидетельстве Божьего Слова. Божьи обещания никогда не остаются невыполненными, и эти всемирные обещания никогда не формулируются таким образом, чтобы исключать мусульман. Библия говорит нам, что восстанут многие лжепророки и прельстят многих, но она ни на мгновение не допускает, что царство Христа будет делить власть с кем-либо из них. «Отцу угодно было, чтобы в Нем [Иисусе, а не Мухаммеде] обитала вся полнота». «Отец любит Сына и все отдал в Его руки» — не в руки Мухаммеда. «Бог возвысил Его и дал Ему имя, которое превыше всякого имени… превыше всякого начальства, и власти, и силы, и господства, и всякого имени, именуемого не только в этом веке, но и в будущем». «Чтобы при имени Иисуса преклонилось всякое колено мусульман и всякий язык мусульман исповедал, что Иисус Христос есть Господь, во славу Бога Отца». Настоящее может видеть торжество ислама, но будущее принадлежит Христу. Против лживой истины «нет Бога, кроме Бога, и Мухаммед — Его пророк» христианство поднимает знамя: «Кто побеждает мир, как не тот, кто верит, что Иисус Христос — Сын Божий?» Божественность Христа, которую отрицают мусульмане, решает судьбу всех мировых царств. Посмотрите на нынешние правительства мусульманского мира. «Будьте же

мудры, цари, и научитесь, судьи земли… поцелуйте Сына, чтобы Он не прогневался и вы не погибли от пути, когда Его гнев разгорится лишь немного».

Христиане не осознают количество и важность миссионерских обещаний в Ветхом Завете.[159] Великое поручение было основано на этих чрезвычайно великих обещаниях. Нации были в плане Бога еще до того, как они вошли в программу Христа. И разве не замечательно, что почти все эти ветхозаветные обещания сгруппированы вокруг названий стран, которые сейчас являются центром и силой мусульманского мира? «Известны Богу все дела Его от начала мира». Или эти обещания, имеющие мировое значение, распространяются только на Египет, Месопотамию, Сирию и Аравию, не включая те земли, которые входят в план Божьего искупления и господства? Не уготована ли особая благодать землям, граничащим с Палестиной, когда Господь утешит Сион и восстановит все его разрушенные места? «В тот день Израиль будет третьим с Египтом и Ассирией, благословением посреди земли. Которого благословит Господь Саваоф, говоря: благословен Египет, народ Мой, и Ассирия, дело рук Моих, и Израиль, наследие Мое».

Мусульманский мир находится ни в *лучшем*, ни в *худшем* положении, чем языческий мир, как он описан в Новом Завете. Потребность обоих одинакова; и одинакова обязанность евангелизировать их; и одинаково обещание Божьего благословения на нашу работу свидетельства. Мусульманский мир также не имеет оправдания (Рим. 1:20, 32), не имеет надежды (Иоанн 3:36; Еф. 2:12), без мира (Ис. 48:22), без чувств (Еф. 4:19), без Христа (Рим. 13:13, 14), как и языческий мир. Но не меньше и наша ответственность перед ними, и сила Божьей любви, чтобы завоевать их.

Именно скала *Сыновства* Христа является камнем преткновения и скалой соблазна для мусульманского ума. Но именно на этой скале Христос строит Свою Церковь, и основание Божье стоит твердо. Писая на эту тему, г-н Эдвард Гленни, секретарь Североафриканской миссии, верно замечает:

«Благословен Бог, мы не остались одни в этой борьбе! «Пославший Меня с Мною», – сказал Учитель; и Тот, Кто посылает Своих слуг сейчас, наверняка также с ними, ибо обещание остается в силе: «Вот, Я с вами во все дни до скончания века». Во всех наших усилиях по спасению людей мы зависим от силы Духа Божьего, ибо никто не может сказать, что Иисус есть Господь, кроме как Духом Святым. Но если те из нас, кто работает дома, осознают это, то те, кто трудится в мусульманских странах, осознают это еще более остро. Среди масс у себя дома мы в основном боремся с безразличием, но там это глубоко укоренившиеся предрассудки, да, во многих случаях даже ненависть к Иисусу как Сыну Божьему. Но битва принадлежит Господу, а не нам; мы лишь инструменты для осуществления Его замыслов. Дух истины ( ) был послан Отцом, чтобы «обвинить МИР в грехе», и мы не имеем права делать какие-либо оговорки в отношении мусульман — да, разве мы не можем ожидать, что если на земле есть народ или раса, более недоступная, чем другие, более враждебная Евангелию, более ожесточенная против его учений, то там Господь проявит «непревзойденную величину Своей силы», призвав из их среды некоторых, которых Он может сделать «избранными сосудами», чтобы нести Его имя другим? Разве не так Он действовал в прошлом?

3. Нет в мире ни одной страны и ни одного народа (за исключением Палестины и евреев), которые были бы так тесно связаны с теократическими заветами и ветхозаветными обещаниями, как Аравия и арабы. Обещания окончательной победы Царства Божьего в Аравии многочисленны, определенные и славные. Эти обещания группируются вокруг семи имен, которые с незапамятных времен ассоциируются с Аравийским полуостровом: *Измаил*, *Кедар*, *Небаиот*, *Шеба*, *Себа*, *Мидиан* и *Эфа*. Мы выбираем только эти имена, опуская

другие, которые имеют косвенное отношение к Аравии или арабам, а также те многочисленные и славные обещания, касающиеся пустынь и пустынных земель. Последние, безусловно, для жителей Палестины в первую очередь относятся к Северной Аравии, но наша аргументация и без этих общих обещаний достаточно убедительна[160].

Чтобы понять обещания, данные сыновьям Измаила, Кедару и Небайоту, нам сначала нужно узнать, какое отношение Измаил имеет к завету Авраама и какое место он занимает в Божьем плане для народов, изложенном в книге Бытия.

Агарь, мать арабского патриарха, по-видимому, занимала видное место в доме Авраама и, судя по всему, принесла с собой не только умственные дары, но и внутреннее участие в вере в Бога Авраама ( ). Вероятно, она присоединилась к семье верующих во время пребывания Авраама в Египте и занимала такое же положение по отношению к служанкам, как и Елиезер из Дамаска по отношению к слугам. Именно когда она была изгнана в пустыню из-за ревнивой жестокости Сарры, мы получаем первое откровение Бога относительно ее семени. «Ангел Господень нашел ее у источника воды в пустыне, у источника на пути в Сур»[161]. И Он сказал: «Откуда ты пришла и куда идешь?» Она ответила: «Я бегу от лица госпожи моей Сары». Ангел Господень сказал ей: «Возвратись к госпоже твоей и покорись ей». И ангел Господень сказал ей: … «Я умножу семя твое чрезвычайно, так что оно не будет сочтено по множеству. И ангел Господень сказал ей: вот, ты беременна и родишь сына, и назовешь его Исмаилом [Бог услышит]; ибо Господь услышал твое страдание. И он будет диким человеком, рука его будет против всех, и рука всех будет против него; и он будет жить перед лицом всех своих братьев. И она назвала имя Господа, говорившего с ней: «Ты Бог, видящий меня», ибо она сказала: «Неужели я и здесь увидела Того, Кто видит меня?»

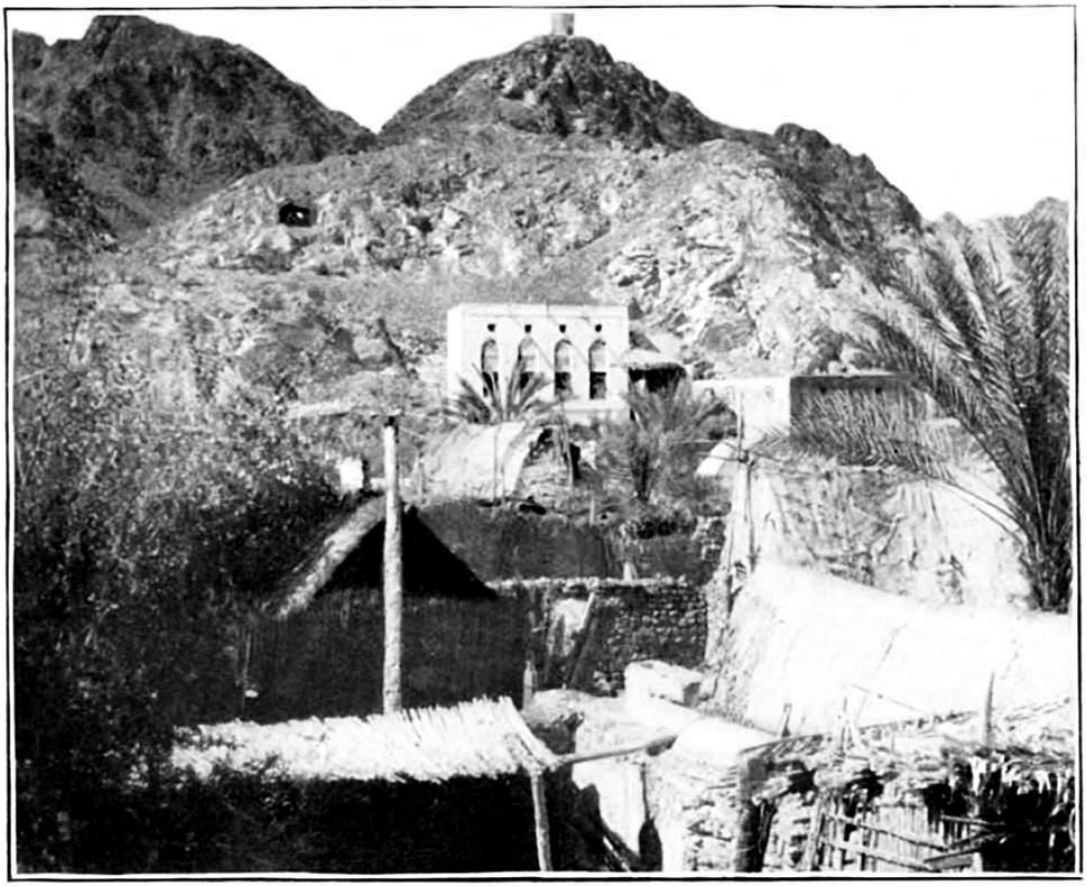
Из контекста ясно, что ангел Господень и Сам Господь здесь отождествляются; это был ангел Иеговы, ангел завета или Христос Ветхого Завета. Почему этот «ангел» сначала явился египетской рабыне? Согласно закону, Господь всегда открывается сначала самым бедным, самым страдающим и восприимчивым сердцам, или же особым предназначением ангела завета было искать «то, что было утрачено» от патриархальной церкви в самом ее начале? Ланге в своем комментарии предполагает, что «Ангел Иеговы, как Христос, который должен был прийти через Исаака ( ), имел особую причину помочь Агари, поскольку она ради будущего Христа вовлечена в эту скорбь». В любом случае, особое откровение и особое обещание были даны не только Агари, но и ее потомству. Христос, если можно так выразиться, обрисовывает будущую историю и характер измаильтян, а также их силу и славу; но Он также дает им духовное обещание в данном Богом имени *Исмаил*, «Элохим услышит». Без этого теофания теряет свой истинный характер. Измаил, как дитя Авраама, не мог остаться незаметным среди язычников. Именно ради Авраама откровение включило в свои обещания еще нерожденного ребенка.

Исполнение обещания о том, что семя Измаила умножится чрезвычайно, никогда не было сформулировано так ясно, как географом Риттером: «Аравия, население которой в значительной степени состоит из измаильтян, является живым источником людей, потоки которых на протяжении тысячелетий разливались далеко на восток и запад. До появления Мухаммеда их племена проживали во всех приграничных районах Азии, в Восточной Индии еще в средние века; а вся Северная Африка является колыбелью всех кочевых племен. В средние века они имели свои поселения вдоль всего Индийского океана вплоть до Молуккских островов; они распространились вдоль побережья до Мозамбика; их караваны пересекали Индию до Китая, а в Европе они заселили южную Испанию и правили ею в течение семисот лет». Если обещание естественного роста было выполнено так явно, разве

нет оснований *полагать*, что *Бог услышит* и даст также духовное благословение и что Измаил «будет жить в присутствии всех своих братьев» в новом завете благодати?

СПАСЕННЫЕ РАБЫ-Мальчики В МУСКАТЕ.

Через тринадцать лет после первого обещания Исмаилу мы слышим обновление этого обещания сразу после введения обрезания, знака завета веры. «И сказал Авраам Богу: о, если бы Исмаил [еще] жил перед Тобою! И Бог сказал: жена твоя Сара родит тебе сына, и ты назовешь его Исааком; и Я установлю завет Мой с ним заветом вечным и с потомством его после него. А об Измаиле Я услышал тебя…» Каково значение молитвы Авраама об Измаиле? Возможно ли, что он просто просит о временном процветании и долгой жизни? Так считают некоторые комментаторы, но ни один из них не объясняет, почему в молитве просят, чтобы Измаил жил *«перед Богом»*. Кейл и другие, как нам кажется, более правильно считают, что молитва Авраама проистекает из его опасения, что Измаил не получит *никакой* части в благословениях завета. Тот факт, что в ответе Бога нет отказа в молитве Авраама, подтверждает эту интерпретацию.



АРАБСКИЙ МИССИОНЕРСКИЙ ДОМ В МУСКАТЕ.

В молитве Авраам выражает свое ожидание неопределенного пренебрежения Исмаилом, которое было болезненным для его родительского сердца. Поэтому он просит для него жизнь от Бога в высшем смысле. Иначе что означает обрезание Исмаила? Запечатление или ратификация завета Бога с Авраамом *через семя Исаака* охватывает не только семя Исаака, но и всех тех, кто в более широком смысле является участниками завета, Исмаила и его потомков. И как бы арабы ни отклонились от *веры* Авраама, на протяжении всех этих веков они оставались верными знаку старого завета через обряд обрезания. Это один из самых замечательных фактов истории. *В Коране ни разу не упоминается об обрезании*, и мусульманские писатели не дают никакого объяснения этому упущению. Тем не менее, этот обычай является всеобщим в Аравии, и оттуда он перешел вместе с другими традициями во весь мусульманский мир. Мусульмане считают, что обрезание берет свое начало от Авраама, и обрезают своих детей в позднем возрасте. Арабы в «времена невежества» также практиковали этот обряд; необрезанный человек неизвестен даже среди тех бедуинов, которые ничего не знают об исламе, кроме имени пророка[162].

«Что касается Измаила, я услышал тебя». В третий раз мы читаем об особом откровении, доказывающем любовь Бога к сыну рабыни. В трогательной истории изгнания Агари ( ) Измаил является центральной фигурой [163]. Причиной изгнания было его насмешливое отношение; ради *него* Аврааму было больно изгонять их. Исмаилу снова дается особое обещание: «потому что он — твое семя». Когда вода в бутылке закончилась и Агарь отвернулась, не желая видеть смерть ребенка, не ее плач, а молитва мальчика принесла спасение с небес. «И ангел Божий воззвал к Агари с неба и сказал ей: что с тобой, Агарь? Не бойся, ибо Бог услышал голос мальчика там, где он находится. Встань, подними мальчика и держи его за руку, ибо Я сделаю из него великий народ. И Бог открыл ей глаза, и она увидела

колодец с водой; и она пошла, наполнила бутылку водой и напоила мальчика. И Бог был с мальчиком».

Эта история не менее показывает нравственную красоту характера Агари, ее нежную материнскую любовь и все прекрасные черты материнской заботы, чем покаяние Измаила. Бог услышал его голос; Бог простил его греховное насмешливое отношение; Бог подтвердил свое обещание; Бог спас его жизнь; Бог был с мальчиком. Провидение Божье охраняло Измаила. Много лет спустя он, по-видимому, навестил своего отца Авраама, ибо мы читаем, что когда патриарх умер в преклонном возрасте, «сыновья его Исаак и Измаил похоронили его в пещере Махпела». Здесь не упоминаются сыновья Кетуры. И дважды в Библии поколения Измаила записаны полностью[164], чтобы связать пророчества Бытия с мессианскими обещаниями Исаии для потомков Измаила.

Двенадцать князей, сыновья Измаила, чьи имена записаны «по их городам и крепостям», несомненно, были патриархами стольких арабских племен. Некоторые из имен можно отчетливо проследить в истории, а другие легко идентифицировать с современными кланами в Аравии. Мибсам, *например*, кажется, соответствует клану Неджд из *Бессама,* некоторые из которых являются купцами в Бусре; Мишма, безусловно, является тем же, что и арабский *Bni Misma* ( ); в то время как почти все комментаторы согласны с тем, что Дума — это *Думат-эль-Джендал* в Северной Аравии, одно из старейших арабских поселений. Помимо предположений, два имени выделяются и хорошо известны в светской истории: *Небайоф* и *Кедар*. Плиний в своей «Естественной истории» упоминает их вместе как Nabatœi et Cedrei, и арабские историки знакомы с этими именами. Несомненно, набатейцы имеют отношение к Небайофу; хотя это отрицается Квартрмером, оно подтверждается М. Чвольсоном и является общепринятым мнением самих арабов.

Именно эти два имени, идентичность которых никто не ставит под сомнение, являются центром славных обещаний. Общеизвестно, что шестидесятая глава Исаии является жемчужиной миссионерского пророчества в Ветхом Завете, но не всем приходит в голову, что большая ее часть состоит из особых обещаний для Аравии. «Множество верблюдов покроет тебя, дромадеры Мидиама и Эфа (сыновья Кетуры, Быт. 25:1-5); все они из Савы (Южная Аравия или Йемен) придут; они принесут золото и ладан; и они будут прославлять Господа. Все стада Кедара соберутся к тебе; бараны Небайота будут служить тебе: они придут с благоволением на мой жертвенник, и я прославлю дом моей славы. Кто эти, летящие как облако и как голуби к своим окнам?»

Эти стихи, прочитанные в связи с величественным рядом обещаний, которые им предшествуют, не оставляют места для сомнений в том, что сыновья Измаила занимают важное место в грядущей славе Господа и сиянии Его восхождения. Это было отложено только из-за нашего пренебрежения евангелизацией Северной Аравии, но Бог все же сдержит Свое обещание, и Христос увидит плоды труда Своей души среди верблюдоводов и пастухов Аравии. И тогда исполнится другое обещание, значимо изложенное в Исаии xlii для этой части полуострова: «Воспойте Господу новую песнь и прославьте Его от края земли ... пусть поднимут голос пустыня и города ее, деревни, в которых живет Кедар; пусть поют жители скал, пусть восклицают с вершин гор». Все это есть там, с географической точностью и актуальностью; *«города в пустыне»*, то есть Неджд под нынешним правительством; Кедар, отказавшийся от кочевых шатров и ставший сельскими жителями; и жители скал Медайн-Салих! «И я приведу слепых по пути, которого они не знали; я поведу их по тропам, которых они не знали: я сделаю тьму перед ними светом, а кривое — прямым». Единственное собственное имя, единственный географический центр всей главы — это *Кедар*. В двух

других пророчествах[165], не имеющих мессианского характера, Кедар упоминается *как синоним Аравии*.

Другая группа миссионерских обещаний для Аравии сосредоточена вокруг имен *Себа* и *Шеба*. «Все из Шебы придут; они принесут золото и ладан и будут прославлять Господа» (Ис. 60:6). «Цари Шебы и Себы принесут дары. Да, все цари падут перед Ним, все народы будут служить Ему… Он будет жить, и Ему будет дано золото Шебы; также будут молиться за Него непрестанно, и ежедневно будут прославлять Его». Мессианский характер этого псалма общепризнан.

Где находятся Себа и Шеба? Кто они? В генеалогии и пророчестве упоминаются три Шебы. 1. Сын Раамы, сын Куша; 2. Сын Иоктана; 3. Сын Иокашана, сына Кетуры. Но все они нашли свое пристанище на территории современной Южной Аравии. Йоктанитская Шеба — это царство химьяритов в Йемене[166]. Царство Шеба охватывало большую часть Йемена; его главными городами и, вероятно, столицами были Себа, Сана (Узал) и Зафар (Сефар). Себа, старейшая столица, идентична современному *Марибу*, к северо-востоку от Саны; для Ez Zejjaj в словаре Taj El Aroos говорит: «Себа была городом Мариб или страной в Йемене, столицей которой был город Мариб». Карта Птолемея ясно показывает, что римляне и греки понимали под Себой и Шебой. Кушитская Шеба поселилась где-то на берегах Персидского залива. В «*Марасиде*» Стэнли-Пул говорит, что он нашел «удовлетворительное объяснение — на острове Авал, одном из островов Бахрейна, находятся руины древнего города под названием Себа».

Тот же автор утверждает, что кетурийская Шеба образовала одно племя с кушитской Шебой и также проживала в Восточной Аравии. Шеба всегда была страной золота и ладана, и мы только начинаем узнавать немного о богатстве и славе древнего химяритского царства в Йемене из недавно обнаруженных надписей и руин.

В том же псалме, который дает эти обещания Южной и Восточной Аравии, мы находим следующий замечательный стих: «Он будет властвовать от моря до моря и от реки до концов земли. Обитатели пустыни будут преклоняться перед Ним, и враги Его будут лизать прах». Река, о которой идет речь, — это, несомненно, Евфрат[167], а указанные границы призваны охватить идеальный размер земли обетованной. Теперь, по меньшей мере, примечательно, что современные еврейские комментаторы интерпретируют этот отрывок вместе с сорок восьмой главой Иезекииля таким образом, что включают *весь полуостров Аравию* в землю обетованную. Я видел любопытную карту, напечатанную евреями в Лондоне, на которой двенадцать восстановленных колен имели по полосе территории через всю Аравию от Красного моря до Персидского залива, включая Палестину и Сирию.

Исаак Да Коста, великий голландский поэт еврейского происхождения, собрал в своей эпопее «Агарь» некоторые из этих библейских обещаний для сыновей Измаила. [168]

«Мать Измаила! Слово, которое произнес Бог

Никогда не обманывало, ни разу не нарушало обещания.

Будь то угроза наказания или обещание благословения;

Будь то для времени и земли или для вечного рая,

Исаву или Иакову…

Патриарх молился Богу, склонившись в прахе:

«О, если бы перед Тобой мог жить Измаил!» — его молитва, его вера.

И эта молитва не была пренебрежена, *это* обещание не осталось

Без исполнения. Ибо настанут дни

Когда Измаил склонит свою гордую голову вождя

Перед Величайшим Вождем из царского рода Исаака.

Ты, благословенный Соломон, первым увидел исполнение

Обещания Агари, когда пришла просящая царица Савская.

Затем благословенная Аравия принесла новорожденному Царю Вифлеема

Своими миром и пряностями, золотом и дарами.

Снова на Пятидесятницу они пришли, первые плоды обширного урожая;

Когда, чтобы поклониться имени Иисуса, наконец

На славный холм Сиона, чтобы разделить радость народа

Все рассеянные стада Кедара собрались там,

Небайоф, Хефа, Мидиан…

Тогда Израиль узнает, Чье сердце сломала их жестокость,

Чей бок они пронзили, Чье проклятие они осмелились вызвать.

И тогда, скорбя у Его ног о Его горькой смерти,

получат Его прощение…

Перед чьим белым престолом встретятся язычники и иудеи

С парфянами, римлянами, греками, с дальним Севером и Югом,

От истоков Миссисипи до гигантского устья Ганга,

И все языки и племена соединятся в одной новой песне:

Искупление! Мир на земле и добрая воля людям;

Цель всех веков на все века верна. Аминь.

Слава Отцу! Слава Агнцу, однажды закланному,

Незапятнанному человеческими грехами, возвышенному теперь, чтобы царствовать!

И Святому Духу, дающему жизнь, чье освежающее

Заставляет все пустыни земли цвести живыми дождями благословения!»

«Мать Измаила! Я вижу тебя снова,

Тебя под палящим небом и на безволночном берегу!

Ты, утешенная, душа, брошенная бурей, сотрясенная бурей,

Сердце полное муки и потерянной надежды,

Ты тоже наконец обрела Божью славу, которая стала твоей опорой!

Он пришел. Он говорил с тобой. Он сделал твою ночь Своим днем.

Как тогда, так и сейчас. Вернись в шатер Сарры

И к Богу Авраама, и к лучшему завету,

И пой вместе с Марией, освобожденной ее Спасителем:

«Бог моей жизни, Ты воззрел на меня».

Но Аравия, несмотря на все это богатство обещаний, не является полем для *слабой* веры. Однако мы можем научиться смотреть на эту бесплодную землю благодаря этим обещаниям с той же безрассудной, не рассчитывающей, *вызывающей* уверенностью, с которой Авраам «не ослабевая в вере, считал свое тело уже мертвым» (R. V.), «но укреплялся верой, воздавая славу Богу». Обещания велики, потому что препятствия велики; чтобы слава замысла, как и слава дела, принадлежала одному только Богу. Аравия нуждается в людях, которые будут верить, как видя невидимое. Шестьсот лет назад Раймунд Лулль писал: «Мне кажется, что Святую Землю нельзя завоевать иным способом, кроме того, которым Ты, Господи Иисусе Христе, и Твои святые апостолы завоевали ее, любовью и молитвой, проливая слезы и кровь».

Одинокий работник среди мусульман в Северной Африке недавно написал: «Да, этим людям нужны пролитые жизни — сеяние в слезах — в такой мере, какой, возможно, не требуется ни одной языческой стране; им нужен Голгофа, прежде чем они получат свою Пятидесятницу. Слава Богу за такое поле: в свете вечности мы не могли бы просить о более высоком благословении, чем возможность общения с Его Сыном».

Немой дух ислама владеет Аравией с ее детства на протяжении тринадцати столетий; «он рыдает, пенится, скрежещет зубами и чахнет». «И Он сказал им: этот род не может выйти иначе, как молитвой и постом». *«Если ты можешь верить, все возможно* верующему» (Марк 9:14-29).

Жизнь для Аравии должна исходить от Жизнедателя. «Я верую в Святого Духа», поэтому миссионерская работа в Аравии докажет, что обещание Бога верно во всех деталях и в полной мере. «О, если бы Исмаил мог жить… что касается Исмаила, я услышал тебя».

«Спешите, вестники, неся

жизнь в убитую пустыню;

Пока на своих могучих крыльях

Дух Божий придет, чтобы царствовать

От смерти к новому рождению,

Бог даст силу,

Выберет их для коронации

И Исмаил будет жить.

«Так гласит обещание, принося

Эпоху Юбилея

В каждый дом и шатер,

От Тадмора до моря.

Мертвые воскресли к жизни,

Слава распространяется по всей земле,

Пустыня отвечает небесам,

Осанна Господу!

Приложение I
ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА

Около	1892 г. до н. э. — Рождение Измаила.
»	1773 » —Смерть Измаила.
»	992 » — Билкис, царица Йемена (Савы), посещает Соломона.
”	700 » —Объединение кушитских и сабейских кланов в Йемене.
”	754 » —Весь Йемен и Оман под властью Яарбуба.
”	588 » — Первые еврейские поселения в Аравии.
н. э.	33 — Арабы присутствуют на Пятидесятнице.
”	37 — Апостол Павел отправляется в Аравию.
»	60 — Вторая еврейская иммиграция в Аравию.
”	105 — Римский император Траян под командованием своего генерала Пальмы подчиняет Северо-Западную Аравию.
”	120 — Разрушение великой плотины в Марибе и начало миграции арабов на север.
”	297 — Голод в Западной Аравии. Миграция на восток.
”	326 — Неарх, адмирал Александра, исследует Персидский залив.
”	325 — Никейский собор — присутствие арабов.
”	342 — Христианство уже распространяется в Северной Аравии. Церкви построены в Йемене.
”	372 год — Мавия, царица Северной Аравии, принимает христианство.
”	525 — Абиссинское вторжение в Йемен.
”	561 — Рождение Мухаммеда в Мекке.
”	575 — Персы под предводительством Аношарвана изгоняют абиссинцев из Йемена.
»	595 год — Мухаммед женится на Хадидже.

” 595 год — Йемен переходит под власть Персии.

” 610 — Мухаммед начинает свою пророческую деятельность.

” 622 год (1 год хиджры) — Мухаммед бежит из Мекки в Медину. Начинается эра *хиджры*. (См. конец таблицы.)

” 623 — Битва при Бедре.

” 624 — Битва при Оходе.

” 630 — Захват Мекки. Посольство в Омане и т. д.

” 632 — Смерть Мухаммеда. Абу Бакр становится халифом. Вся Аравия подчинена силой оружия.

” 634 — Омар становится халифом. Изгнание евреев и христиан из Аравии.

” 638 год — Основание Куфы и Бусры.

” 644 — Османа халиф.

” 655 — Раскол по поводу халифата. Нападение на Медину. Али избран халифом.

” 656 — Битва при Верблюде. Перенос столицы в Куфу.

” 661 — Убийство Али. Хасан становится халифом.

” 750 — Начало халифата Аббасидов (Багдад).

” 754 — Мансур.

” 786 — Харун ар-Рашид.

” 809 — Амин.

» 813 — Мамун.

” 833 — Мотасим.

” 847 — Мотаваккель.

” 889 — Возникновение карматианской секты.

” 905 — Йемен попадает под власть карамитских халифов.

” 932 — Восстание в Йемене. Страна становится независимой под властью *имамов* Саны.

” 930 — Карматиты захватывают Мекку и уносят Черный камень в Катиф.

” 1055 — Тогрул-бег в Багдаде.

” 1096-1272 — Крестовые походы. Аравия вступает в контакт с европейской цивилизацией через свои отряды воинов.

” 1173 — Йемен покорен султанами Египта.

” 1240 — Возвышение османских турок.

” 1258 — Падение Багдада.

” 1325 — Йемен вновь обретает независимость.

” 1454 — Имамы Йемена захватывают Аден и укрепляют его.

” 1503 — Португальцы под командованием Лудовико Бартемы совершают плавания по аравийскому побережью и посещают Аден и Маскат.

” 1507 — Португальцы захватывают Маскат.

” 1513 — Португальцы под командованием Абукерке отбиты в Адене. Посещают Моху и Персидский залив.

” 1516 — Сулейман по приказу мамелюкского султана атакует Аден и терпит

поражение.

” 1538 — Сулейман Великолепный посылает флот и захватывает Аден вероломным образом. Арабский гарнизон уничтожен.

” 1540 — Начало турецкого правления в Йемене.

” 1550 — Арабы передают Аден португальцам.

” 1551 — Аден отвоеван Пери-пашой.

” 1624-1741 — Имамы устанавливают власть над всем Оманом со столицей в Растаке, а затем в Маскате.

” 1609 — Первое посещение Адена английскими капитанами.

” 1618 — Англичане основали фактории в Мохе.

” 1622 — Португальцы изгнаны из Бахрейна и арабского побережья персами.

” 1630 — Арабы изгоняют турок из Йемена, и *имамы* занимают трон в Сане.

” 1740-65 — Голландская Ост-Индская компания в портах Персидского залива и Красного моря.

” 1765 — Английская Ост-Индская компания в портах Персидского залива и Красного моря.

» 1735 — Абдали Султан из Лахаджа захватывает Аден.

” 1741 — Ахмед бин Саид изгоняет португальцев из Маската и вновь основывает династию имамов.

” 1765 — Умирает Мухаммед бин Абдул Вахаб, и его политический соратник Мухаммед бин Сауд распространяет ваххабизм в Аравии.

” 1780 — Распространение ваххабитской доктрины по всей Центральной Аравии.

” 1801 год — ваххабиты завоевывают Бахрейн и удерживают его в течение девяти лет.

» 1803 — Абд-уль-Азиз, вождь ваххабитов, убит персидским фанатиком.

” 1803 — Вахабиты захватывают Мекку и осаждают Джидду.

” 1804 — Вахабиты захватывают Медину.

” 1804 — Саид бин Султан — правитель Омана и Занзибара.

” 1809 — Аден посетил капитан Хейнс из британского флота.

” 1818 — Ибрагим-паша захватывает столицу ваххабитов и отправляет Амира в цепях в Константинополь, где тот казнен через обезглавливание.

” 1805-1820 — Британцы подавляют пиратство в Персидском заливе.

” 1820 — Сын Амира, Турки, провозглашен султаном Неджда и побережья Омана.

” 1821 — Британцы заключают договор с племенами побережья Омана, называемый «Лига перемирия».

” 1820-1847 — Британцы заключают договоры с вождями Бахрейна о пресечении работорговли и пиратства.

” 1831 — Убийство Турки, правителя Неджда.

” 1832 — Фейсул бин Турки становится его преемником.

” 1835 — Абдулла бин Рашид становится влиятельным вождем в Джебель-Шаммаре.

” 1835 — Аден снова посещают британцы, чтобы отомстить за жестокое обращение с моряками, потерпевшими кораблекрушение у его побережья.

- 1839 год — Аден подвергается бомбардировке британским флотом и захватывается. Заключаются договоры с окружающими племенами.
- 1840-1847 — Аден подвергся нападению арабов.
- 1846 — Тилал бин Абдулла бин Рашид наследует власть в Джебель-Шаммаре и становится независимым от власти ваххабитов.
- 1851-1856 — Абдулла бин Муталиб Шериф из Мекки.
- 1854 — Султан Омана заключает договор с Англией и уступает ей острова Курия-Мурия.
- 1856 — Тувани бин Саид — правитель Омана.
- 1857 — Перим оккупирован англичанами.
- 1858-1877 — Абдулла бин Мохаммед Шериф из Мекки.
- 1858 — Проложен кабель в Красном море от Суэца до Адена, но он оказался неисправен (стоимость 800 000 фунтов стерлингов).
- 1858 — Бомбардировка Джидды британцами.
- 1865-1886 — Абдулла бин Фейсул — правитель Неджда со столицей в Эр-Рияде.
- 1867 — Митаб бин Абдулла сменяет Тилала.
- 1867 — Менама (Бахрейн) подвергается бомбардировке со стороны Великобритании из-за нарушения договора. Иса бин Али становится правителем.
- 1866 — Султан бин Тувани становится правителем Омана.
- 1868 — Мохаммед бин Рашид приходит к власти и становится правителем Хаила в качестве эмира Неджда.
- 1869 — Проложен кабель от Бомбея до Адена и Суэца.
- 1870 — Турецкое вторжение в Йемен.
- 1871 — Турецкое вторжение в Хассу и оккупация Катифа.
- 1871 — Сейид Турки — правитель Омана (Маскат).
- 1875 — Бусра стала отдельным вилайетом.
- 1877 — Начало турецкой бюрократии в Мекке.
- 1878 — Берлинский договор. Обещаны реформы в турецких провинциях.
- 1880 — Убийство Хасейна, шерифа Мекки.
- 1881-82 — Абд эль-Муталиб вновь становится шерифом Мекки.
- 1882 — Аун эр-Рафик становится шерифом Мекки.
- 1886 — Мухаммед ибн Рашид захватывает Эр-Рияд, свергает правительство Саудов и становится правителем всей Центральной Аравии.

[Примечание. — Чтобы найти эквивалентную дату A. H. любого года A. D.: от года A. D. отнимите 621,54 и к остатку добавьте 3 процента. A. H. 1 = 16 июля 622 года A. D., а мусульманский год состоит из 12 лунных месяцев. Чтобы найти эквивалентную дату A. D. года A. H., умножьте его на 0,970225 и к остатку добавьте 621,54. Сумма дает дату A. D. *конца* года A. H.]

Приложение II
ТАБЛИЦА АРАБСКИХ ПЛЕМЕН СЕВЕРНОЙ АРАВИИ

- I. Анаэзе:
-
  - *Валид Али*
  -
    - Эль-Мешадака.
    - Эль-Мешатта.
    - Эль-Хаммамеде.
    - Эль-Джедалеме.
    - Эль-Толух.
  - *Эль-Хессене*
  -
    - Эль-Хессене (собственно).
    - Мессалих.
  - *Эр-Рувалла* (или Джилас)
  -
    - Эль-Рувалла (собственно).
    - Ум Халиф.
  - *Эль-Бешр*
  -
    - Тана Маджид
    -
- Федан.
- Себаа.
    - Селга
    -
- Медеян.
- Метарафе.
- Аулад Сулей.
- II. Ахль Эш-Шеммаль: (северные племена)
-
  - Эль-Мовали.
  - Эль-Хоуейтат.
  - Эль-Хадедин.
  - Эс-Солейб.
  - (также)
  - Арабы Хаурана
  -
    - Эль-Фехейли.
    - Эс-Серди.
  - Бни Сохр.

- Бни Хейтим.
- III. Ахль-эль-Кибли: (южные племена)
-
  - Арабы из Керака.
  - Эш-Шерарат.
  - Бни-Шаммар
  -
    - Эль-Темейят.
    - Эль-Менджат.
    - Ибн Гази.
    - Байр.
    - Эль-Фесяни.
  - Эль-Джерба.
  - Эль-Джофейр.
  - Эль-Акейдат
  - Бни Сайд.
  - Эль-Вулед.
  - Эль-Бакара.

Приложение III
КААТ И КОФЕЙНАЯ КУЛЬТУРА В АРАВИИ

Каат (*Celastrus eatha edulis*) — кустарник или небольшое дерево, которое растет на высоте около пяти тысяч футов в низких горах Йемена, особенно на склонах Джебель-Сохр недалеко от Таиза. Неизвестно, является ли это растение местным, но если оно было завезено в Йемен из Африки, то это произошло очень давно, вместе с кофе, когда завоевание Абиссинии привело к падению империи Химьяритов.

Каат сажают из побегов, которые оставляют расти в течение трех лет, затем срывают все листья и почки, за исключением нескольких веточек; на следующий год они превращаются в сочные побеги, которые срезают, связывают в пучки, заворачивают в траву для сохранения влаги и продают под названием *мубарре*. Второй урожай имеет лучшее качество и называется *мутани*. Небольшой пучок, *килвет*, продается в Таизе примерно за пять центов, а более крупный, но все же едва ли не горсть, называемый *зирбет*, — за десять центов. Жуют только листья и молодые веточки, но я видел, как бедняки с радостью подбирали даже выброшенные сухие листья и ветки, чтобы получить от них хоть какое-то утешение.

Вкус листьев слегка горький и вяжущий, очень похожий на вкус листьев персика. Он обладает стимулирующими свойствами, вызывает бодрствование, а в больших количествах — галлюцинации; говорят, что он сохраняет зубы, а некоторые используют его как афродизиак. Все арабы утверждают, что он дает удивительную выносливость и что с их катом и табаком они могут обходиться без еды в долгих путешествиях. Все, молодые и старые, арабы, евреи или турки, употребляют его, и многие употребляют его в невероятных количествах. Один солдат рассказал мне, что он тратит рупию (33 цента) в день на каат, а

кади Таиза платит двадцать долларов в день за эту роскошь, однако его семья так велика, насколько это возможно согласно Корану и разводу.

Османское правительство получает двадцать пять процентов таможенной пошлины от рыночной цены растения в дополнение к земельному налогу на выращивание каата. Общий доход от этого источника значителен, о чем можно судить по тому факту, что в Таизе, городе с населением около пяти тысяч человек, все другие налоги приносят десять тысяч долларов в год, в то время как ежедневная продажа каата составляет более трехсот долларов!

Рынок каата открывается ранним утром, когда свежие связки привозят на ослах и верблюдах, но самое оживленное время — после полудня, поскольку каат принято употреблять непосредственно перед закатом, а за час-два до ужина приглашать гостей пожевать листья. Продавцы сидят под открытым небом , и в основном это женщины. В своих довольно живописных костюмах, без покрывал, они сидят долгий день с корзиной зеленого роскошного товара перед собой, время от времени опрыскивая свой товар, чтобы он оставался влажным; развязывая десятки связок, чтобы удовлетворить какого-нибудь гордого гурмана, который пробует, прежде чем купить; торгуясь с каким-нибудь солдатом о цене поврежденной связки; и снова клянясь, как только арабы умеют, в подлинности данного сорта — ведь каат имеет шесть различных вкусов и разновидностей, каждая из которых имеет свое особое название, и горе рабу, который был послан за одним сортом, а вернулся с другим. Иногда происходят ссоры, или в дождливый день на рынке образуется «уголок», или какой-нибудь злой мальчишка убегает с украденным вязанком, и в такие моменты все женщины начинают говорить одновременно, и их шум может сравниться в Йемене только с молитвой в синагоге евреев. Рынок каата в в 4 часа дня — это действительно картина, полная цвета, поз и движения, достойная кисти художника; подобное можно увидеть только в деревнях нижнего Йемена, и среди многих сюрпризов, которые ждут путешественника в этой Швейцарии Аравии, ничто на первый взгляд не кажется более странным и смешным, чем видеть трезвых арабов, сидящих группами в конце дня и, как древний Навуходоносор, «едящих траву, как волы».

Согласно арабской истории*, каат* использовался арабами до того, как кофейное дерево прижилось в высокогорьях Йемена. В настоящее время кофе и каат растут вместе. Оба считаются законными для мусульман, и главным источником богатства Йемена является экспорт кофе. Основные районы выращивания кофе простираются к северу от Таиза до Лохаи, Канкабана и Саны, а разнообразие продукта зависит в основном от высоты плантации. Есть три четких этапа в его выращивании. Сначала семена готовятся путем удаления скорлупы или околоплодника; затем они смешиваются с древесной золой и сушатся в тени. Затем семена высаживаются в подготовленные грядки с богатой почвой, смешанной с навозом; грядки накрываются ветвями деревьев, чтобы защитить молодые растения от солнечного тепла, и поливаются каждые шесть или семь дней. Наконец, через шесть недель растения аккуратно извлекают из земли и высаживают рядами на расстоянии двух-трех футов друг от друга. Через два-три года кофейное дерево начинает плодоносить.

Сады в Йемене построены террасами вдоль склонов гор и выглядят необычайно красиво, когда растения находятся в полном цвету. Когда ягоды созревают, их срывают с дерева и сушат на солнце; затем их упаковывают в мешки из джута и отправляют на побережье. Арабы Йемена редко используют бобы для приготовления кофе, а используют скорлупу или шелуху; напиток получается менее крепким, более сладким и, конечно, более дешевым. Кофе сеют в марте, в мае начинается цветение, а урожай собирают в сентябре. Большая часть йеменского кофе поступает по суше во внутренние районы Аравии, помимо экспорта в Аден

и Ходейду; Моха когда-то была крупным торговым центром, но теперь она полностью пришла в упадок и состоит лишь из нескольких домов в руинах и полуразрушенной мечети.

Приложение IV
АРАБСКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

А. География Аравии

- Эндрю (сэр У. П.) — «Маршрут по долине Евфрата» (Лондон, 1882).
- Бартема (Людовико) — «Путешествия по Аравии», перевод Р. Идена (1576).
- Бегум из Бхопала — Паломничество в Мекку (Лондон, 1870).
- Бент (Теодор и миссис) — Южная Аравия (Лондон, 1899).
- Блант (леди Энн) — Паломничество в Недж, 2 тома (Лондон, 1883).
- «—Бедуины Евфрата (Лондон, 1879).
- Буист (доктор) — Физическая география Красного моря (без даты).
- Буркхардт (Джон Льюис) — Заметки о бедуинах и ваххабитах, 2 тома (Лондон, 1830; на немецком языке, Веймар, 1831).
- Буркхардт (Джон Льюис) — «Путешествия по Аравии», 2 тома (Лондон, 1830).
- Бертон (Ричард) — Личное повествование о паломничестве в Медину и Мекку (Лондон, 1857).
- Чесни — Исследование Евфрата и Тигра, 4 тома (Лондон, 1850).
- Клупе — Новое путешествие по Счастливой Аравии в 1788 году (Париж, 1810).
- Констебль (капитан К. Г. и лейтенант А. В. Стифф) — «Пилот Персидского залива» (Лондон, 1870, 1893).
- Круттенден (К. Дж.) — Дневник экскурсии в Сану, столицу Йемена (Бомбей, 1838).
- Доути (С. М.) — «Пустынная Аравия», 2 тома (Кембридж, 1888).
- Фогг (W. P.) — «Арабистан» (Лондон, 1875).
- Форстер — Историческая география Аравии, 2 тома (Лондон, 1844).
- Фреде (P.) — La Peche aux Perles en Perse et a Ceylan (Париж, 1890).
- Френель — Lettres in Journal Asiatique iii. Series v. 521.
- Галлан — Сборник обрядов и церемоний паломничества в Мекку (Амстердам, 1754).
- Хейг (Ф. Т., генерал-майор) — «Путешествие по Йемену». Труды Королевского географического общества Лондона, т. ix., № 8.
- Харрис (У. Б.) — Путешествие по Йемену (Лондон, 1893).
- Хантер (Ф. М.) — Статистический отчет о британской колонии Аден (Лондон, 1877).
- Хургронье, (Снук.) — Мекка, с иллюстрированным атласом, 2 тома. (Гаага, 1888).
- Ирвин (Эйл.) — Приключения в путешествии по Красному морю у берегов Аравии и т. д. в 1777 году (Лондон, 1780).
- Жобер — География Эдреси (на арабском и французском языках, Париж, 1836).
- Жомар — Études Geog. et Hist. sur l'Arabie (в т. III. История Египта Менгина).
- Кинг (Дж. С.) — Описание острова Перим (Бомбейские правительственные архивы № 49).

- Ла Рок — «Путешествие в Счастливую Аравию» и др. (Лондон, 1726).
- Макрама (Абу Абдалла ибн Ахмед) — Рукописная история Адена (см. отчет Хантера).
- Манцони — Йемен; Три года в Счастливой Аравии (Рим, 1884).
- Михаэлис — Сборник вопросов, заданных Обществу ученых, которые по приказу Его Величества Датского отправляются в путешествие по Аравии (Амстердам, 1774).
- Нибур (Карстен) — Оригинальное издание на немецком языке (Копенгаген, 1772).
- » » —Французское издание (Амстердам, 1774).
- Нибур (Карстен) — «Путешествия по Аравии», перевод на английский язык Роберта Херона, 2 тома (Эдинбург, 1792).
- Оусли (сэр У.) — «Восточная география Ибн Хаукала».
- » » » —Путешествия по Персии и Аравии, 3 тома. (Лондон, 1800).
- Палгрейв — Путешествия по Восточной Аравии (Лондон, 1863).
- Парсонс (Абрахам) — Путешествия по Азии… включая Моку и Суэц (Лондон, 1808).
- Филлипс — Карта Аравии и Египта с указателем (Лондон, 1888).
- Прайдо — Некоторые недавние открытия в Юго-Западной Аравии (Труды Общества библейской археологии, Лондон).
- Сахау — «На Евфрате и Тигре. Записки о путешествии, 1897-98» (Лейпциг, 1900).
- Шапира — Путешествия по Йемену (1877).
- Зецен — Путешествия по Йемену (1810).
- Спренгер (А.) — Старая география Аравии как основа истории развития семитизма (Берн, 1875).
- Спренгер (А.) — Почта и маршруты путешествий на Востоке (1864).
- Стэнли (Дин) — Синай и Палестина.
- Штерн (реверенд А.) — Путешествие в Сану в 1856 году (Jewish Intelligencer, т. XXIII, стр. 101 и далее).
- Стивенс — Йемен (1873).
- Тейлор (Байард) — «Путешествия по Аравии» (Нью-Йорк). Различные издания.
- Так — Очерк о синайских надписях в Журнале Немецкого восточного общества, т. XIV, стр. 129 и далее.
- Ван ден Берг (Л. В. К.) — Хадрамаут и арабские колонии в Индийском архипелаге. Перевод с голландского майора Сили (Бомбейские правительственные архивы № 212, новая серия).
-
- Ван Мальтцен (Н. I.) — Reisen in Arabien (Брауншвейг, 1873).
- Винсент — «Перипл Эритрейского моря».
- Фон Вреде (Адольф) — Путешествие в Хадрамаут.
- Уэллстед (лейтенант) — Путешествия по Аравии (Лондон, 1838).
- » » —Рассказ о путешествии к руинам Накеб-эль-Хаджар (Журнал Королевского географического общества, т. VII, стр. 20).
- Уиш — Мемуары о Бахрейне (1859).
- Вюстенфельд (Ф.) — Бахрейн и Джемаме.
- Зельм (Альбрехт) — Аравия за сто лет (Галле, 1875).

B. Обычаи и нравы[169]

- Арабские ночи — (различные издания).
- Бейли (Н. Б. Э.) — Мусульманское право купли-продажи (Лондон, 1850).
- —Мусульманский закон Ханифи (Лондон, 1865).
- —Мусульманский закон Имамия (Лондон, 1869).
- Бойл (J. B. S.) — Руководство по мусульманскому праву (Лахор, 1873).
- Буркхардт — Арабские пословицы (Лондон).
- —Заметки о бедуинах и ваххабитах (Лондон, 1831).
- Грейди (С. Г.) — Мусульманское право наследования (Лондон, 1869).
- Гамильтон (Чарльз) — «Хедайя, или Руководство; комментарий к мусульманским законам» (Лондон, 1886).
- Джессап (Х. Х.) — Женщины арабов (Нью-Йорк, 1874).
- Кремер (Альфред фон) — Культурная история Востока, 2 тома (Вена, 1875-77).
- Лейн — Обычаи и нравы современных египтян, 2 тома (Лондон).
- —Арабские ночи с примечаниями, 4 тома (Лондон).
- Мир, (миссис Хасан Али) — «Наблюдения о мусульманах» (Лондон, 1832).
- Румси (Альмарик) — Мусульманское наследственное право (Лондон, 1886).
- Смит (Робертсон) — Религия семитов (Нью-Йорк, 1889).
- — Родство и брак в древней Аравии (Кембридж).
- Сид (Амир Али) — Личное право мусульман (Лондон, 1880).
- Торнау — «Мусульманское право» (1885).
- Трамбулл (Х. К.) — Кровный завет (Филадельфия, 1891).
- Фон Хаммер (Пургшталь) — «Учение мусульман о духах» (Вена, 1852).
- С. История Аравии. [170]
- Абу Джаафер Мухаммед и Таббари — Тарих эль-мулук; арабский и латинский языки. Изд. Козегартен (Лейпциг, 1754).
- Абульфида — Annales Muslemici. Арабский и латинский языки. Различные издания.
- Бэджер (Джордж Перси) — История имамов и сейидов Омана, написанная Салилом ибн Разиком в 661–1856 гг. н. э. Перевод с введением и примечаниями (Лондон, 1871).
- Блау, Отто — Аравия в шестом веке. Zeitschrift des Deutsch. Morgenland. Gesel. xviii. B.
- Кларк, Э. Л. — Арабы и турки (Бостон).
- Кричтон — История Аравии и ее народа (Лондон, 1844).
- Д'Эрбело — «Восточная библиотека» (Маастрихт, 1776).
- Доути, (К.) — Documents epigraphiques recueillis dans le nord de l'Arabie (avec préface et traduction des inscriptions nabatéennes de Medain-Salih par E. Renan). С 57 иллюстрациями 4to. (Париж, 1884.)
- Дози, Р. — Израильтяне в Мекке (Лейден, 1864).
- —Essai sur l'Histoire del' Islamisme (Париж, 1879).
- Айххорн — Monumenta Antiquissima Hist. Arabum (Гота, 1775).
- Фария-и-Соуза — «Мануэль де Азия Португеза» (Лиссабон, 1666).
- Флюгель, Густав — Geschichte der Araber bis auf den sturz des Chalifats von Bagdad, 2 тома (Лейпциг, 1864).
- Форстер, преподобный С — Историческая география Аравии (Лондон, 1844).

- Фриман — История сарацин.
- Френель — Lettres sur hist. des Arabes avant l’Islamisme. Journal Asiatique (1838-1853).
- Гиббон — Упадок и падение Римской империи (гл. l., li., lii.).
- Гилман, А. — Сарацины (История народов) (Лондон, 1891).
- Хаджи Халифа — История морских войн турок. Перевод с турецкого Джеймса Митчелла (Лондон, 1831).
- Халлам — История средневековья (глава VI).
- Хаммер-Пургшталь — «Gemäldesaal der Lebensbeschreibungen grosser Moslimischer Herrscher» (Лейпциг, 1837).
- Хамза Исфаханский — «Тарих Сани Мулук эль Ардх», араб. лат. изд. Готвальдт (Санкт-Петербург, 1844).
- Джергис Эль Мекин — «Hist. Saracenica Arab. et Lat.» (Лейден, 1625).
- Хузраджи, Али бин Хусайн Эль — История Йемена (*рукопись* в архивах резиденции в Адене).
- Милман — Латинское христианство, кн. IV, гл. I, II.
- Мьюир — Летопись раннего халифата (Лондон, 1883). (См. раздел «Ислам»).
- » — Халифат, его подъем, упадок и падение (Лондон, 1891).
- Окли, С. — История сарацин (Лондон, 1708).
- Персеваль, А. П. Коссин де — Очерк истории арабов до ислама (Париж, 1836).
- Плейфэр, Р. Л. — История Аравии Феликс (Бомбей, 1859).
- Покок, Эдуардо — Образец истории арабов из Абул Феда (Оксфорд, 1650).
- Квартрмере — Мемуары о набатейцах.
- Расмуссен — Addimenta ad Hist. Arab. ante Islam.
- Редхаус, Дж. В. — Предварительный хронологический обзор истории Аравии и соседних стран с 500 000 г. до н. э. [!] по 679 г. н. э. (Лондон, 1890).
- Роэш, А. — Die Königin von Saba als Königin Bilquis (Лейпциг, 1880).
- Райкан — Современное состояние Османской империи (Лондон, 1675).
- Сахау, К. Эдвард — Хронология древних народов; английская версия арабского «Следы прошлого», 390-1000 гг. н. э. (Лондон, 1885).
- Шмёльдер — О философских школах у арабов (Париж, 1842).
- Шультен — Hist. Imperii vetus Joctanidarum (Хард. Гелдерланд, 1786).
- —Monumenta Vetustiora Arab (Лейден, 1740).
- Седильо — «Общая история арабов» (Париж, 1877). (Лучшая общая история.)
- Суза — Documentos Arabicos para a hist. Portuguesa (Лиссабон, 1790).
- Вайль, Густав — Geschichte der Chalifen, 3 тома. (Мангейм, 1846-51).
- —Geschichte der Islamisher Völker von Mohammed bis zur Zeit des Sultan Selim (Штутгарт, 1866).
- Вюстенфельд, Ф. — Die Geschichtschreiber der Araber und ihrer Werke (Гёттинген, 1882).
- Вюстенфельд, Ф. — Сравнительные таблицы мусульманского и христианского летоисчисления (Лейпциг, 1854).
- Вюстенфельд, Ф. — Хроники города Мекки, собранные и изданные, араб. немецк., 4 тт. (Лейпциг, 1857).
- Вюстенфельд, Ф. — Генеалогические таблицы арабских племен (Гёттинген, 1852).

Д. Ислам

- Аддисон, Ланселот — Состояние магометанства (Лондон, 1679).
- Эйкхерст, преподобный Г. — «Обман в жизни Мухаммеда» (Лондон, 1859).
- Алкок, Н. — Объяснение подъема мусульманства (Лондон, 1796).
- Аноним — «Жизнь Мухаммеда» (Лондон, 1799).
- — Размышления о мусульманстве (Лондон, 1735).
- —Мораль Востока, извлеченная из Корана (Лондон, 1766).
- Арнольд, Мэтью — Очерк о персидских чудесных спектаклях (Лондон, 1871).
- Эдвин — Жемчужины веры (Бостон, 1883).
- Дж. М. — Исмаил, или естественный аспект ислама (Лондон, 1859).
- Арнольд, Дж. М. — Ислам и христианство (Лондон, 1874).
- Т. В. — Проповедь ислама: история распространения мусульманской веры (Лондон, 1896).
- Бейт, Дж. Д. — «Претензии Исмаила» (Бенарес, 1884).
- Бедвелл, У. — «Самозванство Магомета» (Лондон, 1615).
- —Магомет без маски (Лондон, 1642).
- Беверли, Р. М. — Ответ Хиггинсу [См. Хиггинс,] 1829.
- Блохман, Х. — «Айн и Акбари Абдула Фадла» (англ. перевод) (Калькутта, 1868).
- Блант, У. С. — Будущее ислама (Лондон, 1881).
- Блайден — Ислам, христианство и негритянская раса (Лондон, 1888).
- Бонленвильер, граф — «Жизнь Мухаммеда». Перевод. (Лондон, 1731).
- Бринкман, А. — Заметки об исламе (Лондон, 1868).
- Бриджес, Х. Дж. — История ваххабитов (Лондон, 1834).
- Бертон, Р. Ф. — Евреи, цыгане и ислам (Лондон, 1898).
- Буш, преподобный Джордж — «Жизнь Мухаммеда» (Нью-Йорк, 1844).
- Карлайл, Томас — Герои и поклонение героям (Лондон, 1840).
- Казенхоув, д-р — Магометанство (Christian Remembrancer, январь 1855).
- Даумер, Г. Ф. — «Магомет и его дело» (Гамбург, 1848).
- Дэвенпорт, Джон — Апология Мухаммеда (Лондон, 1869).
- Де Гоеже — Мемуары о карматах Бахрейна (Лейден, 1863).
- Дойч, Эмануэль — Очерк об исламе (Лондон, 1874).
- Де Ворде — «Краткое изложение турецкого закона, называемого Кораном» (Лондон).
- Додс, Маркус — «Мухаммед, Будда и Христос» (Лондон, 1878).
- Дёллингер — Религия Мухаммеда по ее внутреннему развитию и влиянию (Рейнсбург, 1838).
- Дози — «История ислама» (Лейден, 1879).
- — Ислам (Лейден, 1879).
- Дюгат, Гюстав — История философов и теологов-мусульман 632-1358 гг. н. э. (Париж, 1878).
- Дювьер, Х. — La conferie Musulmane de Sidi Moh. bin Ali Es-Senonsi (Париж, 1886).
- Фальке Р. — Будда, Мухаммед, Христос; сравнение в Гёттингене и т. д. (Гютерсло, 1897).
- Форстер, преподобный К. — Магометанство без покрова, 2 тома (Лондон, 1829).
- Ганье, Ж. — Исмаил Абульфеда, De Vita et Rebus gestis Mohammedis (Оксфорд, 1723).
- Галлан — Сборник обрядов и церемоний паломничества в Мекку (Амстердам, 1754).
- Гарнетт, Л. М. Дж. — Женщины Турции и их фольклор (Лондон, 1891).

- Гейгер Рабби — Was hat Mohammed aus das Judenthume aufgenommen? (Висбаден, 1833).
- — Иудаизм и ислам [перевод вышеуказанного] (Мадрас, 1898).
- Георгенс, Э. П. — Ислам и современная культура (Берлин, 1879).
- Герох — Попытка изложения христологии Корана (Гамбург, 1839).
- Гиббон — Упадок и падение Римской империи (in loco).
- Гмелин, М. Ф. — Христианское рабство и ислам (Берлин, 1873).
- Гюяр, С. — Мусульманская цивилизация (Париж, 1884).
- Хейнс, К. Р. — Ислам как миссионерская религия (Лондон, 1888).
- Гамильтон, К. — «Хедайя», комментарий к мусульманскому праву. Перевод (Лондон, 1791) (издание Грейди, 1890).
- Хаури, Йоханнес — «Ислам и его влияние на жизнь его последователей» (Лейден, 1880).
- Херклотс, д-р — Канун-эль-Ислам (Лондон, 1832).
- Хиггинс, Г. — Апология жизни Мухаммеда (Лондон, 1829).
- Хьюз, Ф. П. — Заметки о мусульманстве (Лондон, 1875).
- — Словарь ислама (Нью-Йорк и Лондон, 1885).
- Хургронье, К. Снук — Мекканский праздник (Лейден, 1880).
- — Мекка: с иллюстрированным атласом (Гаага, 1880).
- Инчболд, преподобный П. — «Замечания по поводу книги Хиггинса» (Донкастер, 1830).
- Ирвинг, Вашингтон — Жизнь Магомета (Лондон, 1850).
- —Преемники Магомета (Лондон, 1852).
- Янсен, Х. — Распространение ислама в различных странах мира, 1890-1897 (Берлин, 1898).
- Джессап, Х. Х. — Проблема мусульманских миссионеров (Филадельфия, 1889).
- Келлер, А. — Духовная борьба христианства против ислама до времени крестовых походов (Лейпциг, 1897).
- Коэлле, С. В. — Критический взгляд на Мухаммеда и ислам (Лондон, 1888).
- Коэлле, С. В. — Пища для размышлений (Лондон, 1865).
- Коран: (издания и переводы).
- — Английские версии: Александр Росс (с французского, 1649-1688), Сейл (1734), Родвелл (1861), Палмер (1880).
- —Первый арабский *печатный текст*, Рим, 1530 (Brixiensis).
- Арабский текст, Хинкельман (Гамбург, 1649).
- и латинский текст — Мараччи (Падуя, 1698).
- Текст — императрица Екатерина II (Санкт-Петербург, 1787).
- (» 1790, 1793, 1796, 1798).
- Текст — императрица Екатерина II (Казань, 1803, 1809, 1839).
- (критическое издание) Г. Флюгель, (Лейпциг, 1834, 1842, 1869).
- — Французский, Савари (1783) и Казимирский (Париж, 1840, 1841, 1857).
- —Французская версия, Дю Рьер (Париж, 1647).
- —Немецкие версии: Бойсен (1773), Вагль (1828), Ульман (1840, 1853).
- —Немецкая версия, Швейгер (Нюрнберг, 1616).
- —Латинская версия, Роберт и Герман (Базель, 1543).
- —Русская версия (Санкт-Петербург, 1776).

- Существуют также переводы на другие европейские языки, а также на персидский, урду, пушту, турецкий, яванский и малайский, выполненные мусульманами.
- Комментарии к Корану: — («Только в библиотеке Триполиса их не менее 20 000» — Арнольд, «Ислам и христианство», стр. 81). Наиболее важные из них: — (сунниты) —
- Аль-Багави, 515 г. х.
- Аль-Байдави, 685 г. х.
- Аль-Джалалайн, 864 и 911 гг.
- Аль-Мазхари, 1225 г. х.
- Аль-Мударик, 701 г. х.
- Ар-Рази (30 томов), 606 г. х.
- Ас-Сафи, 668 г. х.
- Ас-Сирруль-Ваджиз, 715 г. х.
- Ат-Тафсир аль-Кебир, 606 г. х.
- Азизи, 1239 г. х. (и шииты).
- Аз-Замахшари, 604 г. х.
- Хуссейн, А. Х. 900.
- Ибн уль-Араби, 628 г. х.
- Мир Бакир, 1041 г. х.
- Сайид Хашам, А. Х. 1160.
- Шейх Садук, А. Х. 381.
- Крель, К. Л. Э. — Das leben des Moham. (Лейпциг, 1884).
- Кремер, фон Альфред — Geschichte der Herrschende Ideen des Islams: Der Gottsbegriff, die Prophetie und Staatsidee (Лейпциг, 1868).
- Ла Шателье, А. — L'Islam an XIX^{e}siècle (Париж, 1888).
- Лейк, Дж. Дж. — Ислам, его происхождение, гений и миссия (Лондон, 1878).
- Ламайресс, Э. (и Г. Дюжаррик) — «Жизнь Магомета по преданию», т. I (Париж, 1898).
- Лейн-Пул, Стэнли — Исследования в мечети (Лондон, 1883).
- —Беседы за столом Мухаммеда (Лондон, 1882).
- Лейн — Избранные отрывки из Корана (Лондон, 1879).
- МакБрайд, Дж. Д.—Объяснение мусульманской религии (Лондон, 1859).
- Мейтленд, Э. — Англия и ислам (Лондон, 1877).
- Маррацио, Л. — «Опровержение Корана» (Батавия, 1698).
- Мартин, Генри — «Спорные трактаты о христианстве и исламе», автор — преподобный С. Ли (издание Кембриджа, 1824).
- Мэтьюз — Перевод «Мишкат» (традиции) (Калькутта, 1809).
- Меррик, Дж. Л. — Жизнь и религия Мухаммеда по шиитским преданиям (перевод с персидского) (Бостон, 1850).
- Миллс, К. — История мусульманства (Лондон, 1817).
- Миллс, У. Х. — Мухаммеданская система (—1828).
- Мохлер, Дж. А. — Отношение ислама к Евангелию (перевод) (Калькутта, 1847).
- Молер, Дж. А. — Отношение ислама к Евангелию (1830).
- Морган, Джозеф — Объяснение мусульманства (Лондон, 1723).
- Мьюир, сэр Уильям — «Жизнь Магомета», 4 тома (Лондон, 1858 и 1897).

- — Возникновение и упадок ислама (в Present Day Tracts, Лондон, 1887).
- —Магомет и ислам (Лондон, 1890).
- —Sweet First Fruits. Перевод с арабского. (Лондон, 1896).
- —Апология Аль-Кинди, перевод с арабского (Лондон, 1887).
- Мьюир, сэр Уильям — Коран: его состав, учение и свидетельство, которое он несет Священному Писанию (Лондон, 1878).
- Мьюир, сэр Уильям — Маяк истины (с арабского) (Лондон, 1897).
- —Халифат (Лондон, 1897).
- —Мусульманская полемика (Эдинбург, 1897).
- Мюллер, Ф. А. — Ислам на Востоке и Западе (Берлин, 1885).
- Мюррей, преподобный В. — «Жизнь Мухаммеда по Абу Эль-Фиде» (Элгин, без даты).
- Нил, Ф. А. — Исламизм, его возникновение и развитие (Лондон, 1854).
- Ниман, Г. К. — Введение в ислам (Роттердам, 1861).
- Нёльдеке, Т. — Geschichte des Qurans (Гёттинген, 1860).
- —Das Leben Muhammeds (Ганновер, 1863).
- Оэльснер, К. Э. — Влияние религии Мухаммеда (Париж, 1810).
- Осборн, майор — Ислам под властью арабов (Лондон, 1876).
- — Ислам при халифах (Лондон, 1878).
- Пфандер, доктор — «Мизан эль-Хак» (перевод с персидского) (Лондон, 1867).
- —Мифтах уль-Асрар (персидский) (Калькутта, 1839).
- — Тарик уль-Хят, персидский (Калькутта, 1840).
- Палгрейв, У. Г. — Очерки по восточному вопросу (Лондон, 1872).
- —Путешествия по Центральной и Восточной Аравии.
- Палмер, Э. Х. — Перевод Корана, 2 тома (Оксфорд, 1880).
- Пелли, Льюис — Чудодейственная пьеса о Хасане и Хусейне (Лондон, 1879).
- Перрон — Ислам, его институты и т. д. (Париж, 1877).
- —Арабские женщины до и после ислама (Париж, 1858).
- Питтс, Джозеф — Религия и нравы магометанов (Оксфорд, 1704).
- Прайдо, Х. — Полное объяснение истинной природы обмана (Лондон, 1718).
- Рабадан — Магометанизм (испанский и арабский языки) 1603.
- Реланд (и другие) — Четыре трактата (об исламе) (Лондон, 1712).
- Родвелл, Дж. М. — Коран, перевод (Лондон, 1871).
- Робак, Дж. А. — «Жизнь Магомета» (Лондон, 1833).
- Росс, Александр — Коран (Лондон, 1642).
- Румси, А. — Аль-Сираджие. Перевод (Лондон, 1869).
- Рер, Андре дю — Жизнь Магомета (Лондон, 1718).
- Сейл — Перевод Корана с вступительной речью (Лондон, 1734).
- Шолль, Жюль Шарль — Ислам и его основатель: моральное исследование (Невшатель, 1874).
- Селл, преподобный Э. — Вера ислама (Мадрас, 1880 и Лондон, 1897).
- — Историческое развитие Корана (Мадрас, 1898).
- Смит, Босворт — «Мухаммед и мусульманство» (Лондон, 1876).
- Смит, Х. П. — Библия и ислам (Нью-Йорк и Лондон, 1897).

- Спренгер, Алоис — «Жизнь и учение Мухаммеда», 3 тома (Берлин, 1865).
- Спренгер, А. — Жизнь Мухаммеда по оригинальным источникам (Аллахабад, 1851).
- Штейншнайдер, Мориц — Полемическая литература на арабском языке (Лейпциг, 1877).
- Стивенс, В. Р. В. — Христианство и ислам (Лондон, 1877).
-
- Сен-Илер, Т. Бартоломеу де — Магомет и Коран (Париж, 1865).
- Стобарт, Дж. В. Х. — Ислам и его основатель (Лондон, 1876).
- Сид, Ахмед Хан — Очерки о жизни Мухаммеда (Лондон, 1870).
- Сид, Амир Али — Критическое исследование жизни и учения Мухаммеда (Лондон, 1873).
- Тасси, Гарсен де — Исламизм по Корану (Париж, 1874).
- Тейлор, У. К. — История мусульманства (Лондон, 1834).
- Тьерсан, П. Дабри де — «Ислам в Китае» (Париж, 1878).
- Тисдал, У. Сент-Клер — Религия полумесяца (Лондон, 1896).
- Турпен, Ф. Х. — История жизни Магомета, 3 тома (Париж, 1773).
- Валлих, Дж. — «Религия Турции и жизнь Магомета» (1659).
- Вейль, Густав — «Жизнь Мухаммеда; по Ибн Ишаку, обработанная Ибн Хишамом», 2 тома (Штутгарт, 1864).
- Вайль, Густав — Историко-критическое введение в Коран (Билефельд, 1844).
- Уэрри, Э. М. — Комментарий к Корану, 5 тт. (Лондон, 1882).
- Уайт, Дж. — Лекции Бамптона (об исламе) (Оксфорд, 1784).
- Волластон, Артур Н. — Полчаса с Мухаммедом (Лондон, 1890).
- Вортабет, Джон — Исследования религий Сирии (Лондон, 1860).
- Вюстенфельд, Х. Ф. — «Жизнь Мухаммеда», 3 тома (Гёттинген, 1857).
- —Geschichte der Stadt Mekka, 4 тома (Лейпциг, 1857-61).
- Зотенберг — Тарик-и-Табари. Перевод.
- Цвемер, С. М. — Вахабиты. Институт Виктории (Лондон, 1900).
- E. Христианство и миссии[171]
- Биркс, Герберт — Жизнь и переписка епископа Т. В. Френча (Лондон, 1895).
- Джессап, Х. Х. — Закат полумесяца и восход креста, или Камиль Абдул Мессия (Филадельфия, 1898).
- — Проблема мусульманских миссионеров (Филадельфия, 1879).
- Синкер, Роберт — «Мемуары Иона Кита Фальконера» (Кембридж, 1886).
- *Аравийская миссия*. Ежеквартальные письма, годовые отчеты и специальные документы о миссионерских путешествиях с 1890 по 1899 год (Нью-Йорк).
- Райт, Томас — Раннее христианство в Аравии; исторический очерк (Лондон, 1855). Эта книга дает полное описание раннего распространения христианства и цитирует авторитетные источники, которые, будучи в основном на латинском языке, здесь опущены.
- F. Язык и литература
- Абкариус — Англо-арабский словарь (Бейрут, 1882).
- Альвардт, В. — Диваны шести древних арабских поэтов (Лондон, 1890).
-
- Альвардт, В. — Über die Poesie und Poetiek der Araber (Гота, 1856).
- —Bemerkungen über die ächtheit der Alten Arab. Gedichten (Грифсвальд, 1872).

- Арнольд, Ф. А. — Арабская хрестоматия, 2 части (Халис, 1853).
- —Septem M’oallakat (Лейпциг, 1850).
- Бэджер, Г. П. — Англо-арабский словарь (Лондон, 1881).
- Бердвуд, Аллан Б. — Арабский учебник чтения (Лондон, 1891).
- Бутрус аль-Бустани — Энциклопедия на арабском языке, т. I–IX (1876–1884).
- Кадри, Мох. — Руководство по арабской беседе (Александрия, 1879).
- Каспари, К. П. — Арабская грамматика (Галле, 1876).
- Коссин де Персеваль — «Арабская грамматика» (Париж, 1880).
- Шейхо, П. Л. — «Хрестоматия арабского языка с лексикой и различными примечаниями» (Бейрут, 1897).
- Клодиус, Дж. К. — Арабская грамматика (Лейпциг, 1729).
- Клоустон — Арабская поэзия для английских читателей (Глазго, 1889).
- Де Гое, проф. — Полное описание авторства и т. д. «Арабских ночей» («De Gids», Амстердам, сентябрь 1886).
- Деренбург, Х. и Спиро Дж. — Хрестоматия (Париж, 1885).
- Дитерици, Ф. — Животные и люди перед королем джиннов и т. д. (Лейпциг, 1881).
- —Arabisch-Deutsches Wörterbuch zum Koran und Thier und Mensch (Лейпциг, 1881).
- —Die Arabische Dicht-Kunst (Берлин, 1850).
- Домбай, Ф. де — Gram. Mauro-Arab. (Вена, 1800).
- Дози, Р. П. А. — Дополнение к арабским словарям, 2 тома (Лейден, 1877).
- —[И многие другие монографии по языку.]
- Эрпениус, Т.—Грамматика и др. (Лейден, 1767).
- —Rudimenta Linguae Arabicae, под ред. А. Шультенса (Лейден, 1770).
- Эутинг — Каталог арабской литературы (Страсбург, 1877).
- Эвальд, Г. Х. А. — Gram. Critica linq. Arab., 2 тт. (Лейпциг, 1831).
- Фархат, Г. — Dict. Arabe-Française (Марсель, 1849).
- Фарис Эс Шидиак — Арабская грамматика (Лондон, 1856).
- Флейшер, Х. Л. — «Тысяча и одна ночь» (текст и примечания, 12 тт.) (Бреслау, 1825-43).
- Флейшер, М. Х. Л. — Арабские пословицы и т. п. (Лейпциг, 1837).
- Флюгель, Г. — Die Grammatischen Schulen der Araber nach den Quellen bearbeitet (Лейпциг, 1862).
- Флюгель — Kitab El Fihrist; с немецкими примечаниями (Лейпциг, 1871-72).
- Флюгель, Густав — Lexicon Bibliographicum Arab., 7 тт. 4to. (Лейпциг, 1835-58).
- Форбс, Дункан — Арабская грамматика.
- Фрейтаг — Введение в изучение арабского языка (Бонн, 1861).
- —Lexicon, Arab. Lat., 4 тома. (Халис, 1830).
- (сокращенное издание, Халис, 1837).
- —Arabum Proverbia (3 тома) (Бонн, 1838).
-
- Гиггеюс, А. — Тезаурус лингвистики арабского языка, 4 тома (Медиолан, 1632).
- Гис, Х. — Zur kentniss sieben Arabischer Versarten (Лейпциг, 1879).
- Гиргасс и Де Розен — Хрестоматия (нем. изд. 1875. рус. изд. Санкт-Петербург, 1876).

- Goeje, De M. J.—Debelangrykheid van de beoefening d. Arab. taal en letterkunde (Гаага, 1866).
- Голиус, Й. — Lexicon Arab. Lat. (Лейден, 1653).
- Грин, А. О. — Практическая грамматика арабского языка (Оксфорд, 1887).
- Хаммер Ван Пургсталл — Literaturgeschichte der Araber: Von ihren beginne bis zum ende des Zwölfte Jahrhunderts der Hidschret, 7 тт. (Вена, 1850-56).
- Эври, Ж. — Словарь французско-арабский (Бейрут, 1881).
- Хирт, Дж. Ф. — Anthologia Arab. (Йена, 1774).
- Журнал Хофера — Ueber die Himyarische Sprache (т. I, 225 sq).
- Ян, Й. — Арабская хрестоматия (Вена, 1802).
- Джаякер, А. С. Г. — Оманский диалект арабского языка, 2 части (в журнале R. A. S., Великобритания).
- Косенгартен, Й. — Арабская хрестоматия (Лейпциг, 1828).
- Кремер, А. фон — Лексикография арабского языка (Вена, 1883).
- Лейн, Э. В. — Арабо-английский словарь (i.-viii.) (Лондон, 1863-89).
- » W.—Тысяча и одна ночь, с примечаниями, под редакцией, 3 тома (Лондон, 1841).
- Лансинг, Дж. Г. — Арабская грамматика (Нью-Йорк, 1890).
- Мак Нагтен, В. Х. — Тысяча и одна ночь, дословный перевод, 4 т. (Калькутта, 1839).
- Ньюман, Ф. В. — Словарь, 2 тома (Лондон, 1890).
- — Справочник по современному арабскому языку (Лондон, 1890).
- Нёльдеке, Т. — Вклад в познание поэзии древних арабов (Ганновер, 1864).
- Нёльдеке, Т. — Пять моаллакатов, перевод и пояснения. II. Моаллакаты Антары и Лабида, 8 тт. (Вена, 1900).
- Оберлейтнер, А. — Хрестоматия арабского языка (Вена, 1824).
- Палмер, Э. Х. — Арабская грамматика (Лондон, 1890).
- —Arabic Manual (Лондон, 1890).
- Пероун, Дж. Дж. С. — Adjrumiah, перевод с арабским текстом с гласными (Кембридж, 1852).
- Ричардсон — Арабско-персидско-английский словарь (Лондон, 1852).
- Ричардсон, Дж. А. — Грамматика арабского языка (Лондон, 1811).
- Розенмюллер, Э. Ф. К. — Грамматика (Лейпциг, 1818).
- Саси, А. Ж. Сильвестр де — Арабская грамматика.
- — Арабская хрестоматия, 4 тома. (Париж, 1829).
- Сальмоне, Х. А. — Арабо-английский словарь по новой системе. Том I содержит арабо-английскую часть, xviii и 1254 стр. Том II содержит англо-арабский ключ, соотносящий каждое слово с арабским эквивалентом в первом томе, 2 тома (Лондон, 1890).
- Социн, А. — Арабская грамматика (Берлин, 1889).
- Штейнгасс, Ф. — Арабско-английский и англо-арабский словарь. (Лондон, 1890).
-
- Тьен, А. — Справочник по арабскому языку (Лондон, 1890).
- — Руководство по разговорному арабскому языку (Лондон, 1890).
- Трампп, Э. — Введение в изучение арабской грамматики (Мюнхен, 1876).
- Тихсен, О. Г. — «Элементарный курс арабского языка» (1792).
- Ван Дайк, К. К. А. — Рекомендации для начинающих изучать арабский язык (Бейрут, 1892).
- Воллерс — Ægypto-Arab. Sprache (Каир, 1890).

- Вриемоет, Э. Л. — Грамматика (Франекер, 1733).
- Вахмунд, А. — Арабско-немецкий словарь, 2 тома (Гисен, 1887).
- —Handbuch der Arab. Sprache (Гисен, 1866).
- Винклер, Дж. Л. В. — Арабский язык. Sprachlehre nebst Wörterbuch (Лейпциг, 1862).
- Райт, У. — Арабский учебник чтения (Лондон, 1870).

[Примечание. — Другие арабские словари, грамматики и руководства см. в каталогах восточных издательств: Kegan Paul, Trench, Trübner & Co., Лондон; F. A. Brockhaus, Лейпциг; и E. J. Brill, Bibliothéque Orientale, Лейден.

СНОСКИ:

[1] Не могло ли это ущелье когда-то быть величественной рекой, возможно, как предполагает Глазер, четвертой из рек Рая? (Бытие 2:10-14) На вопрос о том, где древние семиты располагали Рай, Глазер отвечает, что он находился в окрестностях слияния Евфрата и Тигра, на аравийской стороне. Там росла священная пальма города Эриду; там, по мнению древних арабов, открывались два крупных вади Центральной Аравии. Один из них — Вади эр-Рума или Гайхан, а другой — Вади эд-Дауасир, *боковое русло* которого в окрестностях Хамдани до сих пор носит название Файшан (Пишон).—См. «Recent Research in Bible Lands» (Недавние исследования в библейских землях), Х. В. Хильпрехт, (Филадельфия, 1897). См. также *The Sunday-School Times*, т. XXXIII, № 49.

[2] «История Медины» Самхуди. (Арабский текст, стр. 40 и далее).

[3] Эти пустыни также называются *Дахна*, *Ахкаф* и *Хамад* в зависимости от большей или меньшей глубины или изменчивости песков или более или менее плотного характера почвы.

[4] «Kitab Sinajet-el-Tarb» Нофеля Эффенди (Бейрут, 1890). Автор следует старым арабским авторитетам.

[5] География Азии (т. II, стр. 460), 1896.

[6] Первое упоминание о европейце, посетившем Мекку, принадлежит Людовико Бартеме, римскому дворянину, который посетил город в 1503 году; его рассказ был опубликован в 1555 году. Первым англичанином был Джозеф Питтс, моряк из Эксетера, в 1678 году; за ним последовал великий путешественник по Аравии Джон Льюис Буркхардт в 1814 году; Бертон в 1853 году посетил как Мекку, так и Медину; Х. Бикнелл совершил паломничество в 1862 году, а Т. Ф. Кин — в 1880 году. Рассказы каждого из этих паломников были опубликованы, и из них, а также из путешествий Али-бея и других, мы знаем кое-что о Святой земле Аравии. Али-бей был на самом деле испанцем по имени Хуан Бадия-и-Себлич, который посетил Мекку и Медину в 1807 году и оставил длинный отчет о своих путешествиях в двух томах, иллюстрированных множеством прекрасных гравюр. Рассказ Бертона о своем паломничестве более известен, но рассказ Буркхардта более точен и научен. Из современных книг лучшей является книга голландского ученого Снука Хургронье, который долгое время проживал в Мекке. Его «*Мекка*» в двух томах сопровождается атласом фотографий и дает полную историю города, а также полное описание его жителей и паломничества на Яву.

[7] Том II, стр. 157.

[8] *ТАБЛИЦА ПАЛОМНИЧЕСТВА В МЕККУ, 1880 Г.*

(Из книги Блант «Будущее ислама»).

НАЦИОНАЛЬНОСТЬ ПАЛОМНИКОВ.	Прибытие по морю.	Прибывшие по суше.	Всего Мусульмане населения.
Османские подданные (за исключением Аравии)	8 500	1 000	22 000
Египтяне	5	1	5 000

Из «Барбарийских государств»	6	——	18 000 000
Йеменские арабы	3000	——	2 500 000
Оман и Хадрамаут	3 000	——	3 000 000
Неджд и др., арабы	——	5	4 000 000
Хиджаз (включая Мекку)	——	22 000	2 000 000
Негры из Судана	2	——	10 000
Негры из Занзибара	1	——	1 500 000
Малабари из мыса Доброй Надежды	150	——	————
Персы	6	2 500	8 000 000
Индийцы (подданные Великобритании)	15 000	——	40 000 000
Малайцы и яванцы	12 000	——	30 000 000
Китайцы	100	——	15 000 000
Монголы	——	——	6 000 000
Русские, татары и др.	——	——	5 000 000
Афганцы и белуджи (включены в османский хадж)	——	——	3 000 000
	61 750	31 500	
Общее количество паломников, присутствовавших в Арафате	93 250		175 000

[9 Профессор Хэнкин в *British Medical Journal* за июнь 1894 года опубликовал результаты своего анализа воды Земзем следующим образом: «Общее количество твердых веществ в галлоне, 259; хлор, 51,24; свободный аммиак, части на миллион, 0,93; альбуминоидный аммиак, 0,45. Она содержит больше твердых веществ, чем любая колодезная вода, используемая для питьевых целей».

[10] По данным Али-бея, его размеры составляют 37 футов 2 дюйма, 31 фут 7 дюймов, 38 футов 4 дюйма, 29 футов, а высота — 34 фута 4 дюйма.

[11] Эта религия, которая отрицает искупление и учит, что Христос не был распят, тем не менее, имеет своим великим праздником праздник жертвоприношения в память о послушании Авраама и заместителе, предоставленном Богом!

[12] Это свидетельство капитана Бертона, человека, который перевел нецензурированный текст «Арабских ночей» и оставил после себя рукопись книги, которую его жена имела здравый смысл уничтожить, тем самым предотвратив ее публикацию.

[13] Хургронье, стр. 5, т. II.

[14] Там же, стр. 102.

[15] Там же, стр. 11.

[16] Там же, стр. 61-64.

[17] Эта монета называется *«Мишкаш»* и является венецианской монетой герцога Алоиса Мочениго I (1570-77 гг. н. э.). На одной стороне герцог преклоняется перед святым Марком, покровителем Венеции, а на другой — изображение Христа в окружении звезд.

[18] Западный или прибрежный маршрут проходит через Колейс, Рабек, Мастуру и рядом с Джебель-Эйюб (гора Иова) через Джебель-Субх, затем в Сук-эс-Сафра и Сук-эль-Джедид в Медину. Восточная дорога была той, по которой следовал Бертон, и проходит через Эль-Зарибу, Эль-Суфена, Эль-Суэркиш и т. д., расстояние составляет 248 миль.

[19] Эти аргументы можно кратко сформулировать следующим образом:

1. После объявления о смерти пророка начались беспорядки, и Омар пригрозил уничтожением любому, кто будет утверждать это. Вероятно ли, что похороны прошли спокойно?

2. Сразу после смерти Мухаммеда возник спор о преемственности, в пылу которого, по словам шиитов, дом Али и Фатимы, расположенный недалеко от нынешней могилы, был подвергнут угрозе пожара.

3. Ранние мусульмане не были склонны *почитать* могилу пророка, как это делают более поздние мусульмане, когда традиция возвысила его над обычными людьми. Ранние мусульмане были равнодушны к точному месту.

4. Форма могилы пророка в ранние времена не была известна и не указана в традициях, поэтому в некоторых странах мы находим выпуклые могилы, а в других — плоские.

5. Свидетельства ученых мусульман расходятся в отношении погребения Мухаммеда.

6. Шиитские раскольники веками отвечали за гробницу, и из-за ее близости к могилам Абу Бакра и Омара в их интересах было удалить тело.

7. Даже нынешнее расположение могилы по отношению к другим могилам является предметом спора, поскольку гробница (*Худжра*) тщательно охраняется евнухами, которые никому не позволяют в нее войти.

8. Рассказ о ослепительном свете, окружающем гробницу пророка, кажется правдоподобной историей, призванной скрыть недостаток.

9. Мухаммед эль-Халеби, шейх-эль-Улема Дамаска, заверил Бертона, что ему было разрешено пройти через дверь, ведущую в гробницу, и что он не видел никаких следов захоронения.

10. Мусульманские историки признают, что в 412 году по хиджре третий фатимидский халиф Египта предпринял попытку похитить тела Мухаммеда и двух его сподвижников; они рассказывают о чудесах, связанных с провалом этой попытки, и утверждают, что вокруг могил был выкопан глубокий ров, заполненный расплавленным свинцом, чтобы предотвратить похищение тел.

11. В 654 году по хиджре мечеть была разрушена извержением вулкана, согласно мусульманским историкам, но гробница не пострадала! В 887 году по хиджре она была поражена молнией. «В этот раз, — говорит Эль-Саманхуди (цитируется Буркхардом), —

внутреннее пространство гробницы (Hujrah) было очищено, и внутри были обнаружены три глубоких могилы, заполненные мусором, но автор этой истории, который сам вошел в нее, не увидел никаких следов гробниц». Тот же автор заявил, что гроб, содержащий прах Мухаммеда, был обшит серебром.

12. Наконец, шиитские и суннитские рассказы о смерти и погребении пророка противоречат друг другу в отношении точного места погребения.

[20] Niebuhr, 1763; Seetzen, 1810; Cruttenden, 1836; Dr. Wolff, 1836; Owen, 1857; Botta, 1837; Passama, 1842; Arnaud, 1843; Ван Мальцан, 1871; Халвей, 1870; Миллинген, 1874; Ренцо Манцони, 1879; Глазер, 1880; Дефлер, 1888; Хейг, 1889; Харрис, 1892; и более поздние путешественники. Дефлер является авторитетом в области флоры, Глазер — в области древностей, Манцони — в области турок и их правительства, Хейг — в области сельскохозяйственного населения, а Харрис рассказывает о недавних восстаниях. Великолепные тома Нибура по-прежнему являются авторитетным источником информации о географии и естественной истории Йемена.

[21] Йеменский плуг во многом похож на английский; хотя у него только одна ручка, его сошник широкий и сделан из железа, что является большим улучшением по сравнению с кривой палкой Месопотамии.

[22] Американцу было неприятно заметить, что почти все турецкие винтовки в Йемене были «Springfield 1861». То же оружие, которое было использовано для разрыва цепей рабства в южных штатах, теперь используется для угнетения мирных йеменцев.

[23] О работе среди последних и моем опыте распространения Нового Завета был опубликован отчет Миссии Милдмей; поэтому мы опускаем ссылку на него здесь.

[24] Geog. Soc. Proceedings, 1887, стр. 482.

[25] Дефлер пишет в своем дневнике, что в этом месте «une odeur atroce et des legions de puces et de punaises» (ужасный запах и легионы блох и клопов). Я тоже провел всю ночь в борьбе с ними.

[26] Хадрамаут — очень древнее название этого региона. Не только Птолемей помещает здесь *Адрамитов* в своей географии, но и, по-видимому, нет сомнений в том, что Хадрамаут тождественен Хазар-Мавету, упомянутому в десятой главе Книги Бытия.

[27] «Хадрамаут: путешествие» Теодора Бента. *Nineteenth Century*, сентябрь 1894 г. А также «Страны Яфей и Фадхли» миссис Бент. *Geographical Journal*, июль 1898 г.

[28] Le Hadramont et les Colonies Arabes dans le Archipel Indien, автор L.W.C. Ван ден Берг. Батавия, 1886 г. По заказу правительства.

[29] Заметки о племени махра с словарным запасом их языка; заметки о племени гара; география юго-восточного побережья Аравии; — июль 1845 г., июль 1847 г. и январь 1851 г. в журнале Общества.

[30] Наиболее характерным отличием между махри и арабским языком является замена буквы *«каф»* (k) на *«шин»* (sh) во многих словах.

[31] «История Омана».

[32] Остальная часть главы цитируется из писем моего брата, преподобного П. Дж. Звемера, а эскиз Тенoофа был нарисован им во время одного из его путешествий.

[33] Эти острова идентифицируются Шпренгером и другими с Деданом из Священного Писания (*Иезекииль*, 27:15) и были известны римлянам под названием Тилос. Плиний пишет о хлопковых деревьях: *«arbores vocant gossympinos fertiliore etiam Tylo* minore» (xii. 10). Страбон описывает финикийские храмы, существовавшие на островах, а Птолемей говорит о жемчужных промыслах, которые с незапамятных времен процветали вдоль этих побережий. Географ Юба также рассказывает о сражении между римлянами и арабами, которое произошло у берегов этих островов. Древняя карта Птолемея показывает, как мало было известно о размерах и расположении этой группы островов. Даже карта Нибура, которая в целом удивительно точна, содержит большую ошибку в расположении островов; в его время два главных острова назывались Овал и Арад, и эти названия сохранились до сих пор.

[34] Эти расходы распределяются следующим образом: рыболовецкая лодка — 400 *рупий*, заработная плата 10 водолазов — 2000 *рупий*; заработная плата 12 канатчиков — 2400 *рупий*; оборудование — 40 *рупий*. Итого: 4810 *рупий*.

[35] *Машуа* — это гораздо меньшая лодка, похожая на английскую шлюпку, которая используется в гавани и для коротких поездок по островам.

[36] Единственным заметным исключением является Джебель Синам — грубый холм из базальтовой породы, возвышающийся посреди аллювиальной дельты недалеко от Зобейра; это своеобразное явление, но оно подтверждает правильность общей схемы Доути в отношении геологии Аравии даже здесь.

[37] Даты Хассы и Омана могут совпадать с датами Бусры, но сады здесь хуже, а объем производства не так велик.

[38] Последнее название выходит за рамки нашей темы и является неправильным названием, данным турецкой дерзостью региону Хасса.

[39] Кувейт — это арабское уменьшительное от *Кут*, огороженная стеной деревня; на некоторых картах это место называется Гране — очевидно, искажение от *Курейн* или «маленький рог», название, данное острову в гавани.

[40] Интересную историю городов, которые занимали место Бусры до прихода ислама и еще со времен Навуходоносора, см. в книге Эйнсворта «Личное повествование об экспедиции на Евфрат».

[41] Ниже перечислены деревни и поселения между *Хиллахом* и *Диванией*: Эль-Атадж, Дулаб, Доблех, Кваха, Саадех, Тенхара, Бир-Аманех, Алладж, Анамех, Хосейн, Хегаан-Сагир и Хегаан-Кебир.

[42] Различие между истинными арабами из кочевых племен и *меданами* было сделано еще в 1792 году Нибуром в его путешествиях, и речные лодочники до сих пор с презрительным акцентом отвечают на ваш вопрос: «Это не арабы, это меданы».

[43] Он включает в себя следующие вади: Неджран, Хабуна, Ванан, Моязет, Бедр и обширный Вади Дауасир.

[44] Афладж имеет шесть деревень: Сиах, Лейта, Хурфа, Эй-Раута, Эль-Бедия. Вади Дауасир имеет следующие города: Эль-Хаммам, Эс-Шотибба, Эс-Солей, Тамера, Эд-Дам, Эль-Логф, Эль-Ферра, Эс-Шовейк и Эль-Айатат. (Doughty.) Большинство этих городов не указаны на картах, но поскольку некоторые из них , интересно упомянуть маршрут от Хассы до этого Вади, указанный капитаном Майлзом в письме к Спренгеру (датированном Маскатом, март

1873 г.) и процитированном в его «Alte Geog. Arabiens», стр. 240. «Маршрут из Эль-Хаса в Солайл: Хасса, Хайадж, Хоута, Хилва, Лейла, Харфа, Ронда, Эль-Сих, Бидия, Шитба, Солайл. От Солайла до Руннии три дня пути. Это город, большее, чем Солайл. Племена досири следующие: Эль-Вудайин в Солайле; Эль-Мисахире владеют большинством верблюдов и т. д.; Аль-Хасан в Васите; Бени Говейт; Эль-Хутран в Шитбе; Эль-Шерафа; Эль-Умор, восточная оконечность Вади; Аль-Саад, к западу от Вади; Эль-Шоваедж; Эль-Хамасин; Эль-Кахтан; Хамид; Аль-Амар; Эль-Фарджан в Харфе».

[45] Полное описание их своеобразных верований и спорного происхождения приводится в приложении к книге Бэджера «История Омана».

[46] Талх — это большое дерево с округлыми, редкими листьями и небольшими сухими ягодами в качестве плодов, его ветви широко раскинуты и колючие. Небаа гораздо меньше, хотя и имеет значительную высоту; у него очень маленькие яйцевидные ярко-зеленые листья. Сиди — это небольшое акациевое дерево.

[47] Наши нынешние знания о правительстве, населении, городах и деревнях Неджда мы в основном обязаны следующим путешественникам: капитану Г. Ф. Сэдлиеру из английской армии, который был первым европейцем, пересекшим Аравийский полуостров. (1819) Джордж Уоллин, молодой шведский арабист, путешествуя в 1845 и 1848 годах в качестве мусульманского доктора права, прошел через северную пустыню от Джауфа до Хаила и посетил Медину. Уильям Гиффорд Палгрейв, иезуит, католик, уроженец Англии и ученый, совершил свое знаменитое путешествие через Аравию с запада на восток в 1862-63 годах. В 1864 году смелый итальянский путешественник Гуармани отправился из Иерусалима прямо в Джебель-Шаммар и Анейзу. В 1865 году полковник Пелли, британский резидент в Бушире, совершил важное путешествие в сопровождении доктора Колвилла и лейтенанта Доуса из Кувейта через юго-восточный Неджд в Эр-Рияд, а затем вернулся через Хассу в Оджейр и Бахрейн. Затем Чарльз М. Доути (*facile princeps* среди всех авторитетов и путешественников по Аравии) совершил свои долгие, трудные, зигзагообразные путешествия по северо-западной и северной Аравии с ноября 1876 по август 1878 года. Другим авторитетом по Неджу является леди Энн Блант, которая вместе с мужем посетила столицу страны Ибн Рашида из Багдада в 1883 году.

[48] Если мы помним, что Палгрейв сравнивает глинобитный дворец Фейсула с Тюильри в Париже, утверждает, что великая мечеть Риада может вместить 2000 верующих, и дает ваххабитскому правителю постоянную армию в 50 000 человек, то мы немного убавляем от поэтического описания, чтобы получить сбалансированные факты.

[49] В нашей главе, посвященной арабскому языку, мы увидим, что золотой век арабской литературы пришелся на период непосредственно перед рождением Мухаммеда.

[50] «Мусульманство многое обязано еврейскому царству Саба. Власть сабейских царей простиралась на Мекку, и таким образом еврейские идеи и верования проникли в будущее место рождения Мухаммеда. Этот факт представляет большой интерес для исследователей истории ислама. Эпиграфические свидетельства, представленные нам доктором Глазером, показывают, что возникновение мусульманства не было таким странным и уникальным явлением, как считалось до сих пор. Оно готовилось на протяжении веков. Аравия на протяжении веков была родиной культуры и письменности, и примерно за двести лет до рождения Мухаммеда его соотечественники вступили в тесный контакт с иудейской верой. Будущие исследования, несомненно, полностью объяснят, насколько велик был его долг перед еврейскими учителями Мекки и сабейского царства Южной Аравии» — проф. А. Х. Сейс в газете «*Independent*».

[51] Коэлле, «Мухаммед», стр. 5.

[52] Het Matriarchaat bij de onde Arabieren (1884) и *приложение* к ней в ответ на критику (1885). Гаага.

[53] Смит, «Kinship and Marriage in Early Arabia», стр. 100, 104.

[54] Палмер, «Введение в Коран», стр. xv.

[55] В хронологическом порядке и для полного понимания масштабов христианских идей, распространенных в Аравии, глава о раннем христианстве в Аравии должна предшествовать этой главе об исламе; но по логике вещей эта глава относится к другим главам о миссионерской деятельности. То же самое в некоторой степени относится и к главе о сабеях.

[56] См. стр. 177, 178, где приведены таблицы, показывающие элементы ислама и источники, из которых они были взяты.

[57] Какую бы идею ни могло вообразить ваше сознание, Бог является ее противоположностью.

[60] Коэлле, «Мухаммед», стр. 27.

[61] См. статью «Мухаммеданство и христианство» — д-р Роберт Брюс, *The Christian Intelligencer* (Нью-Йорк), апрель 1894 г.

[62] Даже священные книги Индии, Китая и Древнего Египта в этом отношении выглядят более благоприятно по сравнению с Библией, чем Коран. Они учат о гнусном характере греха как греха и не отрицают необходимости посредника или умилостивительной жертвы, но полны обеих идей.

[63] Хронологическую таблицу арабской истории от древнейших времен до наших дней *см. в Приложении*.

[64] Четыре ортодоксальные секты называются: ханафиты, шафииты, малакиты и ханбалиты. Последняя была основана Ибн Хамбалом в Багдаде в 780 году н. э. Это наименее популярная секта.

[65] Махмал — это крытая носилка, символ королевской власти и суеверного почитания, которую до сих пор отправляют из Каира и Дамаска в Мекку.

[66] Zehm's Arabie, стр. 332.

[67] Сауд умер в возрасте сорока пяти лет в апреле 1814 года от лихорадки в Дерайе. Он был сильным правителем, но судил строго; он был мудрым советником и умело урегулировал споры и устранял разногласия. Из его восьми детей его преемником стал старший сын Абдулла.

[68] История его утомительного преследования и всей жестокости со стороны турок рассказана путешественником Буркхардом, который в то время сам жил в Мекке.

[69] Палгрейв посетил столицу ваххабитов во время правления Фейсула и дает свои обычные живописные описания двора и семейной жизни добродушного тирана. Но необходимо относиться к его рассказам о Риаде *с долей скептицизма*; иезуит-католик не стал бы описывать строгий пуританский образ жизни ваххабитов с каким-либо восхищением. Статистические данные Палгрейва о численности армии Фейсула и населении его владений

совершенно недостоверны и сильно преувеличены. Однако необходимо прочитать Палгрейва, чтобы узнать, в каком состоянии находилась империя ваххабитов в 1860-63 годах, поскольку он является нашим единственным авторитетным источником по этому периоду.

[70] История Мекки под властью этих шерифов подробно изложена Снуком Хургрондже в его книге «Мекка».

[71] Это согласно свидетельству Уолтера Б. Харриса, который находился в Йемене вскоре после восстания.

[72] См. книгу леди Энн Блант «Бедуины Евфрата».

[73] Ежегодник политиков.

[74] Полное описание Перима см. в книге Дж. С. Кинга «Описание и история Перима», Бомбей, 1877 г.

[75] Договоры с арабами пиратского побережья были заключены в 1835, 1838, 1839, 1847, 1853 и 1856 годах; о них мы поговорим позже.

[76] Британский индийский пароход, перевозящий почту, отправляется из Бомбея и Бусры раз в неделю, заходя в промежуточные порты в Персидском заливе после Карачи, а именно: Гвадур, Маскат, Джаск, Бундер-Аббас, Линга, Бахрейн, Бушир, Фао и Мохаммера; путешествие длится две недели, а расстояние, проложенное зигзагом, составляет около 1900 миль.

[77] В недавней статье, прочитанной перед Обществом искусств в Лондоне, г-н С. Э. Д. Блэк из географического отдела Индийского управления приводит другие доводы в пользу осуществимости этого маршрута. — (London *Times*, 7 мая 1898 г.)

[78] *Times* of India, 17 июня 1899 г.

[79]

1. Рас-эль-Хейма — племя Джовасим.
2. Ум-эль-Кауайн — племя Аль-бу-Али.
3. Аджман — племя Аль-бу-Али.
4. Шарка — племя Джовасим.
5. Дебай — племя Аль-бу-фаласал.
6. Абу-Даби — племя Бни Яс.

Все эти племена проживают между Катаром и Рас-эль-Хадом на аравийском побережье. (См. Aitchison, т. VII, № xxvi.)

[80] «Персия» Керзона, т. II, стр. 453.

[81] Следующие племена, проживающие в окрестностях Адена, получают (или получали) ежегодные субсидии от британского правительства:

Племя.	*Примерная численность населения.*
Абдали	15 000
Фадли	25 000
Акраби	800

Субайхи	20 000
Хаушаби	6
Алави	1 500
Амир	30 000
Яффаи	35 000

Таким образом, общая численность населения этих племен составляет 133 300 человек, а общая сумма ежегодного пособия, выплаченного им в 1877 году, составила 12 000 немецких крон. (Хантер, «Аден», стр. 155.)

[82] В замечательной статье *«Новое время»* сообщает о раскрытии Россией «новой британской интриги». Похоже, что Великобритания, не довольствуясь фактической аннексией Египта и Судана, в то же время, реализуя свои планы по поглощению Трансвааля и продвижению своих интересов в Персии, активно занимается созданием мусульманской державы, которая должна соперничать с властью султана и в конечном итоге будет использоваться как средство угрозы, если не уничтожения, российской власти в Центральной Азии. Марионеткой, выбранной для этой цели, является шериф Мекки. Согласно *«Новому времени»*, шериф недавно получил из Англии письмо, в котором говорилось, что британское правительство, решив возложить на одного достойного, но неимущего мусульманского шейха халифат Зейлы на границе Сомалиленда и признавая шерифа потомком Пророка и великим защитником ислама, считает желательным, чтобы шериф в день назначения нового халифа издал манифест, выражающий его одобрение. В обмен на эту услугу Великобритания провозгласит Мекку и Медину частной собственностью шерифа, обеспечит ему большую часть доходов нового халифата и будет защищать его дипломатическими средствами или даже силой оружия от вмешательства султана или любой другой иностранной державы. Пожалуй, нет нужды говорить, что автором этой интриги, как говорят, является г-н Чемберлен, которого описывают как человека «без веры, без правды, способного попрать ногами любую заповедь, будь то Божью или человеческую, чтобы достичь своей цели — поставить Великобританию во главе мировых держав». — *Times* of India, 1899.

[83] Он говорит об этом следующим образом в своей Histoire des Langues Semitques, стр. 342: «Этот язык, ранее неизвестный, внезапно предстает перед нами во всем своем совершенстве, с его гибкостью, его бесконечным богатством, настолько полным, что с тех пор и до наших дней он не претерпел никаких значительных изменений. У него нет ни детства, ни старости; как только было отмечено его появление и его удивительные достижения, все о нем было сказано. Я не знаю, можно ли найти другой пример языка, появившегося в мире таким образом, без архаичной стадии, без промежуточных этапов и проб».

[84] Фон Кремер, Гуиди, Хоммель.

[85] Сэйс, Шпренгер, Шрейдер, Де Гое, Райт.

[86] Ассирийская грамматика, стр. 13.

[87] Описание этого языка или диалекта было дано хирургом Х. Дж. Картером в Journal Roy. Asiat. Soc., июль 1847 г.

[88] Лансинг.

[89] Найдено в *Edinburgh Review* за июль 1866 г., статья «Mohammed».

[90] «Чтобы перечислить все религиозные, литературные и научные вклады миссионеров в арабский язык в Сирии, понадобился бы длинный список. Они включают перевод Священного Писания и его стереотипирование в различных стилях; подготовку руководства по Священному Писанию, комментариев, конкорданса и полного сборника гимнов и мелодий; учебники по истории, алгебре, геометрии, тригонометрии, логарифмам, астрономии, метеорологии, ботанике, зоологии, физике, химии, анатомии, физиологии, гигиене, лекарственным средствам, практике медицины, хирургии, а также периодическую литературу, которая послужила стимулом для развития очень обширной местной журналистики. Протестанты, обращенные миссией и получившие образование от миссионеров, написали подробные труды по истории, поэзии, грамматике, арифметике, естествознанию, а также стандартный словарь языка и энциклопедию, которая сама по себе составляет библиотеку, состоящую из около двадцати томов по шестьсот-восемьсот страниц каждый». — *Д-р Г. Э. Пост, в New York Evangelist*.

[91] Быт. 25:16.

[92] В *Edinburgh Review*, июль 1866 г.

[93] «Международные маршруты Азии», Элизе Реклю, в New York *Independent*, 4 мая 1899 г.

[94] Смит, «Родство и брак в ранней Аравии», стр. 9, 17, 131.

[95] О том, чему могут учиться мальчики и девочки в городах, мы рассказали в главе о Мекке.

[96] Это свидетельство Буркхардта и Доути.

[97] «Пустынная Аравия», т. I, стр. 238.

[98] Перевод из Mekka, т. II, стр. 187.

[99] Подробности см. в книге Буркхардта.

[100] Означает «Аллах».

[101] Комментарий Байдави *в том же месте*.

[102] О древних суевериях и идолопоклонстве, которые все еще практикуются, см. книги У. Робертсона Смита «Религия семитов» и «Родство и брак в древней Аравии». Множество чисто мусульманских суеверий можно изучить в таких книгах, как «Арабские ночи» и «Современные египтяне» Лейна.

[103] Эта глава является расширением статьи «Звездопоклонники Месопотамии», прочитанной в Викторианском институте, Адельфи-Террас, Лондон, 1897 г.

[104] Кесслер.

[105] Сура II. 59; V. 73; XXII. 17

[106] По мнению Гезениуса, сабеи должны быть *цабиями* от *tsabaoth*, «небесное воинство». Нёльдеке и другие считают, что это слово происходит от корня *subba* — «мыть, крестить» и относится к способу их поклонения. Гиббон, возможно, прав, когда, опираясь на авторитет Покока, Хеттингера и Д'Эрбело, он так объясняет происхождение их другого имени:

«Небольшое влияние Евангелия превратило последних остатки халдейских многобожников в христиан Святого Иоанна в Буссоре».

Что касается их названия *«сабеи»*, то в арабском словаре Лейна говорится, что оно происходит от корня, означающего «тот, кто перешел из одной религии в другую». Арабы называли пророка *ас-Саби*, потому что он перешел из религии корейшей в ислам. Насореи — это название, данное им некоторыми авторами. По словам Петермана, они сами дают это звание только тем из своих, кто отличается характером или знаниями. Оно, несомненно, происходит от [греч. Nazôrãioi], ранней полухристианской секты Сирии.

[107] Единственной грамматикой этого языка является подробная *«Мандейская грамматика»* неутомимого ученого Нёльдеке. Однако одним из больших недостатков этой книги является то, что в ней повсеместно используются *ивритские* символы, а не мандейские.

[108] Левит xiv. 4-7, 49-53.

[109] Ср. Иов xxxi. 26-28.

[110] Первое печатное и переведенное издание *Сидра Рабба* было выполнено Маттом Норбергом (Копенгаген, 1815-16), но, как говорят, оно настолько несовершенно, что совершенно бесполезно с критической точки зрения; Петерман воспроизвел парижские рукописи в двух томах в Лейпциге в 1867 году. Помимо *Сидры Раббы* существуют: *Сидра д'Яхья* или Книга Святого Иоанна, также называемая *Драше д'Малек* (беседа короля); *Диван*; *Сидра Нешмата*, или книга душ; и, наконец, книги зодиака под названием *Асфар Малваши*. За исключением *небольшой* части *Сидра Рабба*, найденной в недавно опубликованном Брандтом *Mandäische Schriften* (1895), все вышеперечисленное все еще ожидает критического изучения и редактирования.

[111] См. историю гностического учения, особенно учения офитов и сефиан. Все злодеи Ветхого Завета, во главе с Каином, были представлены как духовные герои. Иуда Искариот был представлен как единственный знающий истину. Я не нахожу подробного описания змея в сабейской системе; это может быть объяснено иначе.

[112] Гиббон.

[113] Коран Сейла.

[114] Галатам i. 17.

[115] Галатам i. 18; Деяния ix. 9, 25.

[116] Многие другие, в том числе Хиларий, Иероним, Феодорит и окуменские комментаторы, по словам Роулинсона (Св. Павел в Дамаске и Аравии, стр. 128), придерживались того же мнения. Портер, и не только он среди современных авторов, высказывает ту же точку зрения в своей книге «Пять лет в Дамаске» ( ) и предполагает, что успех Павла был достаточно велик, чтобы вызвать враждебность Ареты и заставить его присоединиться к более поздним гонениям.

[117] «Kinship and Marriage in Early Arabia», стр. 214.

[118] Коран, сура VII, 71.

[119] «Пустыня Исхода», стр. 50.

[120] Деяния xvii. 26.

[121] Деяния xvii. 29.

[122] Деяния Апостолов, 17:31.

[123] Деяния Апостолов, 17:25.

[124] Деяния Апостолов, 20:20, 27.

[125] Райт, «Раннее христианство в Аравии», 1855.

[126] «Христианские исследования» Бьюкенена.

[127] Райт, стр. 77.

[128] Последнюю версию его жизни можно найти в книге Нёльдеке «Очерки восточной истории» (Лондон, 1892).

[129] Райт, стр. 144.

[130] Куртц, «История церкви», т. I, стр. 386.

[131] См., однако, *«Христианство в Китае, Татарии и Тибете»* аббата Юка, т. I, с. 88 (Нью-Йорк, 1857). Он говорит о христианах в Неджране еще в X веке.

[132] См. «Краткая история миссий» Смита. Пероке, «Жизнь Раймунда Лулла» (1667). Лоу де Вита Рай. Лулл (Галле, 1830). Хельферих Раймунд Лулл (Берлин, 1858). Dublin *Univ. Mag.*, т. LXXVIII, с. 43, «Его жизнь и творчество».

[133] Милосердный Боже, сотворивший всех людей и не ненавидящий ничто из сотворенного Тобой, не желающий смерти грешника, но скорее его обращения и жизни: помилуй всех евреев, *турок*, неверных и еретиков, и избавь их от невежества, жестокости сердца и презрения к Твоему Слову, и приведи их домой, благословенный Господи, к Твоему стаду, чтобы они были спасены среди остатка истинных израильтян и стали одним стадом под одним Пастырем, Иисусом Христом, Господом нашим, который живет и царствует с Тобой и Святым Духом, единым Богом, во веки веков. Аминь.

[134] «Жизнь Генри Мартина», Джордж Смит, C. I. E., LL. D., (1892) стр. 226.

[135] Дневник г-на Энтони Н. Гровса, миссионера в Багдаде. (Лондон, 1831 г.)

[136] «Жизнь Мартина» Джорджа Смита, стр. 563.

[137] В 1876 году, после смерти доктора Уилсона, мистер и миссис Стотерт из Миссии Свободной Церкви организовали поездку по Персидскому заливу до Багдада. Они были глубоко впечатлены духовными нуждами всей Восточной Аравии. По дороге они продавали Священное Писание, а по возвращении обратили внимание на нужды Багдада. В течение двадцати пяти лет эти два миссионера каждый понедельник возносили особую молитву за Восточную Аравию!

[138] *Church Missionary Intelligencer* за май и июнь 1887 года.

[139] Генерал также опубликовал отчет о своем путешествии по Йемену с географической точки зрения в *Geographical Journal*, т. IX, с. 479. См. также *The Missionary Review of the World*, октябрь 1895 г.

[140] «Распространение миссионерской деятельности со времени Реформации» — Грэм, стр. 19. «Жизнь и письма преподобного А. Стерна».

[141] О работе и опыте Ван Тассела см. «North Africa» (21 Linton Road, Barking, London), т. за 1890 г., стр. 4, 21, 43, 59, 78; т. за 1891 г., стр. 2, 14, 27, 31 и 50.

[142] Маккей из Уганды, его сестра, (Нью-Йорк, 1897) стр. 417-430 приводит статью в полном объеме.

[143] Текст этой резолюции приводится в начале главы тридцать пятой.

[144] См. «Memorials of the Hon. Ion Keith Falconer» — Роберт Синкер (6-е издание, Кембридж, 1890) и «Ion Keith Falconer, Pioneer in Arabia» — преподобный А. Т. Пирсон, доктор богословия (октябрь 1897, *Missionary Review of the World*).

[145] «Калила и Димна, или Басни Бидпая», И. Г. Н. Кит Фальконер, Кембридж, 1885.

[146] «Жизнь и переписка Т. В. Френча, первого епископа Лахора», автор — преподобный Роберт Биркс (Мюррей, Лондон, 1895). 2 тома.

[147] Письма были опубликованы в *Church Missionary Intelligencer* за май и июль 1891 года.

[148] Убедительная просьба о принятии миссии Церковью была высказана преподобным Дж. А. Дэвисом в журнале *«Christian Intelligencer»*, Нью-Йорк, 18 сентября 1889 г.

[149] Об этой встрече с генералом Хейгом он рассказал в статье, опубликованной в London *Christian* (июнь 1891 г.).

[150] Проблема мусульманской миссии — Х. Х. Джессап, доктор богословия, 1879 г.

[151] Том II, стр. 503-529.

[152] Заметки об исламе: справочник для миссионеров. — Преподобный Артур Бринкман. Лондон, 1868 г.

[153] Перепечатано в «North Africa» (апрель 1892 г.) под названием: *«Проповедь, а не полемика»*.

[154] История Церковного миссионерского общества, т. II, стр. 155.

[155] «Мусульманская полемика» и другие статьи — сэр У. Мьюр, Эдинбург, 1897 г.

[156] *Missionary Review*, октябрь 1893 г., стр. 727, в статье «С. Н.».

[157] «Христианство, ислам и негритянская раса», Э. В. Блайден, Лондон, 1888.

[158] Миссии на Суматре, д-р А. Шрайбер, «Северная Африка», май 1896 г.

[159] Быт. 12:3, 18:8, 22:18, 26:4, 28:14; Чис. 14:21; сорок три псалма; Исаия 2:2, 18 и т. д.; Иеремия iii. 17; Дан. vii. 13, 14; Иоиль ii. 28; Иона, iii., iv.; Михей v. 4; Ав. ii. 14; Соф. ii. 11; Аг. ii. 6, 7; Зах. ix. 10, xiv. 9; Мал. i. 11.

[160] См. Исаия 35:1-3, 40:3, 41:19, 43:19, 51:3; Иезекииль 34:25, 47:8; Пс. 72:9 и т. д.

[161] По мнению Гезениуса, это Суэц, в то время как Кейл отождествляет его с Джифаром, местом в северо-западной части Аравии, недалеко от Египта.

[162] Сравни Рим. 4:11 и Гал. 3:17.

[163] Быт. xxi. 9-22.

[164] Быт. 25:11-18 и 1 Пар. 1:28.

[165] Исаия 21:13-17 и Иеремия 49:28-33.

[166] См. Библейский словарь Смита.

[167] Ср. Исход xxiii. 31 и Втор. xi. 24.

[168] *The Christian Intelligencer* (Нью-Йорк), 15 марта 1899 г.

[169] См. библиографии Палестины и Сирии с упоминанием о кочевой жизни; также Д. Ислам.

[170] См. также список в книге Гилмана «Сарацины».

[171] См. отчеты Британского и зарубежного библейского общества о распространении Священного Писания; *ежемесячный журнал «Free Church of Scotland Monthly»* с отчетами миссии Кита Фалконера; *«Church Missionary Intelligencer»*, 1887, т. XII, стр. 215, 273, 346, 408; *Missionary Review of the World*, 1892-1899, октябрьские номера, и *Record of the American Bible Society*, 1898-1900.